

JACQUELINE CAREY

# KUSHIEL



ROMAN

## DAS ZEICHEN

LYX

*Земля Ангелов — страна непревзойденной красоты и величия. По легенде, ангелы, придя на эту землю, нашли ее прекрасной и гостеприимной... и раса, произошедшая от семени ангелов и людей, с давних пор живет по одному простому правилу: "Люби по воле своей".*

*Федра но Делоне — девушка, рожденная с красным пятнышком в левом глазу. Ребенком проданная в кабалу, она была перекуплена Анафиэлем Делоне, знатным господином с особой миссией. Именно он первым понял, кто такая его подопечная: отмеченная Стрелой Кушиэля, избранная находить в боли величайшее наслаждение. Федра в равной мере постигала и придворные манеры, и искусство плотской любви, но превыше всего развивала способность наблюдать, запоминать и анализировать. Став столь же талантливой шпионкой, как и куртизанкой, Федра сталкивается с заговором, угрожающим незыблемым устоям ее родины. И обнаруженное предательство толкает ее на путь правды, любви и чести. Путь, который приведет ее на грань отчаяния... и даже заставит преступить эту грань. Ненавистный друг, любимый враг, обожжаемый убийца — в этом мире все они носят одинаково блестящие маски, и Федре выпадет единственный шанс спасти все, что ей дорого.*

*Мир льстивых поэтов, хищных придворных, героических изменников и поистине макиавеллиевских злодеев — это и есть "Стрела Кушиэля", роман о блеске, роскоши, жертвенности, предательстве и искусной паутине заговора. Со времен "Дюны" еще не было эпической саги такого размаха — прекрасной повести о жестоком умерщвлении старой эпохи и о рождении новой.*

---

**Жаклин Кэри**

**Стрела Кушиэля. Редкий дар**

# Глава 1

Вы ошибетесь, если сочтете меня нежеланным ребенком, рожденным вне брака в сожителстве похотливых крестьян и проданным в служение в пору неурожая. Могу заверить, что я появилась на свет в Доме и получила надлежащее воспитание при Дворе Ночи, однако счастья мне это не прибавило.

Мне трудно обижаться на родителей, я отчасти даже завидую их беспечности. Когда я родилась, никто не подсказал им, что они нарекли своего первенца именем, приносящим неудачу. Они назвали меня Федрой, не зная, что имя это эллинское и вдобавок проклятое.

Заметьте, что и сразу после моего рождения у них еще имелись причины надеяться на лучшее. Мои глаза тогда еще не полностью раскрылись и были неопределенного цвета, да и внешность младенцев непостоянна и меняется чуть не каждую неделю. Светлые локоны впоследствии могут обернуться черными как ночь кудрями, молочная бледность — смениться янтарным отливом, и так далее. Но когда чудесное преображение завершилось, несчастье стало очевидным.

Я родилась с изъяном.

Конечно, дело не в том, что мне не хватало красоты, даже в детстве. В конце концов, я родом из Земли Ангелов, а с тех самых пор, как Благословенный Элуа ступил на землю нашего честного народа и назвал ее своим домом, весь мир знает, каковы ангелийцы. Нежные черты моего лица воспроизводили в миниатюре материнские. Кожа, слишком светлая для канона Дома Жасмина, тем не менее была вполне приемлемого оттенка слоновой кости. Волосы, вившиеся в очаровательном беспорядке, цветом напоминали соболий мех в сумерках, и не один Дом счел бы их достоинством. Руки и ноги были ровными и точеными, а кости — изящными, но прочными.

Нет, изъян заключался в другом.

Он крылся в моих глазах, причем даже не в обоих, а только в одном.

Сущая мелочь, которая определила всю мою судьбу. Всего лишь точка, крапинка, крохотная цветная мушка. Будь она другого оттенка, возможно, все повернулось бы иначе.

Утратив младенческую переменчивость, мои глаза приобрели тот цвет, который поэты именуют бистровым — глубокий, переливчатый и темный, словно лесной пруд в тени древних дубов. За пределами Земли Ангелов, возможно, мои глаза назвали бы карими, но языки, на которых изъясняются вне границ нашей страны, чрезвычайно бедны, когда речь заходит об описании красоты. Итак, бистровый цвет, бездонный, подобный жидкому мраку, вот только в левом глазу на радужке возле черного зрачка выделялась цветная крапинка.

И она была красной, но красный — слишком тусклый эпитет для описания этой метки. Правильнее назвать ее алой или багряной: она была краснее бородки петуха или глазированного яблока во рту жареного поросенка.

Вот так я и вошла в мир: с приносящим неудачу именем и глазом, отмеченным кровавой точкой размером с булавоный укол.

Моя мать звалась Лилианой де Суврен. Она была посвященной Дома Жасмина, и ее род издревле служил Наамах. Мой отец — совсем другое дело — был лишь третьим сыном крупного торговца, и деловая хватка, принесшая моему деду заслуженный почет в Городе Элуа, оказалась растрчена в семени, от которого родились на свет старшие братья моего отца. Жизнь каждого из нас троих, наверное, сложилась бы лучше, если бы страсть привела

отца к двери другого Дома, например, Брионии, чьи посвященные сызмальства учатся хитрости в обращении с деньгами.



Но Пьер Кантрель обладал невеликим умом и был одержим безмерной страстью, и потому, когда мошна на поясе распухла от монет, а мошонка между ног — от семени, он поспешил в Дом Жасмина, чувственный и праздный.

И там, конечно же, во время отлива разумных мыслей и прилива огня к чреслам, он и потерял свое сердце.

Со стороны это могло выглядеть по-другому, но Двор Цветов, Распускающихся в Ночи, — который только провинциальные пейзажи называли иначе, нежели Двором Ночи — жил по целому своду трудных для понимания чужака законов и правил. Так и должно было быть, поскольку мы — странно, что я до сих пор употребляю «мы» — служили не только самой Наамах, но и великому Парламенту, потомкам Элуа и его Спутников, а иногда даже королевскому дому. О да, мы были востребованы сыновьями и дочерьми королевского рода, и гораздо чаще, чем королевский дом готов это признать.

Сторонние наблюдатели говорят, будто посвященных Двора Ночи разводят как породистый скот, чтобы рождались дети, соответствующие критериям определенного Дома. Это не так, или, во всяком случае, наши союзы ничем не хуже других браков, устроенных по политическим или корыстным соображениям. Мы женимся ради эстетики, это правда; но на моей памяти никого не заставили соединиться с неприятным ему или ей партнером. Это было бы нарушением заповедей Благословенного Элуа.

Но да, мои родители на самом деле плохо подходили друг другу, и когда отец попросил руки матери, дуэйна Дома Жасмина была вынуждена отказать. И неудивительно, поскольку моя мать являлась образцовой представительницей своего Дома: с медовой кожей, черными волосами и темными глазами, похожими на черные жемчужины. Отец же отличался бледностью, шевелюрой цвета льна и мутно-голубыми глазами. Кто мог предсказать, каким окажется плод такого союза?

Ущербным как я, конечно, что доказывает правоту дуэйны. Глупо отрицать очевидное.

Так как отец не смог получить возлюбленную, достигнув соглашения с Двором Ночи, он уговорил ее бежать. Мать была вольна это сделать, так как закончила свой туар в девятнадцать лет. Воспользовавшись позвякивающими в кошельке отца монетами, милостью деда и матушкиным приданым, заработанным после окончания туара, они улизули.

Уверена, хотя мне и не представилось случая поинтересоваться у них самих (с четырех лет я больше никогда не видела своих родителей), что они надеялись произвести на свет идеальное дитя, сокровище Дома, которое дуэйна примет с распростертыми объятиями, дабы холить и лелеять, учить любить Благословенного Элуа и служить Наамах. Надеялись, что когда я закончу свой туар, Дом выделит моим родителям десятину. Уверена, именно так они и думали.

Наверняка, мечтать о таком будущем и приближать его любовникам было приятно.

Двор Ночи не склонен к излишней жестокости, и на время родов Дом Жасмина приютил мою мать. Неутвержденному мужу содержания из казны Дома не полагалось, но брак признали и смирились с ним, так как обряд был проведен по всем правилам перед лицом деревенского жреца Элуа. Если бы планы новобрачных сбылись, если бы моя внешность и зарождающийся характер соответствовали критериям Дома Жасмина, меня оставили бы там, чтобы вырастить для служения. Если бы я удовлетворяла требованиям какого-то другого Дома — как почти и получилось, — тамошняя дуэйна уплатила бы залог за мое воспитание до десяти лет: в этом возрасте меня официально приняли бы в новый Дом. В любом из этих вариантов мать смогла бы обучать новых посвященных и получать пенсию в счет моего туара. Так как мощна моего отца, как бы щедро он не изливал страсть, не наполнилась золотом, именно на такой исход мои родители и рассчитывали.

Но, когда стало очевидно, что красная точка в моем глазу — явление постоянное, дуэйна подвела черту. Я неполноценна. Ни один из тринадцати домов не принимал в посвященные людей с изъянами. Родителям сообщили, что Дом Жасмина не согласен оплачивать мое содержание и, если моя мать желает остаться, она обязана обеспечивать нас обеих, служа Наамах, а не выступая в роли наставницы.

Пусть отец был небогат, он умел чувствовать, и гордость была одним из чувств, которые им владели. Он взял мою мать в жены и желал, чтобы она угождала только ему, а не возлагала свои прелести на алтарь Наамах. Пьер Кантрель вымолил у своего отца разрешение сопровождать торговый караван в Каэрдрианский Союз и, взяв с собой мою мать и двухлетнюю меня, отправился искать удачи.

Думаю, неудивительно, что после долгого изматывающего пути, на протяжении которого отец заключал сделки и с разбойниками, и с солдатами-наемниками — которые мало различались, так как Тиберий пал и дороги утратили безопасность, — караван потерпел убытки. Каэрдрианцы больше не правили империей, но превратились в ушлых торговцев.

Поэтому два года спустя мы вернулись на родину с грузом воспоминаний о всевозможных тяготах и почти без гроша. Конечно, я мало что помню. Лучше всего в памяти отложилось дорога, ее запахи и цвета, и один из наемников, который взял на себя обязательство охранять меня — выходец из племен Скальдии, северянин из тех, кто больше вола и уродливее греха. Мне нравилось дергать его за вислые усы; это его забавляло, а меня смешило. С помощью окситанского языка и искусной жестикуляции он втолковал мне, что у него есть жена и дочь моего возраста, по которым он скучает. Когда пути наемников и нашего каравана разошлись, я тосковала по своему великану еще много долгих месяцев.

О родителях я отчетливо помню только то, что они много времени проводили вместе и очень любили друг друга, но мной почти не занимались. В дороге отец не имел свободной минуты, защищая честь своей благоверной. Едва кто-то углядел, что спина моей матери украшена туаром Наамах, предложения стали поступать каждый день, и некоторые из них

подкреплялись приставленным к горлу ножом. Но Пьер берег добродетель своей Лилианы ото всех, берег для себя. Когда мы вернулись в Город, у нее уже начал расти живот.

Неудачливому караванщику, не утратившему мужества, хватило безрассудства молить своего отца об еще одной попытке. Пьер утверждал, что маршрут был слишком долог, караван плохо снаряжен, а сам он до глупости наивен в вопросах торговли, но, усвоив урок, он сумеет поймать удачу за хвост. На сей раз мой дед, достопочтенный торговец, выставил жесткое условие. Он согласился дать моим родителям второй шанс, если те расплатятся за товар из собственного кармана.

Что еще им оставалось делать? Полагаю, другого выхода не было. Помимо умений моей матери, которыми отец не разрешал торговать, я была их единственным имуществом. Справедливости ради, родители не допускали мысли о продаже меня в служение на открытом рынке. До этого все равно дошло бы, но я сомневаюсь, что мои мать и отец были способны заглянуть так далеко. Нет, вместо этого моя мать, которую в конце концов я должна за это благословить, набралась мужества и вымолила аудиенцию у дуэйны Дома Кактуса.



Из всех тринадцати Домов расцветающий в ночи Кактус всегда был первым. Более шестисот лет назад его основал Энедьель Винтесуар, и с тех пор началась история Двора Ночи. Со времен Винтесуара ведется обычай, что дуэйн Дома Кактуса представляет Двор Ночи в городском суде; а еще рассказывают, что некоторые дуэйны этого Дома имели привилегию советовать королю.

Скорее всего, так и было; многое из того, что я впоследствии узнала, подтверждает истинность этих слов. Во времена своего основателя Дом Кактуса служил только Наамах и потомкам Элуа. С тех пор дело разрослось, и в пору своего расцвета Двор Ночи предлагал свои услуги также и буржуа, вроде моего отца. Но в любом случае дуэйна Дома Кактуса всегда оставалась грозной фигурой.

Как всем известно, красота человека отличается особой пронзительностью при приближении холодной руки смерти, когда становится очевидной неизбежность увядания. Подобным эфемерным очарованием и славился Дом Кактуса. В дуэине угадывалось лишь призрачное эхо былой прелести, блиставшей в лучшую пору ее жизни. Точно так же засушенный цветок сохраняет форму, но он хрупок, ломок и лишен аромата. В природе, когда приходит срок, цветок склоняет головку на стебель и увядает. Но иногда, опадая, увядшие лепестки обнажают твердое нутро.

Именно такой и была Мириам Бусевр, дуэйна Дома Кактуса. Тонкая и сухая пергаментная кожа, белые от седины волосы, но глаза... ах! Она неподвижно сидела на стуле, прямая, как семнадцатилетняя юница, и сверлила нас взглядом серых, словно сталь, глаз.

Помню, как я стояла в мощном мрамором внутреннем дворике, цепляясь за руку матери, пока та, заикаясь, рассказывала о своей нелегкой доле. Наваждение истинной любви, побег, жестокое решение дуэйны ее Дома, неудачная затея с караваном и заключенная со свекром сделка. Помню, что мать с любовью и восхищением говорила об отце, свято веря, что следующее вложение, следующее предприятие, принесет ему богатство. Помню, как срывающимся, но храбрым голосом она ссылалась на годы собственного служения, на заповедь Благословенного Элуа: *Люби по воле своей*. И, наконец, помню, как фонтан ее красноречия иссяк, и дуэйна шевельнула одной рукой. Не всей ладонью, нет — всего лишь двинула парой унизанных кольцами пальцев.

— Подведи ко мне ребенка.

Мы послушно приблизились к ее креслу — мама дрожала, а я, как ни странно, не испытывала страха, которому обычно подвержены дети в самые неподходящие моменты. Дуэйна приподняла окольцованным пальцем мой подбородок и пристально изучила черты лица.

Неужели мне не почудилось некое сомнение, когда взгляд ее упал на алую точку в моем левом глазу? Даже теперь я в этом не уверена, но как бы то ни было, старуха быстро восстановила самообладание. Она опустила руку и вновь перевела взгляд на мою мать, терпеливую и покорную.

— Джена сказала правду, — произнесла дуэйна. — Эта девочка не годится к служению в Тринадцати Домах. Но она привлекательна и, будучи воспитанной при Дворе, может принести значительную сумму. Принимая во внимание годы твоего служения, я предложу тебе неплохую цену.

Услышав названную сумму, мать рядом со мной затрепетала от восторга. Этот трепет при всяком волнении был ее отличительной чертой.

— Благословенная леди... — начала она.

Сверля нас ястребиным взором, дуэйна знаком приказала просительнице замолчать.

— Вот мои условия, — беспощадно произнесла она. — Вы никому об этом не расскажете. Когда надумаете обзаводиться жильем, поселитесь за пределами Города. Для всего мира ребенок, которого ты родишь через четыре месяца, станет вашим первенцем. Мы не потерпим слухов, будто Дом Кактуса приютил нежеланного отпрыска шлюхи.

На этих словах до меня донесся потрясенный вздох матери, и я увидела, как глаза старой дамы удовлетворенно сощурились. «Так вот, значит, кто я, — подумала я тогда. — Нежеланный отпрыск шлюхи».

— Это не... — попыталась возразить мама.

— Таково мое предложение. — Дребезжащий голос был безжалостен. «Она продаст меня этой жестокой старухе!» — угадала я, и меня охватил ужас. Даже тогда, прежде не ведавшая этого чувства, я безошибочно его распознала. — Мы будем воспитывать девочку как одну из наших детей, пока ей не исполнится десять, и разовьем в ней любые способности, какие она проявит. Цена ее выкупа будет внушать уважение. Вот что я предлагаю тебе, Лилиана. Можешь ли ты обещать своей дочери то же самое?

Мама стояла, держа меня за руку, и вглядывалась в мое поднятое к ней лицо. Таково мое последнее воспоминание о ней: красивые темные лучистые глаза, мечущиеся, словно ускользая от моего взгляда, и наконец остановившиеся на моем левом глазу. Сжимая ее пальцы, я чувствовала, как мама сдерживает дрожь.

— В таком случае, берите ее. — Выпустив мою руку, мама сильно меня толкнула. Я



упала ничком, привалившись к креслу дуэины. Та пошевелилась лишь затем, чтобы потянуть за шелковый шнурок сонетки. Где-то вдалеке раздались переливы серебряных колокольчиков, из-за ширмы бесшумно вышла одна из посвященных, легко подняла меня на ноги, взяла за руку и увела. Уходя, я оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на мать, но ее голова оставалась склоненной, а плечи подрагивали, словно от беззвучных рыданий. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь витражи, отбрасывали зеленые блики на цветы и подсвечивали голубым черную как смоль копну материнских волос.

— Идем, — ласково поторопила меня посвященная голосом прохладным и струящимся, как проточная вода. Подчиняясь, я доверчиво посмотрела на нее. Она была порождением Дома Кактуса, бледным и хрупким. Я очутилась в другом мире.

Так стоит ли удивляться, что я стала такой, какой стала? Делоне утверждает, что тогда свершилось предназначенное мне судьбой, и, возможно, он прав, но одно я знаю точно: когда от меня отказалась Любовь, сжалилась надо мной Жестокость.

Я помню, как открыла для себя боль.

Жизнь в Доме Кактуса быстро затянула меня в свой ритм, неизменный и бесконечный. Детей в Доме жило немного: помимо меня четверо, чья судьба была уже оговорена. Я делила комнату с двумя девочками. Обе они были хрупкими и тихими, с манерами, подобными изысканному фарфору. У старшей, Жюльетты, к семи годам золотистые волосы начали отливать медью, и предполагалось, что ее туар купит Дом Георгина.

Присущие ей сдержанность и серьезность делали Жюльетту идеально подходящей к служению именно там.

Младшая, Эллин, очевидно предназначалась Дому Кактуса. Ее отличали изящная хрупкость и призрачная бледность — кожа была такой светлой, что когда Эллин закрывала глаза, веки выглядели голубоватыми, а ресницы словно веерами ложились на нежные щеки.

У меня с ними было мало общего.

Как и с остальными: с истинно красивым Этьеном, сводным братом Эллин — мальчиком со светло-золотистыми кудрями херувима, или с Калантией, даже невзирая на ее веселый нрав. Всех этих детей хорошо здесь знали, стоимость их туаров уже подсчитали, а их будущее было предопределено. Они родились в утвержденном союзе и предназначались к служению если не родному Дому, то какому-нибудь другому.

Поймите, дело не в том, что я обижалась или завидовала. Годами я жила на особенном положении — это даже приятно и ни к чему не обязывает — в обществе других детей. Посвященные держались по-доброму и по очереди учили нас основам знаний: поэзии, пению, игре на музыкальных инструментах, а также умению разливать вино, готовить к приему гостя спальню и прислуживать за столом, радуя глаз сотрапезников. Мне разрешалось присутствовать на этих занятиях при условии, что я никогда не буду поднимать глаз.

Я была тем, чем была — нежеланным отпрыском шлюхи. Если для вас это звучит грубо, вникните в то, что я узнала в Доме Кактуса: Благословенный Элуа от этого любил меня не меньше. В конце концов, кем был он сам, если не нежеланным отпрыском шлюхи? Мои родители не позаботились преподать мне основы вероучения, целиком поглощенные рапсодией мирских хлопот. А в Доме Кактуса даже детям предоставлялась возможность изучать религию.

Священник, брат Лувель, приходил каждую неделю и, скрестив ноги, сидел с нами в детской и делился святым учением. Я любила учителя за красоту: длинные светлые волосы, заплетенные в шелковистую косу, и глаза цвета океанских глубин. Да, он был посвященным Дома Горечавки, пока покровитель не выкупил его туар, тем самым даровав юноше свободу следовать его эзотерическим мечтам. Проповедовать детям было одной из них. Помню, он сажал нас к себе на колени, по очереди или по двое, и мечтательным голосом рассказывал старинные предания.

Так я и узнала, сидя на коленях бывшего посвященного, как явился в этот мир Благословенный Элуа.

Когда Иешуа бен Иосиф умирал на кресте, жестокий тиберийский солдат пронзил его бок копьем. Потом Иешуа сняли с креста, и женщины принялись

оплакивать его, а больше всех — Магдалина. Она даже накрыла его неподвижное нагое тело волной своих рыжевато-золотистых волос. И горькие соленые слезы Магдалины оросили землю, уже влажную от пролившейся крови Мессии.

И от этого слияния скорбящая Земля породила своего самого драгоценного сына, Благословенного Элуа, наиболее чтимого из ангелов.

С детским восторгом я, разинув рот, слушала рассказы брата Лувеля о странствиях Элуа.

Иешуиты ненавидели его и считали скверной, а тиберийская империя преследовала как потомка врага. Поэтому Элуа беспрестанно странствовал, минув огромные пустыни и покинутые края. Презираемый Единственным Богом, от крови чьего сына был порожден, Элуа шел и шел босиком по груди своей матери-Земли и на ходу пел, и там, куда ступали ноги его, распускались цветы.

В Персисе его захватили в плен, но Элуа лишь с улыбкой качал головой, а по стенам его темницы вились лозы, пока пленника заковывали в цепи. Слухи о странствиях Элуа дошли до самого Рая, и когда Благословенного заточили за решетку, некоторые из ангелов ответили на его зов. Решившись пойти против воли Единственного Бога, они спустились на землю в древний Персис.

Среди спасителей была и Наамах, старшая сестра, которая с улыбкой явилась к шаху и, опустив очи долу, предложила ему себя в обмен на свободу Элуа. Очарованный ею, властитель принял предложение, и до сих пор передается из уст в уста легенда о ночи шахских наслаждений. Когда дверь темницы Элуа открыли, оттуда заструился аромат цветов и сам Внук Божий вышел, напевая, в венке из виноградных лоз.

Вот поэтому, как объяснил брат Лувель, мы и боготворим Наамах, и считаем служение ей священным долгом.

После освобождения шах предал Элуа и его соратников. Их угостили крепким вином, в которое подмешали валериану. А пока ангелы спали, их погрузили на корабль без руля и без ветрил. Но, проснувшись, Элуа запел, и создания из морских глубин отозвались и помогли ладье переплыть море.

Корабль тогда пристал к берегам Бходистана. Наамах и другие ангелы последовали за Элуа, не зная и не желая знать, следит ли за ними Всевидящее Око Единственного Бога. Где бы они ни шли, они пели и вплетали в волосы цветы, что распускались под взглядом Элуа. В Бходистане люди жили по древним обычаям: поклонялись множеству богов, каждый из которых требовал своего. Но в непредсказуемом отношении этого народа к чужакам часто проскальзывало сочувствие. Приверженцы старых богов увидели в новоприбывшем свет и не причиняли вреда Благословенному, хотя и не следовали за ним, и потому он бродил и пел, а местные жители жестами желали ему мира и отворачивались. Когда Элуа голодал, Наамах за деньги возлегала с незнакомцами на рынке.

Из Бходистана путь Элуа проследовал на север, и очень долго Внук Божий шагал суровыми каменистыми тропами. И ангелы, и земные создания заботились о нем, иначе он бы непременно погиб.

Мне нравились северные истории, особенно про орла из Тирокского ущелья, который каждое утро перелетал высоченные утесы и горы льда, чтобы зависнуть над головой Элуа и уронить ему в рот ягоду.

В темных лесах глубинных земель Скальдии друзьями Благословенного стали волки и вороны. Но жившие там дикие люди не вняли ему, а продолжили размахивать жуткими топорами и призывать своих богов, обожавших кровь и железо. И Элуа пошел дальше, и там, куда он ступал, из мерзлой земли и камней пробивались подснежники.

Наконец он пришел в Землю Ангелов, у которой тогда не было названия — в красивый и плодородный край, где росли оливки, виноград и дыни и благоухала цветущая лаванда. И вот там люди с распростертыми объятиями приняли его, идущего по полям, и ответили ему песней.

Такова правда про Элуа и про Землю Ангелов, землю, где я родилась и которой принадлежу всей душой. Триста лет Благословенный Элуа и те, кто последовал за ним — Наамах, Анаэль, Азза, Шемхазай, Камаэль, Кассиэль, Эйшет и Кушиэль — прожили здесь. И все они, кроме Кассиэля, следовали заповеди Внука Божьего, которую напомнила дуэине моя мать: *Люби по воле своей*. Так Земля Ангелов стала такой, какая она сейчас, и мир познал ангелийскую красоту, впрыснутую в кровь здешних родов семенем Благословенного и его Спутников. Только Кассиэль остался верен наказу Единственного Бога и отказался от смертной земной любви ради любви божественной, но Элуа тронул его сердце, и Кассиэль навеки остался подле него как брат.

Брат Лувель рассказал нам, что было дальше.

Между тем Единственный Бог думал только о смерти своего сына, Иешуа бен Иосифа, и о пути избранного им народа. У божеств время идет не так, как у смертных, и между двумя мыслями Бога могут родиться, прожить и умереть три поколения людей. Когда радостные песни ангелийцев достигли его ушей, он обратил взор на Землю Ангелов, на Элуа и тех, кто сбежал с небес, дабы последовать за ним. Единственный Бог послал на землю грозного архангела, чтобы тот вернул беглецов и заставил Элуа предстать перед троном деда. Но Благословенный встретил посланца улыбкой, подарил поцелуй мира, надел на шею венки из цветов и наполнил бокал сладкими винами, и растерянный глава божьего воинства вернулся к владыке с пустыми руками.

Тогда Единственный Бог понял, что его увещевания не действуют на Элуа, в чьих венах текла красная хмельная кровь его матери-Земли, переданная ему через земное лоно и слезы Магдалины. Но по той же причине Элуа оставался смертным, и потому рано или поздно должен был умереть. Единственный Бог долго думал и в конце концов послал к Элуа и его Спутникам не Победоносца, а архангела-глашатая.

«Если вы останетесь здесь и будете любить по воле своей, потомство ваше заполонит всю Землю, — молвил посланник. — А этого допустить нельзя. Вернитесь же мирно и встаньте по правую руку Господа своего, и все будет прощено».

Брат Лувель был хорошим рассказчиком: говорил мелодичным голосом и знал, где сделать паузу, чтобы слушатели затаили дыхание, жаждая узнать, что будет дальше. Как же ответил Элуа? Мы сгорали от нетерпения.

И учитель удовлетворил наше любопытство, продолжив повесть.

Благословенный Элуа улыбнулся глашатаю и, повернувшись к своему верному соратнику Кассиэлю, протянул руку за ножом. Взяв оружие, он чиркнул лезвием по ладони, порезав ее. Яркая кровь заструилась по пальцам и пролилась на землю, и там, куда упали багряные капли, зацвели анемоны.

«Мой дедушка Небо лишен крови, — сказал архангелу Элуа, — а я полон ею. Пусть он предложит лучшее место, где мы сможем любить, петь и жить так, как нам хочется, и куда с нами смогут пойти наши дети и их дети, и я отправлюсь туда».

Глашатай помолчал, дожидаясь ответа Единственного Бога.

«Такого места нет», — наконец произнес он.

И в этот миг случилось такое, чего до той поры не бывало много-много лет и больше уже не повторялось. Наша мать-Земля заговорила со своим бывшим мужем, Единственным Богом, и вот что она сказала: «Мы можем сотворить такое место, ты и я».

Так и была создана подлинная Земля Ангелов, недоступная смертным. В ее Жемчужные врата смертные могут войти, только миновав Медные, ведущие из мира живых. Благословенный Элуа и его Спутники покинули землю, не проходя через Медные врата, а устремившись сразу в Жемчужные: в волшебную новорожденную страну, которая простиралась за ними.

Но нельзя забывать, что нашу родину Внук Божий полюбил первой, и мы храним дарованное им название и чтим Элуа и память о нем с гордостью и любовью.

В день, когда рассказ о житии Элуа должен был закончиться, брат Лувель принес нам подарки: букетики анемонов для каждого, которые следовало приколоть к карманам длинными булавками. Анемоны были насыщенного красного цвета, который, как я думала, символизировал настоящую любовь, но священник объяснил, что этот цветок — символ единения и человеческой крови, которую Элуа пролил из-за своей любви к земле и ангельскому народу.

Я решила погулять по двору Дома Кактуса, чтобы обдумать полученный в тот день урок. Мне тогда шел седьмой год, и я, как и остальные воспитанники, гордилась приколотым к платью букетиком анемонов.

В прихожей Приемной собирались приглашенные посвященные, чтобы подготовиться к смотринам. Мне нравилось заходить туда, чтобы насладиться изысканной атмосферой суеты и скрытой напряженности, воцарявшейся, когда посвященные готовились состязаться друг с другом за внимание гостей. Не то чтобы открытое соперничество поощрялось — любую демонстрацию своенравия сочли бы неподобающей. Но состязательный дух все равно присутствовал и частенько выливался в мелкие пакости: подмененные кошачьей мочой духи во флаконе, растрепанные ленты, порванные наряды, срезанные каблуки туфелек. Я никогда не становилась тому свидетельницей, но возможность подобных проделок постоянно витала в воздухе.

Тот день выдался тихим, в прихожей ждали только две посвященные, которых уже пригласили для определенного посетителя. Я, стараясь держаться незаметнее, устроилась около маленького фонтана в углу и попыталась представить себя одной из избранных. Будто бы я спокойно ожидаю, когда возлягу с посетителем. Но при мысли о том, чтобы отдаться незнакомцу, меня охватило ужасающее возбуждение. Как говорил брат Лувель, Наамах переполнилась мистической чистотой духа, когда возлегла с шахом Персиса, и это повторялось всякий раз, когда она продавала себя незнакомцам на рынке.

Но такова история в Доме Горечавки, а в Алиссуме, например, утверждают, будто Наамах до дрожи стеснялась своего поступка, тогда как в Бальзамнике считают, что она пошла на это спокойно, исключительно из милосердия. Я все это знала, потому что подслушивала разговоры посвященных. В Брионии уверены, что за ночь любви ей щедро заплатили и это главное, а в Камелии — что ее обнаженное совершенство на две недели ослепило шаха, и, ведомый необъяснимым страхом, он и решился предать Наамах. В Георгине убеждены, будто она царственно снисходила, а в Сирени — что купалась в любви как в лучах солнца, которое озаряет и лачуги нищих, и палаты властителей. В Доме Жасмина, в котором я родилась, верят, что Наамах испытывала чувственное наслаждение, а в Доме Орхидеи считают, будто она просто развлекалась. Шиповник придерживается мнения, что она очаровала шаха мелодичностью своего пения и гибкостью своего тела. Не скажу, как объясняет ее поведение Валериана, потому что о двух Домах, удовлетворяющих самые грубые желания посетителей, мне мало что известно, хотя про Мандрагору я однажды слышала, что по их легенде Наамах выбирала мужчин как жертв и жестоко порола, доводя до безумного удовольствия и оставляя пресыщенными и полумертвыми.

Я много чего подслушала, когда посвященные, не подозревая, что я рядом, принимались гадать, какой Дом купил бы мой туар, не окажись я с изъязом. Хотя у меня часто менялось настроение, как и у любого ребенка, я не отличалась ни особой скромностью, ни веселостью, ни величавостью, ни хитростью, ни страстностью — в общем, ни единым качеством, благодаря которому один из Домов смог бы признать меня своей. Вдобавок, похоже, я не была одарена талантом ни к стихосложению, ни к пению. Вопрос так и повис в воздухе, но именно в тот день, как мне кажется, мое предназначение стало предельно ясно.

Подаренный братом Лувелем букетик анемонов растрепался, и я вытащила булавку, чтобы привести его в порядок. Булавка была длинной, острой и очень блестящей, с круглой перламутровой головкой. Я сидела у фонтана и восхищалась ею, забыв об цветах. Думала об учителе, о его красоте и как я отдамся ему, когда вырасту и обрету женственность. Думала о Благословенном Элуа, о его долгих скитаниях и о его поразительном ответе посланнику Единственного Бога. Пролитая Внуком Божьим кровь может — кто знает? — течь в мои собственных жилах, вдруг поняла я и вознамерилась на нее посмотреть. Повернув левую руку ладонью вверх, правой я крепко сжала булавку и воткнула острие в плоть.

Оно скользнуло под кожу с удивительной легкостью. Секунду я почти не чувствовала боли, но потом она расцвела, словно анемон, в точке, куда погрузилась булавка. Рука запела в агонии, а по нервам пробежал манящий перебор. Ощущение было мне незнакомым: одновременно приятным и пугающим, до ужаса сладостным — совсем как когда я воображала возлегающую с незнакомцами Наамах, только еще лучше, еще острее. Я вытащила булавку и зачарованно уставилась на то, как из крохотного прокола выступила капелька крови, алая жемчужинка на ладони, подобная пятнышку в моем глазу.

Тогда я не заметила, что одна из посвященных углядела меня, ахнула и отправила

служанку прямиком за дуэиной. Завороженная болью и тоненькой струйкой крови, я не видела ничего вокруг, пока на меня не упала тень.

— Итак, — произнесла дуэина и вцепилась морщинистой клешней в мое левое запястье, дабы вывернуть руку и изучить ладонь. Булавка выскользнула из моих пальцев, а сердце бешено заколотилось от испуга. Пронзающим взглядом дуэина посмотрела мне в глаза и увидела в них восторг наслаждения.

— Значит, ты рождена для Дома Валерианы, а? — В ее голосе слышалось мрачное удовлетворение. — Отправьте гонца тамошнему дуэину и передайте ему, что у нас есть кандидатка, которой пойдет на пользу правило о смирении в боли. — Взгляд серо-стальных глаз снова впился в мое лицо и замер на левом глазу. — Нет, погодите. — Что-то блеснуло в ее зрачках — неуверенность? — что-то нераспознаваемое. Она выпустила мое запястье и отвернулась. — Пошлите за Анафиэлем Делоне. Скажите, что у нас есть для него кое-что любопытное.

Почему я сбежала накануне назначенной встречи с Анафиэлем Делоне, который когда-то был властелином всего королевского двора, а сейчас — возможным покупателем моего туара?

На самом деле, точно не скажу, но во мне всегда жило стремление к опасностям — просто из любви к замысловатым сюжетам, ради мурашек по коже или воображаемого наказания, кто знает? Я сошлась с одной судомойкой, и та показала мне грушевое дерево в саду за кухней. Оно росло вплотную к стене, и, если забраться на него, оттуда можно было перемахнуть через ограждение.

Я знала, что о встрече уже договорено, так как за день до смотрин дуэйна предупредила меня о предстоящих приготовлениях. О да, как шептались посвященные, меня умастят, словно для принца: вымоют, причешут и украсят.

Конечно, ни один из них мне не объяснил, кто такой Анафиэль Делоне и почему я должна радоваться, что он придет на меня взглянуть. Разумеется, сейчас я не думаю, что кто-то из тех посвященных владел всей правдой. Но дуэйна Дома Кактуса произносила имя моего первого посетителя с неизменным почтением и тем самым задавала тон для всех собравшихся под ее рукой.

Итак, подгоняемая восторгом и испугом, я помчалась прочь.

Здрав юбки до талии, я без труда вскарабкалась на грушевое дерево и ловко спрыгнула с другой стороны стены, не получив ни царапины. Дом Кактуса, как и сейчас, стоял на вершине холма над Городом Элуа. Забор защищал обособленное здание, и ничто, кроме аромата садов, не отличало эту резиденцию от прочих особняков, протянувшихся до самого центра города. Как и у других Домов, на наших воротах имелась неброская эмблема, по которой посетители определяли, куда они пришли. Три года я жила внутри этих стен и теперь, оказавшись снаружи, с разинутым ртом смотрела на открывшуюся в низине чашу Города в кольце отлогих холмов. Река, будто палаш, пересекала долину пополам, а большое строение, поблескивающее в свете солнца, конечно, было Дворцом.

Мимо промчалась карета с задернутыми шторами, но кучер успел мазнуть по мне цепким вопрошающим взглядом. Я поняла, что если и дальше не двинусь с места, кто-нибудь мной заинтересуется: наверное, подозрительное зрелище — одинокая девочка в дамастовом платье с перехваченными лентами темными кудряшками. А едва следующий экипаж остановится, это услышат за стеной, и в мгновение ока кто-то из гвардии дуэйна выйдет, заметит меня и уведет обратно в Дом.

Элуа родился нежеланным ребенком Магдалины, и чем он занимался? Скитался, скитался и скитался по земле. И, решив последовать примеру Благословенного, я начала спускаться с холма.

Чем ближе я подходила к Городу, тем больше, казалось, он от меня отдалялся. Широкие манящие аллеи, вдоль которых тянулись деревья и ворота особняков, мало-помалу сменялись узкими извилистыми улочками. Там обитали люди победнее тех, кого я привыкла видеть. Тогда я не знала, что под Моннуи, горой Ночи, где располагались Тринадцать Домов, находились заведения для развлечений более низкого пошиба: кафе, завсегдатаями которых были поэты и аристократы с плохой репутацией, дешевые бордели, берлоги художников, подозрительные аптеки и конурки гадателей. Этот небезопасный район традиционно



придавал остроты визитам знати в Двор Ночи.

Было утро, хотя солнце встало уже высоко. Я жалась к домам, ошеломленная шумом и суетой. Надо мной женщина перегнулась через балюстраду и вылила ведро прямо на улицу. Вода брызнула мне на ноги, и я отпрыгнула, глядя, как она стекает под уклон, образуя ручейки между бульжниками мостовой. Мужчина, спешно покидавший некое заведение без вывески, чуть не налетел на меня и выругался.

— Поберегись, кроха! — резко прикрикнул он и поспешил дальше по улице, стуча каблуками по камням. Я заметила, что его брюки измяты и застегнуты неаккуратно, словно надетые в спешке, а капюшон мантии вывернут наизнанку. Все посетители Дома Кактуса уходили от нас отдохнувшими и ухоженными, выпив напоследок бокал бодрящего вина или наливки; но ни один из завсегдатаев Двора Ночи не пришел бы скоротать досуг в наряде из бумазеи.

За следующим углом обнаружилась небольшая приятно затененная деревьями площадь с фонтаном в центре. Был базарный день, торговцы гомонили, перекрикивая друг друга. Я сбежала, не захватив ни крошки, и от вида и запаха еды желудок миглом напомнил об этом упущении. Я остановилась у лотка торговли сладостями, привлеченная ее драже и марципанами, и рассеянно взяла миндальную конфету.

— Раз потрогала, плати! — раздался резкий голос старухи. Испугавшись, я уронила лакомство и подняла глаза на торговку.

Несколько мгновений она яростно сверлила меня взглядом. Багровое лицо, дюжий крестьянский костяк, скрытый под слоем жира, наверняка наеденного за приготовлением товара. Дрожа, я посмотрела ей в лицо и увидела под суровой массивной оболочкой душу, способную сострадать, и мой страх почти пропал.

Но рассмотрев мои глаза, она переменилась.

— Дьявольское семя! — Старуха вскинула похожую на булку руку и указала на меня пухлым пальцем. — Нечестивый отметил это дитя!

Никто не говорил мне, что жители округи у подножия Моннуи жутко суеверны. Торговцы начали оборачиваться и тянуть ко мне руки, чтобы схватить. В ужасе я ринулась вперед. К несчастью, путь преградил лоток с персиками, который я тут же опрокинула. Спотыкаясь на раскатившихся фруктах, я поползла под навес. Что-то неприятно хлюпнуло под левым локтем, и в воздухе разлился приторный запах раздавленных персиков. Зеленщик гневно завопил, несясь ко мне из-за перевернутого лотка.

— Пст! — из-под соседнего прилавка высунулось маленькое чумазое личико мальчишки примерно моего возраста. Улыбаясь — темная кожа подчеркивала белизну зубов, — он поманил меня смуглой рукой.

Я как могла быстро поползла по усеянной фруктами земле. Почувствовала, как лопнул шов, когда кто-то схватил меня за подол платья, а я вырвалась. Мой юный спаситель не терял времени и шустро торил мне проход, юрко пластаясь под сдвинутыми прилавками. В моих жилах горел азарт, и когда мы наконец вырвались из рынка, поднялись на ноги и припустили прочь, мне казалось, что сердце вот-вот взорвется от восторга.

Несколько мужчин помоложе нерешительно попытались нас преследовать, но сдались, едва мы нырнули в лабиринт узких улочек. Но мы все равно продолжали улепетывать без оглядки, пока мой проводник не решил, что опасность миновала: он шмыгнул в дверной проем и всмотрелся в улицу позади нас.

— Отцепились, — с облегчением выдохнул он. — Они слишком ленивы, чтобы

пробежать больше одного квартала или улицы, разве только стащить у них что-то большое, вроде окорока. — Он повернулся ко мне и присвистнул сквозь зубы. — У тебя в глазу пятнышко, как кровинка. Это из-за него раскудахталась та старая квочка?

После трех лет в окружении бледных и томных обитателей Дома Кактуса этот мальчик показался мне привлекательно экзотичным. Его кожа была темной как у бходистанца, глаза — черными и веселыми, а смоляные кудри свисали до самых плеч.

— Да, — подтвердила я и, потому что сочла его красивым, спросила: — Ты из какого Дома?

Он присел на корточки.

— Я живу на рю Куполь, рядом с храмом.

Крыльцо было пыльным, но мое платье испачкалось еще больше, поэтому я собрала подол вокруг колен и села на ступеньку.

— Моя мама происходила из Дома Жасмина. У тебя вроде их цвета, да?

Он коснулся вплетенных в мои волосы лент.

— Милые тряпицы. Можно выручить несколько медяков на рынке. — Тут его глаза чуть не вылезли из орбит. — Так ты со Двора Ночи!

— Да, — кивнула я, но тут же поправилась: — Нет. Из-за пятнышка в глазу меня хотят продать.

— Не свезло. — Мальчик на секунду задумался над моими словами. — Я тсыган, — чуть погодя сказал он, буквально раздуваясь от гордости. — Уж мама-то моя точно тсыганка. Она гадает на площади каждый день, кроме базарных, и берет на дом стирку. Гиацинтом меня кличут.

— Федра, — представилась я.

— Где ты живешь?

Я указала на холм — точнее, туда, где он по моему представлению находился; в лабиринте улочек я совсем заблудилась.

— Ого. — Гиацинт втянул воздух и цокнул языком. От него вполне терпимо пахло немытым телом. — Хочешь, отведу тебя домой? Я знаю все улицы в Городе.

В эту секунду мы оба услышали быстрый и целеустремленный стук копыт, отличающийся от обычного городского шума. Мальчик попытался было удрать, но преследователи уже пустили коней прямо на нас. Двое гвардейцев дуэины в ливреях Дома Кактуса: сумеречно-синих с легкой позолотой.

Меня поймали.

— Ты, — раздраженно рыкнул один из гвардейцев. Черты лица парня были правильными и красивыми — в гвардию Дома Кактуса зачисляли с оглядкой не только на боевое мастерство, но и на пригожесть. — Ты рассердила дуэину и обозлила торговцев, дрянная девчонка. — Одной рукой в перчатке он поднял меня за шиворот. Я беспомощно болтала ногами. — Хватит озоровать.

Он усадил меня в седло перед собой и развернул коня. Глянул на напарника и мотнул головой, наверное, в сторону дома. Гиацинт между тем выбрался на мостовую в опасной близости от конских копыт, и второй гвардеец, выругавшись, замахнулся на него кнутом.

— Прочь с дороги, грязное тсыганское отродье.

Мальчик увернулся от удара бича с легкостью, отточенной годами практики, и несколько шагов пробежал за сорвавшимися в галоп лошадьми.

— Федра! — крикнул он. — Возвращайся, давай еще встретимся! Помни, рю Куполь!

Я изогнула шею, стараясь высунуться из-за обтянутой синем мундиром груди гвардейца, чтобы в последний раз посмотреть на нового друга — мне было грустно от него уезжать. Несколько счастливых минут тсыган Гиацинт был мне настоящим другом, а ведь до того со мной никто никогда не дружил.

\* \* \* \* \*

Вернувшись в Дом Кактуса, я обнаружила, что впала в немилость. Меня лишили привилегии прислуживать на вечерних развлечениях и отправили в комнату без ужина, хотя попозже добросердечная Эллин тайком принесла в салфетке кусочек бисквита.

Утром за мной пришла посвященная по имени Сурия. Высокая и светловолосая, именно она взяла меня за руку в тот памятный первый день в Доме Кактуса, и мне нравилось думать, что она мне благоволит. Посвященная отвела меня в купальню, расплела косы и терпеливо и бдительно ждала, пока я плескалась в глубоком мраморном бассейне.

— Сурия, — спросила я, подойдя к ней для проверки, — а кто такой Анафиэль Делоне и зачем я могу ему понадобиться?

— У тебя от волос смердит уличным рагу. — Сурия аккуратно развернула меня и налила на макушку шампунь, пахнувший чем-то неуловимо-сладким. — Милорд Делоне известен при королевском дворе. — Тонкими пальцами она взбила пену, которая чудесным образом остудила кожу головы. — А еще он поэт, и это все, что я знаю.

— Какие стихи он пишет? — Покоряясь Сурии, я нырнула и под водой принялась мотать головой, чтобы смыть пену. Когда я вынырнула, посвященная умело подобрала мои волосы и осторожно отжала лишнюю воду.

— Такие, что любой из Дома Шиповника покраснел бы.

Сейчас я улыбаюсь, вспоминая, как тогда возмутилась. Делоне тоже посмеялся, когда я повторила ему тот разговор.

— Так он сочиняет непотребные вирши? То есть, меня наряжают как гусыню, чтобы продать какому-то заляпанному семенем писаке, который одной рукой держит перо, а другой орудует у себя в штанах?

— Уймись, — остановила меня Сурия и, замотав в полотенце, вытерла досуха. — Откуда ты набралась таких слов? Нет, серьезно, говорят, он великий поэт или был таковым. Но он обидел лорда, возможно, даже члена королевской семьи, и теперь больше не смеет сочинять, а его старые стихи запрещены. В этом, вроде, заключалось основное условие его освобождения, Федра, но я доподлинно не знаю всей истории. Ходят слухи, будто когда-то он был любовником какой-то очень могущественной особы, и его имя до сих пор известно при дворе, многие и теперь его боятся. Вот и довольно с тебя. Обещаешь хорошо себя вести?

— Да. — Я заглянула за ее плечо. Вырез на спине был достаточно глубоким, так что мне удалось увидеть туар — нанесенные иголкой туарье затейливые узоры из бледно-зеленых виноградных лоз и темно-синих цветов, спускающиеся по позвоночнику. Рисунок был почти закончен. Еще один-два подарка от поклонников, и все. Вытатуировав последний цветок на затылке в качестве финального аккорда, Сурия завершит обязательное служение. После этого ее долг Наамах и дуэине сочтется выполненным, и она будет вольна покинуть Дом Кактуса, если пожелает, или остаться, отчисляя часть своих заработков Дому. Ей было девятнадцать, совсем как моей матери, когда та отработала свой туар. — Сурия, а кто такой тсыган?

— Один из бродяг, тсыганского народа. — Проводя гребнем по моим мокрым кудрям, она скорчила презрительную гримасу, такую, при которой не образуются неприятные

морщинки. — А тебе-то что?

— Да так. — Я замолчала, отдаваясь ее заботливым прикосновениям. Если гвардейцы дуэйны ничего не рассказали, не стану и я, так как утаивание чего-то от взрослых — почти единственная власть, на обладание которой смеет надеяться ребенок.

В должное время меня привели в порядок и подготовили к встрече с Делоне. Так как я была слишком маленькой, меня, конечно, не стали красить, но чистую кожу слегка припудрили, а вымытые блестящие волосы увили лентами. Отвести меня в приемную явился сам Джарет Моран, заместитель дуэйны. Я благоговейно сжала его руку и засеменила рядом с провожатым. Он даже улыбнулся мне раз или два.

Встреча проходила не во внутреннем дворике, а в гостиной дуэйны — богато обставленной комнате, где было удобно и беседовать, и отдыхать.

Перед двумя креслами на полу лежала молитвенная подушечка. Войдя в комнату, Джарет выпустил мою руку и скользнул на свое место подле кресла дуэйны. Я едва успела мельком взглянуть на две сидящие фигуры, прежде чем принять должное положение — благолепно встать перед ними на колени. Я узнала в одной из фигур дуэйну; что до Анафиэля Делоне, то перед тем, как опуститься на колени со склоненной головой и молитвенно сложенными руками, я успела отметить лишь его высокий рост и каштановые волосы с рыжеватым отливом.

Долгое время в комнате царил тишина. Я сидела на пятках, соединив ладони перед собой, и всеми фибрами души желала поднять голову, но не осмеливалась.

— Милая девушка, — наконец послышался скупающий голос — насыщенный мужской тенор, поставленный, но без модуляций, которые дозволялось демонстрировать только знатым особам. Теперь-то я это знаю, поскольку Делоне научил меня прислушиваться к таким тонкостям. А тогда мне просто показалось, что я ему не понравилась. — И описанный вами инцидент интригует. Но я не вижу в ней ничего такого, что заинтересовало бы меня сверх обыкновенного, Мириам. У меня уже два года как есть ученик, и второго я не ищу.

— Федра.

Услышав властный голос дуэйны, я вскинула голову и широко распахнутыми глазами уставилась на распорядительницу Дома Кактуса. Она с еле заметной улыбкой смотрела на Делоне, и я тоже перевела взгляд на него.

Анафиэль Делоне сидел в непринужденной позе, томно откинувшись на спинку кресла, и, подперев одной рукой подбородок, задумчиво изучал меня. Он был красив ангелийской красотой, высок и строен, а в опущенных длинными ресницами серых глазах мелькали искорки топаза. Волосы были приятного рыжегато-каштанового цвета, и для визита к нам он выбрал темно-коричневый бархатный дублет. Единственное украшение — витая золотая цепь. В разрезах красновато-коричневых рукавов поблескивал шелк цвета топаза. Длинные ноги, обтянутые коричневой тканью, лениво вытянуты, и пятка одного начищенного сапога опиралась на носок другого.

И при более пристальном взгляде на меня его нога со стуком соскользнула на пол.

— Яйца Элуа! — Делоне хрипло рассмеялся, чем напугал меня. Я заметила, как Джарет и дуэйна обменялись быстрыми взглядами. Одним непринужденным элегантным движением Делоне выпростался из кресла, опустил передо мной на одно колено и взял мое лицо в ладони. — Знаешь ли ты, какой отметины удостоена, малышка Федра?

Его голос стал нежным, а большие пальцы гладили мои щеки в опасной близости к глазам. Я дрожала в его руках как пойманный в капкан кролик, который желает... желает,

чтобы пленитель сделал что-то... что-то ужасное, и одновременно боится, что великан так и поступит — и коченеет от раздирающих эмоций.

— Нет, — выдохнула я.

Делоне убрал руки, на секунду ободряюще прикоснулся к моей щеке и встал.

— Стрела Кушиэля, — пояснил он и засмеялся. — Да у вас тут *ангуиссетта*, Мириам, настоящая *ангуиссетта*. Посмотрите, как она дрожит даже сейчас, раздираемая страхом и возбуждением.

— Стрела Кушиэля. — В голосе Джарета слышались нотки неуверенности. Дуэйна неподвижно сидела с хитрым выражением лица. Анафиэль Делоне прошел к столику и, не дожидаясь приглашения, налил себе бокал наливки.

— Стоило лучше хранить архивы, — усмехнулся он и более низким голосом зарокотал:

*— Могучий Кушиэль, секущий бесперечь,  
Последним Медных Врат избечь сумел.  
И смертным избранным глаза не уберечь  
От жал кровавых неотвратных стрел.*

Снова нормальным голосом Делоне добавил:

— Заметки на полях Жития Элуа в пересказе Лесно, конечно.

— Конечно, — сдержанно пробормотала дуэйна. — Премного благодарна, Анафиэль. Жан-Батист Марэ из Дома Валерианы порадуетя, узнав об этом.

Делоне приподнял бровь:

— Ни в коем случае не берусь утверждать, что посвященные Дома Валерианы неумехи в искусстве принимать боль, Мириам, но сколько лет под их крышу не ступала нога настоящей *ангуиссетты*?

— Пожалуй, немало.

Ее голос сочился медом, но было ясно, что так дуэйна дело не оставит. Я наблюдала за ней, замороженная и забытая. Мне отчаянно хотелось, чтобы верх одержал Анафиэль Делоне. Он возложил на меня свои руки поэта и изменил саму мою суть, превратив уничижающий мою жизнь изъян в поистине драгоценную жемчужину. Только Мелисанда Шахризай смогла вот так же с первого же взгляда распознать, кто я на самом деле, но это случилось позже и при других обстоятельствах. И пока я не сводила с Делоне глаз, он небрежно пожал плечами.

— Отдадите ее Марэ, и она пропадет понапрасну, став очередной игрушкой для битья, забавляющей неуклюжих сыновей торговцев. Я же могу создать из нее столь редкий инструмент, что принцы и королевы сочтут за честь играть на ней прелестную музыку.

— Вот только у вас, помнится, уже есть ученик.

— Совершенно верно. — Делоне залпом допил наливку, поставил стакан на стол, прислонился к стене, сложил руки на груди и улыбнулся. — Но я склонен, ради Стрелы Кушиэля, рассмотреть возможность взять еще одного. Вы уже назначили цену ее туара?

Дуэйна облизнула губы, и я возликовала, увидев, что она боится торговаться с ним, совсем как моя мать боялась говорить с ней. На этот раз, озвучивая сумму, голос ее прозвучал неуверенно.

Цена была высокой, выше, чем любой другой выкуп за все мои годы в Доме Кактуса. Я

услышала, как Джарет с тихим присвистом втянул в себя воздух.

— Идет, — тут же ответил Анафиэль Делоне и с беспечным видом выпрямился. — Мой слуга завтра же утром подготовит документы. До десяти лет она будет, согласно обычаю, воспитываться здесь, верно?

— Как пожелаете, Анафиэль, — кивнула ему дуэйна. Даже из своего коленопреклоненного положения я заметила, что она гневно прикусила щеку изнутри, наверное, сочтя, что назначила низкую цену, раз Делоне даже не соизволил поторговаться. — Мы пошлем за вами в десятую годовщину ее рождения.

Вот так и решилось мое будущее.

Жизнь во Дворе Ночи проходила за закрытыми дверями, и я бы с радостью покинула его с Анафиэлем Делоне сразу после заключения сделки, если бы поэт мне это позволил, но пока что он не хотел меня. Я была слишком мала.

Мне предстояло поступить в услужение к другу королевского двора, и это обязывало сделать честь Дому Кактуса, поэтому дуэйна распорядилась, чтобы мне дали достойное образование. В мое расписание добавили чтение и ораторское искусство, а на восьмой год жизни я даже начала изучать основы каэрдианского наречия — языка ученых.

Никто, конечно, не собирался делать из меня школяра, но, по слухам, Делоне в молодости несколько лет провел в Тиберийском университете и изрядно там просветился. Нельзя было допустить, чтобы он столкнулся с невежеством в лице воспитанницы Дома Кактуса.

К удивлению наставников, мне нравилось учиться, и порой я даже проводила свободные часы в архивах, пытаюсь распутать хитросплетения каэрдианской поэзии. Меня увлекли сочинения Фелиция Долофила, который с радостью лишил себя мужского естества ради любви своей подруги, но застав меня с этой книгой, Джарет велел ее отложить. Похоже, Делоне условился, чтобы меня передали ему в таком чистом и непорочном состоянии, какое только возможно сохранить, воспитывая ребенка при Дворе Ночи.

Если он желал, чтобы я совсем ничего не знала о плотской любви, то сильно опоздал. К семи годам я усвоила — пока в теории — очень многое об искусстве служения Наамах. Посвященные сплетничали, а мы подслушивали их разговоры. Например, о королевском ювелире, чьи изделия украшали шеи знатнейших придворных дам, а сам же он предпочитал очаровательных юниц, чьи тела прельщали исключительно природными совершенствами. Или о прославившемся своими прозорливыми вердиктами судьбе, который дал тайный обет удовлетворить за одну ночь больше женщин, чем Благословенный Элуа. И об одной знатной даме, которая открыто признала себя иешуиткой и, дабы защититься от гонений, день и ночь не отпускала от себя красивого мужественного телохранителя, но в его обязанности входила не только охрана; а другая титулованная леди славилась своим хлебосольством и для пышных приемов постоянно нанимала прислужниц, в совершенстве освоивших искусство составления букетов и плотского убажания ртом.

К подобным пустым сплетням и сводились мои познания, но я считала себя глубоко осведомленной, даже не подозревая, сколь скуден мой запас сведений. За стенами Двора Ночи происходило множество событий: крутились шестеренки, менялась политика, — а мы в своем пристанище обсуждали только вкусы того или иного завсегдатая и соперничество с другими Домами. Я была слишком мала, чтобы воспринять новость о гибели дофина в битве на границе Скальдии, но помню, хотя довольно смутно, как скончалась его вдова. Тот день объявили траурным, поэтому мы вплели в волосы черные ленты и закрыли для посетителей ворота Дома Кактуса.

Я тогда жалела маленькую принцессу, дофину. Она была моего возраста и вдруг оказалась круглой сиротой, у которой из родни остался только мрачный дедушка-король. «Однажды, — мечтала я, — придет прекрасный принц и спасет ее, а в другой раз Анафиэль Делоне придет на помощь и мне».

Вот о такой чепухе я и думала, поскольку никто поблизости не обсуждал ни выгоды, ни

потери, ни политические комбинации, ни возможность отравления, ни таинственное исчезновение королевского виночерпия, ни загадочную улыбку слуги с новой серебряной цепью на шее. Об этом и о многом другом я узнала уже от Делоне. Подобные сведения, в общем-то, не представляли интереса для служителей Наамах. Мы были цветами, распускающимися в ночи, которые увядали от лучей солнца и уж тем паче от миазмов политики.

Посвященные благоразумно воздерживались от чреватых последствиями разговоров, а дуэи Тринадцати Домов, что бы они не думали, ни с кем не делились опасными умозаключениями, преследуя исключительно собственную выгоду. Ничто так не портит праздные удовольствия, как чрезмерная осведомленность, а именно на праздных удовольствиях и зиждилось бытие Двора Ночи.

Немногими полезными сведениями, которые мне все же перепали (за исключением крох вроде той, что на мужском теле есть двадцать семь, а на женском — сорок пять мест, пробуждающих при правильном на них воздействии безудержное желание), со мной поделились люди низшего сословия: кухарки, судомойки, лакеи и конюхи. Проданная или нет, я не имела статуса в Доме Кактуса, и слуги относились ко мне почти как к равной.

И у меня был друг — один, но настоящий — Гиацинт.

Да, можете не сомневаться, однажды испробовав на вкус сладость свободы и последующей поимки, я стремилась упиться ею снова и снова.

По меньшей мере раз в сезон — а летом и не единожды — я незаметно перебиралась через стену и уходила одна. С вершины холма, где располагался Двор Ночи, я спускалась в цветистый фартук Города Элуа, раскинувшийся у подножия Моннуи, и там обычно отыскивала Гиацинта.

Помимо подворовывания товаров у рыночных торговцев, чем он занимался в основном из любви к искусству и страсти к риску, мой друг подвизался посыльным и на этом поприще неплохо зарабатывал. В Сенях Ночи (так местные называли свой квартал) постоянно кипели какие-то интриги, ссорились любовники и сражались на дуэлях поэты. За медный сантим Гиацинт доставлял записки, а за бóльшие суммы становился глазами и ушами заказчика, которому шустро докладывал о всем происходящем окрест.

Вслед мальчишке летели беззлобные проклятья, но он считался счастливчиком, поскольку — при первой встрече Гиацинт сказал мне правду — его мать была единственной тсыганской гадалкой в Сенях Ночи. Еще более смуглая, чем ее постреленок, с глубоко запавшими глазами, она всегда обвешивалась золотом: в ушах покачивались золотые кольца, а шею обвивала цепь с золотыми дукатами. Гиацинт объяснил, что у тсыган принято носить на себе все свое богатство.

Много позже я узнала то, о чем друг умолчал: сородичи изгнали его мать, когда та почтила Наамах с мужчиной не из своего племени — тсыгане, кстати, не поклоняются Благословенному Элуа, и я так до конца и не поняла, в чем суть их религии. Гиацинт был рожден на улице презренной отщепенкой, и родные его никогда бы не признали. Но его мать все равно следовала обычаям своего народа, и я на самом деле верю, что она обладала даром *дромонда* — способностью развеивать завесу над будущим. Однажды я своими глазами видела, как один набирающий известность художник позолотил гадалке руку, чтобы та прочитала хитросплетение линий на его ладони. Тсыганка предсказала, что он сам лишит себя жизни, и художник посмеялся над ней, но уже в следующую мою вылазку в Сени Ночи Гиацинт рассказал, что бедняга отравился ядовитыми красками, смачивая кончик кисти



языком.

Такой была моя тайная жизнь, неведомая обитателям Дома Кактуса. Конечно, гвардейцы дуэйны знали, где меня искать; если проказника Гиацинта не удавалось легко отследить, они поступали так же, как и я: просто спрашивали о тсыганенке у содержателей борделей и винных лавочек. Неизбежно находился кто-нибудь, направлявший их на верный путь. Для меня это стало своего рода игрой: проверить, долго ли удастся продержаться на свободе, прежде чем гвардеец схватит меня кольчужной рукавицей и, перекинув через седельную луку, с позором отвезет обратно в Дом Кактуса.

Вояки, наверное, расценивали мои эскапады точно так же, поскольку их жизнь при Дворе Ночи была кошмарно скучной. Я хотя бы бросала им вызов, пусть и скромный.

А вот дуэйна — совсем другое дело.

После третьего моего побега она впала в праведный гнев и решила меня примерно наказать. Как я ни сопротивлялась, прямо с седла меня оттащили во внутренний дворик, где уже ожидала грозная судия. Прежде я никогда не видела, чтобы позорный столб использовался по прямому назначению.

Последующие подобные случаи тускнеют в сравнении с тем первым живым воспоминанием. Дуэйна сидела на своем кресле, глядя куда-то поверх моей головы. Гвардеец заставил меня опуститься на колени, зажав оба моих запястья в одной руке. В один миг мои руки привязали к венчающему столб железному кольцу. Дуэйна отвернулась. Кто-то схватил меня за воротник платья и разорвал его, обнажив спину.

Помню, благоухающий цветами воздух был теплым и слегка влажным из-за бьющих повсюду фонтанов. Я чувствовала легкие дуновения ветерка обнаженной кожей спины, а колени больно упирались в мраморные плиты.

На самом деле били меня не столь жестоко, как обычно при таких наказаниях. Учитывая мой нежный возраст, палач дуэйны хлестал меня плетью из мягкой оленьей кожи несильно и без оттяжки. Но моя детская кожа была слишком тонкой и ранимой, и плеть обрушивалась на спину огненным дождем.

Первый удар показался самым острым: хвостики плети растеклись ручейками боли, вызвав дрожь в пояснице. Второй, третий — ах, я бы много дней переживала блаженные воспоминания об этих пламенных струях, бережно их лелея. Но палач не останавливался, и ручейки превратились в ручьи, реки, бешеные потоки боли, которые затянули меня на дно.

Я взмолилась о пощаде.

Сейчас не могу толком вспомнить, что именно говорила. Знаю только, что корчилась, тщетно пытаясь протянуть связанные руки к дуэйне, скулила и плакала, каялась и обещала всегда и во всем ее слушаться — но плеть все обрушивалась на меня снова и снова, терзая бедную спину, и мне уже чудилось, будто тело охвачено пламенем. Посвященные Дома стояли рядом и смотрели, демонстрируя умение никоим образом не выказывать жалости. Сама дуэйна ни разу на меня ни взглянула; я видела лишь ее резной старушечий профиль. Я выла и просила пощады, а удары сыпались на меня огненным градом, но вдруг тело наполнилось теплой истомой, и я обмякла на столбе, униженная и измочаленная.

Только тогда меня отвязали и увели, чтобы обработать рубцы, а я тем временем всем существом ощущала усталость, сонливость и ужасную карающую боль.

\* \* \* \* \*

— В твоей крови болезнь, — со знанием дела сказал Гиацинт, когда я в следующий раз улизнала в Сени Ночи. Мы сидели на крыльце его домика на рю Куполь и ели украденный

виноград, плюясь косточками на улицу. — Так моя мама говорит.

— Думаешь, правда? — После смерти художника я стала разделять молчаливое благоговение жителей квартала перед пророческим даром матери Гиацинта.

— А то. — Он задумчиво сплюнул косточку.

— Но я не чувствую себя хворой.

— Так дело не в хворобе. — Будучи всего на год старше меня, Гиацинт любил прикидываться, что владеет вековой мудростью. Мать обучала его кое-чему из *дромонда*, кормящего их искусства предсказания. — У тебя не немощь, а что-то вроде падучей. Похоже, тебя коснулся Бог.

— О. — Я была разочарована, поскольку друг не сказал ничего нового сверх того, о чем уже говорил Делоне, причем поэт выразился гораздо определеннее. Я-то надеялась услышать от вещуньи что-то более конкретное. — А мою судьбу она вызнала?

— Моя мама — тсыганская принцесса, — надменным тоном произнес Гиацинт. — *Дромонд* не детская забава. Думаешь, у нас есть время соваться в дела малолетней дворцовой шлюшки?

— Нет, — хмуро согласилась я. — Наверное, нет.

Я была слишком доверчива, как со смехом сказал мне потом Делоне. В конце концов, мать Гиацинта стирала за деньги и предсказывала будущее черни положением много ниже самого ничтожного служителя Наамах. Действительно, позже я убедилась, сколь во многом Гиацинт ошибался; ах, если бы он только знал, что тсыганским мужчинам запрещено пытаться приоткрыть завесу над будущим. То, чему мать его научила, было табу — *врайной* — для его племени.

— Не тужи, мать тобой займется, когда ты подрастешь, — утешил меня Гиацинт. — Когда накопишь золотишка, чтобы пополнить ее богатство.

— Она гадала кабатчику за серебро, — раздраженно проворчала я, — а скрипачу вообще за медяки. И тебе хорошо известно, что все деньги, какие удастся выручить сверх договора, пойдут на оплату туарье. Да и бестолку сейчас строить расчеты, мне не стать полноценной служительницей, пока не достигну зрелости — так гласят законы гильдии.

— А может, ты рано расцветешь. — Равнодушный к моей судьбе, Гиацинт сунул в рот виноградину. Тогда я почти ненавидела его за то, что он свободен от долга Дому. — Смекаешь, небось, что каждая потраченная на предсказание монета вернется к тебе в тройном размере.

Мальчишка покосился на меня краем глаза и ухмыльнулся. Я уже не раз слышала, как он облегчает кошельки желающих узнать свою судьбу теми же самыми словами. И я улыбнулась в ответ, проникаясь к другу любовью.

Я появилась на свет весной, и к Средизимнему маскараду еще не достигла десяти лет, но дуэйна решила позволить мне посетить празднество. Похоже, она не хотела, чтобы я покинула Двор Ночи, не увидев его сплотившимся во всем великолепии.

На протяжении года каждый Дом устраивает собственный маскарад и, как мне говорили, любой из них — потрясающее событие со впечатляющей традицией, берущей начало от Ангелов, но Средизимний маскарад — это нечто иное. Корнями он уходит во времена до пришествия Элуа и знаменует окончание старого года и возвращение солнца. По легенде, Благословенный Элуа был так очарован простым крестьянским обрядом, что и сам принял его в качестве символа почитания своей матери-Земли и ее солнечного супруга.

Устраивать Средизимний маскарад всегда надлежало Дому Кактуса, как первому среди равных. В самую долгую ночь года двери остальных Домов заперты и скрывают почти полное безлюдье, потому что обитатели Двора Ночи собираются в Доме Кактуса. На бал не приглашаются гости со стороны, кроме обладателей символа Наамах — подарка, которым удостаивали только с одобрения нашей дуэйны. Даже сейчас, когда ночь Тринадцати Домов проницаема для слепящей жажды наживы, символы остаются особой статьей, потому что их по-прежнему вручают только представителям знатных родов, признанным достойными объятий Наамах.

В дни перед праздником Дом кипел суетой и тайнами. Тайнами, потому что не было известно, кого изберут на главные роли в великом маскараде. Королевой Зимы всегда становилась посвященная из Дома Кактуса, а Принца Солнца выбирали из представителей остальных Тринадцати Домов, и соперничество было жесточайшим. Гиацинт рассказывал, что в Сениях Ночи делаются нешуточные ставки на то, кому повезет. Говорят, Принц Солнца приносит своему Дому удачу на целый год.

Теперь-то я знаю, откуда такое поверье, — меня просветил Делоне. Есть одна старая-престарая история, гораздо старше, чем Благословенный Элуа, о том, как Принц Солнца женился на Королеве Зимы, чтобы стать властелином суши. По словам наставника, это сказание из древнейших, родившихся из снов наших стародавних предков и бесконечной смены времен года. Не поручусь, правда ли это, зато нисколько не сомневаюсь, что в ту ночь Анафиэль Делоне был не единственным, кто знал эту легенду.

Но я забегаю вперед, а в дни, предшествующие празднику, в укромных уголках Дома Кактуса кипела бурная деятельность. Двери в Большой Зал открыли нараспашку и помещение с особой тщательностью выдраили. Стены подновили, колонны отполировали, пол натерли воском, пока он не заблестел как темно-красный атлас. Из огромного камина выгребли всю золу до последней крупинки и рядом водрузили шаткие леса, чтобы проворные ученики художников отчистили от разукрашенного фресками потолка накопившуюся за год сажу. Постепенно Подвиги Наамах оказались на виду, и яркие свежие цвета пробились из-под копоти и пыли.

Когда пустой и чистый зал сочли прибранным, его украсили новыми белыми свечами, пахнущими сладким пчелиным воском, и большими еловыми ветвями. Длинные столы накрыли белоснежными скатертями, чтобы потом уставить разнообразными яствами, поспевавшими в кухнях. Неудивительно, что мне не особо радовались в тех местах, где обычно привечали, так как все-все, начиная от привратника и заканчивая последней

судомойкой, без продыху занимались подготовкой к Средизимнему маскараду. Говорите о Дворе Ночи что хотите, но ни один человек не поступал туда в услужение без гордости за свой труд. Даже в конюшни мне не стало хода, так как главный конюший со стиснутыми зубами руководил уборкой всех помещений. Если бы сам Ганелон де ла Курсель, король Земли Ангелов, решил посетить празднество (а такое уже случилось), то здесь за его лошадьми присмотрели бы лучше, чем в королевских конюшнях.

Конечно, я уже видела эти приготовления и в предыдущие годы, но теперь все было по-другому, поскольку я должна была пойти на бал. Из моих изначальных товарищей от Дома Кактуса на маскарад собиралась только хрупкая красавица Эллин, так как туар Жюльетты купил Дом Георгина, как и предполагалось, а хохотушка Калантия в свой десятый день рождения отправилась на воспитание в Дом Орхидеи. Симпатичный сводный брат Эллин Этьен был еще слишком юн, и самую долгую ночь ему предстояло провести в детской.

Но Дом Кактуса также покупал туары детей из других Домов, и у нас появились два новых воспитанника, которых я еще толком не узнала: бледная Джасинта, чьи голубые глаза были едва-едва не чересчур темными для канона Дома Кактуса, и мальчик Донатьен, который не разговаривал. Как и Эллин, их ожидало посвящение в таинства Наамах, и я завидовала этой троице из-за определенности их судеб.

Однако в самую долгую ночь договоры не заключаются и деньги не переходят из рук в руки. Служители Наамах и их избранные гости в заветные часы сближаются только по добром согласию; нам же следовало украсить собой праздник. Существует традиция в ночь Тринадцати Домов пить *отрад*: прозрачный дурмящий напиток, изготовленный из сока редкого белого цветка, который произрастает в горах и цветет в метель. На воспитанников возлагалась обязанность снова среди гостей и предлагать им хрустальные рюмки с *отрадом* с серебряных подносов.

Так как Дом Кактуса обладал привилегией выбирать из числа своих посвященных Королеву Зимы, нам полагались бело-серебристые костюмы. Я надеялась повидаться с Сурией, чтобы показать ей мой наряд. Все четверо воспитанников олицетворяли духов зимы. Словно метель на ветру колыхались белоснежные газовые туники с бахромчатыми рукавами, расшитыми стеклярусом, который свисал подобно сосулькам, когда мы протягивали гостям подносы. Лица наши скрывались под простыми белыми масками, обшитыми серебряной тесьмой, а ради толики цвета губы подкрасили кармином. Ученик парикмахера соорудил нам замечательные прически, переплетя локоны белыми лентами.

Но Сурия так и не пришла взглянуть на нас, и указания на кухне нам давал другой посвященный. На нем был костюм из белой парчи, отделанный мехом горноста, а со лба скалилась полумаска песка.

— Вот так, — нетерпеливо сказал он, поправляя руку Донатьена, когда мальчик поднял свой поднос. — Нет-нет, плавно, элегантно. Ты же не пьяниц в таверне обслуживаешь, парень! Чему тебя учили в Доме Мандрагоры?

«Действительно, чему?» — задумалась я. Палач дуэи был посвященным Дома Мандрагоры. Донатьен задрожал, и хрупкие рюмки зазвенели на подносе, но мальчик все же сумел грациозно его поднять.

— Уже лучше, — проворчал «песец». — И обращение?

— Отрады. — Это прозвучало скорее вздохом, чем словом, и Донатьен, казалось, от чрезмерного усилия был готов потерять сознание.

Посвященный криво улыбнулся.

— Такой нежный цветок... идеально, милый. Они будут помечать в своих календарях дату твоего рождения, пока ты не вырастешь. Ладно, смотрите, в первую очередь напиток поднесите гостям из Дворца, затем дуэйнам, а потом как получится.

Он шагнул прочь, на ходу опуская маску.

— Но... — подала голос Джасинта. Посвященный повернулся: теперь его лицо скрылось под лукавой мордочкой песка, а в прорезях для глаз по сторонам хитрого оскала темнели тени. — Как мы пойдем, кто есть кто? — задала она резонный вопрос. — Все же в масках.

— Угадаете, — ответил «песец». — Или ошибетесь.

И с этим не слишком ободряющим советом он удалился, оставив нас на попечение задерганных работников кухни.

За дверями грянули трубы, объявляющие начало празднества. Музыканты заиграли ходкую мелодию. В раскаленной духоте главный повар выкрикивал приказы, а повара со всех ног бросались их исполнять. Мы вчетвером переглянулись, не уверенные, что делать дальше.

— Во имя любви Наамах! — Второй помощник сомелье вручил нам подносы и подтолкнул к двери. — Сейчас шествует Дом Кактуса, идите же, встаньте у стенки и подождите, пока не войдут все Дома и первые гости. — Он зашипел: — Кыш, кыш! И не возвращайтесь, пока не опустеют все рюмки!

В Большом Зале вдоль стены были разложены подушечки для коленапреклонения. Мы заняли свои места и уставились на процессию, двигавшуюся между мраморных колонн.

Держать уставленный рюмками поднос было нелегко, но я к этому уже привыкла, как и остальные воспитанники. Глядя на заполняющих зал нарядных персонажей, я вскоре забыла о ноющей боли в руках и плечах.

Я сразу же узнала нашу дуэину, которая вошла, опираясь на руку Джарета. Она надела маску большой полярной совы, и белые перья покрывали все лицо. Ходили слухи, что этот Средизимний маскарад станет для нее последним. Джарет выбрал личину орла — белые перья с коричневыми вкраплениями. За наставниками следовали посвященные Дома Кактуса — серебристо-белый рой фантастических существ и порождений зимы в белой пене из шелка, газа и серебристой тесьмы, топорщащейся и спрятанной под капюшонами и масками.

И это было самое начало.

За нашим Домом в зал проследовали остальные двенадцать. Даже сейчас, когда звезда Двора Ночи закатилась, я могу лишь пожалеть тех, кто не видел его во всем великолепии. От места своего рождения я прошла дальше, чем могла вообразить, и посещала роскошные приемы при королевских дворах, но нигде в мире не видела подобного торжества красоты и только красоты. Именно Средизимний бал, как ничто другое, являлся квинтэссенцией ангелийской культуры.

Обучайся я тогда у Делоне — что пока меня только ожидало, — непременно бы отметила и в точности запомнила, какую тему для маскарада выбрал каждый Дом, но самые впечатляющие образы и так сохранились в памяти до сих пор.

Георгин бросал вызов владычеству Кактуса сияющей золотой парчой, а посвященные Горечавки прибыли в масках провидцев с опиумными кадильницами в руках. Бесшабашные Шиповники нарядились тсыганским табором и на ходу пели, показывали трюки и плясали. Тихони Алиссума, знаменитого своей скромностью, облачились в мантии и вуали иешуитских священников и монахинь с легким соблазнительным флером.



Дом Жасмина, как и всегда, прославлял экзотические дальние страны, а молодая смуглая заместительница их дуэйна танцевала обнаженной, прикрываясь лишь черными как ночь волосами и облаком прозрачных вуалей.

Этот танец раздосадовал дуэйна Дома Валерианы, избравшего для своих посвященных гаремные мотивы, но подобные совпадения иногда случались. Гибкая темноволосая смуглянка на секунду пробудила в моей памяти смутный образ матери, но только на краткий миг, поскольку процессия продолжилась.

Напрашивается логичное предположение, что меня должно было томить любопытство в отношении Дома Валерианы. Ведь именно туда, как сказала дуэйна, меня бы отправили, не родись я с изъяном. И я действительно любопытствовала на этот счет и даже кое-что разузнала: девиз Дома звучал как «Я покоряюсь», а в посвященные брали тех, кто был склонен находить удовольствие в чрезмерной боли, и приучали избранных переносить всевозможные пытки.

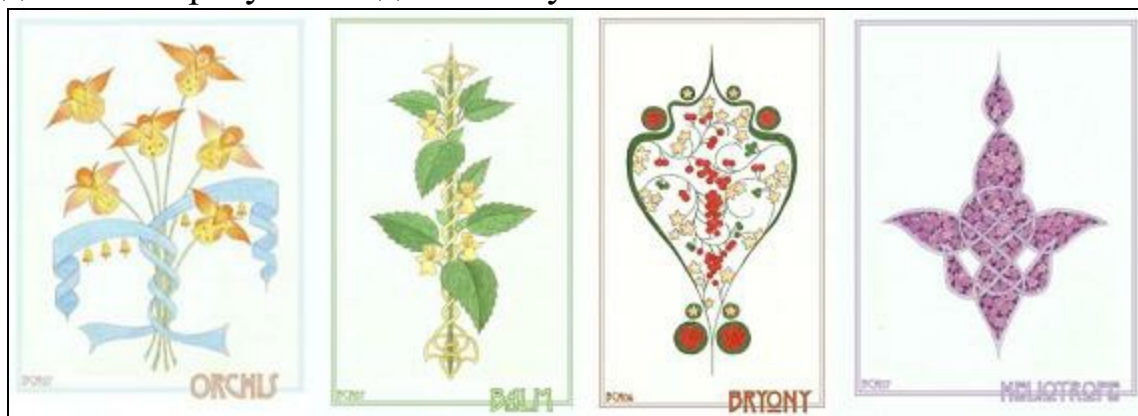


Но также логично, что магнит всегда тянет к железу. Я отвлеклась от мечты восточного паши, которую являл собой Дом Валерианы, и очарованно переключилась на вступивших в зал посланцев Дома Мандрагоры, наряженных Двором Тартара.

Представьте, среди пены кружев и красочных нарядов других гостей (помнится, Дом Орхидеи разыгрывал водный мир — русалки и фантастические морские чудовища), жестокие Мандрагоры вносили в праздник восхитительно зловещую нотку. Черный бархат, напоминающий безлунную ночь, и шелк, подобный смоляной реке под звездным небом; бронзовые маски с рогами и клювами, одновременно прекрасные и готескные. Я почувствовала, как по телу пробегает дрожь, и услышала, что рюмки позвякивают друг о друга.

Не на моем подносе: я подняла глаза и увидела, что руки трясутся у побледневшего Донатъена.

Я сострадала его страху и завидовала ему.



Наконец шествие Домов завершилось, снова воззвали трубы, и вошли гости.

Королевской крови или нет, они выглядели безвкусно пестрой компанией на фоне великолепия Двора Ночи; волки, медведи и олени, духи и бесенята, герои и героини легенд, не объединенные общей темой. Но когда они смешались с толпой, я восхитилась блистательным спектром нарядов.

В третий раз грянули трубы, и все — дуэины, аристократы и посвященные — отступили к колоннам, поскольку эта мелодия знаменовала появление Королевы Зимы.

Она вошла одна, слегка прихрамывая.

Рассказывают, будто маску Королевы Зимы четыреста лет назад создал Оливье-Безликий, такой искусный мастер личин, что никто не знал, как он выглядел на самом деле. Конечно, маска была старой. Давным-давно тончайшие слои кожи пропитали особым составом и сформовали в подобие лица древней старухи, а потом раскрасили и залакировали, чтобы изобразить не жизнь, а вечный покой. Голову венчал лохматый седой парик. Фигура куталась в серое тряпье, а вокруг ее плеч была обернута потрепанная шаль.

Вот такой и была Королева Зимы.

Когда она ступила в Большой зал, все поклонились, а те, кто стоял на коленях, опустили головы. Королева Зимы дохромала до конца колоннады, опираясь на старый терновый посох, и повернулась лицом к толпе. Слегка выпрямившись, она вскинула посох. Протрубили трубы, зашумели люди, и музыканты заиграли веселую мелодию — Средизимний маскарад начался.

Что до Принца Солнца, он должен был появиться позже или, скорее всего, уже присутствовал, но не выделялся костюмом из толпы. Только когда Стражи времени прокричат, что пора, он выступит и вернет Королеву Зимы к юности.

Итак, бал начался. Я встала со своей подушечки, еле передвигая задеревеневшие от долгого коленопреклонения ноги, и принялась бродить по залу. Мы насмотрелись на костюмы в ходе процессии, и, как и говорил «песец», в задании не оказалось ничего особо сложного. Даже если не знать игроков, команды легко определялись на глаз.

— Отрады, — бормотала я, поднимала поднос и опускала глаза. Каждый раз кто-то брал рюмку, осушал ее и ставил назад уже пустую.

Краем глаза я следила за троицей остальных воспитанников, прикидывая, когда же каждый из прибывших гостей получит свою рюмку *отрада*. Я надеялась поднести питье дуэину Дома Мандрагоры, который водрузил поверх маски бронзовую корону, а в правой руке держал плетку-семихвостку. Но мой поднос опустел, когда еще не все гости Двора Ночи

угостились, и мне пришлось вернуться в кухню, где нервный второй помощник сомелье заново уставил поднос рюмками с прозрачным эликсиром.

Ливрейные слуги принялись выносить в Большой зал аппетитнейшие яства, и вскоре столы были сплошь заставлены. Мне приходилось протискиваться между ними со своим подносом. В центре зала несколько пар затеяли танцевать павану, а в дальнем углу я заметила акробата из Дома Шиповника, выделяющего гимнастические трюки.

Передо мной стоял дородный гость, который, не подумав, выбрал для себя костюм Шевалье Розы. За его спиной я заметила вихрь черного бархата и отблеск бронзы и попыталась, опустив голову, пробраться мимо, но путь мне преградил мужчина в причудливом жилете с бронзовой вышивкой и серебряными пуговицами в форме желудей — я вспомнила, что видела его в виде фавна. Скрывая раздражение и уставившись в пол, я пробормотала ритуальное «отрады» и протянула ему поднос.

— Федра.

Я сразу узнала этот голос — мужской сочный тенор, одновременно позабавленный и скучающий — и испуганно подняла голову. За незамысловатой маской поблескивали серые глаза с искринкой, а по спине змеилась рыжеватая коса.

— Милорд Делоне!

— Он самый. — И чему он так радуется? — Не думал встретить тебя здесь, Федра. От меня ведь не утаили твоё десятилетие?

— Нет, милорд. — Я почувствовала, как щеки заливаются румянцем. — Дуэйна милостиво позволила мне прислуживать на балу, чтобы я хоть разок повидала Средизимний маскарад.

Делоне провел кончиками пальцев по моим увитым лентами волосам, прищурился и поправил один локон.

— Ты сможешь и дальше являться на маскарады, когда пожелаешь, если только я не ошибся в предположениях. Хотя тебе вряд ли удастся остаться неузнанной, милая, только не с твоими чудесными глазами. Стрела Кушиэля выделяет тебя из всех прочих.

Я могла бы стоять там целую вечность, пока он превозносил мою метку — даже не знаю, почему.

— Именно по глазам вы и узнали меня, милорд? — спросила я, чтобы удержать на себе его внимание.

— Отнюдь. Ты ведь не поднимала глаз. — Неожиданно он улыбнулся, и от этого даже в маске показался моложе. Наверное, ему было лишь немногим больше тридцати. Но точный возраст Делоне я так никогда и не узнала, даже впоследствии, когда мы познакомились поближе. — Попробуй догадаться, как я узнал тебя, Федра, правильный ответ я скажу при следующей встрече. А сегодня держи свои пронзенные стрелой глаза открытыми, милая. Здесь можно увидеть кое-что поинтереснее, чем продажные флагелланты с пристрастием к черному бархату. — С этими словами Делоне подхватил напиток с моего подноса и залпом выпил. — Отрады, — сказал он, поставив пустую рюмку назад, и отвернулся.

Держа поднос одной рукой, я подняла рюмку, из которой он пил, и поднесла к губам. Кончиком языка слизнула капельку чистейшего *отрада*, остававшуюся на дне. Вкус обжег мое небо, чистый и пряный, одновременно леденящий и согревающий. Глядя, как Делоне пробирается сквозь толпу, я смаковала вкус напитка и своей тайны — я поделила *отрад* с будущим наставником. А потом быстро и виновато поставила рюмку на поднос и продолжила свой путь.



Именно той ночью я начала распознавать неявные течения в Земле Ангелов, завихрения власти и политики, управляющие жизнями простаков. Да, покровитель велел мне быть внимательной, но неверно, что своими наблюдениями я целиком обязана ему. Наверняка я заметила бы случившееся чуть позже даже без предупреждения Делоне, так как происшествие вызвало немалую шумиху.

По расчетам Стражей времени до полуночи оставался еще час, когда на бал прибыл принц Бодуэн со свитой. К тому моменту я уже сбилась со счета, сколько раз мне пришлось обойти зал с серебряным подносом и сколько раз второй помощник сомелье снабдил меня *отрадом* для раздачи. Нам дали единственную передышку и позволили наполнить тарелки яствами с больших столов. Я выбрала кусочек каплуна в виноградном соусе, ломоть нежной оленины со смородиной и пригоршню зеленого салата, так что наелась досыта.

Едва я вернулась к работе, как все вокруг засуетились: в зал ввалилась новая партия гостей, шумных и уже подвыпивших. Лавируя сквозь толпу, я подобралась к новоприбывшим и увидела четверку молодых мужчин. По их нарядам и по манере держаться было ясно, что это особы королевской крови, настоящие потомки Элуа и его Спутников.

— Принц Бодуэн! — с придушенным благоговением воскликнул кто-то из толпы, и я попыталась угадать, о ком из четверки речь — должно быть, о стройном брюнете со светлой кожей и серыми как штормовое море глазами, отличительной чертой рода Тревальонов. Спутники поддерживали его, поскольку он был настолько пьян, что навалился на плечо товарища.

На сероглазом была дивной красоты маска Аззы, криво сидящая на чистокровном ангелийском лице, и большая бархатная шляпа со свисающим пером. Увидев подступающую толпу, он отпустил товарища, за которого цеплялся, и поднял правую руку с кубком.

— Отрады! — крикнул он громко и отчетливо, хотя язык немного заплетался от вина. — Отрады Двору Ночи в эту самую долгую ночь!

Слева донеслось слабое дребезжание хрустала — Донатьен. Мальчик испуганно глянул на меня. «Что ж, — подумала я, — так тому и быть». Проскользнув мимо оленя с ветвистыми рогами, я приблизилась к компании принца. На меня смотрел весь Двор Ночи, и от этого сердце грохотало в груди.

— Отрады, — тихо ответила я на приветственный тост и приподняла поднос.

— Что это у тебя? — Мое плечо сдавило, словно клещами, пальцы глубоко впились в плоть, отчего я ахнула и подняла глаза на спутника принца. На нем была маска из ягуарунди, в прорезях поблескивали темные жестокие глаза, а губы улыбались. На плечи ниспадали прямые золотистые волосы, такие светлые, что в свете свечей казались почти серебряными. — Денис, попробуй.

Еще один аристократ взял рюмку с моего подноса и залпом осушил.

— Ух ты! — Он потряс головой в личине волка и облизал губы. — Чистейший *отрад*, Исидор, выпей и ты!

Я стояла и дрожала, пока потомки Элуа жадно хватили с моего подноса рюмки. Осушали одну за другой и бросали пустые на сверкающий паркет. Принц расхохотался, громко и безудержно, совсем как трубы. Маска еще больше съехала, а в его глазах я видела возбужденный блеск.

— Поцелуй на удачу, маленькая дарительница отрады! — потребовал он, сгребая меня в объятия. Поднос оказался зажат между нашими телами и со стуком упал на пол — последние рюмки разбились. Отдающие *отрадом* губы принца на секунду припали к уголку

моего напряженного рта, а потом меня оттолкнули и тут же забыли — компания принца устремилась к центру Большого зала. Светловолосый мужчина в маске из ягуарунди бросил взгляд в мою сторону и жестоко усмехнулся.

Я опустила на колени, чтобы собрать на поднос осколки хрусталя, и не сдержала слез; даже не знаю, что сильнее полоснуло меня по сердцу — поцелуй или отторжение. Но я была совсем ребенком, а в детстве такие вещи быстро забывались. В кухне Джасинта принялась обстреливать меня злобными взглядами, и вскоре я помнила только гордость за то, что принц королевской крови назвал меня дарительницей отрады и поцеловал на удачу.

Умеющий подмечать иронию Анафиэль Делоне мог бы сказать ему, что мое имя удачи не сулит даже мне самой. Но будь у меня удача, я бы поделилась ею с принцем. Тогда я не могла знать, что стану свидетельницей, как счастье ему изменит. Кто-то скажет, что он сглупил, доверившись Мелисанде, и, возможно, так оно и есть, но главное, что принц не предвидел еще одного ножа в спину от человека, которого знал гораздо дольше.

В ту ночь о таких раскладах никто и не помышлял. Бал, словно сбросив с себя невидимые путы, наращивал темп веселья. Степенные паваны сменились гальярдами и шаловливыми плясками, музыканты лихорадочно терзали инструменты, обливаясь потом. Маскарад развернулся во всю ширь, даже принц и его свита растворились в буйной толпе. Я бродила по залу с подносом, и голова кружилась от шума и духоты. Висящие над пылающим камином еловые ветви благоухали смолой, и этот запах перебивал ароматы разнообразных духов и разгоряченной плоти, смешивающиеся с едким опиумным дымом из курительниц Дома Горечавки.

У нас заканчивалась посуда. Праздник продолжался, и я потеряла счет гостям и посвященным, которые, выпив свой *отрад*, с криками швыряли рюмки на пол. Мы вчетвером не могли с этим ничего поделать, и просто продолжали обход с полупустыми подносами, пока ливрейные слуги Дома Кактуса шныряли в толпе с метлами и совками.

Вот какими впечатлениями я была поглощена, когда начали медленно бить в набат, перекрывая оживленную музыку. А ведь казалось, все запомнили, что собрались отпраздновать самую долгую ночь. Но Стражи времени не забыли — они никогда ничего не забывают, — и Глашатай Ночи принялся равномерно ударять в гонг, заглушая шум и притормаживая веселье. Танцоры разошлись, и бальная площадка опустела; люди расступились. Из-за ширмы, опираясь на терновый посох, шагнула Королева Зимы и захромала к началу колоннады.

Какой-то торопыга приветственно воскликнул, но его заставили замолчать. Все смотрели на плотно закрытые двери в ожидании Принца Солнца.

Раз, два, три — снаружи кто-то стукнул в двери копьем, и на третьем ударе створки распахнулись под дребезжание цимбал музыкантов.

Он стоял на пороге: Принц Солнца.

Виденье в золотой парче, покрывавшей и дублет, и штаны, и даже ботинки. Длинный золотой плащ стелился по паркету при каждом шаге. Лицо Принца Солнца скрывала сусально-золотая маска улыбающегося юноши, а расходящиеся от нее лучи загорали всю голову. Кругом наугад шептали разные имена, пока Принц Солнца с позолоченным копьем шел вдоль колоннады.

Дойдя до конца, он поклонился; а когда выпрямился, вместе с ним поднимался и наконечник копья, пока не коснулся груди Королевы Зимы. Склонив голову, она выпустила терновый посох, и он с громким стуком упал на пол в воцарившейся тишине. Обеими руками

Королева Зимы стянула с себя маску с париком и разом высвободилась из тряпья и шали.

Я ахнула, потому что Королева Зимы оказалось молодой и красивой — ее роль досталась Сурии.

Но ритуал еще не завершился.

Принц Солнца опустился на одно колено и взял ладонь Королевы Зимы. Одним быстрым движением он вытащил кольцо и надел ей на палец — грубо, поскольку я заметила, как она поморщилась. Потом он встал и, держа Сурию за руку, повернулся к толпе. Затем снял маску. Мы увидели перед собой принца Бодуэна.

Толпа испустила удивленный вздох, Глашатай Ночи замахнулся и в последний раз ударил в гонг, знаменуя наступление Нового года, и тут же запели фанфары, громко желая всем отрады. И в этот чудесный момент празднующие словно ожили и принялись кричать вместе с фанфарами, приветствуя безрассудство хмельного молодого принца крови. У усталых музыкантов открылось второе дыхание, дирижер несколько раз притопнул, и зазвучала веселая мелодия.

В этой суете мне как-то удалось разглядеть Анафиэля Делоне. Тот наблюдал за ними — за красивой изумленной Сурией, чью окольцованную руку держал принц с горящими дикими глазами, — и под простой маской фавна лицо моего наставника казалось хладнокровным и задумчивым.

Так я познакомилась с политикой.

Можете быть уверены, после Средизимнего маскарада мне не терпелось поскорее пережить несколько недель, оставшихся до моего десятилетия. В те дни я даже больше чем обычно не находила себе места в Доме Кактуса: детскую я переросла, а примкнуть к воспитанникам и ученикам мне было не суждено.

В Доме бурно обсуждались события маскарада: обитатели Двора Ночи увидели в дерзости принца Бодуэна предзнаменование возвращения давно минувших дней, когда потомки Элуа открыто искали утех и советов у служителей Наамах. Вот что мне удалось разузнать: Бодуэн был племянником короля, так как его мать, принцесса Лионетта, приходилась сестрой нашему монарху. Мужа ее звали Марк, герцог де Тревальон. Принцу сравнялось всего девятнадцать, и он прославился своими буйными выходками в Тиберийском университете, откуда его исключили за неназванные несносные проделки.

Вот и все добытые мной сведения. Гиацинт рассказал о слухах, ходивших в Сенях Ночи, будто бы, при всем неправдоподобии такого выбора, было сделано две ставки на то, что именно Бодуэну де Тревальону доверят роль Принца Солнца, и никто — даже сам Гиацинт — не прознал, в чьих карманах после Средизимнего бала осел солидный куш. Много людей потеряли поставленные деньги, и ростовщики после самой долгой ночи подсчитывали внушительные барыши.

Когда зимний холод начал подвигаться, с ворчанием уступая влажному теплу весны, а ветви деревьев покрылись нежной бледно-зеленой дымкой, мне наконец-то исполнилось десять лет.

Для детей Двора Ночи десятый день рождения являлся важным и торжественным событием. Именно в этот день ребенок переезжал из детской в крыло воспитанников, чтобы жить рядом с теми благодетельствованными учениками, которые достигли заветного рубежа и были посвящены в таинства Наамах, ведь она — как известно — на рассвете в день начала обучения шепчет новообращенным свои секреты. Десятилетке дают фамилию, означающую название его Дома на древнеангелийском, подносят разбавленное водой вино и позволяют церемониально преломить медовую лепешку, которую потом делят между собой посвященные Дома.

Для меня же ничего подобного не устраивалось.

Вместо этого, как и в прошлый раз, меня вызвали в приемную дуэйны, где я снова встала на колени на подушечке. В комнате меня уже ждали Анафиэль Делоне, дуэйна и ее заместитель Джарет. Дуэйна постарела и выглядела еще более брюзгливой. Мельком взглянув на нее из-под ресниц, я заметила, как дрожала ее рука, пока она читала бумаги.

— Все в порядке, — успокаивающе произнес Джарет и похлопал старуху по плечу. Он нетерпеливо глянул на дверь, где ждал канцлер Дома с печатью гильдии. — Вам нужно только подписать, и Федра будет свободна уйти с милордом Делоне.

— Стоило запросить больше! — проворчала дуэйна. Она говорила громче, чем ей казалось, как это часто бывает с престарелыми. Анафиэль Делоне положил ладонь мне на голову и слегка погладил кудри. Я осмелилась поднять глаза и увидела, что он ободряюще улыбается. Дуэйна подписала документ трясущейся рукой с просвечивающимися сквозь пергаментную кожу темными прожилками вен, и канцлер Дома вышел из тени, чтобы поставить на купчую печать, подтверждающую, что сделка заключена с согласия Гильдии

служителей Наамах.

— Готово. — Джарет поклонился, молитвенно сложив руки и поднеся кончики пальцев к губам. В те дни он пребывал в непривычном оживлении, которое проявлялось при малейшем поводе, наверное, из-за уверенности, что должность дуэйна Дома Кактуса уже у него в кармане. — Да благословит Наамах ваши начинания, милорд Делоне. Всегда приятно иметь с вами дело.

— Взаимно, — спокойно ответил мой хозяин и вернул поклон, хоть и не как равному. — Мириам, — более душевным тоном обратился он к дуэйне, — желаю вам здоровья.

— Тьфу. — Она отвернулась от него и наклонилась ко мне. — Федра. — Я встала, как меня учили, приблизилась к ее креслу и снова опустилась на колени. Внезапно я испугалась, что старуха передумает. Но ее скрюченная рука поднялась, чтобы погладить меня по щеке, а глаза, хоть и подернутые пленкой, но все равно пронзительные, всмотрелись мне в лицо. — Стоило запросить больше, — повторила она, и это прозвучало почти как похвала.

Говорят, что деньги — одно из немногих удовольствий, способных выдержать испытание временем, и я понимала: эти слова дуэйны были своего рода благословением. Внезапно я преисполнилась нежностью к дряхлой даме, приютившей меня, брошенную собственной матерью, и потянулась коснуться ее пальцев.

— Федра, — тихо позвал Делоне, и я послушно встала, вспомнив, что теперь у меня новый хозяин. Он любезно улыбнулся Джарету. — Пусть ее вещи принесут к моей коляске.

Джарет поклонился.

Вот так я и покинула Дом Кактуса и Двор Ночи, в котором родилась.

\* \* \* \* \*

Не знаю, каких чудес я ожидала от экипажа Делоне: что бы я ни воображала, это не сбылось. Во дворе стояла элегантная коляска, запряженная четверкой гнедых. Ученик принес небольшой узелок с вещами, которые я могла назвать своими — их было совсем мало, — и кучер положил его где-то сзади.

Делоне уселся первым и похлопал по бархатным подушкам, показывая, где сесть мне. Затем махнул кучеру в окошко, и мы довольно резво отправились в путь. Мой покровитель откинулся на спинку и задвинул поплотнее шторы.

Я сидела как на иголках, ожидая и гадая.

Но ничего не происходило. Делоне не обращал на меня внимания, а мурлыкал что-то себе под нос и поглядывал в щель между занавесками. Спустя некоторое время, устав караулить движения хозяина, я пододвинулась к окошку со своей стороны и отдернула штору.

Во младенчестве я повидала мир, но с четырех лет не бывала нигде дальше Сеней Ночи. Теперь я смотрела на проплывающие за окном виды Города Элуа и наслаждалась. Улицы казались чистыми и новыми, парки — готовыми по-весеннему зазеленеть, а дома и храмы устремлялись вверх, игриво бросая вызов тверди. Мы по мосту пересекли реку, и при виде ярких парусов торговых кораблей мое сердце запело.

Наконец мы доехали до элегантного квартала на окраине Города, но по соседству с Дворцом, миновали узкие ворота и остановились в скромном дворике. Кучер слез с козел и обошел коляску, чтобы открыть нам дверцу; Делоне прыгнул с подножки, а я заколебалась, неуверенно глядя на простой и изысканный особняк за его спиной.

Открылась дверь, и кто-то не крупнее меня самой выскочил за порог, но тут же

спохватился и перешел на более степенный шаг.

Из окна экипажа я уставилась на самого красивого мальчика из всех, что мне встречались.

Его волосы были белыми, и тех, кто никогда не знал Алкуина, прошу поверить: чисто белыми, белее песцового меха. Шелковые пряди ниспадали на его плечи струями лунного света. Можно было принять его за альбиноса — и да, его кожа была лилейно-бледной, — но глаза темнели, как анютины глазки в полночь. Я, выросшая среди жемчужин красоты, не могла отвести от него взора. Мальчик встал рядом с Делоне, переминаясь от нетерпения. Одновременно добрая и жаждущая улыбка озаряла его темные глаза.

А я и забыла, что у Делоне уже есть ученик.

— Алкуин. — В голосе хозяина слышалась приязнь, отчего мой желудок сжался. Анафиэль положил руку на плечо красавчика и повернулся ко мне. — Это Федра. Прими ее радушно.

Я неуклюже выбралась из коляски; Алкуин взял меня за руки — его ладони оказались гладкими и прохладными — и приветственно поцеловал.

Даже на расстоянии я чувствовала, что Делоне лукаво усмехается.

Из дома вышел ливрейный лакей, заплатил кучеру и забрал мой узелок, а затем Делоне повел нас внутрь. Мальчик, сжимая мои пальцы, слегка тянул меня за собой.

Дом оказался приятным и славным. Другой ливрейный лакей поклонился, но я глянула на него лишь мельком. Алкуин отпустил меня, чтобы пройти вперед, но оглянулся и ободряюще улыбнулся. Я уже ненавидела его за то, что ему многое известно о нашем общем хозяине. Миновав несколько комнат, мы очутились во внутреннем дворике с фонтаном, окаймленным виноградными лозами, которые отбрасывали густую тень на брусчатку. Я сразу заметила нишу со статуей Элуа и стол, на котором стояла ваза с ледяными дынями и белым виноградом.

Алкуин развернулся на месте и раскинул руки.

— Для тебя, Федра! — смеясь, воскликнул он. — Добро пожаловать! — Он опустился на один из диванов, расставленных располагающим к разговору кругом, сложил руки на груди и опять улыбнулся.

Во двор вышел молчаливый слуга и налил Делоне остуженного вина, а нам с Алкуином — прохладной воды.

— Добро пожаловать! — Делоне поднял бокал и скривил губы, словно сдерживая смех, глядя, как я оцениваю обстановку. — Садись. Ешь. Пей.

Я взяла ломтик дыни и присела на краешек дивана, следя за ними обоими. Я пока не понимала свою роль в этом доме, и это порождало неловкость и неуверенность. Хозяин с довольным видом уселся поудобнее, а Алкуин, беря с него пример, выглядел радостным от предвкушения. Я не удержалась и огляделась в поисках подушечки для коленопреклонения, но ничего подобного не нашла.

— В моем доме не церемонятся и не стоят на коленях, Федра, — тепло пояснил Делоне, очевидно, прочтя мои мысли. — Одно дело относиться к людям подневольного положения как подобает, и совсем другое — обращаться с ними, словно с рабами.

Я подняла на него глаза и прямо сказала:

— Мой туар принадлежит вам.

— Да. — Он оценивающе прищурился на меня. — *Ноты*, Федра, мне не принадлежишь. И после того, как в один прекрасный день твой туар обретет завершение, ты

будешь помнить меня как человека, который возвысил тебя, а не низверг. Понимаешь?

Я подергала за кисточку на бархатной обивке дивана.

— Вам нравится, когда люди перед вами в долгу.

Последовала пауза, а затем Делоне неожиданно расхохотался — совсем как при нашей первой встрече. Алкуин вторил ему залиvistым смехом.

— Да, — задумчиво согласился наставник. — Можно сказать и так. Хотя мне больше по вкусу полагать, что я гуманист, согласно завету Благословенного Элуа. — Он пожал плечами, в своей манере закрывая тему. — Мне говорили, будто ты изучала каэрдианский язык.

— Я прочитала всего Теллиция Старшего и половину трудов Младшего! — строптиво поправила я, уязвленная его снисходительным отношением. Поэзию Фелиция Долофила я упоминать не стала.

— Хорошо, — невозмутимо кивнул он. — Значит, ты не сильно отстаешь от Алкуина, и вы сможете заниматься вместе. А другие языки ты учила? Нет? Неважно. Когда обустроишься, я договорюсь, чтобы тебе начали преподавать скальдский и круитский.

Голова пошла кругом. Я взяла свою тарелку с дыней и снова ее поставила.

— Милорд Делоне, — я подбирала слова очень осторожно. — Разве вы не хотите, чтобы я училась премудростям служения Наамах?

— Ах, это. — Одним взмахом руки он отринул все догматы Двора Ночи. — Меня уверяли, что ты хорошо поешь и сносно играешь на арфе, дуэйна так же упоминала, что у тебя получается слагать стихи. Я найму учителя, чтобы он продолжил заниматься с тобой этими искусствами, пока ты не достигнешь совершеннолетия и не решишь сама, желаешь ли служить Наамах. Но сейчас есть более важные дела.

Я выпрямилась на диване.

— Салонные навыки всего важнее, милорд?!

— Нет. — В его серых глазах заплясали искорки. — Они ценятся, Федра, и не более того. Но мне кажется, тебе понравится то, чему собираюсь учить тебя я. Смотреть, видеть и думать. И эти уроки пригодятся тебе на протяжении всей жизни.

— Вы собираетесь обучать меня тому, что я и так уже умею, — упорствовала я.

— Неужели? — Делоне откинулся на спинку дивана и сунул в рот виноградину. — Тогда расскажи мне о коляске, в которой мы сюда ехали, Федра. Опиши ее.

— Черная, — с раздражением приняла я вызов. — Запряжена четверкой одномастных гнедых. Сидения обиты красным бархатом, занавески расшиты золотой нитью, а на стенках полосатый атлас.

— Неплохо. — Он перевел взгляд на Алкуина. — Теперь ты.

Мальчик сел и скрестил ноги.

— Коляска была наемная, — затараторил он, — потому что на двери отсутствовал герб, а кучер носил обычную одежду, а не ливрею. Похоже, принадлежит она зажиточному постоялому двору, так как лошади подобраны в масть и ухожены. А еще по прибытии они были не в мыле, а это значит, что вы наняли экипаж где-то поблизости. Кучеру, наверное, между восемнадцатью и двадцатью двумя годами; судя по шляпе, он вырос в деревне, но прожил здесь достаточно долго, чтобы ориентироваться в городе и не пробовать на зуб монету, когда ему платит человек благородных кровей. За вами он явился незапыленным, а доставив, уехал без спешки, поэтому я бы предположил, что на сегодня вы были единственными его пассажирами, милорд. Желай я узнать, кто вы такой, где живете и чем

занимаетесь, думаю, было бы нетрудно найти этого кучера и задать ему несколько вопросов.

В темных глазах Алкуина плясали искорки радости от того, что он хорошо ответил, и не проглядывало ни следа ехидства. Делоне улыбнулся ему.

— Вот это уже лучше, — похвалил он и посмотрел на меня. — Понимаешь?

Я пробормотала что-то неразборчивое.

— Именно это я и буду с тебя спрашивать, Федра, — продолжил он более строго. — Ты научишься смотреть, видеть и осмысливать все, чему станешь свидетельницей. На Средизимнем балу ты предположила, что я узнал тебя по глазам, и ошиблась. Мне не нужно высматривать отметины, чтобы понять, что именно в тебя угодила Стрела Кушиэля. Это читалось в каждом изгибе твоего тела, когда ты таращилась на доминатрикс Дому Мандрагоры. Такая тяга восходит к славе Элуа и его Спутников, чья кровь течет теперь в твоих венах, и даже ребенком ты несешь в себе отпечаток этой славы. Со временем ты сможешь выбрать для себя и такую судьбу, если пожелаешь. Но пойми, милая, для тебя все только начинается. Теперь видишь?

Когда наставник смотрел вот так, серьезно и строго, его лицо обретало особую красоту, сродни старым портретам исконных вельмож, способных отследить свою непрерывную родословную от одного из Спутников Элуа.

— Да, милорд, — кивнула я, обожая его за воодушевляющие слова. Если Анафиэль Делоне захочет, чтобы я возлегала в публичных домах как Наамах, то я, безусловно, это сделаю... и если он желает, чтобы я стала большим, чем просто инструментом для мандрагорских скрипачей, я буду учиться, чтобы оправдать его чаяния.

Я вспомнила его реплики, произнесенные в самую долгую ночь, и разум мигом ухватил связь, так же просто, как грудной ребенок находит сосок.

— Милорд, — смиренно произнесла я, — так это вы сделали ставку в Сенях Ночи на то, что Принцем Солнца выступит Бодуэн де Тревальон?

И снова меня вознаградили неожиданным взрывом смеха, на этот раз более продолжительного и безудержного. Алкуин, обхватив коленки, улыбался от уха до уха. Наконец Делоне сумел подавить хохот, вытащил из кармана платок и промокнул выступившие слезы.

— Ах, Федра, — вздохнул он, — Мириам была права. Ей стоило запросить больше, гораздо больше.



Так начались годы моего ученичества у Анафиэля Делоне, и я постепенно узнавала, как правильно смотреть, видеть и думать. И если вам представляется, что я попусту тратила время, наблюдая и тщательно подмечая всякие мелочи, то могу вас заверить, что, хотя это мне удавалось легче всего, важность этой практики была неоспорима.

Как и обещал Делоне, я учила языки: каэрдианский, пока мне не начали сниться сны на этом диалекте, круитский (в котором я не видела для себя необходимости) и скальдийский, напомнивший мне о варваре, давным-давно бывшем моим хранителем на Торговом пути. Оказалось, что Алкуин владел этим наречием почти как родным, поскольку всосал его с молоком кормилицы-скальдийки, пока лежал в колыбели. Той самой кормилицы, которая спасла его от засады, устроенной ее собственным народом, и передала на воспитание Делоне, но об этом я узнала позже.

Вдобавок к языкам нам приходилось до головной боли корпеть над историей. Мы изучали цивилизации с золотого века Эллады до возвышения Тиберия и его последующего падения в ходе войны между двумя равносильными претендентами на трон. Последователи Иешуа утверждали, будто его появление обусловило падение Тиберия и возвращение иешуитскому народу трона Единого Бога; историки же, как нам прозрачно намекнул Делоне, придерживались мнения, что, скорее, здесь завязана диаспора иешуитских ростовщиков в столице Тиберия. Истоцившие сундуки стали причиной распада великой тиберийской империи на разобщенные государства националистического толка, из которых теперь слагается Каэрдианский Союз.

А сокрушительный удар по когда-то могущественной тиберийской армии был нанесен на зеленом острове Альба, где среди воинственных племен появился король Кинхил-ап-Домналл, известный также под именем Кинхил Ру, который сумел договориться с далриадами на Эйре и объединить племена в войне против войск императора. После этого остров перешел во владение круитов, которых ученые называют пиктами. Круиты — дикий, полувильдизованный народ, и я не видела пользы в том, чтобы зубрить их язык.

Изгнанные с Альбы тиберийские солдаты и дальше отступали, не останавливаясь: из земель Скалдии их вытеснили берсерки, которых вели — как говорится в легендах — духи ворона и волка.

Сквозь этот залитый кровью гобелен золотой нитью тянулась предыстория Земли Ангелов. Плодородная страна, мирно цветущая под благословенным солнцем — как обрисовал Делоне, до пришествия Элуа у нас, по сути, не было собственной истории. Мы охотно принимали у себя тиберийских солдат, которые ели наши виноград и оливки, брали в жены наших женщин и оберегали наши границы от скалдов. В смутные времена мы продолжали придерживаться своих традиций, сохраняли свой язык и свои песни. Когда армия Тиберия отхлынула с наших земель, в ожидающую пустоту явился странствующий Элуа, и страна приняла его, словно невеста жениха.

Тогда и родилась Земля Ангелов, и мы начали накапливать историю и гордость. За полвека царствования Элуа его Спутники расселились по весям и распространили в народе свой божественный отпечаток. Сам Благословенный, что бы им ни двигало, с радостью странствовал по всем провинциям — блуждающий жених, влюблявшийся во все, что видел. Если Элуа где и задерживался, то в Городе, который потому-то и любим всем народом и

считается королем всех городов; но Элуа редко где задерживался.

Все это я уже слышала, но из уст Делоне предания воспринимались по-другому: не как легенды, а как история. Я тогда поняла, что сказание так или иначе заканчивается, а вот история конца не имеет. И легендарные события, хоть и давно минувшие, играют роль в том, что происходит вокруг прямо сейчас. Делоне сказал, что, уяснив наконец эту тонкость, я, возможно, начну кое-что понимать.

Казалось, мне предстояло понять все. Начав изучать лабиринты политики, я всерьез жалела, что столь уединенно жила во Дворе Ночи. Алкуин вникал в эти хитросплетения уже больше двух лет и мог без труда отбарабанить генеалогические древа каждого из семи суверенных герцогств, королевской семьи и ее многочисленных побочных ветвей, а также обязанности Казначейства, границы судебной власти и даже законы Гильдии торговцев пряностями.

За это, как и за многое другое, я его ненавидела, но признаюсь, что одновременно и любила. Было попросту невозможно не любить Алкуина, который обожал почти весь мир. Каким бы невероятным это ни казалось воспитанникам Двора Ночи, мой соперник не осознавал своей изумительной красоты, которая с годами только расцветала. Он обладал блестящим умом и поразительной памятью, чему я завидовала, но не гордился даже ими, разве что если удавалось порадовать наставника.

Когда Делоне принимал гостей, что в те дни случалось часто, именно Алкуин прислуживал за столом. В отличие от шумных пиров, устраиваемых Домом Кактуса, приемы у Делоне проходили как встречи цивилизованных образованных людей. Он предпочитал приглашать небольшие компании друзей, которые возлежали на диванах во внутреннем дворике подобно элинам, наслаждались изысканной едой и проводили ночь в оживленных беседах.

Алкуин же подавал гостям вино и наливку, и, хотя я презирала его за недостаточную утонченность, нельзя было отрицать, что смотреть на него было очень приятно — сплошная врожденная грация и ненавязчивое усердие, да еще отбрасываемые лозами тени придавали его лунно-белым волосам зеленоватый оттенок. Когда Алкуин с радушной улыбкой предлагал сидящим вина, все они за редким исключением улыбались в ответ и протягивали ему бокалы — неважно, хотели пить или нет, — просто чтобы увидеть в его темных глазах удовольствие от возможности оказать им услугу.

Конечно, обаяние ученика Делоне использовал умышленно, и не сомневаюсь, что искренняя улыбка Алкуина развязала в том дворике много языков. Я не знала ни одного человека, равного по остроте ума Анафиэлю Делоне. Но тем, кто цитирует подобные фразы, стремясь доказать, что он без зазрения совести хладнокровно использовал нас, сразу скажу: это ложь. Да, мы с Алкуином любили его, каждый по-своему, и я нисколько не сомневаюсь, что наставник отвечал нам взаимностью. Прежде чем моя повесть закончится, я приведу достаточно тому подтверждений, но в начале ученичества я об этом почти не думала.

Что касается гостей, они были совершенно разными, причем настолько, что казалось почти невероятным, как один человек может иметь так много разнородных знакомых из всех уголков страны. Делоне очень тщательно подбирал, кого пригласить, и я не встречала на его приемах разлада между гостями, если только он сам того не планировал. Мой хозяин приятельствовал с чиновниками и судейскими, с лордами и леди, с моряками и торговцами, с поэтами, художниками и с ростовщиками. Он знал певцов, воинов и ювелиров, заводчиков породистых лошадей, ученых и историков, шелковых магнатов и шляпников. Общался с

потомками Благословенного Элуа и его Спутников и отпрысками всех Великих Родов.

Вот и Каспар Тревальон, граф Фурсэ и кровный родственник Марка, герцога Тревальона, тесно дружил с Делоне. Умный и циничный вельможа с сединой на висках, Каспар собаку съел на политических интригах и всегда угадывал, куда дует ветер. Наверняка именно он рассказал Делоне, как принцесса Лионетта нашептала своему сыну Бодуэну о болезни короля, пустом троне и о том, что символическую свадьбу на Средизимнем маскараде многие люди сочтут знамением.

Такие разговоры окружали меня каждый день и стали неотъемлемой частью моей жизни, а то, что проходило мимо меня, удавалось узнать позже, когда Делоне приказывал Алкуину пересказать события вечера. Наставник постоянно вовлекал меня в эти занятия, чтобы я наращивала запас знаний, от которых и без того пухла голова. Долгое время я обижалась на Делоне за то, что он предпочитал мне Алкуина, тогда как я была лучше обучена прислуживанию за столом; но я все равно слушала и слушалась.

Позже я поняла, почему эти долгие первые годы наставник скрывал меня от посторонних глаз. Кандидатов в наши с Алкуином любовники Делоне отбирал с величайшей осторожностью. Представители высших кругов, глубоко погрязшие в деньгах и власти, до такой степени никому не доверяли, что выманить их сокровенные секреты представлялось отчаянно сложным. Делоне был достаточно мудр, чтобы заронить искру желания к Алкуину задолго до дня его совершеннолетия. Многие знатные люди вождели Алкуина годами, наблюдая, как он мучительно медленно превращается из красивого ребенка в ослепительного юношу. Когда они наконец раскрыли свои карты, годы ожидания немало поспособствовали тому, что ставки взлетели до небес.

Что до меня, тут все было иначе. Желание, которое я могла вызвать — тогда еще только в теории, — горело жарче, но запал его был короче. Хорошо разбиравшийся в человеческой природе Делоне учел это и мудро решил скрывать меня от своих гостей. Конечно, неизбежная молва довела до общего сведения, что он взял второго ученика; но когда гости просили Делоне показать меня, он улыбался и мягко отказывал. Поэтому интересовавшиеся мной могли только воображать меня, пока я переживала подростковый возраст в окружении чернильниц и свитков пергамента.

За единственным исключением: Мелисанда.

Гению требуется аудитория. Несмотря на весь свой ум, Делоне был прирожденным художником слова и, как все творческие натуры, искал похвалы своим произведениям. А людей, способных оценить их по достоинству, было очень и очень мало. Тогда я еще не знала, такую тонкую игру эти двое вели друг с другом, равно как и не ведала, какая роль в ней отведена мне. Все, что было мне известно: Мелисанда относилась к тем немногим, кого Делоне приветствовал в качестве своей публики.

\* \* \* \* \*

Я жила у него уже три с половиной года и занималась с акробатом, которого Делоне отыскал Элуа знает где. Мой наставник верил в сбалансированный подход к формированию личности, и поэтому нам с Алкуином приходилось бесконечно заниматься спортом, чтобы наши гибкие умы пребывали в не менее натренированных телах.

Я только закончила урок, на котором научилась делать сальто из положения стоя, и уже вытирала с себя пот, когда Делоне вошел в гимнастический зал с какой-то женщиной. Акробат собирал свои вещи и, увидев гостью, спешно ретировался, на что Делоне не обратил внимания.

Попытку описать Мелисанду Шахризай приравняю к попытке нарисовать соловьиную песнь — что, по словам поэта, просто невозможно. Тогда ей было двадцать три года, хотя время казалось невластным над ней даже по прошествии лет. Сказав, что ее кожа была алебастровой, а волосы до того черными, что на свету отливали синим, глазам же насыщенного сапфирового цвета драгоценные камни могли лишь позавидовать, я озвучу правду и только правду; но она была чистокровной ангелийкой, а это само по себе уже предполагает красоту.

— Мелисанда, — произнес Делоне, и в его голосе слышались гордость и радость, — позволь представить тебе Федру.

Меня — ангелийку, рожденную при Дворе Ночи, — нелегко удивить красотой, но при всей моей взыскательности, перед некоторыми другими вещами я благоговею. Шахризай — древний знатный род, и многие, поверхностно знакомые с историей Земли Ангелов, полагают, будто он берет начало от Шемхазая. Это неверно. Тезки, названные в честь кого-то из потомков Спутников Элуа, так вросли в общество, что только ангелийские ученые способны разобраться в генеалогических хитросплетениях, пестрящих совпадающими и созвучными именами.

К тому времени я уже многое изучила и не нуждалась в исторической справке о родоначальнике рода Шахризаев. Когда я вежливо подняла голову, чтобы посмотреть в голубые глаза Мелисанды, ее взгляд пронзил меня словно копье, мои колени задрожали, и я тут же поняла, что она — несомненный потомок Кушиэля.

— Как прелестно. — Мелисанда с беспечной грацией прошла по гимнастическому залу, перебросив через руку шлейф платья. Прохладные пальцы коснулись моей щеки, лакированные ногти слегка прошли по коже. Я вздрогнула. С легкой улыбкой она подняла мой подбородок, заставляя смотреть прямо ей в глаза. — Анафиэль, — удивленно пропела она, поворачиваясь к моему наставнику, — да ты отыскал настоящую *ангуиссетту*.

Он рассмеялся, подходя к нам.

— Я подумал, ты одобришь.

— М-м-м. — Женщина отпустила меня, и я чуть не рухнула на пол. — А я-то все гадала, что за чудо-юдо ты прячешь, затейник этакий. Знаю, многие поставили на кон внушительные суммы, так же теряясь в догадках.

Делоне погрозил ей пальцем:

— Мы же договорились, Мелисанда. Неужели ты допустишь, чтобы кузен Огье узнал, почему его сын в последнюю минуту отменил свадьбу?

— Просто... мысли вслух, дорогой. — Она ласково провела рукой по его щеке. Делоне улыбнулся. — Вспомни обо мне, когда решишь, что настало время этой девочке послужить Наамах, Анафиэль. — Она с милой улыбкой повернулась ко мне. — Ты ведь хочешь служить Наамах, не так ли, дитя?

Ее улыбка вызвала в моем теле дрожь, и я наконец поняла, что имел в виду Делоне, уничижительно отзываясь о Мандрагорах на Средизимнем балу. Память о палаче дуэи и посвященных Дома Мандрагоры в черном бархате померкла перед лицом кристальной жестокости улыбки Мелисанды. Хотелось бы сказать, что в тот самый момент я почувствовала, как перед нами открывается длинный коридор истории, и догадалась, какую роль мне суждено сыграть и какие ужасные последствия постигнут меня в результате, но это было бы ложью. Я ни о чем таком не подумала. Не подумала вообще ни о чем. В ту секунду я забыла о приличествующих манерах, о долгих наставлениях во Дворе Ночи и попросту

утонула в голубых глазах незнакомки.

— Да, — прошептала я в ответ. — Да, миледи, хочу.

— Хорошо. — Она снова отвернулась, словно забыв обо мне, взяла Делоне за руку и повела к двери. — Есть один маленький вопрос, который нам с тобой нелишне обсудить...

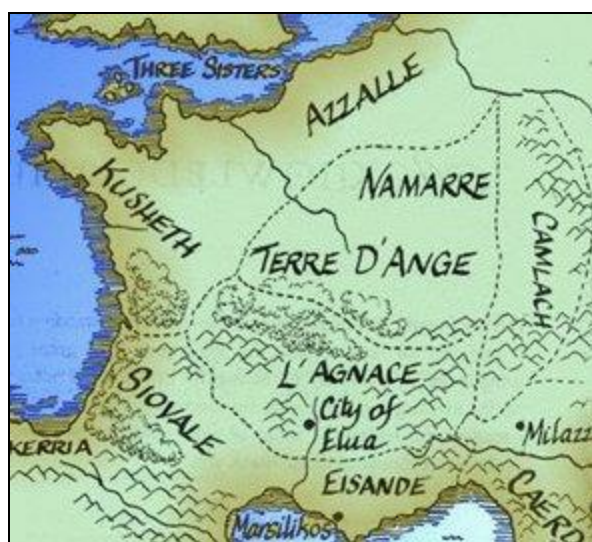
Так я и познакомилась с Мелисандой Шахризай, женщиной, ум которой отличался той же остротой, что и у Делоне, но сердце... сердце ее было гораздо холоднее.

# Глава 8

— А здесь, — ткнул в карту Делоне, — находится оплот графа Мишеля де Ферро, под началом которого армия в шесть сотен воинов защищает границу у Высокого перевала.

История, политика, география... урокам не было конца.

Согласно Диаспоре Спутников, территория Земли Ангелов делится на семь провинций, а король — или иногда королева — правит страной из Города в память о Благословенном Элуа.



Нежная Эйшет отправилась на южное побережье, где обитали мечтатели и моряки, целители и торговцы, а также тысяча видов птиц и дикие собаки на соляных болотах. Ее провинция ныне называется Эйсанд, и она самая маленькая из семи. Еще там живут тсыгане, и никто их не прогоняет.

Также на юг двинулся Шемхазай, но он пошел западнее, к гористой границе с Арагонией, с которой мы издревле поддерживаем мир. Его провинция именуется Сьоваль, и она достигла процветания и известности благодаря своим ученым, потому что Шемхазай превыше всего ценил знания.

К северу от Сьоваля расположился Ланьяс, богатая виноградом провинция Анаэля, которого прозвали Звездой Любви. С запада к ней примыкает скалистое побережье — провинция Кушет, где поселился Кушиэль, раскинувшаяся до самого Западного мыса. Это суровый край, совсем как ангел, давший ему имя.

Еще севернее вдоль пролива протянулась Аззаль, и в одном месте с ее берегов видны белые скалы Альбы. Если бы не Хозяин Пролива, властвующий над разделяющими наши земли водами, существовала бы опасность могущественного альянса между Аззалью и Альбой.

На это я обратила особое внимание, потому что в ту пору Аззалью правил герцог Тревальон, а мое сердце все еще частило при воспоминании о средизимнем поцелуе его сына, принца Бодуэна.

Рядом с Аззалью простирается Намарра, где жила Наамах. В этом краю много

рек, поэтому он очень красив и плодороден. Там есть родник, от которого берет начало река, давшая свое имя провинции, и каждый служитель Наамах должен совершить к священному истоку хотя бы одно паломничество.

На востоке, гранича со Скальдией, лежит длинная и узкая полоска земли — провинция Камлах, где поселился воинственный Камаэль и где собрал первые победоносные армии свирепых воинов-ангелийцев, которые с тех пор стойко защищали нашу страну от вторжения неприятеля.



Такова, как учил Делоне, природа моей родины и распределение в ней сил. Постепенно я пришла к пониманию основополагающего разделения и особенностей власти, которая в каждой провинции была своя и в какой-то степени отражала характер местного ангела-основателя.

Кассиэль — единственный из спутников Элуа, который не захотел собственную провинцию, а предпочел повсюду сопровождать своего странствующего господина. В его честь называли только кассилианцев — монахов, дающих обет соблюдать Заповеди Кассиэля. Это служение столь же тяжелое, как и служение Наамах, но гораздо более суровое и, возможно, поэтому нынче мало распространенное. Только самые древние из провинциальных знатных родов из поколения в поколение блюдают старинную традицию — отсылают младших сыновей в Кассилианское Братство. Как и дети Двора Ночи, эти младшие сыновья становятся послушниками в десять лет, но ведут исполненную лишений суровую аскетическую жизнь: на их долю достается военное дело, celibat и отказ от всех мирских радостей.

— Видишь, Федра, почему Камлах всегда был стратегически очень важен? — Делоне обвел пальцем границу провинции на карте. Я посмотрела в его вопрошающие глаза и вздохнула.

— Да, милорд.

— Хорошо. — Палец снова двинулся и остановился. У наставника были красивые руки с длинными музыкальными пальцами. — Вот, смотри, именно здесь состоялось сражение. — Он указал на плотную гряду гор. — Ты отметила, что вчера говорил торговец рудой? Скальды снова подобрались к ущельям, а ведь до сих пор и близко не подходили с самой Битвы Трех Принцев. — В голосе Делоне слышалась печаль.

— Когда погиб принц Роланд, — припомнила я. — Дофин был одним из трех принцев.

— Да. — Учитель резко отодвинул карту. — А кто были двое других?

— Брат короля, Бенедикт, а еще... — имя никак не шло на ум.

— Перси Ланьясский, граф Сомервилль, кровный родич принца Роланда, — помог мне Алкуин. Он отбросил белые волосы со лба и улыбнулся. — По материнской линии родственник королевы Женевьевы, что по закону о браке сделало его принцем крови, хотя сам он редко себя так титулует.

Я зыркнула на непрошеного помощника:

— Я это знала.

Алкуин пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся.

— Успокойся. — В голосе Делоне не слышалось веселья, а его взгляд был мрачным. — Мы дорого заплатили за ту победу, лишившись Роланда де ла Курселя. Он был рожден, чтобы править, и после смерти отца наверняка удержал бы трон своей силой духа и благородством. Против него никто не посмел бы восстать. Мы заплатили за безопасность наших границ нестабильностью в самом Городе, ныне грозящей лишить нас когда-то завоеванного.

Оттолкнувшись от стола, Делоне поднялся и принялся расхаживать по библиотеке. Наконец он остановился и молча уставился в окно на улицу. Мы с Алкуином безмолвно переглянулись. Нам достался добрейший из хозяев — самым страшным наказанием от него был упрек, и всегда действительно заслуженный. Но угадывалась в Делоне некая темнота, проявлявшаяся, правда, очень редко, но мы, следившие за его настроением внимательнее, чем земледельцы за погодой, чувствовали, что будить в наставнике плохое не стоит.

— Вы были там, милорд? — наконец произнесла я.

Он ответил, по-прежнему стоя к нам спиной, и его голос прозвучал безжизненно.

— Будь я в силах спасти принцу жизнь, я бы это сделал. Не следовало нам садиться в седла — вот в чем крылся промах. Но Роланд всегда действовал поспешно, и это был его единственный недостаток как предводителя. В третий раз возглавив атаку, принц слишком оторвался от остального войска, вдруг его конь оступился и упал, а нам не удалось быстро подтянуться к командующему. Заминка была недолгой... но ее оказалось достаточно, чтобы скальды успели его заколоть. — Делоне с тем же печальным лицом повернулся к нам. — Вот от каких мелочей могут зависеть целые империи. Из-за неуклюжей лошади каждый второй из потомков Элуа сейчас жаждет стать принцем-консортом и заполучить трон через брак с дофиной, а принцы крови, вроде Бодуэна де Тревальона, замышляют захватить престол силой по праву родства. Помните об этом, мои дорогие, и, строя планы, скрупулезно продумывайте каждую деталь.

— Думаете, принц Бодуэн хочет завладеть троном? — поразила я. Спустя три с



лишним года обучения я все еще порой не понимала схемы, которые изучал Делоне. Алкуин же удивления не выказал.

— Нет. Не совсем так, — криво улыбнулся учитель. — Но он племянник короля, и, думаю, его мать, которую не зря зовут Львицей Аззали, хочет обеспечить трон своему сыну.

— А-а-а. — Я моргнула и наконец ясно разглядела логику событий — действия пленившего мое воображение Бодуэна и присутствие Делоне на Среднезимнем маскараде наложились и стали мне понятны. — Милорд, а как это связано с варварами-скальдами на восточной границе?

— Кто знает? — пожал плечами Делоне. — Возможно, и никак не связано. Но нельзя точно предвидеть, каким образом происшествие в одном месте повлияет на ход событий в другом, ведь гобелен истории соткан из множества нитей. Необходимо изучить его вдоль и поперек, чтобы верно предсказать, как дальше ляжет узор.

— Неужели скальды вторгнутся к нам? — тихо спросил Алкуин, и в его темных глазах зажегся слабый огонек страха. Делоне добродушно улыбнулся и погладил ученика по голове.

— Нет, — уверенно сказал он. — Они такие же разобщенные, как племена Альбы дс Кинхила Ру, а наши военачальники, например, граф Ферро и герцог Маслен д'Эгльмор, бдительно охраняют все горные перевалы. Лорды Камлаха значительно укрепили свои позиции после Битвы Трех Принцев, чтобы подобное никогда не повторилось. Но это направление все равно нужно иметь в виду, мои дорогие, и вы помните, какие слова уместны в таких случаях.

— Лишних знаний не бывает, — произнесла я давно затверженную фразу. Имей Делоне девиз, он звучал бы именно так.

— Вот именно. — Он улыбнулся мне, и сердце мое затрепетало от его одобрения. — Идите же и развлекитесь, вы заслужили отдых, — отпустил нас Делоне.

И мы послушно ушли, хотя расставаться с наставником как всегда не хотелось. Для тех, кто никогда его не знал, могу лишь сказать, что Делоне обладал редким обаянием, воздействовавшим на всех окружающих; добавлю, что иногда это шло на пользу, а иногда во вред — позже я узнала о людях, ненавидевших нашего покровителя. Из тех завистников, которым несносно превосходство других. Что бы ни делал Анафиэль Делоне, он делал это с неизменным изяществом, присущим очень немногим в нашем мире. Недруги обзывали его сводником, а позже нарекли Шпионским Сутенером, но я знала его лучше большинства, и, поверьте, мой наставник никогда не связывался с чем-то низким или неблагородным.

И это было частью его загадки.

\* \* \* \* \*

— По-настоящему его зовут совсем не так, — сообщил Гиацинт.

— Откуда ты знаешь?

Друг послал мне белозубую улыбку, ясно различимую в сумерках.

— Порасспрашивал. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Хотел разузнать о мужике, который забрал тебя от меня!

— Но я же к тебе вернулась, — тихо возразила я.

Досадно, но Делоне моя эскапада только повеселила. Я тщательно продумала план побега и осуществила его, когда хозяин уехал ко двору: напялила мужское платье, позаимствованное из шкафа Алкуина, и вылезла из окна второго этажа. Я предварительно изучила карту Города и уверенно прошла весь путь до Сеней Ночи, не прибегая к посторонней помощи.

Воссоединение с другом было потрясающим. В память о старых добрых временах мы украли немного фруктовых пирожных у торговца с базарной площади, домчались до переулка Терция и забрались под мост, где и съели не успевшую остыть выпечку, перепачкав подбородки сладким соком. Потом Гиацинт отвел меня в кабачок, где останавливались странствующие игроки, которые его знали. Там мой друг расхаживал гоголем и демонстрировал свою значимость, сбывая то одному, то другому какие-то сплетни. Игроки славятся многоходовыми интригами, по этой части они даже превосходят посвященных во Дворе Ночи.

Упиваясь восторгом приключения и предвкушением грядущего наказания, я едва заметила мальчишку лет восьми или девяти, который пробрался через плотную толпу и что-то прошептал на ухо Гиацинту. Впервые я увидела, как мой друг нахмурился.

— Говорит, его послал человек в ливрее, — поделился со мной Гиацинт. — Коричневая ливрея с золотом, на гербе сноп кукурузы... не знаешь, чья такая?

— Делоне! — ахнула я, и сердце сжалось от страха. — Это его цвета.

Гиацинт с виду рассердился.

— Что ж, его человек ждет на улице, с коляской. Попросил послать к нему Ардила, когда ты будешь готова идти.

Мальчик воодушевленно кивнул, и я поняла, что Гиацинт создал в Сенях Ночи собственную небольшую сеть посыльных, а Анафиэль Делоне знал не только, что я ушла и куда отправилась, но и кто такой Гиацинт и чем он занимается.

Наставник не переставал меня удивлять.

Когда я вернулась, он уже ждал.

— Я не стану тебя наказывать, — заявил он без предисловий. Не представляю, что в те секунды было написано на моем лице, но Делоне это развеселило. Он указал на стул напротив. — Проходи, Федра. Садись. — Я подчинилась, а он встал и принялся расхаживать по комнате. Свет лампы играл на рыжевато-каштановых волосах, заплетенных в гладкую косу, подчеркивающую благородные черты лица. — Ты полагала, что мне неизвестна твоя склонность к побегам? — спросил он, остановившись передо мной. Я помотала головой. — Дело всей моей жизни — знать многое о многом, и в круг моих интересов, конечно же, попадает все, что касается моих домашних. О разных мелочах, которые дуэйна предпочла скрыть, моя дорогая, ее гвардейцы молчать не стали.

— Простите, милорд! — воскликнула я, снедаемая виной.

Делоне удивленно посмотрел на меня и снова сел.

— Ты раскаиваешься лишь постольку, поскольку тебе это нравится — что, хотя и немало, действует лишь после проступка, и потому никоим образом не удержит тебя от повторения, верно?

Сбитая с толку, я кивнула.

Делоне вздохнул и скрестил ноги, внезапно посерьезнев.

— Федра, я совсем не против твоего честолюбивого юного друга. Несомненно, в том квартале ты сможешь получить сведения, которых больше нигде не услышишь. До определенной степени, — в бархатный голос опять прорвались нотки веселья, — я не против твоей склонности к побегам и, — он наклонился и потянул за рукав надетой на меня туники Алкуина, — переодеваниям. Но одинокому ребенку в Городе грозят опасности, которым я не считаю допустимым тебя подвергать. С этих пор, если ты пожелаешь в свободное время навестить своего приятеля, предварительно сообщи об этом Ги.

Я подождала продолжения.

— Это все?

— Это все.

Тут было о чем подумать. Малоразговорчивый Ги преданно и верно служил Делоне, выполняя множество неведомых мне поручений.

— Он последует за мной, — наконец произнесла я. — Или отправит кого-нибудь.

— Очень хорошо, — улыбнулся Делоне. — Ты вольна попытаться раскрыть слезку и попробовать ускользнуть, даю благословение. Если у тебя получится от него скрыться, Федра, я больше не буду беспокоиться, как ты там одна. Но ты непременно поставишь Ги в известность, когда по какой угодно причине соберешься покинуть мои владения.

Его благодушие сводило меня с ума.

— А если не поставлю? — спросила я, вызываяще задрав подбородок.

Перемена в выражении его лица испугала меня, по-настоящему испугала, без единого проблеска восторга. Глаза Делоне похолодели, а черты заострились.

— Я не потомок Кушиэля, Федра, и не играю в игры с провокационным неповиновением и вожделенными наказаниями. Так как мне на тебя не наплевать, я не позволю тебе подвергать себя опасности из-за ребяческого каприза. Я не требую беспрекословного подчинения, но послушания все же требую. Если ты не способна меня слушаться, я продам твой туар.

Эти слова зазвенели в ушах и, можете быть уверены, я приняла их во внимание. Я видела его глаза — без сомнения, Делоне не шутил. И, естественно, в результате, когда я вскоре сидела с Гиацинтом на кухне его матери, откуда-то поблизости с меня не спускал глаз незаметный и многоопытный Ги.

— Так как же его по-настоящему зовут? — спросила я единственного друга. — Кто он такой на самом деле?

Гиацинт покачал головой, потряхнув смоляными кудрями.

— Это мне пока неизвестно. Но кое-что я все-таки знаю. — Тсыган дразняще усмехнулся. — Я знаю, почему запретили его стихи.

— И почему же? — Нетерпение меня буквально жгло. Мать Гиацинта, до того что-то бормотавшая над печкой в углу, повернулась и тревожно посмотрела на нас.

— Ты слыхала, как умерла первая невеста принца Роланда? — спросил друг.

Это случилось до моего рождения, но благодаря бесчисленным урокам Делоне я была хорошо подкована в истории королевской семьи.

— Она сломала шею, упав с лошади, — ответила я. — Несчастный случай на охоте.

— Это все болтовня, — возразил Гиацинт. — После свадьбы Роланда с Изабель л'Анвер в борделях и пивнушках ходили куплеты про знатную леди, которая подкупила конюшего, чтобы тот подрезал подпругу удачливой соперницы, с утраца перед самой охотой.

— И эту песню написал Делоне? Зачем?

Гиацинт пожал плечами.

— Кто знает? Я повторяю, что слышал. Гвардейцы принцессы поймали в кабаке трубадура. На допросе он заложил Делоне как сочинителя. Певца отправили в ссылку в Эйсанд, но по дороге он отчего-то возьми да помри. Принцесса-консорт и Делоне вызвала на допрос, но он ни в какую не признавал свое авторство. Потому-то его и не изгнали. После, задабривая сноху, король запретил твоему хозяину впредь писать стихи и издал указ, чтобы все его книжки сожгли.

— Значит, он враг короны, — восхитилась я.

— Нет, — уверенно покачал головой Гиацинт. — Будь так, его бы мигом отправили в ссылку или куда подальше, плевать, признался бы он в авторстве или нет. Консортша этого и добивалась, но Делоне до сих пор принимают при дворе. Кто-то из сильных выступил его покровителем.

— Откуда ты все это узнал?

— Ну... — Гиацинт снова сверкнул зубами. — Мне знаком придворный стихоплет, который питает безнадежную страсть к жене одного кабатчика. Представляешь, в своих, хм, виршах он обращается к ней как к Ангелу Сеней Ночи. Так вот, она платит мне медяшку, чтобы я сказал ему отвалить и больше к ней не лезть, а он дает золотой, чтобы я расписал, как она выглядела, когда это говорила. Я разужнаю для тебя что угодно, Федра.

— Ты узнаешь, что хочешь, на свою беду.

Слова прозвучали мрачно, и поначалу я подумала, что они адресовались Гиацинту, но, подняв глаза, увидела, что его мать указывает пальцем на меня. Пожухлая красота ее лица оттенялась болтающимися золотыми украшениями, а в запавших глазах мерцало предупреждение.

— Не понимаю, — смутилась я.

— Тебе не придется выведать секрет своего хозяина. — Она погрозила мне указательным пальцем. — Любопытная девчонка, слушай, что я скажу: горькие слезы прольешь ты в тот день, когда тайное станет явным. Не пытайся приблизить время скорби.

С этими словами она снова отвернулась к печке, не обращая на нас внимания. Я посмотрела на Гиацинта. Озорство исчезло из его глаз; он мало что почитал, но прорицательский дар матери возглавлял этот коротенький список. Гадая обитателям Сеней Ночи, тсыганка пользовалась старой потрепанной колодой карт, но от Гиацинта я знала, что это лишь ради зрелищности. *Дромонд* не всегда приходил, когда его звали, а иногда являлся без приглашения — второе зрение, пронцающее завесы времени.

Мы с другом помолчали в задумчивости, и тут мне на ум невольно пришла присказка Делоне.

— Лишних знаний не бывает, — пробормотала я.

К концу четвертого года обучения у Анафиэля Делоне я достигла совершеннолетия.

Во Дворе Ночи меня бы посвятили в таинства Наамах и записали в ученицы по достижении тринадцати лет, но Делоне, к моей ярости, промедлил лишний год. Я думала, что сторю от нетерпения, так и не дождавшись от наставника заветного вопроса, но мои опасения не оправдались.

— Из ребенка ты превратилась в молодую женщину, Федра, — сказал он. — Да пребудет с тобой благословение Наамах. — Делоне взял меня за плечи и серьезно посмотрел в лицо. — Сейчас я собираюсь задать тебе один важный вопрос и, клянусь Благословенным Элуа, хочу, чтобы ты ответила честно. Согласна?

— Да, милорд.

Его глаза с топазовыми искорками вгляделись в мои.

— Ты желаешь посвящения в служение Наамах?

Я не стала отвечать сразу, радуясь возможности созерцать заинтересованность во мне на его обожаемом строгом и утонченном лице. Руки наставника лежали на моих плечах, о! Хотелось бы, чтобы он прикоснулся ко мне почаще.

— Да, милорд, — наконец кивнула я, пытаясь заставить голос звучать твердо и решительно. Стоило ли вообще спрашивать! Но, конечно же, Делоне следовал велениям своей чести. Я это понимала, потому что обожала его.

— Хорошо. — Он еще раз сжал мои плечи и с улыбкой отпустил. В уголках его глаз залегли мелкие морщинки. Как и все в нем, эти ниточки были прекрасны. — Купим на базарной площади голубку и пойдем в храм, где тебя посвятят в служение.

На мое десятилетие меня лишили церемонии, но четырнадцатый день рождения с лихвой искупил ту обиду. Хлопнув в ладоши, Делоне подозвал экономку и приказал ей приготовить праздничный ужин. Занятия на тот день были отменены, и нас с Алкуином отправили переодеться в самое нарядное платье.

— Я рад, — шепнул мне Алкуин, беря меня за руку и загадочно улыбаясь. Ему исполнилось четырнадцать несколькими месяцами ранее, и он тоже посвятил себя Наамах; но тогда Делоне считал меня еще ребенком и не допустил к церемонии.

— Как и я, — прошептала я в ответ и наклонилась поцеловать товарища в щеку. Он зарделся, и по светлой коже равномерно расползся румянец.

— Идем, — Алкуин потянул меня за собой. — Учитель ждет.

На рынке мы довольно долго ходили между храмовыми торговцами, пока коляска терпеливо нас дожидалась. Делоне устроил целое представление, позволив мне самой выбрать голубку для подношения Наамах. Как и следовало ожидать, птицы мало отличались друг от друга, но я внимательно оглядела каждую и наконец выбрала красивую белую голубку с коралловыми лапками и настороженными черными глазами. Делоне заплатил торговцу за лучшую клетку — очаровательную пагоду с позолоченными решетками. Птица немного посопротивлялась, колотя крыльями по прутьям решетки, пока торговец пересаживал ее из клетки в клетку. Хороший знак — значит, голубка здорова.

Во Дворе Ночи посвящение проходит в Домовом храме, но живущим под опекой знатного покровителя надлежало являться в Великий Храм — небольшое симпатичное здание из белого мрамора, окруженное садами. На деревьях восседали голуби — священные

и невредимые. У открытых дверей нас встретила служка. Глянув на Делоне, она поклонилась:

— Во имя Наамах, добро пожаловать, милорд. Чем можем услужить?

Я стояла рядом с ним, сжимая ручку клетки с птицей. Делоне положил ладонь мне на голову.

— Эта девушка пришла сюда, чтобы посвятить себя служению Наамах.

Служка улыбнулась мне. Она была молода, не старше восемнадцати, и походила на весну: золотисто-рыжие волосы цвета абрикосов и зеленые глаза, уголки которых приподнимались вверх наподобие кошачьих. Несмотря на молодость, она носила струящийся алый стихарь Духовенства Наамах с легкостью, выдававшей давнюю привычку. Я предположила, что ее посветили в служение еще младенцем — родители или одинокая мать, не способная вырастить ребенка; выговор служки подсказывал, что она родилась в Городе.

— Итак, — ласково произнесла девушка, — добро пожаловать, сестра. — Слегка наклонившись — она была немногим выше меня, — служка одарила меня приветственным поцелуем. Ее губы были мягкими и пахли согретыми солнцем травами. Когда она повернулась поцеловать Алкуина, они оказались одного роста. — Добро пожаловать, брат. — Отступив, она провела нас в храм. — Входите и молитесь. Я приглашу жреца.

Внутри храм был наполнен солнечным светом и украшен только цветами и горящими свечами. В центре купола имелось отверстие, в котором проглядывало небо. Мы приблизились к алтарю. Над ним возвышалась дивная статуя Наамах, с распростертыми объятиями приветствующая молящихся. Я поставила клетку, преклонила колени и посмотрела в лицо святой, излучавшее сострадание и влечение. Делоне тоже опустился на колени, серьезный и почтительный, а в лице Алкуина читалось восхищение.

В сопровождении четырех служек — встретившая нас тоже была среди них — появился жрец, высокий, стройный и красивый, несмотря на возраст: аккуратные морщины были словно специально проведены на лице, а седые волосы заплетены в длинную ровную косу. Он показал, где нам надлежало встать.

— По доброй ли воле ты принимаешь посвящение в служение Наамах? — серьезно и торжественно он спросил меня.

— Да.

Жестом велел мне наклониться, он закатал алые рукава своего стихаря. Одна из служек подняла кандею с водой, жрец погрузил в нее кропило и брызнул несколько капель на меня.

— Водой священной реки Наамах крещу тебя во служение.

Взяв у другой служки медовую просвиру, старец разломил ее и положил кусочек мне в рот со словами:

— Да восприимет плоть твоя сладость желания.

Я прожевала и проглотила хлеб, чувствуя на языке вкус меда. Зеленоглазая служка протянула жрецу кубок, который тот поднес к моим губам.

— Да вскипит кровь твоя от страсти.

Четвертая служка подняла флакон с маслом, и старец окунул в него кончики пальцев. Помазав елеем мой лоб, жрец Наамах посмотрел мне в глаза и ласково произнес:

— Да обрящет душа твоя вечную благодать во служении Наамах.

Я чувствовала прохладу его пальца под пленкой масла и таящуюся внутри жреца силу. Лицо Наамах, совершенное и сладострастное, расплылось перед глазами. Я зажмурилась и ощутила, как вокруг колышется воздух храма, напоенный светом, крыльями и божественной

силой. Я вдруг поняла, что истории о святой, рассказываемые в каждом из Тринадцати Домов, — все они правдивы и ни одна не содержит всей правды. Наамах заключала в себе все те качества, которые превозносили при Дворе Ночи, но и гораздо большее.

— Да исполнится, — возвестил жрец, и я открыла глаза. Он и служки отошли, и старец кивнул мне. — Можешь предложить Наамах свое служение, дитя.

Алкуин придержал для меня клетку. Я осторожно открыла дверку, поймала голубку и вытащила. Белее снега, она почти ничего не весила, но я чувствовала ее теплое живое трепыхание, ее быстрое испуганное сердцебиение. Перышки на ощупь казались мягкими, и, когда птичка пошевелилась, я побоялась, что могу сломать хрупкие косточки, если сильно на нее надавлю. Повернувшись к алтарю, я снова опустилась на колени и протянула голубку к статуе.

— Благословенная Наамах, молю тебя принять меня в служение, — сказала я отчего-то шепотом и разжала руки.

Неожиданно освободившись, голубка взмыла в воздух — перышки слегка поблескивали в солнечном свете. Она уверенно взлетела под купол, описала круг и облачком поцелованных солнцем белых перьев выпорхнула из отверстия в бескрайнее небо. Жрец с улыбкой следил за ее полетом.

— Добро пожаловать, — сказал он, наклоняясь, чтобы помочь мне встать и одарить приветственным поцелуем. Он ласково смотрел на меня взглядом, исполненным спокойствия и мудрости тысяч сокровенных свиданий. — Добро пожаловать, Служительница Наамах.

Так меня и посвятили в жизнь, для которой я была рождена.

\* \* \* \* \*

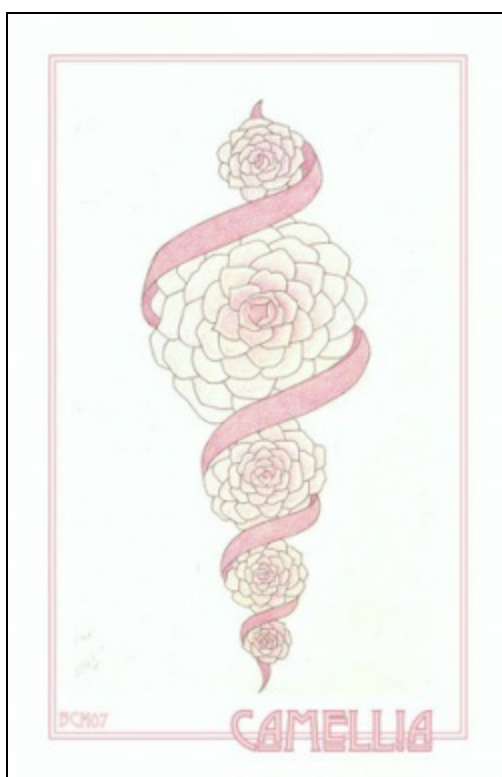
На следующей неделе началось обучение.

Делоне откладывал окончательную инициацию Алкуина, чтобы мы, как почти ровесники, вместе познали подлинное искусство служения Наамах. Так что наше обучение началось одновременно.

— Я договорился о Сеансе, — однажды сказал наставник, собрав нас у себя. — Не годится начинать постижение таинств Наамах без Сеанса. Эдмон Ноа, дуэйн Дома Камелии, снизошел к моей просьбе.

Это было очень похоже на Делоне: деликатно условиться о Сеансе с Домом, с которым меня ничего не связывало, дабы избежать пробуждения возможно горьких воспоминаний о детстве во Дворе Ночи. Я не стала говорить ему, что не возражала бы посмотреть Сеанс и в Доме Кактуса — не хотелось умалять проявленную учителем заботу.

При великом множестве возможных удовольствий, Сеанс для новообращенного Служителя Наамах всегда проводит традиционная пара: один мужчина и одна женщина. Тем же вечером Ги отвез нас в Дом Камелии. Я удивилась, обнаружив там еще большую щепетильность, чем у Кактуса, хотя это, пожалуй, и не странно: канонем Камелии является совершенство, и посвященные этого дома скрупулезно ему следуют.



На пороге нас встретила заместительница дуэйна, статная, высокая женщина с длинными черными волосами и кожей цвета свежей слоновой кости. Она грациозно поприветствовала нас, искусно не выдав ни зависти, ни любопытства при виде ослепительной красоты Алкуина и алого пятнышка в моем глазу.

— Не медлите, — подбодрила она. — Приняв посвящение в служение Наамах, идите же и смотрите, как творятся ее таинства.

Комната для Сеансов походила на такой же покой в Доме Кактуса: утопленная в полу сцена в форме трех четвертей круга, заваленная подушками и окруженная рядами скамей с мягкими сидениями. Сцену окаймлял многослойный газовый занавес, подсвечиваемый изнутри, а в глубине я различила бархатные гардины, скрывавшие вход.

Согласно правилу, общему для Тринадцати Домов, любой ритуальный Сеанс открыт для всех посвященных Дома, поэтому я не удивилась, когда в комнату вошли другие люди. Уединенные удовольствия — совсем другое дело, а обряды в честь Наамах доступны для всех ее служителей. Безо всякой задней мысли я по детской привычке встала на колени на подушку: покорно, со склоненной головой и молитвенно сложенными руками. Отчего-то меня это успокоило, хотя я чувствовала, как косится на меня Алкуин, пытаюсь подражать.

Где-то позади заиграл флейтист.

В начале второго пассажа бархатные гардины зашевелились, и на сцену вышла пара. Мужчина был высок и черноволос, почти близнец заместительницы дуэйна Дома Камелии — он и в самом деле приходился ей братом. Женщина была на ладонь ниже его и заметно бледнее, с волосами цвета осенней листвы. В этом Доме не было иного канона, кроме совершенства. Когда они встали лицом друг к другу и начали раздеваться, даже сквозь газовые вуали было видно, что оба посвященных великолепны и без изъяна.

Их слияние было похоже на танец.

Он касался ее благоговейно: кончиками пальцев огладил бока, нежно провел ладонями вверх по спине и приподнял шелковистые волосы, чтобы потом пропустить их блестящую массу сквозь пальцы. Его руки ласкали лицо подруги, прослеживая тонкие арки бровей и идеальный контур губ. Она же тронула его подбородок, потом провела пальцами по



рельефной колонне горла и распластала ладонь на мраморно-белой широкой груди.

Дары Наамах в нашей крови у каждого свои, но необязательно быть художником, чтобы любоваться картинами. Перед нами были посвященные Двора Ночи, и они мастерски творили свое искусство. По мере того как ласки становились жарче и жарче, газовые вуали медленно раздвигались одна за другой. Я восхищенно следила за происходящим и часто дышала, когда не затаивала дух в предвкушении. Пара обнималась и целовалась; мужчина держал лицо женщины в ладонях словно драгоценность, а она, как ива, льнула к нему в поцелуе.

Вот как молятся те из нас, кто присягнул Наамах.

Разорвав поцелуй, посвященная опустилась перед любовником на колени и перебрехала волосы вперед, каскадом пролив сияющий поток на его тело. Шелковистые пряди разделились, обтекая возбужденный фаллос. Я не видела, как двигались ее губы в интимной ласке, но в лице мужчины читалось блаженство, и я заметила, как напряглись его ягодички. Потянувшись обеими руками за голову, он расплел свою косу и встряхнул головой, и его волосы волной черного шелка рассыпались по плечам.

Собравшиеся не издавали ни звука, соблюдая почтительную тишину, нарушаемую лишь сладким напевом флейты. Мужчина отстранился и тоже встал на колени, а женщина медленно откинулась на подушки, раздвинув ноги, чтобы разделить с любовником свое богатство. Его волосы черным покрывалом накрыли ее бедра, пока он языком улащивал ее плоть, отыскивая в складках жемчужину Наамах.

Да, ему удалось обрести сокровище, потому что женщина изогнулась от наслаждения и потянулась, чтобы привлечь партнера к себе. Он навис над ней, кончиком фаллоса упершись во вход в ее тело. Его волосы свисали со склоненной головы и смешивались с ее — черные и рыжие. Никогда не видела ничего красивее этого соития. Флейтист затих, кто-то вскрикнул, и черноволосый одним плавным быстрым движением погрузился в любовницу до упора. К ликованию флейты присоединился шепчущий барабанный бой, пока мужчина двигался, а женщина изгибалась ему навстречу.

Все еще стоя на коленях и молитвенно сжимая руки, я заплакала, созерцая эту красоту. Они походили на птиц, спаривающихся на лету. Это был священный ритуал, а не обычный спектакль, и я чувствовала их преклонение друг перед другом и их страсть, наполнявшую мой рот, словно медовый хмель из кубка жреца. Мужчина врезался в любовницу как морской прибой, а она подавалась ему навстречу. Темп ускорялся, музыка становилась все громче, и вдруг женщина ахнула, впившись пальцами в бугрящиеся плечи партнера и крепко сжав его ногами. Он тоже выдохнул, выгнулся и замер. Я чувствовала жар между ногами, пока любовники наслаждались одновременным оргазмом.

А потом, слишком скоро, газовые завесы начали медленно закрываться, заслоняя вуаль за вуалью силуэты, сплетенные на подушках в блаженной истоме. Я успела увидеть, как мужчина перекатился на бок и сжал руку женщины. Рядом со мной Алкуин выдохнул давно сдерживаемый воздух, и мы обменялись ошеломленными взглядами.

Тут же явилась посвященная и проводила нас в гостиную, где нам подали наливку для восстановления сил. Заместительница дуэйна выразила надежду, что Сеанс нам понравился и мы поделимся своими хорошими впечатлениями с нашим хозяином Анафиэлем Делоне, который до сих пор диктует моду при королевском дворе. Я не заметила в ней ни единого проблеска презрения или ненависти за то, что нам нравилось жить под опекой нашего наставника.



Естественно, я ждала, что после Сеанса мы с Алкуином вплотную приступим к изучению искусства Наамах. Так и случилось, но совсем иначе, чем я воображала.

Делоне привлек преподавательницу — разумеется, лучшую из всех, кого можно было выбрать. Но я никак не думала, что ей окажется больше пятидесяти и что местом нашего обучения станет классная комната, а не спальня.

В молодости Сесиль Лаво-Перрин была посвященной Дома Кактуса; конечно же, она проходила обучение у моей прежней хозяйки, дуэйны. Сесиль была одной из немногих обитателей Двора Ночи, кому удалось добиться успеха и привлечь достаточно высокородных поклонников, чтобы, закончив туар, пуститься в свободное плавание. Семь лет ей удавалось снискивать любовь власть предержащих. На ее приемы слетались лорды и поэты, поклонники вились вокруг нее, но она допускала в свою постель лишь самых избранных, если вообще кому-то даровала такую привилегию.

В конце концов Сесиль решила выйти замуж и удалиться из высшего полусвета. Ее выбор пал на Антуана Перрина, рыцаря Ордена Лебедя, — спокойного и верного мужчину, покинувшего свои деревенские угодья ради службы королю в качестве советника по военным делам. Супруги вели тихую жизнь, изредка собирая гостей для не плотских развлечений. После безвременной кончины мужа мадам продолжила следовать тому же образу жизни. Наверное, Делоне был одним из немногих, знакомыми с обеими сторонами ее личности.

Я сумела добыть эти сведения, подслушав их разговор, тот самый, в котором Сесиль согласилась взяться за наше обучение. Не слишком благородно с моей стороны, но я не чувствовала себя виноватой. Именно этому меня и учили. Делоне постоянно твердил нам: собирайте знания любыми возможными способами.

Рядом с внутренним двориком располагалась кладовая, где сушились садовые травы. При моем небольшом росте и subtilности мне удалось скорчиться в зазоре между шкафом и открытым окном, чтобы услышать беседу, ведущуюся во дворе. Едва собеседники закончили обмениваться любезностями, Делоне сразу озвучил свою просьбу.

Плавный и сладкозвучный голос мадам отличался удивительным шармом. В ее речи улавливались отголоски воспитания в Доме Кактуса — уступчивые паузы, едва заметное придыхание, — но сомневаюсь, чтобы непривычное ухо их различило. Годы неиспользования умерили с детства привычные интонации.

— То, что ты просишь, невозможно, Анафиэль. — До меня донесся шорох — наверное, мадам покачала головой. — Ты же знаешь, я давно уже не служу Наамах.

— Не слишком ли легко ты отказываешься? — спокойно возразил Делоне. — Я же не прошу тебя обучать их плотским радостям, Сесиль, ни в коей мере, а лишь преподавать теорию. Пройди с ними великие тексты... «Экстатика», «Путешествие Наамах», «Три тысячи радостей»...

— Захочешь ли ты, чтобы я проходила с мальчиком «Оду Антиноя его возлюбленному»? — в напевной плавности впервые послышались стальные нотки.

— Нет! — горячо запротестовал Делоне. Когда он снова заговорил, его голос доносился из другого места. Значит, наставник встал и принялся расхаживать по дворику. Теперь его речь звучала сдержанно и сухо. — Декламировать это стихотворение запрещено, Сесиль. Ты

не настолько глупа, чтобы нарушить указ короля.

— Да. — Она согласилась легко, но без извиняющейся интонации. — Зачем ты это делаешь?

— И это спрашиваешь ты, величайшая куртизанка нашего поколения? — Он слишком ей льстил; нечасто на моей памяти Делоне вел себя столь изворотливо.

Но обмануть мадам было непросто.

— Я не об этом.

— Зачем. Зачем, зачем, зачем. — С каждым словом голос перемещался — Делоне опять не стоялось на месте. — Зачем? Изволь, я объясню. Затем, что существуют места, куда мне заказан вход, и люди, до которых мне не достучаться, Сесиль. Канцлерский суд, казначейство, секретариат при малой государственной печати... повсюду, где происходит фактическое управление государством, союзники Изабель закрывают передо мной двери. Их нельзя уговорами склонить на мою сторону, но можно соблазнить. Мне известны их пороки, я знаю их желания. Я знаю, как до них добраться.

— Это мне понятно. — Она говорила тихо, тем самым понуждая Делоне тоже сбавить тон. — Я слишком давно с тобой знакома. Ты ввел меня в круг своих доверенных лиц, и мне ведом ход твоих мыслей. И я еще раз спрашиваю тебя, Анафиэль, зачем? Зачем ты это делаешь?

Последовала долгая пауза, и мои мышцы начали ныть от напряжения, вызванного неудобной позой в тесном закутке. Ни единое дуновение ветерка не залетало в кладовую, а спертый воздух сладко и резко благоухал розмарином и лавандой.

— Ты знаешь, зачем.

Вот и все, что ответил Делоне. Я прикусила язык, дабы не попросить Сесиль продолжить расспросы. Но что бы мой наставник ни подразумевал, она его поняла. Как она и сказала, они были слишком давно знакомы.

— До сих пор? — с теплотой в голосе спросила Сесиль и тут же добавила: — Ах да, ты же дал обещание. Что ж, хорошо. Я тоже уважу его, Анафиэль, как оно того стоит. Я обучу твоих учеников великим текстам о любви — тем, что не запрещены, — и в теории преподам им искусство Наамах. Если ты поклянешься, что они оба приступают к служению по собственной воле, я готова исполнить твою просьбу.

— Клянусь. — В голосе Делоне слышалось облегчение.

— Сколько им известно?

— Достаточно, — туманно ответил он. — Достаточно, чтобы составить представление, к чему их готовят. Но недостаточно, чтобы к ним подослали убийц.

— Изабель л' Анвер мертва, Анафиэль. — Сесиль говорила ласково, словно с ребенком, который боится темноты. — Ты правда думаешь, что ее обида продолжает жить?

— Та обида живет в бывших сподвижниках Изабель, — мрачно произнес Делоне. — Сама Изабель л' Анвер де ла Курсель была моим врагом, но случилось, мы с ней оказывались заодно. Мы вполне могли бы стать союзниками, когда дочь Роланда подросла бы настолько, чтобы занять трон. А сейчас это невозможно.

— М-м-м. — Я услышала легкое дребезжание, когда горлышко кувшинчика с вином соприкоснулось с ободком бокала. — Рана Маслена д'Эгльмора загноилась, и два дня назад он скончался, ты уже знаешь? Через две недели герцогом д'Эгльмором станет Исидор, и он попросил у короля еще пятьсот рыцарей.

— На границе у него будет дел по горло.

— Верно. — Интонации Дома Кактуса уступили задумчивым ноткам. — Тем не менее он нашел время посетить Намарру и нанести визит Мелисанде Шахризай в ее загородной резиденции. Нынче Мелисанду часто видят в обществе принца Бодуэна, и, поговаривают, Львица Аззали недовольна.

— Мелисанда Шахризай собирает сердца, как придворный садовник саженцы, — неодобрительно проворчал Делоне. — Каспар сказал, что Марк поговорит с сыном, если потребуется увещевание.

Еще одно тихое позвякивание — бокал поставили на один из низких столиков. Я научилась различать подобные звуки, даже несмотря на боль в шее.

— Возможно. Но не стоит недооценивать ни одну из них — ни Шахризай, ни Львицу. Не думаю, чтобы они допустили такую ошибку по отношению друг к другу. Но, в конце концов, неспособность понимать женщин всегда была твоим слабым местом, Анафиэль. — Послышался шорох юбок — гостья поднималась. — Утром я приду и начну обучение детей. Спокойной ночи, дорогой.

Я притаилась, пока их удаляющиеся шаги не затихли вдаль, а потом выбралась из своего укрытия и понеслась вверх, чтобы рассказать Алкуину все, что узнала.

И, конечно, чтобы поразмыслить над подслушанным.

\* \* \* \* \*

При свете дня Сесиль Лаво-Перрин оказалась высокой и изящно сложенной, с бледно-голубыми глазами цвета свежераспустившегося колокольчика. Занятно, как в посвященных Дома Кактуса по мере увядания проявляется скрытая сталь. Несгибаемостью мадам походила на дуэину, только была моложе и добрее. Но учительствовала строго и сразу же задала нам читать и зубрить наизусть первый из великих текстов, о которых упоминал Делоне.

Для Алкуина урок стал откровением. На Сеансе я не до конца осознавала глубину его наивности. Как ни удивительно, он совершенно не понимал сути действий, которыми воздают почести Наамах. Я, никогда не принимавшая участия в заветном танце, знала все основные па наизусть. Алкуин же руководствовался только инстинктами нежного сердца и молодой горячей плоти, совсем как простак-крестьянин.

Позже я догадалась, что в этой неискренности заключалась часть очарования Алкуина, каким его задумал Делоне. Непорочная сладость Алкуина усиливала его обаяние и составляла соблазн, перед которым не мог устоять даже самый пресыщенный гурман. Но тогда я этого еще не понимала. Вечерами, когда мы занимались вместе, я наблюдала, как он читает с приоткрытым ртом и черты его лица меняются от невысказанных вопросов.

— «Ласка развеянной соломой, — тихо бормотал он. — Положите руки на талию партнера и медленно ведите ладонями вверх, подбирая и приподнимая волосы возлюбленного, а потом отпустите их, и пусть они развеиваются как солома, падая теплым дождем». Ты знала об этом, Федра?

— Да. — Я посмотрела в его большие темные глаза. — Они так делали на Сеансе, помнишь? — Я была знакома с этими ухищрениями с младенчества и выросла, наблюдая их. А теперь медленно, но верно сходила с ума, не имея возможности попробовать их на практике.

— Помню. «Ласка летнего ветерка». — Он вслух прочитал последовательность действий, недоверчиво качая головой. — Неужели это вправду работает?

— Давай, покажу.

На практике я умела не больше, чем Алкуин, зато не раз видела, как такое делается. Я потянула его на пол, где мы встали на колени лицом друг к другу. Алкуин выглядел серьезным и неуверенным. Я ласково коснулась кончиками пальцев его макушки, едва притрагиваясь к молочно-белым волосам, затем медленно заскользила вниз вдоль шелковистых прядей и дальше — по плечам и по изящным рукам. Сердце забило быстрее, а в крови забурлила странная уверенность. Я почти не касалась Алкуина, кончики пальцев парили над бледной кожей, но там, где я ими проводила, волоски на его руках вставали дыбом, словно пшеничные колосья, потревоженные летним ветерком.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Видишь?

— О! — Алкуин отстранился, потрясенно глядя на свою кожу, от удовольствия покрывшуюся мурашками. — Ты так много знаешь и умеешь!

— Ты лучше меня в том, что важно для Делоне, — отрезала я.

Это было правдой. Сколько я ни зубрила, у меня не получалось достичь той живости ума, с какой наблюдал и воспринимал все вокруг Алкуин. Он мог запоминать целые разговоры и пересказывать их с первой фразы до последней, имитируя даже интонации собеседников.

— Алкуин. — Я сменила тон, симитировав мурлычущие соблазнительные нотки Дома Кактуса, какие слышала в голосе Сесиль. — Если пожелаешь, можем попрактиковаться. Это нам обоим поможет лучше научиться.

Алкуин покачал головой, глядя на меня круглыми глазами, и встряхнул волосами лунного цвета.

— Делоне не хочет, чтобы мы этим занимались, Федра. Ты же знаешь.

Так и есть; Делоне недвусмысленно обозначил свою позицию, и даже соблазна новых знаний было недостаточно, чтобы склонить Алкуина к непослушанию. Вздохнув, я вернулась к учебникам.

Но, конечно, ничто не могло мне помешать практиковаться самой с собой.

Я начала в ту же самую ночь, в темноте маленькой комнаты, которая целиком принадлежала мне. Днем мы изучали предварительные возбуждающие ласки. Сбросив покрывало, я лежала на кровати обнаженной и шептала названия преподанных ласк, вырисовывая их узоры на своей коже, пока от прикосновений пальцев не закипела кровь.

Но пока я воздержалась от поиска разрядки, которая, как я знала, должна была венчать усилия, четко придерживаясь только пройденных уроков. Не могу сказать, почему я так решила — разве что это было мучительно, и потому казалось мне сладким.

Будучи старше и мудрее Делоне в служении Наамах, Сесиль Лаво-Перрин сразу же вычислила, что меня тяготило. Мы декламировали «Летопись семи сотен поцелуев» (большинство из которых я не могла попробовать сама с собой) авторства Эммелины Эйсандской, когда я почувствовала, как меня пронзил пронизательный взгляд учительницы, и невнятно промычала строку.

— Не терпится закончить книжную учебу, верно? — спросила Сесиль.

— Нет, миледи. — Поскольку меня с младенчества приучали к послушанию, вежливый ответ вырвался сам по себе. Я подняла голову, чтобы посмотреть в глаза мадам, и сглотнула. — Миледи, я воспитывалась при Дворе Ночи. Будь мне позволено там остаться, мое обучение длилось бы уже год. И уже сейчас я могла бы откладывать деньги на туар, а может, даже заплатить туарье за первые рисунки, если бы цена моей девственности

оказалась достаточно высока. Да, вы правы, мне не терпится.

— Значит, копьё, которое тебя подталкивает — это деньги, м-м-м? — Она с легкой улыбкой погладила меня по голове.

— Нет, — тихо призналась я, ластясь к ней.

— Тебя колет Стрела Кушиэля. — Сесиль подождала, пока я вновь не подняла голову, и кивнула, ничуть не удивленная. Она никогда об этом не говорила, а в Доме Кактуса никто так и не заподозрил, кто я по сути. Сесиль рассмеялась: — Анафиэль Делоне не единственный ученый на свете, моя милая, и я тоже довольно много читала, после того как покинула Двор Цветов, Распускающихся в Ночи. Не бойся, я сохраню тайну Анафиэля до тех пор, пока он не будет готов явить тебя миру. Но до того времени смирись и довольствуйся муками собственного изобретения.

Я залилась смущенным румянцем.

— Нет такого удовольствия, которое не становится слаще благодаря затянувшемуся ожиданию. — Она потрепала меня по пылающей щеке. — Если хочешь улучшить свои навыки, используй зеркало и свечу, тогда ты увидишь, на что способна, и изучишь характерные проявления страсти.

Той ночью я последовала ее совету. При свете свечи я гладила себя перед зеркалом, лаская самые чувствительные местечки и рассматривая, как набухает и краснеет моя плоть. Я думала о том, что Сесиль и Алкуин наверняка догадывались, чем я втайне занимаюсь, и в сладчайшем трепете, вызванном виной и стыдом, гадала, поделился ли кто-то из них своей догадкой с Делоне.

Так продолжалось мое образование.

# Глава 11

Два последующих года мы не занимались ничем кроме учебы, и она надоела мне до смерти.

И, что особенно обидно, мой единственный настоящий друг Гиацинт отказался мне помочь.

— Мне нельзя тебя трогать, Федра, — с видимым сожалением сказал он, тряхнув смоляными кудрями. Мы сидели в «Петушке», трактире, где Гиацинт устроил импровизированную штаб-квартиру. — Только не так. Я из тсыган, а ты — служительница на обучении. Связь между нами запрещена законами моего народа. Это *врайна*, табу, понимаешь?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но прежде чем успела заговорить, от компании гуляк за длинным столом в центре зала отделилась хихикающая молодая дворянка. Среди дерзких юных лордов и леди считалось модным ватажками по семь-восемь человек навещать в Сени Ночи, распивать там пиво и хороводиться с поэтами, игроками и простолюдинами.

Гиацинт тоже не избежал участи войти в моду.

— О Принц Странников, — торжественно начала озорница, но тут же фыркнула и оглянулась на своих хохочущих друзей. Дальше она говорила с трудом, преодолевая смех. — О... О Принц Странников, если я позолочу твою... руку, прочтешь ли ты будущее, записанное на моей?

Увидев блестящую золотую монету, Гиацинт — который, насколько я знала, никогда не покидал Сеней Ночи — в лучшем виде изобразил Принца Странников: встал и грациозно поклонился, масляно глядя на собеседницу.

— Звезда этого вечера, — произнес он одновременно вкрадчиво и напыщенно, — я весь к вашим услугам. За одну монету один ответ, начертанный Судьбами на вашей нежной ладони. Что желает узнать благородная госпожа?

Намеренно игнорируя меня, она расправила юбки и села намного ближе к Гиацинту, чем требовалось. Подала ему руку с видом, будто оказывала величайшую честь, и прошептала:

— Хочу узнать, возьмет ли Рене Ласер меня в жены?

— М-м-м. — Опустившийся на скамейку Гиацинт внимательно взгляделся в ее ладонь. Девушка смотрела на его вихрастую склоненную голову. Я видела, как судорожно она дышит, как вздымается грудь в смелом декольте, украшенном не менее смелым для такого злочного места дорогим затейливым ожерельем. По другую сторону зала столпились, наблюдая, ее спутники. Юные лорды окружили одного из своей компании, тыча его локтями и смеясь. Тот терпел происходящее, скрестив руки на животе, и лишь раздувающие ноздри выдавали его недовольство. Одна из молодых дворянок улыбнулась, скрытно и холодно. Чтобы ответить на заданный вопрос, не требовалось никакого *дромонда*. Гиацинт покачал головой, не поднимая глаз, и произнес: — Прекрасная леди, ответ, увы, отрицательный. Я вижу свадьбу, но не сейчас, а года через два, в замке, где три башни еще стоят нерушимо, а четвертая осыпается.

— Граф де Тур-Пердю! — выдернув руку, она прижала пальцы к губам, и ее глаза засверкали. — О, о! — Девушка потянулась и коснулась пальцами губ Гиацинта. — О, моя



мать будет рада это услышать. Никому не говори! Поклянись!

Быстро и изящно Гиацинт поймал ее пальцы и поцеловал их.

— Прекрасная леди, я нем как могила. Желаю вам радости и процветания.

Покопавшись в кошеле на кушаке, она вручила Гиацинту еще одну монету.

— Спасибо тебе, о, спасибо! Помни: никому ни слова!

Тсыган вновь встал, чтобы поклониться, а дворяночка поспешила обратно к друзьям и залепетала какую-то ерунду, чтобы скрыть радость от неожиданной приятной вести. Гиацинт сел и с самодовольным видом спрятал заработанные монеты.

— Это правда? — поинтересовалась я.

— Кто знает? — пожал он плечами. — Я видел то, что видел. В стране не один замок с рушащейся башней. Она верит в то, во что хочет.

Меня не касалось, что Гиацинт продавал кичливым лордам их же мечты и полуправду, но кое-что я должна была ему рассказать.

— Знаешь, у Делоне есть свиток, написанный ученым, который путешествовал с тсыганским табором и изучал их обычаи. Так вот, там говорится, что для тсыганских мужчин *врайна* пытаться применять *дромонд*; для них это хуже всего, гораздо хуже связи со служительницей на обучении. То, чему учит тебя мать, для тсыгана строго запрещено. Хотя ты ведь не относишься к чистокровным тсыганам, раз в жилах одного из твоих родителей текла ангельская кровь. Твою мать изгнали из табора именно за это, верно?

Я дерзила, возмущенная тем, что Гиацинт пренебрег моими желаниями, и раздраженная тем, что пришлось наблюдать, как он обхаживает глупую жеманную дворяночку. Возможно, на сей раз я перегнула палку. Глаза Гиацинта зло вспыхнули.

— Ты в этом ни ухом, ни рылом, и нечего попусту болтать! Моя мать — тсыганская принцесса, и *дромонд* дарован мне по праву крови! Что может знать о тсыганах какой-то глупый писака?

— Например, что тсыганские принцессы не добывают пропитание стиркой! — парировала я.

Неожиданно Гиацинт рассмеялся.

— Если он такое сочинил, то врет как сивый мерин. Многие века мы выживали любыми способами. Как бы там ни было, сейчас я зарабатываю достаточно и матери больше не приходится стирать чужие вещи. — Он серьезно посмотрел на меня, пожал плечами и добавил: — Может, в твоей писульке и есть доля правды. Просто не знаю. Когда вырасту, пойду искать народ моей матери. А до тех пор буду верить ее словам. Я не смею пренебрегать ими, наглядевшись на ее дар.

— Или ты боишься Делоне, и потому пренебрегаешь мною, — проворчала я.

— Никого я не боюсь! — Выпячивая грудь, он до того походил на мальчишку, каким я его впервые встретила, что я тоже рассмеялась и мы забыли о ссоре.

— Эй, тсыган! — Гиацинта окликнул один из молодых лордов, пьяный и заносчивый. Шатаясь, подошел к нашему столу, держа руку на эфесе шпаги. Глаза жестокие, а одежда — дорогая. Небрежным жестом он швырнул на стол кошель, и набитый монетами мешочек тяжело брякнулся о доску. — Сколько возьмешь за ночь с твоей сестрицей?

Трудно сказать, что бы мы на это ответили. Я взяла за правило навещать Сени Ночи, закутавшись в длинный плащ, а в трактирах мы с Гиацинтом всегда устраивались в темных углах подальше от очага. Моего друга здесь хорошо знали и относились к нему уважительно; и кабатчики, и завсегдатаи не выказывали интереса ни к моим визитам, ни к тому, кто я

такая.

Эти соображения вихрем пронесли в голове, а следом нахлынули удовольствие и гордость за то, что взгляд этого лорда пробился сквозь тени и с вожделением пал на меня. Тут же захлестнуло волнение при одной лишь мысли, чтобы продать себя под самым носом Делоне и уйти с этим незнакомцем, чьи готовые обнажить шпагу руки и кичливое предложение обещали жестокое обращение, которого я давно жаждала.

Все это я успела передумать за один вздох, пока Гиацинт с интересом разглядывал тяжелый кошель.

И тут рядом возник слуга Делоне, Ги.

— Тебе не по карману цена ее девственности, дружище. — Его редко раздающийся голос звучал как всегда спокойно, но кончик кинжала Ги упирался в шею лорда чуть ниже подбородка, а на уровне живота блеснул второй клинок. Я даже не заметила, как Ги вошел в трактир. Лорд застыл со вздернутым подбородком и свирепым взглядом, низведенный сталью до унижительной внимательности. — Иди обратно к своим приятелям.

Бесстрастный голос и холодная сталь подействовали убедительнее, чем смогли бы крик и физическая сила. Лорд непроизвольно сглотнул; от бывшей заносчивости не осталось и следа. Не сказав более ни слова, он развернулся и ушел прочь. Ги так же молча убрал кинжалы в ножны.

— Мы уходим, — приказал он, накидывая на меня капюшон и закрепляя его под подбородком. Я послушно последовала за ним, лишь быстро махнув на прощание Гиацинту. Ги беспрепятственно вывел меня из переполненного трактира. Гиацинт, который с нашей самой первой встречи притерпелся к внезапным расставаниям, воспринял это спокойно.

Для меня поездка в экипаже домой выдалась долгой. Я молча куталась в плащ. Наконец Ги заговорил.

— Не всегда человеку предоставляется выбор. — В экипаже было темно, и я не видела лица Ги, а лишь слышала его ровный голос. — Мои родители отдали меня на воспитание в Кассилианское Братство еще ребенком, Федра, а Братство изгнало меня из своих рядов, когда я в четырнадцать лет нарушил обет целомудрия с дочерью фермера. Я добрался до Города и занялся всякими преступными делами. Хотя у меня неплохо получалось, я презирал себя и мечтал о смерти. Однажды, когда казалось, что ниже падать некуда, посредник от очень могущественной особы заплатил мне, заказав убить одного знатного человека, когда тот пойдет домой с приема.

— Делоне?! — потрясенно ахнула я.

Ги пропустил мой вскрик мимо ушей.

— Я напал, чтобы победить или умереть. Дворянин меня обезоружил. Я ждал смертельного удара, но противник спросил: «Друг мой, ты сражаешься, словно воспитанник Кассилианского Братства; как же так вышло, что ты промышляешь столь далеким от братского делом?» Услышав этот вопрос, я заплакал.

Я ждала продолжения, но пауза затянулась. Не раздавалось ни звука, кроме цоканья лошадиных копыт и нестройного посвиста кучера.

— Мы с тобой не выбирали для себя долг, — наконец произнес Ги. — Но мы оба все равно в долгу перед Анафиэлем Делоне. Не пытайся его предать. Ты однажды можешь быть освобождена от своих обязательств, но я обязан ему жизнью, Федра.

Ночь выдалась свежей, и слова Ги холодом пробрали меня до костей. Я задрожала под плотным плащом и обдумала услышанное. Поразительно, какой же властью над людьми

обладал Делоне, раз сумел тронуть даже сердце, закаленное преступлениями и отчаянием.

Но хотя Ги и принадлежал Делоне до самой своей смерти, он не был тем, кем была я: учеником. Произнесенная им речь — самая длинная из всех, что я когда-либо от него слышала — стала еще одним кусочком головоломки в моей голове, где тут же родился важный вопрос:

— А кто заказывал убить Делоне?

В темноте экипажа я почувствовала, как Ги покосился на меня.

— Изабель де ла Курсель, — последовал бесцветный ответ. — Принцесса-консорт.

Та беседа мне запомнилось как первая и последняя в своем роде. Впоследствии Ги больше никогда не заговаривал о своем прошлом или о нашем обоюдном долге перед Делоне. Но он добился желаемого эффекта, потому что я больше никогда не пыталась изменить долгу перед своим покровителем.

\* \* \* \* \*

Загадочная история Делоне и его давняя распря с принцессой-консортом постоянно занимали меня. Хотя принцесса уже лет семь как умерла, их вражда продолжала жить там, где Делоне искал сведений. Докуда она простиралась, я не знала и долгие часы тратила на бесплодные обсуждения различных домыслов с Гиацинтом и особенно Алкуином, потому что последний не меньше меня — если не больше — увлекся тайной Анафизэля Делоне.

О да, пока Алкуин превращался из мальчика в юношу и прилежно учился у Сесиль Лаво-Перрин, я ясно видела, как менялась природа его благодарности Делоне. Беззаветная привязанность, казавшаяся столь очаровательной в детском возрасте, уступила место совсем иному обожанию, одновременно нежному и упоительному.

Я завидовала, наблюдая, как Алкуин томится, медленно прозревая, и видела ответную тревогу Делоне, который осторожно отдалялся, что говорило красноречивее всяких слов. Не думаю, чтобы сам Делоне вполне осознавал, как себя ведет, но я уже тогда смекнула, что к чему.

За несколько недель до шестнадцатилетия Алкуина Союзники Камлаха одержали крупную победу над скальдийскими налетчиками. Лорды Камлаха объединились под предводительством молодого герцога Исидора д'Эгльмора и успешно оттеснили скальдов с наших гор на их исконные земли.

В том бою принял участие принц Бодуэн де Тревальон во главе своих Искателей Славы.

По слухам, герцог д'Эгльмор получил от лазутчиков сведения, что скальды готовят организованную атаку на три Великих ущелья Камаэльской горной гряды. Как и следовало ожидать, он призвал Камлах к оружию под свое знамя... Но на приемах у Делоне и в темных уголках Сеней Ночи я не раз слышала перешептывания, мол, удивительно удачно совпало, что Бодуэн де Тревальон и бесшабашный отряд его личной гвардии как раз тогда гостили в Эгльморе.

Да, победа безусловно была крупной — самая значительная зачистка территории после Битвы Трех Принцев, — и король поступил бы глупо, отказав лордам Камлаха в победном шествии... или не признав заслуг принца Бодуэна на поле боя. А Ганелон де ла Курсель глупцом не был.

Так случилось, что шествие назначили на день рождения Алкуина и путь процессии пролегал мимо городского дома Сесиль. Восприняв это совпадение как знак свыше, наша учительница решила устроить пир и распахнуть свои двери, совсем как в старые добрые времена.

Только на этот раз в списке приглашенных оказались и мы.

Никогда не видела, чтобы Делоне так тщательно прихорашивался: хотя наставник всегда выглядел воплощением изысканности, наряд к празднику у Сесиль он выбирал так придирчиво, словно посвященный, собирающийся на встречу с возможным любовником. Наконец он остановился на дублете и штанах из черного бархата, в сочетании с которыми его заплетенные в косу волосы казались язычком рыжего пламени.

— Почему этот бал так важен, милорд? — спросила я, стоя на коленях и поправляя свисавший с его пояса серебряный футляр. Конечно, у Делоне имелся камердинер, но по особым случаям он поручал следить за деталями костюма мне. Невозможно вырасти в Доме Кактуса и не обрести цепкого взгляда и ловких пальцев, помогающих довести наряд до совершенства.

— Из-за Сесиль, конечно. — Он широко улыбнулся, как всегда неожиданно и волнующе. — Она не устраивала таких приемов с тех времен, когда Антуан еще был жив. Не хотелось бы ее конфузить.

Значит, Делоне любил и ее; во всяком случае, в прошлом наверняка так и было. За пять лет, что я у него жила, у наставника сменилось множество любовниц — что не являлось для меня секретом. Много раз я слышала после ухода остальных гостей тихий голос Делоне и восхищенный женский смех. Я не чувствовала от этих женщин угрозы. Рано или поздно они уходили, а я оставалась.

Другое дело, конечно, Алкуин, но вот это... это меня действительно тронуло — преданность любовнице, которая когда-то давным-давно была одним из ярчайших цветков Двора Ночи. Глаза увлажнились, я поднесла к носу флакон и вдохнула остро-сладкий аромат пчелиного воска и гвоздики, чтобы оправдать выступившие слезы, а потом прижалась щекой к обтянутому бархатом колену Делоне.

— Федра. — Наставник поднял меня, и я заморгала. — Ты будешь представлена как моя ученица, каковой и являешься. Но помни, что сегодня дебют Алкуина, и веди себя скромно. — Пленительная улыбка исчезла с его лица. — Теперь давай позовем мальчика сюда и проверим, готов ли он.

— Да, милорд, — пробормотала я, стараясь говорить смиренно.

Я предполагала, что Делоне нарядит Алкуина как принца. И ошибалась. Хитрости наставника, как всегда, было легко недооценить. Ожидалось победное шествие, и гостям Сесиль предстояло увидеть множество знатнейших ангелийцев, раздетых в парадные мундиры. Если Алкуина и можно было принять за кого-то из их свиты, то разве что за конюха.

Так мне показалось поначалу.

Приглядевшись внимательнее, я заметила, что белая рубашка Алкуина сшита не из холста, а из нежного батиста, тканого столь плотно и из таких тонких нитей, что их переплетения были почти незаметны. На первый взгляд грубая ткань бриджей при рассмотрении оказалась драгоценным молескином. Черные кожаные сапоги до колена сверкали почти зеркальным блеском.

Алкуин просто распустил свои удивительные лунные волосы, и они струились сияющей рекой цвета слоновой кости по плечам и спине, подчеркивая лицо уже не подростка, а юноши во всей его ослепительной и непорочной красоте. На мир мой товарищ смотрел

темными серьезными глазами. Да, Делоне был гением. Каким-то непостижимым образом незамысловатый крестьянский костюм — точнее, изысканная подделка под него — подчеркивал неземное очарование Алкуина.

— Очень красиво, — похвалил Делоне. Я услышала в его голосе удовлетворение и, возможно, что-то еще.

«Будь вежлива», — напомнила я себе; в конце концов, мне тоже позволено посетить этот дебютный прием.

— Выглядишь чудесно, — честно похвалила я Алкуина — он и вправду был неотразим.

— Как и ты! — Улыбаясь, он схватил меня за руки. В его искреннем лице не виднелось ни малейшего проблеска зависти. — О, Федра...

Я слегка отстранилась и, качая головой, вернула ему широкую улыбку.

— Сегодня твой вечер, Алкуин. Мой еще впереди.

— И уже скоро, иначе ты нас с ума сведешь, — пошутил Делоне. — Что ж, идемте. Коляска ждет.

\* \* \* \* \*

Дом Сесиль Лаво-Перрин был больше особняка Делоне и располагался ближе к дворцу. У двери нас встретил ливрейный лакей и проводил наверх по широкой изогнутой лестнице. Весь третий этаж был обставлен для развлечений: анфилада комнат с высокими потолками, длинный стол с белой скатертью и серебряными приборами, гостиная, сочетающая в себе удобство и утонченность, и бальная зала с блестящим паркетом. Арочные двери открывались на балкон, выходящий на улицу, по которой пойдут маршем триумфаторы. Музыканты на помосте в углу играли ненавязчивую мелодию. Несмотря на прохладу — зима все не кончалась, — опередившие нас гости толпились на балконе.

— Анафиэль! — с безошибочной чуткостью, прославившей ее гостеприимство, Сесиль заметила нашу тройцу в ту же секунду, как мы вошли, и поспешила радушно поприветствовать. — Очень рада вас видеть.

После многих часов, проведенных под ее надзором, только в тот вечер я в полной мере осознала ее обаяние. Не всем посвященным Двора Ночи удастся перенести уход молодости достойно, но Сесиль в этом преуспела. Пусть золотистые волосы тронула седина, но по контрасту с ней не утратившие цвета пряди смотрелись ярче, а морщинки вокруг поблекших глаз казались отметинами заботы и мудрости.

— Ты прелестью своей затмила свет дневной, — с обожанием произнес Делоне.

Она легко и очаровательно рассмеялась:

— По-прежнему лжешь как поэт, Анафиэль. Иди сюда, Алкуин, позволь-ка на тебя посмотреть. — Критично оглядев дебютанта, она поправила воротничок, обнажив нежную ямочку у основания шеи. — Вот так. — Сесиль потрепала Алкуина по щеке. — Шествие только что тронулось из дворца, еще есть время познакомиться с моими гостями. Ты знаешь, что если не желаешь через это проходить, стоит только сказать?

— Знаю, — Алкуин подарил ей безмятежную улыбку.

— Хорошо. Если станет не по себе, шепни мне или подай знак. — Сесиль повернулась ко мне. — Федра... — Она тряхнула головой, отчего бриллиантовые серьги задрожали, искрясь на свету. — Смотри, не учини здесь войну, дорогая.

Я пробормотала что-то подобающее, гадая, чем вызвано такое странное предупреждение, но наполовину уже сосредоточилась на балконе, где через считанные секунды я наконец увижу мужчин и женщин, которые вскоре могут оказаться в числе моих

гостей. Пусть блистать, как Алкуин, сегодня не получится — Делоне намеренно выбрал для меня простое платье из темно-коричневого бархата и шелковый чепец, скрывший мои густые волосы, — но незамеченной я оставаться не собиралась.

Наше появление вызвало небольшую суматоху. Гостей отбирала лично Сесиль, которая вращалась в кругах, не вполне совпадавших с кругом общения Делоне. Некоторые из присутствовавших, например, Каспар Тревальон, граф де Фурсэ, были его друзьями.

Но отнюдь не все.

Я изучала окружающие лица, когда объявляли наши имена, и заметила, кто улыбнулся, а кто молча обменялся с соседями выразительными взглядами. Именно на последних в конечном счете и имело смысл сосредоточиться. Кто угодно, достаточно состоятельный, мог внести средства на мой туар, но Делоне искал вовсе не наживы. Мы с Алкуином были вложением иного рода.

Совсем скоро я поняла, почему Делоне позволил мне прийти. Наш дебютант двигался среди потомков Элуа словно принц, переодетый конюхом, сопровождаемый взглядами и шепотками «служитель Наамах» и «день его рождения». Делоне и Сесиль что-то задумали, я в этом не сомневалась, как, впрочем, и гости.

Но пока Делоне непринужденно общался со знакомыми, а Алкуин красовался в центре пристального и не всегда скрытого внимания, я могла незаметно перемещаться в толпе, слушая и наблюдая.

— Анафиэль Делоне кладет в силки интересные приманки.

Ироничное замечание высокого мужчины с тугой темной косой и глазами хищной птицы привлекло мое внимание. Лорд Хильдерик д'Эссо, вспомнила я, из Канцлерского суда. Его собеседником был невысокий стройный человек в темно-синем костюме, чьего имени при мне не называли.

— Заинтригованы? — приподнял он брови.

Д'Эссо рассмеялся и покачал холеной головой.

— Я предпочитаю не сладкое, а острое. Но стоит взять на заметку, а?

«О да, — подумала я, делая мысленную зарубку на этих словах, как учил меня Делоне. — Стоит отметить ваш интерес, милорд, как и ваши вкусы».

Двое разошлись, и я последовала за незнакомцем, напрягая слух, чтобы расслышать, как обратилась к нему высокая женщина с изысканной прической, но как раз в этот миг грянули фанфары и кто-то закричал, что приближается процессия. Все столпились на краю балкона. Я потеряла из виду и Делоне, и Сесиль, и оказалась зажата в толпе. На секунду охватила досада, что королевское шествие для меня сведется к зрелищу обтянутых шелком и парчой спин гостей, но потом меня заметил дородный седобородый джентльмен и с ласковой улыбкой подвинулся, освободив местечко у самого парапета. Поблагодарив, я схватилась за каменную балюстраду и перегнулась через нее, чтобы разглядеть происходящее получше.

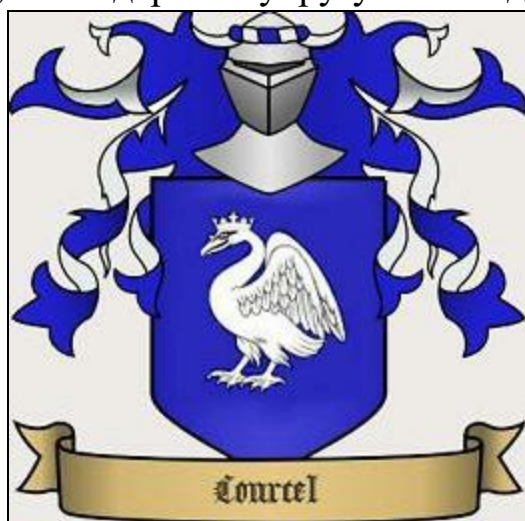
Каждая терраса на пути следования процессии была забита людьми, толпы теснились и вдоль улицы. Вдалеке, приветствуемые фанфарами, показались первые ряды воинов, чьи доспехи блестели в слабом свете зимнего солнца. Впереди ехал отряд дворцовой гвардии, оттесняя зевак к стенам домов. За гвардейцами следовал одинокий знаменосец. Мы были достаточно близко, чтобы различать лица, и знаменосец оказался юным, суровым и красивым. Он крепко сжимал древко, и флаг развевался у наших ног: золотая лилия на насыщенно-зеленом поле, окруженная семью золотыми звездами, символизирующими Благословенного Элуа и его Спутников — герб Земли Ангелов.

За знаменосцем гарцевал еще ряд гвардейцев, а следом — Ганелон де ла Курсель, потомок Элуа, король Земли Ангелов.

Я знала, что король уже очень стар, но все равно поразила, увидев, насколько. Хотя в седле он сидел ровно и гордо, его волосы и борода почти полностью побелели, а свирепые глаза запали и скрылись под разросшимися седыми бровями. Рядом с королем ехала Исандра де ла Курсель, его внучка, дофина и наследница трона Земли Ангелов.

Будь это шествие пьесой-аллегорией, дед и внучка могли бы представлять уходящую зиму и пробуждающуюся весну, поскольку принцесса была свежа и прекрасна как первый весенний денек. Она восседала в дамском седле на быстроногом рысаке, облаченная в платье цвета первых ростков крокуса, пробившихся сквозь мерзлую землю, и по-королевски пурпурный плащ. Развевающиеся светлые волосы были перехвачены золотой лентой, а лицо сияло молодостью и чистотой.

Толпящиеся вдоль улицы ангелийцы приветствовали ее восхищенными выкриками, но на балконе я услышала лишь перешептывания. Исандра де ла Курсель была молодой, любимой народом и красивой наследницей престола, но, что примечательнее всего, до сих пор незамужней и даже не помолвленной — дед пока никому ее не обещал. Хотя лицо принцессы ничего не выдавало, должно быть, для нее не секрет настроения знати — так думала я, наблюдая за ней сверху. Наверняка эти перешептывания следуют за ней повсюду, куда бы она ни пошла. Герб де ла Курселей, королевского дома, развевался рядом с ними; ниже, чем флаг Земли Ангелов, но выше остальных знамен, как и полагалось. Серебряный лебедь на темно-синем поле, и всего два человека под ним — это зрелище навевало грусть. Древний род Ганелона де ла Курселя заканчивался на Исандре. Его единственный сын погиб, а единственный брат, принц Бенедикт, женился на каэрдрианской принцессе из правящего Серениссимой рода, но та дарила супругу только дочерей.



Я многое узнала на уроках, но увидев эту пару воочию, поняла еще больше. На высоком балконе в окружении шушукающих вельмож я наблюдала за престарелым королем и юной дофиной — та была не старше меня самой — и чувствовала вокруг себя голод, направленный на шатающийся трон.

За королем ехали его сестра с мужем, принцесса Лионетта и ее герцог, Марк де Тревальон. Львица Аззали выглядела безмерно довольной, лицо герцога ничего не выражало. На флаге Тревальонов красовались три корабля и путеводная звезда, и под этим же знаменем гарцевал их необузданный сын. При их приближении толпа скандировала: «Бо-ду-эн! Бо-ду-эн!»





Принц мало изменился с тех пор, как пять лет назад юным лордом замахнулся на роль Принца Солнца. Возможно, немного повзрослел — хотя оставался в расцвете молодости, не переступив порог зрелости, — но безудержный блеск в его серых глазах остался прежним. Избранные солдаты из Искателей Славы, личной гвардии, положенной принцу крови, окружали его, не соблюдая строй. Они вторили воплям толпы, выкрикивая имя своего кумира, и вздымали вверх клинки, рассекая полированной сталью лучи солнца.

Рядом с Бодуэном спокойно и безмятежно ехала Мелисанда Шахризай, отрада принца и единственный шип в боку Львицы Аззали. Черные как вороново крыло волосы ниспадали крупными кудрями, сияя, словно темная вода в лунном свете. Красота Мелисанды затмила опередившую ее юную дофину — та казалась бледной и незавершенной. Я увидела собирательницу сердец всего во второй раз в жизни, но даже на расстоянии меня передернуло.

— Что ж, тут все довольно ясно, — пробормотал тучный джентльмен, уступивший мне место. В его голосе слышался легкий акцент. Мне захотелось обернуться, чтобы увидеть его лицо, но меня слишком вжимали в каменный парапет, и оглянуться незаметно не получилось бы.

За группой Дома Тревальонов скакал одинокий всадник, неся флаг провинции Камлах — пылающий меч на темно-сером фоне. Его появление немного отрезвило собравшуюся толпу, напомнив всем, что поводом для шествия явилась битва.



— Попроси их д'Эгльмор проехать под его флагом, — раздался где-то неподалеку женский голос, — они признали бы его право и не посмели отказать.

— Полагаешь, он достаточно подкован в политике, чтобы представлять собой опасность для прочих претендентов? — последовал ироничный ответ. — Потомки Камаэля думают своими мечами.

— Возблагодарим же Благословенного Элуа за то, что это так, — вмешался кто-то

другой. — Лично у меня нет ни малейшего желания стать добычей скальдийских племен.

Союзники Камлаха шли стройными рядами, и, каким бы правом он не поступился, молодой герцог д'Эгльмор ехал в самой гуще своих ратников. Я разглядывала флаги, сопоставляя лица с именами, которые заставил меня затвердить Делоне. Ферро, Моншапетр, Валье, Басилиск — все великие роды Камлаха. Большинство из них — закаленные воины, поджарые и настороженные. Исидор д'Эгльмор выделялся из толпы, сияя, словно серебряный орел на его флаге. Его темные безжалостные глаза обшаривали толпу, и я вспомнила, где их уже видела. Это он был в маске из ягуарунди на Средизимнем балу.



— Было бы интересно его испытать, — томно протянула какая-то женщина.

— Как и горного льва, — ехидно заметил один из говоривших ранее мужчин, — но не посоветовал бы тащить хищного зверя в свою постель!

Я не обратила внимания на всеобщий смех, не сводя глаз с проходящих под балконом Союзников Камлаха. Немногочисленные рыцари, представлявшие победителей — основное войско осталось защищать отвоеванные рубежи, — выглядели могучими и неодолимыми. Аззаль и Камлах располагались на северной и восточной границах королевства. Многие полагали, что Бодуэн де Тревальон, объединившись с мощью Союзников Камлаха, занял позицию, пугающую своей недвусмысленностью.

После отряда триумфаторов из Камлаха дорогу заняли подводы с военными трофеями. На них было разложено разное оружие, и я содрогнулась при виде тяжелых боевых топоров. Скальды талантливые поэты — я знаю, потому что довольно долго изучала их язык, — но все их песни о крови и железе. А побежденных они угоняют в пожизненное рабство. Мы, ангелийцы, цивилизованный народ. Даже попавший в долговую клетку, как я, не теряет надежды когда-нибудь купить себе свободу.

Груженные подводы тоже проехали дальше, и гости Сесиль устремились обратно в дом.

Я повернулась и увидела улыбающееся лицо стоявшего позади бородача. Его черты были определенно не ангелийскими. Вспоминая легкий акцент, я сделала вывод, что передо мной араговец.

— Наверное, ты из дома Анафиэля Делоне. Понравился парад? — тепло спросил он.

— Да, милорд. — Я не знала, кто он такой, но машинально надела незнакомца высокородством.

Мужчина рассмеялся.

— Я Гонзаго д'Эскобар, и вовсе не лорд, а просто историк. Давай же, скажи, как тебя зовут, и пойдем в дом.

— Федра, — представилась я.

— Ах. — Он прищелкнул языком и протянул мне руку. — Несчастливое имя, дитя. Что ж, тогда я стану твоим другом, ведь еще древние эллины говорили, что только хороший друг может встать между человеком и его *мойрой*. А знаешь ли ты, что значит это слово — «мойра»?

— Судьба, — ответила я, и тут же прикусила язык, поскольку Делоне четко оговорил, чтобы ни Алкуин, ни я не выдавали свою образованность без его дозволения. Но в моей голове уже сложилась связь: — Вы были одним из учителей моего господина в Тиберийском университете!

— Именно. — Он куртуазно поклонился и прищелкнул каблуками. — С тех пор я оставил преподавание и теперь путешествую в свое удовольствие, воочию осматривая места, о которых долгие годы узнавал из книг. Но когда-то мне действительно выпала честь обучать твоего... твоего Делоне и его...

— Маэстро! — голос Делоне, звенящий неподдельной радостью, вклинился в наш разговор, едва мы вошли в бальную залу. Большими шагами мой покровитель приблизился и, сияя, обнял пожилого профессора. — Сесиль не говорила, что вы приедете.

Гонзаго д'Эскобар засопел в крепких объятиях и похлопал Делоне по спине.

— Ах, Анафиэль, мальчик мой, на старости лет я позволяю себе одну единственную роскошь. Где бы ни поворачивался ход истории, стараюсь оказаться неподалеку, чтобы своими глазами понаблюдать, как меняется мироустройство. А когда ареной стала Земля Ангелов, тем паче обрадовался возможности побыть в окружении несравненной красоты. — Старик с улыбкой потрепал Делоне по щеке. — Ты не утратил ни капельки своего очарования, юный Антиной.

— Вы мне льстите, маэстро. — Делоне взял руку д'Эскобара, но в его улыбке чувствовалась некая напряженность. — Хотя вынужден вам напомнить...

— Ах! — Выражение лица арагонского профессора изменилось; он погрустнел. — Да, конечно, прости мою забывчивость. Но я рад видеть тебя, Анафиэль. Очень рад.

— О да. — Делоне искренне просиял. — Вы не откажетесь поговорить чуть позже? Здесь есть один человек, с которым мне хотелось бы познакомить Федру.

— Конечно, конечно. — Старик с той же приязнью похлопал меня по плечу. — Ступай, дитя, веселись. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить время на дряхлеющих педантов.

Делоне рассмеялся и, качая головой, повел меня прочь.

Про себя я досадовала, как не вовремя он появился, но вслух спросила только:

— Этот господин преподавал вам в университете?

— Тиберийцы собирают у себя ученых так же последовательно, как раньше преумножали земли, — рассеянно ответил Делоне. — Маэстро Гонзаго был одним из лучших.

«Понятно, милорд, — подумала я, — и он назвал вас не только Анафиэлем, но и Антиноем — имя из названия запрещенного стихотворения, — и при этом запнулся на фамилии Делоне, о которой Гиацинт сказал, что она не взаправду ваша. Эх, возможно, старикан наболтал бы мне намного больше, если бы вы не вмешались. Поэтому, имейте в виду, что, выполняя ваши приказы, заодно я займусь и тем, чему вы же меня и научили».

Без единого слова я послушно следовала за наставником, и вдруг он резко повернул так, что я врезалась в блондинку с орлиными чертами лица, которая с коротким восклицанием развернулась.

— Федра! — сурово нахмурился на меня Делоне. — Солен, прошу прощения. Этс

первый столь многолюдный прием в жизни моей воспитанницы. Федра, это маркиза Солен Бельфур, перед которой тебе надлежит извиниться.

— Пусть девчонка сама говорит за себя, Делоне. — В голосе маркизы явственно слышалось раздражение: очевидно, Солен Бельфур не жаловала моего наставника, и я не могла это не отметить, даже сосредоточившись на попытке пронзить взглядом Делоне, поставившего меня в такое дурацкое положение. Причиной столкновения, конечно же, стало его маневрирование; каждый ребенок, воспитанный в Доме Кактуса, умел скользить в толпе плавно и аккуратно.

— Маркиза — секретарь Малой государственной печати, — положив руку мне на плечо, тихо просветил меня Делоне относительно важной должности, занимаемой мадам Бельфур.

Он добивался, чтобы я разыграла раскаяние, но хотя Делоне отлично изучил тех, на кого нацелился, и знал наперечет все их слабости, он не был мной. То, что знала я, было у меня в крови.

— Извините, — строптиво проворчала я и угрюмо уставилась на маркизу, чувствуя растущее внутри упрямство. Зеленовато-голубые глаза дамы подернулись холодом, а губы сжались.

— Вашей подопечной нужно преподать урок, Делоне. — Втянув воздух, маркиза резко отвернулась и зашагала прочь. Я посмотрела на наставника и увидела, что его брови изогнулись, выдавая неуверенность и удивление.

«Смотри не учини здесь войну», сказала мне Сесиль. Теперь ее слова обрели для меня смысл, хотя я не вполне приняла их. Я стяхнула руку Делоне с плеча.

— Позаботьтесь об Алкуине, милорд. Я и сама хорошо справлюсь.

— Возможно, слишком хорошо, — печально усмехнулся он и покачал головой. — Не впутывайся в неприятности, Федра. У меня сегодня и без того много дел.

— Конечно, милорд, — дерзко улыбнулась я. Еще раз сокрушенно покачав головой, Делоне ретировался.

Предоставленная самой себе, уж поверьте, я действительно неплохо справилась. Некоторые гости привели молодых спутников, и мы перезнакомились. Стройный темнокожий юноша из Дома Шиповника, чья мимолетная улыбка напомнила мне Гиацинта, в одиночку показывал чудеса акробатики с кольцами и лентами, срывая аплодисменты. Его покровитель, лорд Шавез, горделиво улыбался. А еще на бал заглянула Мьеретт из Дома Орхидеи, которая уже закончила свой туар и теперь содержала собственный салон. Воспитанная для веселости, которой славился ее Дом, Мьеретт повсюду, куда бы ни пошла, приносила с собой смех и тепло, и я видела, как лица людей при ее приближении озаряются удовольствием и оживляются.

Многие гости между тем бросали заинтересованные взгляды на серьезного темноглазого Алкуина, который перемещался в толпе, не обращая ни на кого особого внимания. Наблюдая за теми, кто смотрел на Алкуина, я отметила одного человека. Знакомого, поскольку Виталь Бувар изредка навещался к Делоне; хотя не думаю, чтобы они были друзьями. Купец из простых — ходили слухи, будто в его жилах течет толика каэрданской крови, — но сказочно богатый в силу особой хартии, заключенной с семьей Стрегацца в Серениссиме.

Взгляд Бувара неотступно следовал за Алкуином, а лицо исказилось от похоти.

\* \* \* \* \*

Когда темнота поглотила последние солнечные лучи и затянула высокие окна, Сесиль хлопнула в ладоши, приглашая к столу. Почти три десятка гостей расселись за длинным столом, по указке услужливых лакеев в безупречно-белых ливреях. Блюда менялись без остановки: за супами и паштетами следовали тушеные голуби, баранья корейка, салаты, зелень и взбитый в пену белый турнепс — деревенское лакомство, — и все это сопровождалось потоками вина, без усталости подливаемого из охлажденных кувшинов даже в чуть пригубленные бокалы.

— Тост! — воскликнула Сесиль, когда гости закончили с последним блюдом — десертом из зимних яблок, запеченных в мускате и приправленных гвоздикой. Хозяйка подняла бокал и подождала тишины. Она до сих пор умела привлечь внимание: сидящие за столом притихли. — За безопасность наших границ, — произнесла она напевным голосом. — За безопасность и процветание благословенной Земли Ангелов.

Вдоль стола прокатился одобрителный гул — это было единственное пожелание, с которым согласился бы любой из присутствующих. Я с готовностью выпила, и не заметила никого, кто бы воздержался.

— Телезис, — с той же интонацией сказала Сесиль.

С места ближе к главе стола встала женщина: низкорослая, смуглая и, как мне показалось, почти некрасивая. Черты ее лица были невыразительными, а главное достоинство, светящиеся темные глаза, терялись под низким лбом.

И тут незнакомка заговорила, и я в который раз убедилась, что для нас, ангелийцев, существует множество видов красоты.

— *Там солнце ласкою дарит...*

Громко произнесла она, и голос, словно золотое свечение, наполнил каждый уголок залы.

*Бескрайние поля.  
Там вечер песнями звенит,  
За день благодаря.*

Стихи были по-детски простыми, но перед глазами возникали образы осеннего благодатного края. Каждое слово звучало правдиво, как молитва.

*Сбирает там с жужжаньем мед,  
Пчела в лаванде синей...*

И тут в дивном голосе прорезались глухие нотки одиночества.

*А здесь лишь дождик слезы льет  
Со мною на чужбине.*

Все знают «Плач изгнанницы». Телезис де Морне написала его в двадцать три года, когда была выслана на дождливое побережье Альбы. Я слышала это стихотворение с десятков раз и сама не однажды декламировала его по требованию учителя. Но все равно почувствовала, как к глазам подступают слезы. Мы — ангелийцы, неразрывно связанные со своей страной, которую Благословенный Элуа любил так сильно, что ради нее пролил свою кровь.

В последовавшей тишине Телезис де Морне вернулась на свое место. Сесиль по-прежнему держала бокал в руках.

— Дамы и господа, — обратилась она к гостям, подпустив в голос модуляции, привитые в Доме Кактуса. — Не дай нам Бог забыть, кто мы такие. — Она торжественно подняла бокал и слегка наклонила его, пролив несколько капель вина. — Элуа милосерден к нам. — Торжественность ее слов заставила многих последовать ее примеру. Поддалась порыву и я, отметив, что Алкуин и Делоне тоже повторили жест хозяйки. Потом Сесиль вскинула голову, и в ее глазах заплясали озорные искорки. — А теперь настало время для игр! Коттаб<sup>[1]</sup>!



Под взрывы смеха мы вернулись в гостиную, объединенные любовью к нашей стране и праздничным настроением Сесиль. Слуги предусмотрительно убрали ковер, и теперь на его месте стояла трехногая серебряная этажерка. На ней крепилась широкая серебряная воронка, отполированная до зеркального блеска. Украшающие обод фигуры в эллинском стиле изображали подвыпивших ангелийцев. Поскольку Эллада времен Золотого Века считается последней великой цивилизацией до прихода Элуа, подобные орнаменты никогда не выходят из моды.

Из центра воронки поднимался метровый шпиль. На его острие балансировал серебряный диск — пластинкс. Слуги Сесиль сновали среди гостей с кувшинами вина и небольшими серебряными кубками, снабженными изысканно украшенными ручками.

Чтобы остались опивки, нужно, конечно, выпить почти до дна, и я это сделала, хотя обычно старалась быть умеренной в возлияниях. Вино мигом согрело мою кровь.

В искусстве коттаба каждое движение нужно оттачивать — начиная с правильного захвата ручки указательным пальцем и до резкого выплеска опивок, чтобы они ударили по пластинксу и сбили его в воронку, породив звук как от цимбал.

До меня свои силы попытали пять или шесть игроков, и хотя некоторым удалось попасть в пластинкс, никто так и не сшиб его со шпиля. Меня даже на попадание не хватило, но Телезис де Морне все равно наградила меня доброй улыбкой. Сесиль сумела справиться с задачей и собрала бурю аплодисментов, но у нее пластинкс немелодично задрезжал, хлопнув по краю воронки, прежде чем рухнуть в центр чаши. Лорд Хильдерик д'Эссо так

раскрутил свой кубок, что остатки вина метнулись к цели, словно выпущенный из арбалета болт, и снесли пластинкс на пол. Все засмеялись и захлопали в ладоши, хотя попытка не засчиталась. Мьеретт из Дома Орхидеи удалось добиться звяканья, как и Каспару, графу де Фурсэ, и Гонзаго д'Эскобару, который, заметив всеобщее удивление, улыбнулся в бороду.

Алкуин, деливший диван с высокой женщиной в чепце, выступил даже хуже меня и неуклюже расплескал вино. Его соседка поднесла пальцы Алкуина к губам и слизнула сладкие капельки. Алкуин покраснел. Виталь Бувар настолько взвинтился, что выпустил ручку и отправил в полет кубок. Сбитый пластинкс упал в воронку, но тоже бестолку.

Когда настал черед Делоне — я как-то упустила то обстоятельство, что он остался последним, — наставник в своем аскетическом одеянии из черного бархата выглядел спокойным и собранным. Откинувшись на диван и упершись левой рукой в сидение, он раскрутил свой кубок и изящным движением выплеснул подонки.

Он метил точно, и серебряный пластинкс упал почти вертикально прямо в чашу воронки, издав звонкую трель. Я подметила, что захлопали не все, но бившие в ладоши аплодировали громко и от души, объявляя Делоне победителем.

— Приз, приз! — вскричала со своего стула раскрасневшаяся Мьеретт. — Милорд Делоне заслужил приз от хозяйки!

Сесиль, смеясь, уважила просьбу.

— Итак, чего же ты желаешь, Анафиэль? — игриво спросила она.

Делоне улыбнулся и подошел к ней. Наклонившись, поцеловал ее в губы — как мне показалось, сладко — и что-то прошептал ей на ухо. Сесиль снова засмеялась, а Делоне вернулся к дивану.

— Я согласна исполнить это пожелание, — интригуяюще произнесла Сесиль. — Дорогие гости, довожу до вашего сведения, что едва пробьет полночь, Алкуину по Делоне, посвященному Наамах, исполнится шестнадцать лет. Владелец его туара просит меня выставить девственность юноши на аукцион. Кто-нибудь возражает?

Можете быть уверены, никто не возразил, и, словно по команде, воцарилась благодатная тишина — несомненно, Делоне и Сесиль так и планировали, — и тут сквозь балконные окна с площади донесся крик часовщика, возвещавшего полночь. Хозяйка подняла бокал:

— Да будет так! Объявляю аукцион открытым!

Одним грациозным плавным движением Алкуин поднялся с дивана, встал перед нами, раскинув руки, и принялся медленно кружиться. Я сотни раз видела, как показывают себя посвященные Первого из Тринадцати Домов, но никто из них не делал это с таким достоинством, как Алкуин.

Первую ставку назвал Хильдерик д'Эссо, который недавно заявил, будто приманка Делоне его не интересует.

— Двести дукатов! — выкрикнул он. Поскольку я уже наблюдала за ним некоторое время, то распознала в его взгляде чисто охотничий азарт и поняла, что для д'Эссо участие в аукционе никак не связано с вожделением.

— Не оскорбляйте мальчика, — встрепелась соседка Алкуина по дивану. Я вспомнила ее имя — мадам Дюфрейн. — Двести пятьдесят.

Виталь Бувар, казалось, был на грани апоплексического удара.

— Триста, — придушенным голосом выдавил он, и получил улыбку от Алкуина.

— Триста пятьдесят, — вмешалась Солен Бельфур.

— О! — Мьеретт из Дома Орхидеи опустошила кубок и осторожно поставила его на столик. Тряхнув золотыми волосами, она весело посмотрела на хозяйку торжества. — Сесиль, а я на вас сержусь. Почему вы не предоставили подобный шанс никому из наших? Поставлю четыреста, в надежде, что мальчик сумеет меня как следует отблагодарить.

— Четыреста пятьдесят! — раздраженно выкрикнул Виталь.

Кто-то еще повысил ставку; не запомнила, кто, потому что с этого момента цену начали задирать наперебой. Для некоторых покупателей, например, для того же Хильдерика д'Эссо, происходящее было лишь игрой, и, думаю, наибольшее удовольствие лично ему доставляло отчаяние выбывших конкурентов с тощей мошной, которые множились с каждой новой ставкой. Насчет других я не была настолько уверена. Мьеретт на Оркид продержалась дольше, чем я ожидала, и я так никогда и не узнала, что ее подстегивало: вождение или вовлеченность в интригу Сесиль. Но по большей части претенденты желали именно Алкуина: чистого, прекрасного, бесподобного — с белыми волосами, занавесью ниспадающими на плечи, и темными загадочными глазами.

На протяжении всего аукциона Делоне не шевельнулся и ничем не выдал своих чувств. Только когда сумма ставки перевалила за тысячу дукатов, он быстро глянул на Сесиль, и та поманила своего секретаря, который выступил вперед с договором и пером наготове.

В конце концов соперников осталось трое: Виталь Бувар, мадам Дюфрейн и еще один мужчина, шевалье Жидео Ландр, который владел землями в Ланьясе и был членом Парламента. Предвкушая непредсказуемый результат, остальные жадно наблюдали.

— Шесть тысяч дукатов! — Виталь Бувар бросил предложение, словно перчатку. Он весь побагровел. Мадам Дюфрейн коснулась указательными пальцами губ, что-то прикинула в уме и покачала головой. Шевалье с безразличным видом скрестил руки на груди.

Итак, сделка свершилась, и цена девственности Алкуина составила шесть тысяч дукатов. Я, выросшая при Дворе Ночи, никогда даже не слышала о столь гигантском выкупе, но, как ни странно, в ту минуту я подумала вовсе не об этом, а о матери Гиацинта, которая носила все свое богатство на себе — она, вероятно, не смогла бы ходить, нацепив золотых побрякушек на ту сумму, какую Алкуин заработал всего за одну ночь.

Когда стороны ударили по рукам, казначей Сесиль ловко внес условия в договор, хотя вряд ли Бувар прочел хоть слово, когда подписывал. Ночь еще только начиналась, но торговец не собирался задерживаться на приеме.

— Идем, — хрипло позвал он Алкуина. — Моя карета ждет. — Он посмотрел на Делоне и добавил: — Мой кучер привезет его вам утром. Принимается?

Делоне, который с начала аукциона был скуп на слова, слегка кивнул. Алкуин бросил на него один-единственный тоскливый взгляд, но Делоне выдержал его, не дрогнув. Бувар предложил Алкуину руку, и тот ее принял.

Когда они уходили, Сесиль хлопнула в ладоши, и музыканты грянули веселый мотив; хотя, по правде говоря, тут моя память могла затуманиться от выпитого вина. Начались танцы, и я выплясывала и с Гонзаго д'Эскобаром, и с шевалье Ландром, стоически переживающим проигрыш, и разок даже с лордом Хильдериком д'Эссо, который улыбался и пожирал меня глазами, как ястреб воробушка. А потом лорд Шавез попросил сыграть отрывистый ритм на цимбалах и пальчиковых барабанах, и я составила пару с его любовником из Дома Шиповника, гибким юношей-акробатом; тут я мысленно возблагодарила Делоне за навязанные уроки гимнастики.

Позже той ночью Делоне церемонно представил меня Телезис де Морне. Она легонько



коснулась моей щеки тонкими смуглыми пальцами и во всеуслышание продекламировала те самые памятные строки авторства Лесно о Стреле Кушиэля, объявлявшие мой изъяснительнейший достоянием. За ее словами последовала пауза, а затем гости зашептались.

Так все узнали, что означала алая крапинка в моем глазу, и я до того возбудилась, что пошла бы с любым, если бы Делоне не сжимал крепко-накрепко мой локоть, словно якорь удерживая меня от несоблюдения долга.

Большую часть следующей недели Алкуин помалкивал.

Не знаю, говорил ли он о своей инициации с Делоне. Я понимала, что о некоторых вещах не спрашивают и что следует уважать неприкосновенность личного пространства, но после нескольких дней молчания не выдержала и спросила у Алкуина, на что это было похоже.

Мы сидели напротив друг друга над учебниками за большим столом в библиотеке Делоне и читали при свете лампы. Алкуин, углубившийся в научный трактат о Хозяине Проливов, прижал пальцем место, где остановился, и поднял на меня глаза.

— Нормально, — тихо произнес он и коротко добавил: — Милорд Бувар остался доволен. Желает снова встретиться со мной по возвращении из Серениссимы.

Пораженная скрытностью товарища, я решила спросить все равно что, лишь бы заставить его говорить дальше.

— А он дал тебе сколько-нибудь на туар?

— Нет, конечно. — В глазах Алкуина мелькнул проблеск мрачного взрослого цинизма. — Не после того, как ему пришлось расстаться с шестью тысячами дукатов в обмен на привилегию первым мною обладать. Но он обещал привезти мне нитку бус. Как я понял, в Серениссиме отменное стекольное производство. — Закрывая книгу, Алкуин добавил: — Не думаю, что милорд Бувар заинтересован в скорейшем завершении моего туара.

Я видела болезненную одержимость в лице Виталия Буvara и поняла, о чем речь.

— Но почему именно он? Делоне и Сесиль отбирали гостей и наверняка превидели, чья ставка будет самой крупной. Что Делоне от него нужно, какой секрет?

— Яд, — прошептал Алкуин так тихо, что сначала я не была уверена, верно ли расслышала. Товарищ откинул волосы назад и слегка нахмурился. — Там, в Серениссиме, они виртуозы не только в стекольном деле, но и по части ядовитых зелий. Брат короля, принц Бенедикт, женат на Марии Стрегацца, чья семья правит городом. А Стрегацца предоставили Бувару торговые льготы, когда не прошло и четырех месяцев после смерти Изабель де ла Курсель. Смерти от отравления.

— Это не было доказано.

— Не было, — кивнул Алкуин. — И даже окажись у кого-то на руках такие доказательства, никто бы не заподозрил Стрегацца. Но после гибели Роланда в Битве Трех Принцев Изабель де ла Курсель начала наделять властью членов собственной семьи, и стали даже поговаривать о помолвке дофины Исандры с одним из анверских кузенов. Все это безобразие закончилось со своевременной смертью Изабель. — Алкуин пожал плечами. — Возможно, принц Бенедикт и не потворствовал сему злодейству — во всяком случае, таково мнение Делоне. Но Стрегацца вполне могли пойти на это, учитывая, что в результате их зять Бенедикт оказался вторым в порядке престолонаследия Земли Ангелов.

— И Бувар тебе что-то рассказал?

— Он обмолвился, что в Серениссиме все имеет свою цену, даже жизнь и смерть. Пока что больше ничего. — Алкуин снова ненадолго замолчал. — Когда я прислуживаю на приеме, стараясь уловить все, что проходит мимо Делоне, мне удается почти целиком отвлечься от того, чем заняты руки, и полностью сосредоточиться на слушании и запоминании. Но от Буvara было не так легко отвлечься, как от разливания вина, — шепотом

закончил он.

— Этот купчина ведь не обошелся с тобой жестоко? — Я не могла себе такого представить; в договоре Алкуина ничего подобного прописано не было, и Делоне подал бы на Бувара в суд, если бы тот покалечил юношу.

— Нет. Смею сказать, он был достаточно нежен. — В словах мне послышались неприязненные нотки. — Федра, ради любви Элуа Наамах возлегала с незнакомцами. Ради *него* я сделаю и это, и гораздо большее.

Сразу было понятно, что под *ним* имелся в виду Делоне, поэтому я не стала рассказывать, что каждый из Тринадцати Домов по-своему трактует причину, по которой Наамах торговала своим телом. Вместо этого я спросила, думая, что уже угадала ответ:

— Откуда такая преданность?

— Ты не знаешь? — Алкуин недоверчиво посмотрел на меня. Я, кстати, тоже полагала, что моя жизненная история для него открытая книга, хотя позже узнала, что Алкуин понятия не имел, как я попала в Дом Кактуса. — Я родился в Трефайле, в Камлахе. В тот год, когда войска стояли на границе, один из солдат принца Роланда прижил меня, изнасиловав сельскую девушку.

— Неудивительно, что Бодуэн вольготно чувствовал себя в Камлахе, — вставила я.

Алкуин кивнул:

— Как и Роланд, да? Короче, семья прогнала мою мать. По слухам, она чуть не умерла от голода, пока добиралась до Роланда. Принц осудил моего отца, заплатил оскорбленной семье выкуп и, поскольку у моей матери пропало молоко, даже нанял кормилицу из тех скальдов-перебежчиков, которые живут на границе Камлаха, изгнанные из своего племени и не желающие возвращаться на родину. Это все, что принц смог сделать.

— О, Алкуин. — История была небезынтересной, но и до обидного не относящейся к делу. — А как это все связано с Делоне?

— Не знаю. — Он качнул головой, встряхнув светлыми, как слонобая кость, волосами. — Но в тот год он бился вместе с принцем Роландом в Битве Трех Принцев, а шесть лет спустя, когда скальды вновь начали совершать набеги на границу, вернулся за мной. Я тогда спросил, не он ли мой отец, а он рассмеялся и сказал, что это исключено. И еще добавил, что всегда выполняет свои обещания, а иногда даже и чужие. С тех пор мы с ним не расставались.

— У тебя не возникало желания повидаться с матерью?

Алкуин вздрогнул.

— Делоне всего на полшага опередил отряд скальдов. Мы отъехали от деревни ярдов на четыреста, когда послышались первые крики. Делоне вез меня на луке седла и прикрывал мне уши. Он ничего не мог поделать. Пока мы спускались с гор, за нашей спиной в небо поднимался дым. Я оплакивал няню, но так и не узнал свою мать. И больше никогда туда не вернусь.

Я пожалела Алкуина и даже слегка позавидовала ему, потому что, по правде говоря, моя история не была и вполовину такой романтической. Побег с гор под носом у шайки скальдов! Это куда интереснее продажи в кабалу.

— Стоит поспрашивать Делоне еще раз. Ты имеешь право задавать вопросы.

— А он имеет право не отвечать. — Алкуин встал, чтобы убрать книгу, которую читал, потом повернулся и склонил голову набок, глядя на меня. — Я не многое помню из своего детства, — тихо сказал он, — яснее всего, как нянюшка говорила со мной по-скальдийски.

Как рассказывала, что могучий принц ангелийцев обещал обо мне позаботиться. Делоне держит слово за Роланда де ла Курселя.

Мы довольно долго беседовали тем вечером — наставник отбыл на бал, — и я среди прочего узнала, что туар Алкуина, в отличие от моего, не являлся собственностью Делоне. Алкуин сам избрал путь Служителя, посвятив себя Наамах, чтобы вернуть свой неоплатный долг. Я вспомнила историю Ги и почти увидела невидимые пути, подчинявшие всех нас Анафиэлю Делоне. В свете рассказа Алкуина напрашивался вопрос, а что за незримые узы связывали Делоне с давно убитым принцем Роландом.

Лучшее предположение на эту тему высказал не кто иной, как Гиацинт.

— Так что же мы знаем про первую нареченную принца Роланда? — начал он рассуждать с риторического вопроса, закинув ноги на стол и помахивая куриной ножкой в полюбившемся нам «Петушке». Я помогла пройдохе организовать свидание между замужней знатной дамой и симпатичным игроком, и Гиацинт расщедрился на жирного каплуна и эль для нас обоих. — Что мы знаем, кроме того, что она сломала шею на охоте? Знаем, что Анафиэля Делоне обвиняли в том, будто он сочинил песню, объявлявшую Изабель л'Анвер устроительницей этого якобы несчастного случая. Хотя Делоне так и не сознался в авторстве, стихи его с тех пор под запретом, а отсюда вытекает, что кто-то при дворе поверил в правдивость его версии и даже убедил в этом короля. А еще мы знаем, что Делоне не изгнали, хотя принцесса-консорт этого добивалась, а значит, кто-то с самого верха его защитил. Ты рассказала, как несколько лет спустя после гибели принца Делоне выполнил его обещание. Выходит, он связан с Роландом каким-то долгом. Так сама подумай, откуда начинается этот клубок? С невесты принца. И кем же она была?

Иногда я впадала в отчаяние от того, что преподанные мне уроки Гиацинт знал лучше меня самой и безо всякой зубрежки.

— Первой нареченной принца была Эдми де Рокай, дочь графа де Рокая, лорда одного из самых обширных угодий в Сьовале. Там расположен небольшой университет, где обучается наукам Клан Шемхазая. — Выложив свои познания, я пожала плечами и отхлебнула эля. — Граф пожертвовал университету свою знаменитую библиотеку.

Гиацинт оторвал белыми зубами кусок куриной ножки, испачкав жиром подбородок.

— У графа были сыновья?

— Не знаю. — Я внимательно посмотрела на друга. — Думаешь, Делоне ее *брат*?

— Почему бы и нет? — Тсыган обглодал ножку до кости и глотнул эля. — Если это он написал те стихи — хотя признания не добились, но ведь подозрение осталось, — значит, очень хотел обличить убийцу нареченной принца. А если Делоне не приходился ей братом, тогда, возможно, имел к ней какое-то иное отношение.

— Например? — подозрительно глянула я на фантазера поверх кромки кружки.

Гиацинт поставил свой эль, убрал ноги со стола и с заговорщическим видом наклонился вперед.

— Например, был ее любовником. — Заметив, что я собираюсь возразить, он поднял палец. — Нет, погоди, Федра. Может, он любил ее и, желая ей только счастья, уступил наследнику престола, но любовь никуда не делась. А когда леди трагически погибла, Делоне отправился в Город в поисках правосудия и там разведал о преступном сговоре — заметь, не прошло и года, как принц женился на другой. И вот наш дворянчик из провинции, сообразительный и острый на язык, но совершенно зеленый в политике, рискнул обзавестись врагом в лице самой принцессы-консорты и при этом приобрел заступника в лице принца,

которого честь заставила защитить дерзкого юного стихоплета. Могло такое быть? Как думаешь?

— Думаю, ты слишком много времени проводишь в кругу игроков и драматургов, — отшутилась я, но про себя попыталась взвесить услышанное. Начало нити этого клубка действительно приходилось на смерть невесты принца Роланда. — В любом случае Делоне обучался в Тиберийском университете, а вовсе не приехал сюда напрямик из провинции.

— Ах, ты, футы-нуты. — Гиацинт отпил еще эля и вытер пену с губ. — Сплошные педанты и демагоги. Чему у них можно научиться?

Услышав это, я рассмеялась — несмотря на свой живой ум, Гиацинт поддерживал уличные предрассудки.

— Много чему. А скажи мне вот что: ты проверял свою догадку *дромондом*?

— Ты же знаешь, что нет. — Он посерьезнел. — Помнишь, что тебе сказала моя мать? Я поделюсь с тобой тем, что удастся разузнать от людей, и своими мыслями, Федра, и, может, этим подскажу путь к разгадке, но не стану использовать свой дар, чтобы приблизить время твоей скорби.

— Ты смешиваешь зловещие темные словеса и судьбу, — проворчала я.

— И что с того? — усмехнулся он. — Я же тсыган. Много чего знаю и много чего угадываю, верно угадываю, разве нет?

Я неохотно признала его правоту, и мы переключились на другую тему, проговорив до появления за окном «Петушка» бледного лица Ги, которое напомнило мне о долге и позвало домой.

\* \* \* \* \*

Вскоре после этого разговора произошли два примечательных события, хотя, если быть точной, одно из них имело значение только для меня. Первое же, значимое почти для всего королевства, заключалось в том, что ко двору Земли Ангелов нанес визит круарх Альбы. Именно так своего вождя именовали круиты, а мы, по примеру каэрданских ученых, обычно называли его королем пиктов. Событие породило немало толков, потому что Хозяин Проливов крайне редко позволял кому бы то ни было миновать свои владения.



Сколько люди себя помнят, Хозяин Проливов всегда правил Тремя Сестрами, крохотными островками, видимыми с берега Аззали, и пред лицом Благословенного Элуа поклянусь, что легенды верны: воды и ветра действительно повинуются приказам Хозяина. Хотите верьте, хотите нет, но я видела это собственными глазами и знаю, что предания не лгут. Хозяин Проливов хорошо защищал нас от скальдийских ладей, но также мешал объединяться и торговать с круитами, чьи земли богаты свинцом и железом. Никто не ведал,

почему вдруг Хозяин Проливов пропустил послов, но пикты высадились на берег, и пришлось вести с ними переговоры. Это вызвало немалый переполох в нашем доме, поскольку мало кто из ангелийцев владел круитским языком, и Делоне призвали ко двору в качестве переводчика.

Стыдно признаться, но я уделила этому событию гораздо меньше внимания, чем следовало, потому что мои мысли занимало совсем другое. Сесиль Лаво-Перрин сказала Делоне, что ей больше нечему меня учить. По ее словам, то, что мне оставалось освоить, находилось вне ее компетенции, и эту науку мне лучше всего могли преподать в Доме Валерианы.

Хотя Делоне отнесся к этому заявлению со скепсисом, ему пришлось признать, что его знания об искусстве жестоких наслаждений, как и у Сесиль, сугубо теоретические, и поэтому он согласился устроить мне ознакомительную встречу с заместителем дуэйна Дома Валерианы. Король призвал Делоне, когда об уроке уже было договорено, и, думаю, лишившись возможности меня эскортировать, покровитель отложил бы мой визит в Двор Ночи, не будь его внимание полностью поглощено другим. Но всецело сосредоточившись на предстоящих переговорах, он попросту забыл отменить соглашение.

Алкуину, который говорил по-круитски почти так же бегло, как Делоне, пришлось сопровождать наставника ко двору, чтобы записывать беседу. За ними прибыла королевская карета, а меня в Дом Валерианы предстояло отвезти кучеру. Будь мне известно заранее об одном случае из моей жизни, я бы умоляла взять во дворец меня — я говорила по-круитски не хуже Алкуина, а писала куда разборчивее. Ах, если бы я уже тогда познакомилась с круархом Альбы и его наследником, сыном его сестры (не его собственным, потому что по пиктским законам право престолонаследия передается по женской линии, каковое обстоятельство так повлияло на мою судьбу, как я в те дни не могла даже вообразить).

Но, не обладая подобным предвидением и измученная томлением в крови, которое от неутоленности с каждым днем все росло, в тот момент я только радовалась, как удачно все обернулось. Король варваров, конечно же, представлял для меня немалый интерес, но прежде всего я была *ангуиссеттой*, обреченной на мучительную пытку девственностью. И я с легким сердцем отправилась в Дом Валерианы.

Весьма иронично, что я так мало знала о Доме, которому наверняка была бы предназначена, не награди меня судьба точкой в левом глазу. Привратник с готовностью пропустил экипаж Делоне, и мы покатали по длинной подъездной дорожке, обсаженной деревьями. Во дворе меня встретили двое учеников, парень и девушка. Дом Алиссума славится своей скромностью, но эти двое превзошли воспитанностью и сдержанностью всех, кого я до сих пор видела во Дворе Ночи: они провели меня внутрь, ни разу не подняв глаз.

В богато обставленной приемной было не по сезону тепло. В камине пылал огонь, а в лампах горело ароматное масло. Ожидая, я разглядывала развешанные по стенам дорогие гобелены. Сначала показалось, будто на них изображены сцены из эллинской мифологии, но потом, приглядевшись, я увидела искусно вытканые истории пыток и насилия — убегающие девственницы, молящие о милосердии юноши и мстительные боги и богини, упивающиеся удовольствием.

Я зачарованно смотрела на искаженное лицо нимфы, содомизируемой ухмыляющимся сатиром, когда в комнату вошел заместитель дуэйна.

— Федра но Делоне, — ласково окликнул он, — добро пожаловать. Меня зовут Дидье Васко, я второй человек в этом Доме. — Он приблизился для приветственного поцелуя и вложил в это простое вежливое прикосновение некий нажим, одновременно возбудивший и оттолкнувший меня. — Значит, ты *ангуиссетта*. — Дидье обшарил взглядом мое лицо и сосредоточился на красном пятнышке Стрелы Кушиэля. — Знаешь, мы бы сразу это поняли. Дураки они, в Доме Кактуса. — В его голосе слышалось презрение. — Из дутой гордости скрывают свое невежество во многих формах искусства служения Наамах. Ты когда-нибудь видела алтарь Кушиэля?

Последнее он произнес обыденным тоном, и я моргнула при этой внезапной смене манеры держаться и предмета разговора.

— Нет, милорд.

На льстивом обращении ресницы Дидье слегка дрогнули, и в этом движении я прочитала скрытое послание: «Похоже, ты считаешь себя лучше меня, но меня не проведешь». Вслух он произнес лишь:

— Я так и думал. У нас есть такой алтарь, поскольку многие наши гости служат Кушиэлю. Хочешь посмотреть?

— Да, пожалуйста.

Он позвал слуг с факелами и повел меня по длинному коридору, а затем по винтовой лестнице, спускающейся во мрак. Разглядеть что-либо было сложно. Я не сводила глаз со спины проводника, уверенно шагающего передо мной. При свете факелов тонкая белая ткань его рубашки местами казалась прозрачной, и я видела оставленные плетью рубцы, ласково обвивающие торс.

— Вот. — Дидье распахнул дверь у подножия лестницы. Там оказалась комната с каменными стенами, освещенная и согреваемая еще одним камином. Сполохи облизывали бронзовую статую Кушиэля. Спутник Элуа стоял на постаменте позади алтаря и жертвенной чаши — красивое суровое лицо, в руках бич и розга. Я надолго замерла, разглядывая его. — Знаешь, почему Кушиэль отрекся от небес и присоединился к Элуа?

— Нет, — покачала я головой.

— Он был одним из палачей Бога, избранный наказывать души грешников, чтобы те раскаялись к концу света. — Дидье Васко растекался бесплотным голосом за моей спиной. — Так гласят иешуитские легенды. Единственный среди всех ангелов, Кушиэль считал телесное наказание проявлением любви, и вверенные ему грешники тоже приходили к этому пониманию и проникались любовью к своему палачу. Он дарил им боль как бальзам на язвы греха, и они умоляли его о наказании, обретая в муках не раскаяние, а любовь, превосходящую божественную. Единственный Бог был этим недоволен, поскольку прежде всего Он желал поклонения и повиновения. И Кушиэль разглядел искру путеводного огня, за которым готов был последовать, в Благословенном Элуа, заповедовавшем нам всем: *«Любите по воле своей»*.



Я судорожно выдохнула. Никто мне этого не рассказывал, не делился со мной историей, предназначенной мне по праву рождения. Я задалась вопросом, какой была бы моя жизнь, если бы меня воспитали и обучили в Доме Валерианы, и повернулась к Дидье.

— Значит, вот о чем эта заповедь?

Он на секунду заколебался, прежде чем ответить:

— Не совсем. — Он произнес это ровным тоном, словно нехотя признавая правду. — Но именно так я получаю удовольствие. Именно в этом служение, для которого я родился и которому учился. Говорят, Кушиэль помечает Стрелой истинных жертв. Возможно, и тебе удастся отыскать свое призвание.

Тут я догадалась, что Дидье мне завидует.

— А как обучают такому служению? — спросила я, желая сменить тему.

— Идем. — Он поманил факелоносцев и провел меня в дверь в дальнем конце комнаты, продолжая говорить, пока мы шагали по широкому вымощенному камнем коридору. — По традиции обучение начинается с урока о пряных конфетах, знаешь о таком? Нет? Мы проводим его с детьми, которым исполнилось шесть. Им объясняют, что удовольствие от вкуса конфеты происходит из легкой боли, вызванной остротой специи. Тех, кто это усваивает, мы оставляем у себя, туары же остальных продаем. После первого испытания дело за малым, главное — регулярность и закалка. Воспитанникам и ученикам Дома Валерианы никогда не позволено наслаждаться без боли, равно как и боль без наслаждения. — Он остановился перед новой дверью и с любопытством посмотрел на меня. — Тебя такому не учили?



Я покачала головой. Дидье пожал плечами.

— Полагаю, это дело Делоне. — Он распахнул дверь. — Здесь одна из комнат для удовольствий. Мы стремимся создать должное окружение для всевозможных особых желаний наших гостей.

Слуги засуетились, зажигая жаровню и свечи в канделябрах. Я огляделась, и меня вновь пробрала дрожь. В центре помещения на каменных плитах лежали богатые ковры. Стены ничто не украшало, но там и без картин или гобеленов имелось на что посмотреть: на одной в камне крепились кольца с цепями для запястий и щиколоток, а к другой было прибито большое деревянное колесо с зажимами, чтобы удерживать распятого человека в неподвижности.

— У нас взаимовыгодное соглашение с Домом Мандрагоры, — продолжил Дидье Васко, следя, как я разглядываю массивные приспособления. — Иногда к нам приходят гости, получающие удовольствие исключительно от наблюдения, в таком случае мы заключаем контракт с флагеллантом и его помощником на сеанс истязания одного из наших служащих. И, конечно же, порой и Дом Мандрагоры навещают посетители, которым требуется *увидеть* унижение, чтобы возбудиться, для чего прибегают к нашей помощи.

Его слова далеким эхом звучали в моих ушах. Я прошла к центру комнаты, слегка коснулась подбитого ватой гимнастического коня и вопросительно посмотрела на Дидье.

— Вот так. — Улыбаясь моему невежеству, он ловко уложил меня на снаряд, прижав щекой к кожаной обивке. — Здесь, конечно же, стегают. У некоторых гостей особый пункт по поводу ягодиц. Гимнастический конь — отличная штука для потакания их слабости.

Я выпрямилась и, залившись румянцем, отрезала:

— Я пришла не затем, чтобы у вас обучаться!

Дидье вздернул брови и поднял руки.

— Пусть твоим гостям достанется удовольствие сломать тебя, — пробормотал он. — Я несколько не заинтересован этим заниматься. Мне заплатили, чтобы ты не предстала перед ними в полном невежестве. Иди сюда. — Он поманил меня к шкафу и начал указывать на разложенные там предметы. — Мы, разумеется, предоставляем всевозможные подручные средства: ошейники, повязки на глаза, кляпы, ремни — на любой вкус. Кольца, вагинальные шарики, straponы, щипцы...

— Меня растили в Доме Кактуса, — напомнила я, гадая, неужели он действительно счел, будто я совершенно неопытная и никогда не видела ни кольца на член, ни искусственного фаллоса.

— ...щипцы, — повторил Дидье, словно я и не перебивала. Он поднял одни щипцы на пружинах и разжал их, снова вздергивая брови. — Вот такими часто сжимают соски или половые губы. Пользуются ли похожими в Доме Кактуса?

— Нет. — Я потянула за ручку другого ящика, но тот оказался заперт. Дидье взял ключик с цепи, висевшей у него на поясе, и отпер замок. На красной бархатной подложке поблескивали выложенные в ряд бритвенно-острые стальные лезвия с тонкими фигурными рукоятками, похожие на хирургические скальпели, только красивые.

— *Флешетты*, — пояснил Дидье. — Мы требуем рекомендации и поручительства перед тем, как допустить их использование. — Он непроизвольно вздрогнул и изменившимся голосом признался: — Ненавижу эти железки.

Я представила, как незнакомая рука прижимает острый край к моей коже и медленно

ведет лезвие вниз, а за блестящим металлом следует красная струйка. Яркая, лаковая, горячая струйка. Я вынырнула из грез и обнаружила, что Дидье изучает меня взглядом.

— Так ты действительно такая, как говорится в легендах, да? — зависть в его голосе смешивалась с затаенной жалостью. — Надеюсь, Делоне тщательно выберет, с кем подписывать договор. Идем, покажу тебе верхние уровни.

Экскурсия по Дому Валерианы продолжалась еще довольно долго. Мы прошли через множество помещений: будуары в восточном стиле, ванны, причудливый сад, королевские покои, гарем, тронный зал, кладовку с упряжью, даже детскую, где Дидье поспешил заверить, что Дом Валерианы соблюдает законы Гильдии о допустимом возрасте для служителей Наамах. Во флагелларии он долго распинался о различных типах инструментов — хлыстах, кнутах, мартинетах, ремнях, семихвостках, бичах, березовых розгах, стеблях тростника, ремешках и тростях.

— Конечно же, — со вздохом поделился он, — многие гости предпочитают пользоваться своими приспособлениями.

За все это время я не увидела ни единого посетителя. Во Дворе Ночи было принято обеспечивать уединение, но Дом Кактуса многие завсегдатаи расценивали как своего рода светскую гостиную, где можно встретиться с друзьями и знакомыми и насладиться приятной компанией вдобавок к купленным услугам. Напротив, Дом Валерианы славился своей скрытностью. По словам Дидье, иногда они организовывали праздники и балы, но для очень узкого круга избранных гостей.

В конце обхода я порадовалась, что судьба привела меня к Делоне, а не в Дом Валерианы. Хотя многое из увиденного меня заинтриговало, тамошняя жизнь показалась мне монотонной и скучной без той перчинки таинственности и опасности — и даже проклятой зубрежки, — которая была мне обеспечена при Анафиэле Делоне. Любые проявления непослушания или мятежности в обитателях Дома Валерианы подавлялись с раннего детства, да и как иначе, если их девиз «Я покоряюсь»? Но могучий Кушиэль помогает не тем, кто безропотно сдается, а тем, кто стоит на своем и готов рискнуть, готов пострадать в агонии поражения. В это я верила тогда и верю до сих пор, хотя, возможно, и не полагалась бы так на помощь свыше, знай я заранее хоть отчасти, сколь долгий и трудный предстоит мне путь. В любом случае, можете не сомневаться, что хотя я и покинула Дом Валерианы не обогатившись опытом, зато сильно там просветилась в вопросах своего искусства.

Я вернулась в дом Делоне переполненная новыми знаниями и, к своему разочарованию, обнаружила, что он собрал друзей на скромный ужин и все разговоры ведутся исключительно о круархе Альбы. Но меня утешило, что покровитель пребывал в хорошем настроении и пригласил меня сесть на диван рядом с собой.

— Что ж, если ты достаточно выросла, чтобы приступить к служению Наамах, тебе стоит послушать, что здесь говорится, — произнес Делоне, приглашающее похлопывая по соседней подушечке. Он остался в элегантном костюме, в котором ездил ко двору, и слегка покраснелся от хорошего вина и занимательной беседы. — Ты знаешь графа де Фурсэ, конечно же... Каспар, поклонись Федре, она уже почти леди... и нашу поэтессу Телезис... о, несравненная, я незрим в твоей тени... это Квинтилий Русс из Эйсанда, лучший адмирал всех времен и народов, а рядом высокородный Перси Ланьяс, граф де Сомервилль, о котором ты не раз слышала.

Не помню, что я проблеяла — скорее всего, нечто бессвязное, — когда встала, чтобы

присесть в реверансе. Я привыкла к Каспару Тревальону — воспринимала его почти как дядюшку (в той степени, насколько вообще могла представить себе родню); Телезис де Морне внушала мне благоговение, хотя я нередко ее видела. Но новые лица... командующий флотом Эйсанда был легендой трех народов, а граф де Сомервилль — принцем крови, который вместе с принцем Роландом и принцем Бенедиктом возглавлял атаку на скальдов. По общему мнению, если королю когда-нибудь потребуется назначить верховного военачальника, никого лучше графа де Сомервилля не сыскать.

Передо мной был герой легенды, слышанной еще в детстве, и я ожидала, что граф окажется дряхлым, вроде короля, но он выглядел не старше пятидесяти — крепкий и здоровый, с сединой, серебром поблескивающей в золотистых волосах. От него едва уловимо пахло яблоками; позже я узнала, что это отличительный признак потомков Анаэля в целом и рода Сомервиллей в частности. Вельможа доброжелательно улыбнулся, чтобы я не так робела.

— *Ангуиссетта* Делоне! — воскликнул Квинтилий Русс, жестом подзывая меня к своему дивану, на котором уже сидел Алкуин. Адмирал взял мое лицо в ладони и крепко поцеловал, а затем с улыбкой отпустил. Его обветренное лицо рассекал толстый рубец шрама, оставленного лопнувшим тросом, голубые глаза ярко сверкали. Я не могла определиться, красив он или уродлив. — Жаль, что меня не привлекает боль, а? — Он похлопал Алкуина по коленке, и мой товарищ безмятежно улыбнулся. Очевидно, грубовато-добродушный адмирал пришелся ему по нраву. Алкуин ценил откровенность. — Ну, ученица паука, как думаешь, почему Старший Брат пропустил круарха?

Потребовалась секунда, чтобы догадаться, что пауком Русс назвал Делоне, и вспомнить, что Старшим Братом моряки именовали Хозяина Проливов, правившего с Трех Сестер.

— Будь мне под силу на это ответить, милорд, — вздохнула я, устраиваясь на диване рядом с Делоне и поправляя юбки, — я была бы не ученицей, а наставницей.

Адмирал разразился хохотом, остальные тоже засмеялись. Делоне погладил меня по голове, улыбнулся и сказал:

— Квинтилий, друг мой, если на этот вопрос не можешь ответить ты, то никто из нас тем более не сможет. Разве что наша любезная муза?.. — Он вопросительно посмотрел на Телезис, которая тряхнула темными волосами.

— Мне он позволил пройти ценою песни, — сказала поэтесса, и ее звучный голос пленил нас всех. «Конечно, — сообразила я, — она ведь жила в ссылке в Альбе, и поэтому, скорее всего, приглашена сегодня сюда». — Один раз туда, и один — обратно. Думаю, все зависит от его прихотей. Какой каприз Хозяина Проливов удовлетворил круарх Альбы? Вот в чем вопрос.

Алкуин кашлянул. Еле слышно, но все тут же примолкли.

— Они говорили о каком-то видении. — Он сконфуженно посмотрел на Делоне. — Я находился близко к альбанской делегации, но очень трудно одновременно аккуратно записывать и прислушиваться, милорд. Но я смог уловить слова о видении, сестре короля, черном кабане и серебряном лебеде.

— Сестра короля, — скривился Квинтилий Русс. — Разрази меня гром, Лионетта? Что она на этот раз затеяла?

— Нет, нет, — покачал головой Алкуин. — Сестра круарха, короля пиктов, мать его наследника.

— Лионетта никак с ней не связана, — добавил капитан Тревальон, — но я видел, как

она взяла жену круарха под свое крылышко, или, если точнее, лапу. Так и хотелось предупредить бедняжку, что в этих бархатных подушечках прячутся острые когти.

— Лионетта де ла Курсель де Тревальон достаточно осведомлена, чтобы выбрать себе другую добычу, — пробормотала Телезис. — Жена круарха, Фоклайдха, происходит из племени бругантийцев и находится под защитой красного быка. Львице Аззали лучше побережься ее рогов.

— Здоровенные у нее телята народились, — одобрительно заметил Квинтилий Русс. — Видели, какая махина старший паренек? Не думаю, чтобы ему очень нравилось играть вторую скрипку при калекке.

— Ты о принце пиктов? — Тон графа де Сомервилля мог бы показаться покровительственным, если бы не теплые нотки привязанности к адмиралу. — Меланхоличный парнишка, но под синей краской почти симпатичный. Жаль, что колченогий. Как там его зовут?

— Друстан, — смеясь, ответил Делоне. — Даже не думай об этом, Перси!

— Ни в коем случае! — В глазах графа де Сомервилля зажглись лукавые огоньки. — Ты же знаешь, дружище, какой я благоразумный политик.

Я глотнула вина: голова шла кругом от непонятных реплик.

— Они и правда разрисованы синим? — спросила я, и вопрос даже на мой слух прозвучал наивно.

— Такая же правда, как туары служителей Наамах, — тепло ответила Телезис де Морне. — Круитские воины носят на лицах и телах символы своей касты, вытатуированные синилью иглами их собственных туарье. Наши благородные лорды могут смеяться, но раскраска Друстана позволяет наглядно проследить его происхождение и доказывает, что свои шпоры он заработал в бою. Не давай его искалеченной ноге ввести тебя в заблуждение.

— Но чего они хотят? — вмешался Каспар де Тревальон. Задав вопрос, он оглядел собравшихся. Никто не попытался ответить. — Торговать? Или ищут свои видения во плоти? Желают защититься от скальдийских ладей? На побережье Аззали ходят слухи, будто скальды вознамерились пересечь Самосеверное море и устроить набег на Альбу, но что с этим можем сделать мы? Даже Квинтилию Руссу не под силу провести флот через пролив.

Адмирал кашлянул.

— Также... говорят... что ангелийские корабли стремятся на юго-запад, а круиты и далриады держат курс на необжитые земли. Не думаю, чтобы они искали защиты в море.

— Торговля... — Делоне рассеянно обвел кончиком пальца кромку бокала. — Все желают торговать. Это своего рода форма власти и свободы: распространение культуры — чем не гарант бессмертия? Как нашим соседям, должно быть, досадно смотреть через пролив и видеть недосыгаемый мир. Видеть наш берег, жемчужину континента, так близко и одновременно так далеко. Вы никогда не задумывались, почему скальды вообще нападают на наши границы? — Он сделал многозначительную паузу. — Нет? Мы отмечены, друзья мои, щедрым наследием Благословенного Элуа и его Спутников. Мы преуспеваем там, где другие народы борются. Мы проживаем свои дни в изобилии с вином и песнями, припав к груди этой золотой земли. Мы возвращаем сыновей и дочерей неземной красоты, а потом удивляемся, почему приходится регулярно защищать свои границы. Мы превратили дикую страсть в укрощенное искусство, и теперь негодуем, когда она пробуждает в соседях кровавые инстинкты.

— Мы превратили в искусство не только страсть, — произнес граф де Сомервилль, в его

голосе четко слышались мрачные стальные нотки. — Защищая наши границы, мы превратили в искусство саму войну.

— Так и есть, — поддержал Квинтилий Русс. — Так и есть.

За подобными воинственными заявлениями обычно следует торжественное молчание, так случилось и в тот раз. В тишине Алкуин покачал головой.

— Но Хозяин Проливов никак не заинтересован в торговле, — пробормотал он. — Значит, дело в чем-то еще.

Я уже говорила, что дар Алкуина превосходил мои способности вспоминать нужные факты в нужные моменты и быстро связывать их между собой. Той ночью, увидев, как губы Делоне удивленно приоткрылись, я поняла, что в своей мгновенной интуиции ученик оставил учителя позади. Но где Алкуин попадал в точку, Делоне рыл глубже, и он накопил массу знаний, которые утаивал от остальных. Той ночью я следила за переменами в его задумчивом лице и заметила, что он сделал какой-то далеко идущий вывод.

— Не важно, — беззаботно сказал Делоне и потянулся к лире, которой владел, как и пристало джентльмену, и даже лучше многих. — Сегодня король поужинает со своим разукрашенным синилью гостем, а Исандра де ла Курсель, цветок королевства, будет учить косолапого варвара-принца танцевать гавот. Телезис, дорогая моя муза, не почтишь ли нас песней?

Думаю, она отлично поняла, что Делоне задумал отвлечь внимание гостей, но все равно уважила его просьбу и запела своим восхитительным глубоким голосом. Так прошел мой первый вечер в качестве почти взрослого члена семьи Анафиэля Делоне. Каспар Тревальон покинул нас трезвым, а Квинтилий Русс позволил себе лишку и остался ночевать в гостевых покоях.

Что касается Алкуина, под конец вечера по кивку Делоне он ушел вместе с графом де Сомервиллем. Не думаю, чтобы заключался какой-то договор, но граф справедливо славился щедростью, и уже на следующий день мой товарищ записался к туарье, чтобы начать выкалывать основание туара — там, где его спина переходила в нежные ягодицы.

Пока продолжался визит круарха Альбы, Делоне еще дважды ездил ко двору, и оба раза один, а по его возвращении не было ни приемов, ни бесед; если он и узнал что-то новенькое, то, похоже, ни с кем не поделился. В конце концов король Земли Ангелов и король пиктов обменялись прощальными подарками и любезностями, а затем альбанская делегация отправилась на побережье, откуда, сопровождаемая попутным ветром, чайками и очевидным благоволением Хозяина Проливов, отплыла на родину.

Подтвердив свою лояльность Дому Курселей, граф де Сомервилль вернулся в провинцию к своим войскам и обширным яблоневым садам.

Квинтилий Русс, изрядно опустошив нашу кладовую и выхлебав половину вина прошлогоднего урожая, с радостью отправился в Эйсанд к своему флоту, а немного погодя стало известно, что адмирал одержал победу в трудном морском бою с кораблями калифа Хеббель-им-Аккада, чем обеспечил нашей стране безопасный торговый путь для специй и шелков с Востока.

Эта новость затмила визит вождя варваров с крохотного островка, поэтому совершенно неудивительно, что круиты быстро выветрились из моей памяти.

В конце концов, жизнь шла своим чередом.

Разумеется, я тревожилась, понимая, что мне предстоит новый жизненный этап и довольно скоро. Успех Алкуина в роли куртизана первого ранга не ослабевал. Слухи об аукционе и о запредельной цене девственности моего товарища распространялись как лесной пожар, и, думаю, к Делоне чуть не ежедневно обращались с запросами насчет нас. Именно этого наставник и хотел — возможности тщательно подбирать для нас партнеров и отказывать неугодным соискателям. И сразу подчеркну: он никогда не заключал договор, не заручившись предварительно нашим согласием.

Выбор третьей персоны для свидания с Алкуином был поистине гениален. Помня, как протекал аукцион, Сесиль Лаво-Перрин купила услуги Алкуина на вечер дня рождения Мьеретт но Оркис и презентовала имениннице свой подарок полностью обнаженным, за исключением обвивавшей его красной ленты. По слухам, эхо смеха Мьеретт долго не смолкало под стропилами крыши.

Позже многие восхищались ловкостью Делоне, наглядно продемонстрировавшего всем и каждому, что его протееже смог прельстить даже преуспевшую служительницу Двора Ночи, — конечно, немаловажное достижение, но главное я вижу в другом. С того свидания Алкуин вернулся усталым и улыбающимся. Пусть он и сыграл роль подарка, обязанного ублажить Мьеретт но Оркис, но она, согласно канону Дома Орхидеи, владела таинством дарения радости в ритуале почитания Наамах и своим искусством щедро поделилась с Алкуином. Я до сих пор помню нежную улыбку, которую Алкуин старался скрыть от Делоне, и разговор, состоявшийся в тот день между мной и покровителем.

Делоне позвал присоединиться к нему во внутреннем дворике, где предпочитал устраивать все значимые события. Я скромно присела на диван, ожидая, пока учитель начнет беседу, а он, заложив за спину руки, обходил колоннаду.

— Знаешь, ко мне обращались с вопросами, Федра, — сказал он, не глядя на меня. — С вопросами о тебе.

— Нет, не знаю, милорд. — Я не лгала: ни он, ни другие домашние ни разу об этом не

упоминали, хотя мой день рождения миновал несколько недель назад, что усугубило мои ожидания. Я задумалась, а знал ли Алкуин, и мысленно дала зарок устроить ему хорошую взбучку, если выяснится, что он был в курсе дела.

— Представь, интерес к тебе довольно велик. С самого дебюта Алкуина. — Теперь Делоне искоса смотрел на меня. Был ранний вечер, и топазовые искорки в серых глазах учителя явственно поблескивали в длинных солнечных лучах. От волнения мне было сложно сосредоточиться на его словах. — Боюсь, как бы ты не обиделась, если я приму одно из поступивших предложений.

Это привлекло мое внимание.

— Милорд! — выдохнула я, едва осмеливаясь верить услышанному. Мне уже начинало казаться, что мое созревающее тело так и высохнет на лозе никем неотведанным. — Нет, милорд, я не... я не обижусь.

— Я так и думал. — На этот раз во взгляде Делоне промелькнул озорной огонек. — Но есть один момент, который необходимо прояснить прежде, чем ты начнешь ходить на свидания. Тебе необходим *сигнал*.

Я не поняла, о чем он.

— Милорд?

— Дидье разве тебе не рассказывал? — Делоне сел. — Это понятие придумали в Доме Валерианы; я довольно долго беседовал с тамошним дуэйном, чтобы выведать все существенные моменты. Иногда гость заходит слишком далеко, причиняя боль служителю. Ты же знаешь, что мольбы о пощаде — это часть игры? *Сигнал* превышает любых возражений и протестов. Это слово, произнеся которое, ты прервешь сеанс. Ты должна подобрать себе такое охранное слово, Федра. — Наставник посерьезнел. — Если гость не обратит внимания на оговоренный *сигнал*, то будет повинен в ереси. Такова твоя защита от увечий, от нарушения заповеди Благословенного Элуа. Валерианы советуют выбрать слово, которое не может быть по ошибке принято за элемент любовной игры. Тебе, наверное, нужно время, чтобы подумать?

Я покачала головой, и с моих губ само собой сорвалось:

— Гиацинт.

В первый и, возможно, в последний раз я застигла Делоне врасплох.

— Твой тсыган? — Даже если бы наставник не сидел передо мной лицом к лицу, я распознала бы крайнее изумление по его тону. — И это первое, что приходит тебе в голову при мысли о защите?

— Он мой единственный друг. — Я упрямо не отводила взгляд. — Все остальные чего-то от меня хотят, даже вы, милорд. Если желаете, чтобы я выбрала другой *сигнал*, сами назовите, какой. Но вы спросили, и я ответила.

— Нет. — Спустя секунду Делоне пожал плечами. — Почему бы и нет? Довольно неплохой выбор; вряд ли кто узнает, что, произнося это слово, ты имеешь в виду незаконнорожденного тсыганского прорицателя. Я впишу этот *сигнал* в твой договор и доведу до сведения твоих гостей.

Было ясно, что мой выбор заставил Делоне призадуматься; даже возникла мысль, а не приревновал ли он. Я на это надеялась, но не осмелилась продолжать нечаянную тему.

— Кто же спрашивал обо мне? — поинтересовалась я. — И чье предложение вы намерены принять, милорд?

— Предложений поступило несколько. — Делоне снова встал и зашагал по дворику. —

Почти все соискатели обратились ко мне не напрямую, а через третьи или даже четвертые руки, что совсем не удивительно, когда речь идет о таких особенных... талантах, как у тебя. За единственным исключением. — Он нахмурил брови и неохотно посмотрел на меня. — Хильдерик д'Эссо сделал предложение лично.

Услышав имя, я тут же вспомнила лицо его обладателя. Почувствовала, как тело напряглось, но сказала лишь:

— А ему-то это зачем? Он ненавидит вас, и для него не секрет ваши устремления, милорд. Он делал ставки на Алкуина только чтобы подзадорить других участников.

— Нет, не только. Ему нравится видеть разочарование и унижение, ему нравится причинять боль. — Делоне снова сел. — Д'Эссо охотник и игрок, при этом он довольно искусен в интригах и достаточно умен, чтобы догадаться: ты нацелена что-то у него выпытать. Он наверняка рассчитывает съесть приманку и соскочить с крючка, оставив меня с носом. Д'Эссо слишком высокомерен, чтобы упустить шанс завладеть таким трофеем как ты и попутно вдобавок уколоть меня.

— Так что же я должна у него выпытать? Что вам хочется узнать? — довольно простой вопрос с глубоким подтекстом. Да, мне в обязанность вменялось не только доставлять удовольствие во имя Наамах, претерпевая боль, но и служить Делоне — для этого он и купил мой туар. Неважно, что покровитель умалчивал о первопричинах, мы с Алкуином уже давно усвоили: больше всего наставник ценил нас за сведения, которые мы могли для него добыть.

— Пока просто слушай все, что он сболтнет, — мрачно наставлял Делоне. — Д'Эсс занимает высокий пост в Казначействе; все до одного документы, договоры и назначения проходят через его руки. Он знает, кто о чем просит и что обещает взамен. Знает, кого назначают на какую должность и по каким причинам. И, скорее всего, знает, кто извлечет выгоду из смерти Изабель л'Анвер.

— И Эдми де Рокай? — Желудок сжался, когда я произнесла имя первой нареченной принца Роланда. Делоне проницательно посмотрел на меня.

— Гибель Эдми де Рокай сыграла на руку Изабель л'Анвер, — тихо сказал он, — как и тому же Хильдериду д'Эссо, поскольку он получил свой пост вскоре после свадьбы Изабель и Роланда. Спрашиваешь, что бы я хотел узнать? Я хочу знать, кто теперь дергает за ниточки д'Эссо. Изабель мертва, так кому же он служит и почему? Выведай это для меня, Федра, и я буду тебе премного обязан.

— Как пожелаете, милорд. — Я решила выполнить просьбу учителя, пусть даже ценою жизни. Тогда я была еще слишком наивна, чтобы представить, насколько буквальным может оказаться это выражение.

— Значит, ты согласна на его предложение?

Я открыла рот, чтобы сказать «да», но тут же остановилась.

— А сколько он дает?

В ответ на мой вопрос Делоне улыбнулся:

— Ты поистине дитя Двора Ночи, Федра. Четыре с половиной тысячи. — Увидев разочарование на моем лице, он посерьезнел. — Дорогая, девственность Алкуина не была бы оценена столь высоко без аукциона, а твои потенциальные почитатели по большей части не готовы публично признаться в своих склонностях. Если тебя действительно поразила Стрела Кушиэля — а я в этом уверен, — то приобретенный опыт лишь доведет твой дар до совершенства. Цена твоих услуг будет только расти, и со временем не упадет. — Делоне взял мое лицо в ладони и искренне заглянул в мои глаза. — Алкуин же должен выигрышно



преподносить свою исключительность, которая умалается с каждым сеансом, и, чтобы дольше сохранять привлекательность, ему выгоднее заключать договоры как можно реже. Установить за его дебют максимальную цену было необходимо. Но ты, Федра... До твоего появления ни один человек из ныне живущих в Доме Валерианы не видел *ангуиссетту*. В последний раз подобная тебе рождалась в нашем мире настолько давно, что даже Кактус, Первый из Домов, и тот не распознал твою природу. Обещаю, всю свою жизнь ты будешь редкостью.

Казалось, я снова стала семилетней девочкой, стоящей на коленях в приемной дуэины, где четырьмя стихотворными строками Делоне превратил меня из незаконнорожденной уродки в избранницу Спутника Элуа. Мне хотелось заплакать, но Делоне не трогали слезы.

— Хильдерик д'Эссо получит свое приобретение, — кивнула я.

— Лорд д'Эссо получит больше, чем ожидает приобрести. — Делоне жестко посмотрел на меня. — Я настаиваю, чтобы ты была осторожна, Федра. Ничего не ищи, ни о чем его не спрашивай. Пусть он проглотит крючок, пусть считает, что одержал надо мной победу. Если все пройдет хорошо, он испросит свидания с тобой и во второй, и в третий раз, и в четвертый; до тех пор ничего не предпринимай. Понимаешь?

— Да, милорд. А если все пройдет плохо?

— В таком случае я заплачу половину вырученной суммы за твой туар, и ты больше никогда не увидишь д'Эссо. — Делоне довольно болезненно сжал мою руку. — Вне зависимости от обстоятельств, Федра, береги себя и не бойся использовать *сигнал*. Это ясно?

— Да, милорд. Гиацинт. — В этот раз я произнесла имя друга намеренно, исключительно чтобы пощекотать нервы Делоне, но он словно не заметил мою дерзость.

— И не забывай о наших правилах. Не выдавай свою образованность. Пусть Д'Эсс верит, будто всем, что ты знаешь, ты обязана Двору Ночи.

— Да, милорд. — Я помолчала. — Но вы ведь водили Алкуина ко двору записывать переговоры с альбанцами.

— Ах, это. — Делоне неожиданно расплылся в улыбке. — Я отрекомендовал его просто стенографистом и никому не сказал, что Алкуин знает круитский. Все кроме короля подумали, будто Алкуин понимал лишь то, что я ему переводил. А его записи в тот день видели многие заинтригованные вельможи.

Это было очень интересно, а больше всего меня поразило, когда Делоне открыто признал: Ганелон де ла Курсель, король Земли Ангелов, знал о его планах. Жаль, что я о них ничего не знала. Проглотив досаду, вслух я кротко произнесла:

— Я буду осторожна, милорд, и не забуду про правила.

— Хорошо. — Делоне с довольным видом встал. — Значит, я дам свое согласие.

В день моего первого любовного свидания, клянусь, Делоне нервничал больше меня. Даже вокруг дебютанта Алкуина он так не суетился.

Позже, став искушеннее, я научилась лучше понимать и Делоне. Сколь бы замысловатыми ни были его вкусы и интересы, существовал порог, который мой наставник не переступал. Как и многие, он ценил перчинку, привносимую в любовную игру легкими элементами насилия, но не более чем легкими. И при этом Делоне столь тщательно изучал потребности других людей, что ему частенько приписывали опытность в вопросах, в которых его познания ограничивались исключительно теорией. В глубине души мой учитель не представлял, каково это — жаждать удара кнутом, словно поцелуя. Отсюда и его нервозность.

Осознав это, я полюбила Делоне еще больше; хотя, конечно, к тому моменту уже давно его простила. Не существовало ничего, что я не могла бы простить любимому наставнику.

— Вот, — выдохнул он, стоя позади меня перед большим зеркалом, и заправил выбившийся локон мне за ухо. — Выглядишь прекрасно.

Он положил руки мне на плечи, и я посмотрела в зеркало. Оттуда на меня глянули мои же глаза, темные и блестящие, словно излюбленный художниками бистр, за исключением единственной красной точки. В отражении отметина алела в правом глазу, яркая, как лепесток розы, плавающий в спокойной воде. Делоне одобрил мои волосы, укрощенные шелковой сеточкой, которая плотно стягивала непокорные, рвущиеся на свободу кудри, тем самым подчеркивая мои изящные черты и фарфоровую бледность кожи.

Красить свежие юные лица было не принято, поэтому единственное, что дозволил мне наставник, — слегка пройтись по губам кармином. Рот выделялся на лице, как и точка в моем глазу, яркий, словно розовый лепесток. Не помню, чтобы до той минуты замечала чувственную пухлость своей нижней губы.

Задумывая наряд, Делоне опять выступил за простоту, но платье на этот раз сшили из красного бархата насыщенного оттенка. Корсаж плотно облегал фигуру, и я с удовольствием отметила, как соблазнительно вздымалась в декольте моя белоснежная грудь. По спине шел длинный ряд крохотных черных пуговиц, и я задалась вопросом, хватит ли Хильдерiku д'Эссо терпения расстегнуть их все, или же он просто разорвет платье. Во Дворе Ночи с гостя взяли бы дополнительную плату за испорченный наряд, но вряд ли Делоне включил в договор подобные мелочи. Корсаж доходил до бедер, подчеркивая узкую талию и плоский живот. Мне нравилось очарование моего молодого тела, нравилось видеть свои прелести выгодно представленными. Платье облегалo в верхней части мои пышные бедра и ниспадало строгими складками, которые могли показаться неожиданно чопорными, если бы не цвет и роскошная фактура ткани.

— Итак, ты довольна тем, что видишь, — радостно заключил Делоне.

— Да, милорд. — Я не считала нужным лицемерить — как-никак моя внешность была его капиталовложением. Я повернулась и изогнула шею, пытаюсь представить, как буду выглядеть сзади, когда закончу туар, и узоры поднимутся над воротом, украшая затылок.

— Как и я. Остается надеяться, что лорд Хильдерик оценит тебя столь же высоко. — Делоне убрал руки с моих плеч. — У меня есть для тебя подарок, — сказал он, подходя к шкафу. — Вот. — Вернувшись, наставник набросил мне на плечи, которых совсем недавно

касаясь, накидку с капюшоном. Бархатная, с шелковой подкладкой, она была темнее платья и столь насыщенного цвета, что красный казался почти черным, как кровь, пролитая в безлунную ночь. — Этот оттенок называется *сангр*, — пояснил Делоне, глядя на мое отражение в зеркале, пока я рассматривала подарок. — Телезис сказала, что по закону от седьмого века после пришествия Элуа этот цвет вправе носить только *ангуиссетты*. Мне пришлось послать гонца в Фирецию, чтобы отыскать красильщиков, до сих пор помнящих секрет такой окраски.

Накидка была красива, даже прекрасна. Я всхлипнула от восхищения, и на этот раз Делоне не отругал меня, а обнял. Мы ангелийцы, мы знаем, каково это — плакать при виде красоты.

— Будь осторожна, Федра, — прошептал Делоне. От его дыхания волоски под шелковой сеткой пошевелились. — Хильдерик д'Эссо ждет тебя. Помни о своем *сигнале*. И помни, что Ги будет поблизости на случай, если что-то пойдет не так. Я не послал бы тебя в дом своего врага без защиты.

Сердце забилось быстрее, приветствуя его объятие, и я повернулась в кольце рук Делоне, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Помню, милорд, — выдохнула я. Но Делоне опустил руки и отошел. Лицо его похолодело и замкнулось.

— Пора, — сказал он сдержанно. — Иди, и пусть благословение Наамах защитит тебя. И я отправилась на свое первое любовное свидание.

Было уже поздно, когда экипаж выехал со двора. Безупречный Ги в ливрее сидел напротив меня на подушках и молчал, как и я. Дом д'Эссо оказался небольшим, но располагался близко ко Дворцу; как я узнала позже, у лорда имелись покои и в самом Дворце, но он предпочитал предаваться такого рода развлечениям в собственных владениях.

Открывший дверь лакей, похоже, не впечатлился, увидев меня в сопровождении Ги, и выдал себя спесивым фырканием.

— Вон туда идите, — он указал мне направление, а Ги бросил: — А ты подождешь на половине для слуг.

Ги шагнул вперед, словно холуй ничего не говорил, и изящно, но коротко поклонился мне — я и не знала, что он обучен таким учтивым манерам.

— Сей дом удостоила визитом миледи Федра но Делоне, — объявил мой сопровождающий лишенным интонаций голосом, глядя лакею прямо в глаза. — Лорд д'Эссо ее ожидает.

— Да, конечно. — Смутившись, слуга предложил мне руку. — Миледи...

Ги тут же встрял между нами.

— Сначала возьми ее накидку, — тихо приказал он. Перенял ли Ги властную повадку у Делоне или казался пережиток воспитания в Кассилианском Братстве, но уверенное обращение остудило слугу д'Эссо не хуже, чем давнишнего лорда в таверне, восплававшего ко мне похотью.

— Да. Да, сей момент. — Лакей щелкнул пальцами и быстро скомандовал подбежавшей удивленной служанке: — Возьми у миледи ее накидку.

Я расстегнула застежку и высвободила плечи. Драгоценная ткань скользнула в ожидающие руки.

Делоне умел щедро одаривать. Лакей д'Эссо со свистом втянул воздух, ощутив вес моей одежды, и передал ее служанке, которая украдкой погладила воротник из плотного бархата,

пока бережно пристраивала накидку на руку. Я высоко держала голову под их любопытными взглядами и смотрела слугам в глаза, позволяя заметить отличительную красную точку. Люди благородного происхождения любят иногда посудачить, но слуги сплетничают постоянно. А первые впечатления самые важные.

— Пожалуйте сюда, миледи, — на сей раз уважительно предложил мне руку лакей. Я грациозно приняла ее, лишь слегка коснувшись кончиками пальцев, и позволила препроводить меня к Хильдерiku д'Эссо.

Его сиятельство ждал в трофейной комнате — это я ее так называла, а как именовал это помещение его хозяин, мне узнать не довелось. На двух стенах красовались фрески с изображениями охоты. Третью занимал пылающий камин, над которым громоздились щит с гербом д'Эссо и арсенал оружия.

А у четвертой стены располагалось кое-что другое.

Хильдерик д'Эссо выглядел так же, как на празднике у Сесиль: заплетенные в тугую косу волосы и глаза хищной птицы под тяжелыми веками. На нем был неяркий парчовый дублет и сатиновые брюки, а в левой руке лорд держал бокал с вином.

— Оставь ее, Филипп, — пренебрежительно бросил он.

Слуга поклонился и ушел, затворив за собой дверь.

Я осталась наедине со своим первым покупателем.

Быстрым шагом Хильдерик д'Эссо подошел ко мне и, небрежно взмахнув свободной правой рукой, с силой хлестнул по лицу. Я пошатнулась, почувствовала кровь на губах и вспомнила смертоносную точность, с которой он метал подонки, играя в коттаб. Из бокала в левой руке не пролилось ни капли.

— В моем присутствии становись на колени, шлюха, — как ни в чем не бывало приказал д'Эссо.

Я покорно опустилась на колени, и красные бархатные юбки волнами раскинулись вокруг меня на каменных плитах. Пол был холодным, хотя огонь в камине горел. Я следила за начищенными сапогами, ступавшими близ меня.

— Зачем Анафиэль Делоне послал *ангуиссетту* к такому как я? — спросил д'Эссо, зайдя сзади. Он зарылся рукой в мои собранные под сетку волосы и сильно дернул голову назад, так что я встретилась взглядом с его блестящими полуприкрытыми глазами. Мое горло оказалось открытым и уязвимым.

— Не знаю, милорд, — прошептала я сдавленным от страха голосом.

— Я тебе не верю. — Он с силой прижал мой затылок к своему бедру, схватив рукой за шею. — Скажи-ка мне, Федра но Делоне, чего добивается от меня твой лукавый покровитель. Неужели он думает, что меня так легко заманить в сети, а? — При каждом слове д'Эссо сильнее сжимал пальцы. — Неужели он думает, что я выболтаю свои тайны, прохлаждаясь в постели с наемной шлюхой? — Давление на горло еще усилилось, и перед моими глазами затанцевали черные точки.

— Я... не... знаю... — снова прошептала я, погружаясь в странную истому на границе сознания. С трудом я повернула отяжелевшую голову, чтобы всей щекой чувствовать, как сокращаются мышцы бедра д'Эссо. Дышала я натужно и запаленно.

— Элуа! — д'Эссо замер, выдохнув это слово. Хватка на горле исчезла — он снова взялся за мой затылок. — Так ты и правда такая, да? — В его голосе я расслышала удивление и восхищение. «Значит, он не был уверен», — подумала я и сделала мысленную зарубку, что д'Эссо, выходит, заплатил больше четырех тысяч дукатов просто чтобы утереть нос

Делоне. — Тогда покажи себя, маленькая *ангуиссетта*, как ты есть, на коленях. Давай, ублажи меня.

Да, так он сказал, но мог бы и не тратить слов. Я уже развернулась, по-прежнему стоя на коленях, и провела ладонями по гладкой коже его сапог. Я чувствовала, чего хотел этот мужчина, о чем он мечтал больше всего, так же точно, как море чувствует позыв луны к приливам и отливам. Бедра д'Эссо вздрагивали под моими прикосновениями, и, ругнувшись, он отшвырнул бокал. Я услышала отдаленный звон, а кончики моих пальцев уже легли на большой бугор, натянувший ткань брюк. Д'Эссо обеими руками зарылся в мои волосы, пока я расшнуровывала его гульфик.

Искусство ублажения ртом пришло к нам из глубокой древности, и стыдно признаться, но я так и не освоила до конца его тонкости. Впрочем, мой дар заключался совсем в другом. Д'Эссо застонал, когда его член вырвался наружу и уткнулся в мои разомкнутые губы. Жесткие руки стиснули мою голову, вынуждая взять напряженный ствол в рот, глубоко-глубоко. Ах, если бы он только знал! Я с готовностью принимала долгожданный подарок судьбы, лихорадочно работая губами и языком, — наконец-то я применяла на практике познания, полученные за бесчисленные часы учебы.

Д'Эссо снова застонал, извергая семя, и оттолкнул меня, одновременно сорвав с волос шелковую сеточку.

Я упала на спину и изломанно простерлась на полу, кудри в беспорядке раскинулись вокруг головы. Хильдерик д'Эссо перешел в наступление.

— Шлюха! — рявкнул он и тыльной стороной ладони ударил меня по губам. Я облизнула рот, пробуя вкус крови вперемешку с семенем. Посмотрела сквозь пелену волос и увидела, что обласканный член снова поднимается. Вздрогнув, лорд овладел собой. — Вставай, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Раздевайся.

Встав, я завела руки за спину и дрожащими пальцами принялась расстегивать крохотные пуговицы, одну за другой. Д'Эссо смотрел на меня из-под набрякших век.

— Сюда, — резко скомандовал он, указывая на грудь подушек, накрытых лоскутом белого шелка. — Я намерен обзавестись новым вымпелом, в честь Анафиэля Делоне. — Когда платье из красного бархата упало к ногам, оставив меня обнаженной, д'Эссо толкнул меня к ложу. — Я дорого заплатил за твою невинность, — угрожающе произнес лорд, подходя ко мне. — Молись, чтобы не вскрылось никакого твоего обмана, и награди меня знаком победителя, Федра. На спину.

Он двигался как крадущийся хищник, срывая с себя одежду, затем навис надо мной и забросил мои ноги себе на плечи.

Не знаю, как это было у других женщин. На мою долю не досталось нежной прелюдии, вроде той, что показывали на сеансе в Доме Камелии; но я была готова, как и подобало посвященной перед первым соитием. Одним нескончаемым движением д'Эссо пронзил меня насквозь, и хотя я не удержалась и вскрикнула от боли, перед глазами возник лик Благословенной Наамах, и следом я ахнула от удовольствия. Снова и снова д'Эссо вонзался в меня, и мое тело таяло в его руках, пока волны боли и наслаждения захлестывали меня, словно крылья голубок Наамах в ее храме.

Хильдерик Д'Эссо был врагом Делоне и мне следовало его ненавидеть.

Но я крепко обняла его за шею и простонала его имя, когда он излился в меня.

Возможно, отчасти это его отрезвило. Не знаю. Д'Эссо, тяжело дыша, отстранился и наконец расплел свою тугую косу. С распушенными волосами, ниспадающими на плечи, он

выглядел симпатичнее.

— Ну вот, выпел у меня есть. — Он вытащил из-под меня лоскут белого шелка, ярко запятнанный моей девственной кровью. Хищные глаза казались до странности спокойными. — А знаешь, чего я теперь желаю, Федра?

— Да, милорд, — пробормотала я. Послушно встала с ложа и подошла к украшению на четвертой стене, самой заманчивой. Мне не требовалось особых указаний. Я встала, расставив ноги и раскинув руки, у Х-образного пыточного креста. Я чувствовала горячее дыхание на коже, пока лорд закреплял кандалы на моих щиколотках и запястьях. Грубо обтесанное дерево рассадило мне бедро.

— Ты лучше всех, кого я здесь видел, — прошептал д'Эссо, туго затягивая кольцо на моем левом запястье. Пальцы вытянулись в бессловесном протесте. — Скажи мне, чего хочет Делоне.

— Я не знаю. — Я ахнула, когда он дернул меня за правую щиколотку и притянул ее к кресту.

— Клянешься? — Д'Эссо встал, обдав жарким дыханием мое ухо, и я почувствовала, как кончики семихвостой плетки гладят меня пониже спины.

— Клянусь!

И тут посыпались удары.

Я не могла сосчитать, сколько их было. Эта порка не походила на давнишнее наказание за побеги, доставшееся мне в детстве от руки палача дуэйны, поскольку никто не следил, чтобы д'Эссо не переусердствовал, и не было определено предельное количество ударов. Я корчилась и вжималась в шершавое дерево, пока плеть раз за разом безжалостно обрушивалась на спину, вымещая на мне ненависть Хильдерика д'Эссо к моему господину. Как только я сдалась, обмякла и повисла на удерживающих меня кандалах, более не сопротивляясь, лорд приблизился ко мне и запустил пальцы между ног, теребя, пока я не принялась униженно умолять об иной разрядке. И тогда вновь посыпались удары.

Наконец его рука устала от взмахов, и д'Эссо снова встал вплотную позади меня. Он раздвинул мои ягодицы.

— Я заплатил Анафиэлю Делоне высокую цену за твою девственность, — прошипел он мне в ухо. Ощувив давление на мое второе отверстие, я вцепилась в грубую древесину креста, вгоняя занозы под ногти. — И я заберу всю девственность, какая у тебя есть. Не сомневайся, ты отработаешь мои деньги до последнего сантима.

И да, д'Эссо сдержал слово.

Утром к нам заглянула Сесиль и пригласила меня навеститься в известное своими горячими источниками святилище Наамах в нескольких милях от Города.

После нескольких лет ученичества у мадам Лаво-Перрин мне было внове оказаться с ней почти на равных, но Сесиль держалась с обычной сердечностью, и вскоре неловкость пропала. Весенний воздух был еще прохладен, но солнце светило ярко и ощутимо пригревало, и за городом уже всюду проклевывались первые бледно-зеленые ростки. В храме жрецы и жрицы Наамах приняли нас с редким радушием — очевидно, имя Сесиль Лаво-Перрин было им хорошо знакомо.

— В конце концов, — заметила Сесиль в купальне, грациозно переодеваясь в выданный служанкой халат, — мы с тобой так же служим Наамах, как и местные обитатели, дорогая. И также заслужили право наслаждаться здешними благами себе на пользу.

Горячие ключи били в каменистых бассейнах, испуская в прохладный воздух клубы пара. Ранние цветы, хрупкие и бледные, только-только начали распускаться, но уже раздавался дружный щебет птиц, сулящий скорый приход лета. Следом за Сесиль я осторожно прошла по гальке, сняла халат и опустила в теплую воду со слегка едким запахом.

— А-а-ах! — довольно вздохнула мадам, располагаясь на камнях, за многие годы гладко обкатанных водой и телами блаженствующих купальщиков. — Эта вода не зря славится целебными свойствами. Иди-ка сюда, позволь мне взглянуть. — Я послушно повернулась, и она осмотрела рубцы от ударов плетью на моей спине. — Ничего серьезного. Через неделю и следа не останется. Говорят, Хильдерик д'Эссо занимается любовью, будто кабана заваливает, так это правда?

Я вспомнила, как он брал свой член наизготовку, словно копье, и чуть не рассмеялась.

— Пожалуй, отчасти сходство есть, — согласилась я.

Тепло воды начало доходить до костей, наполняя тело усталостью и превращая боль, оставшуюся во мне от первого гостя, в сладкую теплую истому.

— По крайней мере, в его ярости чувствуется страсть.

— Было ли что-нибудь, к чему ты осталась не готова после моих уроков?

— Нет, — честно ответила я, качая головой. — Правда, искусных ласк лорду д'Эссо не потребовалось.

— Другим потребуется, — уверила Сесиль и добавила: — Федра, если у тебя появятся вопросы, пожалуйста, не стесняйся мне их задавать. — На этом покончив с ролью наставницы, она спросила с огоньками в глазах, памятными мне по кулуарным сплетням в Доме Кактуса. — Как думаешь, он пригласит тебя снова?

Вспомнив ярость д'Эссо, бешеный танец плети по коже и то, как жарко он дышал мне в затылок, я улыбнулась.

— Можете быть уверены, — пробормотала я и запрокинула голову назад, чтобы погрузить в воду волосы. Мокрые тяжелые пряди шелком скользнули по спине, когда я выпрямилась. — Себе он, конечно, скажет, что это лишь ради того, чтобы обскакать Делоне в его игре. Пускай и дальше тешится иллюзиями.

— Берегись. — Предостережение прозвучало в голосе Сесиль настолько отчетливо, что я посерьезнела и уставилась на нее. — Если д'Эссо догадается, что ты водишь его за нос, он

насторожится и запишет тебя в личные враги, а в результате, дорогая моя, станет поистине опасным. — Сесиль вздохнула, и в клубах пара внезапно показалась усталой и постаревшей. — Анафиэль Делоне не ведает, что творит, вооружая ребенка с твоими наклонностями таким арсеналом знаний, а затем отправляя в пасть хищника.

Я хотела задать ей сотню вопросов, но понимала, что ответов не дождусь.

— Милорд Делоне отлично знает, что делает, — коротко заявила я.

— Что ж, давай надеяться, что ты права, — сказала Сесиль. Она слегка выпрямилась в горячем бассейне и снова стала похожа на заветный цветок Дома Кактуса, каким была в юности. — Идем, мы еще успеваем к обеду, а в этом святилище Наамах накрывают неплохой стол. Если не будем долго копать, потом останется еще время понежиться в воде перед возвращением в Город.

Мы плотно пообедали и вернулись домой еще до заката. Вечером я отчиталась перед Делоне, и мой рассказ ему понравился. Наставник похвалил меня за то, что я не сделала ничего, кроме как позволила д'Эссо проглотить наживку вместе с крючком.

— Говори с ним поменьше, — довольно поучал Делоне, — и со временем он что-нибудь поведаст тебе, Федра, рассчитывая на ответную откровенность. Давать, надеясь что-то получить взамен, свойственно человеческой природе. Лорд д'Эссо непременно что-то даст. — Подойдя к столу, Делоне взял небольшой мешочек и кинул мне. Удивленная я машинально его поймала. Наставник усмехнулся. — Днем д'Эссо прислал вот это со слугой. Подарок гостя на твой туар. Думаю, лорд пожелал, чтобы туарье запечатлел его триумф на твоей коже в качестве своего рода напоминания об этом мне. Откажешься?

Весомость мешочка в ладони была приятна. Первые в моей жизни собственные деньги. Я покачала головой:

— Если вы не против, милорд, я приму подарок. Этот гость был моим первым.

Не будь я такой реалисткой, наверное, постаралась бы углядеть хоть какой-нибудь признак ревности. Делоне прищурился куда-то вдаль и рассеянно кивнул, уйдя в свои мысли. Он ничуть не осерчал.

— Как хочешь. Я запишу тебя к туарье.

Так начался мой путь Служительницы Наамах.

\* \* \* \* \*

Неделю спустя состоялся мой первый визит к туарье. Как и предрекала Сесиль, рубцы на спине и боках за это время зажили и кожа вновь стала безупречным чистым листом для творчества мастера. Избранники Кушиэля быстро исцеляются — без этого нам не выжить.

Поскольку Делоне был тем, кем он был, его домочадцам годилось только самое лучшее, поэтому я отправилась к тому же туарье, что и Алкуин, — непревзойденному виртуозу своего дела. Робер Тильхард изображал туары вот уже двадцать лет, и его услуги ценились ох как дорого. Конечно же, только самому высокооплачиваемому искуснику можно было доверить зримое воплощение моего туара, обошедшегося Делоне в огромную сумму.

В отличие от Алкуина я не помнила наизусть многочисленные правила, которыми руководствуются все гильдии в нашей стране, зато на зубок знала правила той, к которой принадлежала сама. Гильдия Служителей Наамах не допускает откровенного рабства. Делоне не владел моим туаром в полном смысле слова, а управлял им от имени Наамах — и по договору властвовал надо мной лишь до завершения узора на спине. При этом все вознаграждения за мои труды, прописанные в контрактах, уходили Делоне, а на рисование туара я могла тратить только подарки гостей, врученные в благодарность и в жертву Наамах.



Первый час в мастерской я, обнажившись, пролежала на животе, пристроив голову на сложенных руках, пока мастер Робер Тильхард сутился надо мной с циркулем, снимая мерки и перенося их на бумагу. Когда он закончил, я села, оделась и восхитилась мастерским наброском той части моего тела, которую мне редко удавалось увидеть. Особенно мне понравились изгибы по бокам внизу спины, расширяющейся от тонкой талии, словно виолончель.

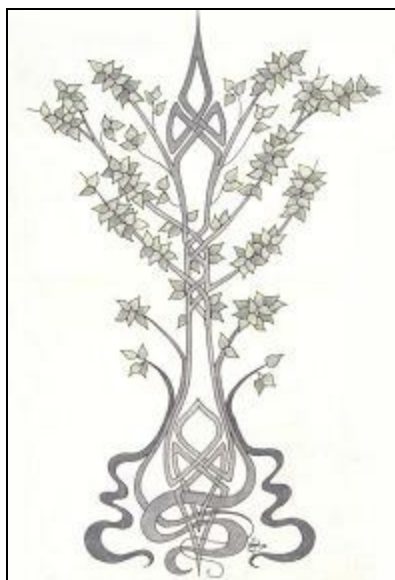
— Я делаю это не для потехи вашего тщеславия, мисс! — рявкнул мастер Тильхард и отвернулся к ученику. — Сбегай на улицу, парень, и кликни лорда Делоне из винной лавки.

Пока я сидела в ожидании на верстаке туарье, он, не обращая на меня внимания, вытащил из подсобки скрученный свиток и пришилил его на пробковую стену рядом с наброском моей спины.

Я узнала туар Алкуина по нижней части, уже нанесенной на кожу моего товарища, и ахнула, узрев эскиз полностью. Впитывая глазами невообразимую красоту, я поняла, что Робер Тильхард по праву снискал себе славу непревзойденного мастера.

У каждого из Тринадцати Домов имеется свой базовый узор, зато у вольных служителей Наамах дело обстоит иначе. Наши туары — в пределах некоторых ограничений — абсолютно индивидуальны.

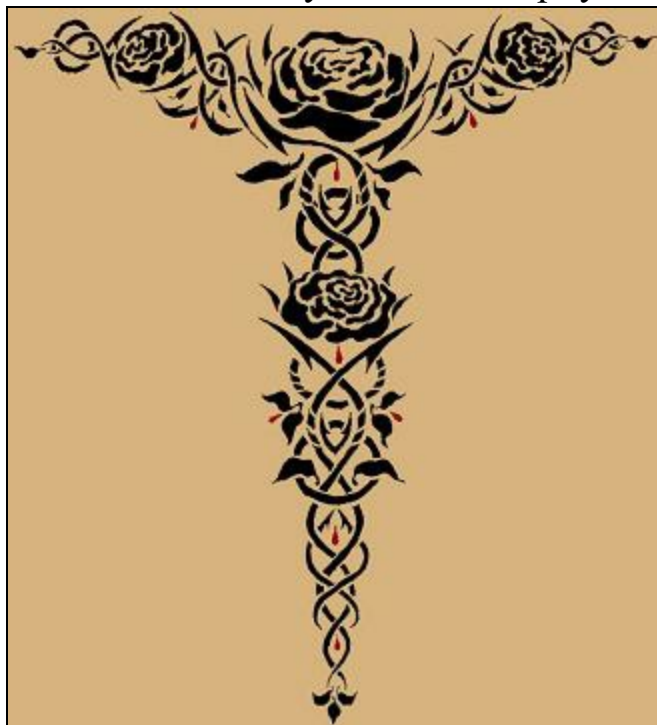
Конечно, рисунки на первый взгляд довольно абстрактны, но опытному глазу не составляет труда вычленить основные мотивы, так на эскизе туара Алкуина я вскоре разглядела множество деталей. Изысканные волнистые линии в основании навевали мысли о горном ручье, а вдоль позвоночника тянулась стройная гибкая береза в облаке затейливо стилизованных листьев вперемежку с веточками, увенчанном короной на шее. Линии были четкими, но цвета — приглушенными: спокойные серые и серовато-черные тона, которые станут эхом вторить необычной внешности Алкуина, и легкий намек на бледно-зеленый оттенок у кромки листвы.



Для меня же художник придумал нечто другое.

Делоне, смеясь, вошел в мастерскую, привнеся с собой послевкусие вина и приятной беседы, но мигом сосредоточился на первостепенной задаче и вместе с Тильхардом принялся разглядывать листки писчей бумаги, на которых туарье набрасывал эскиз за эскизом, которые тут же дорабатывались или отвергались. Я сгорала от любопытства, но Делоне не позволял мне смотреть, пока они с мастером не сошлись на рисунке, устроившем их обоих.

— Что думаешь, Федра? — наставник с улыбкой повернулся ко мне и показал набросок.



Схематичный, намного четче метки Алкуина. Присмотревшись, я выделила базовый образ, основанные на старинном узоре — розе. Непостижимым образом Тильхард сумел сохранить бескомпромиссный напор древних штрихов, но привнес в них многозначность, которая наталкивала на мысль и о виноградной лозе, и о путях, и о кнуте. Черные как ночь шипы лишь изредка всверкивали алой краской — лепестком, каплей крови, точкой в моем глазу.

Просто, но изысканно. Я сразу влюбилась в новорожденный рисунок. Неважно, сколько потребуется визитов к туарье, дабы начертать туар полностью или вернуть ему первозданное состояние после жестоких милостей моих гостей — он того стоил.

— Милорд, я в восторге, — честно ответила я.

— Я так и знал, что тебе понравится. — Делоне довольно охорашивался, а Тильхард принялся переносить эскиз на изображение моей спины, что-то бормоча себе под нос. Я заморожено смотрела, как расцветают узоры под уверенными движениями рук хмурого ворчуна. Ученик мастера топтался неподалеку, вытягивая шею из-за плеча Делоне, чтобы ничего не упустить.

— Буду в винной лавке, — обратился мой покровитель к Тильхарду. — Отправите мальчика за мной, когда закончите?

Туарье, всецело сосредоточенный на работе, что-то согласно буркнул. Небрежно чмокнув меня в растрепанные кудри, Делоне махнул на прощание и ушел.

Я ждала и ждала, пока умелец копировал вдохновенный эскиз, точь-в-точь перенося каждый штришок. А когда он закончил со свитком, вновь разделась и легла на верстак, чтобы мастер изобразил основание моего будущего туара уже на коже. Тильхард то и дело прикладывал к моей спине холодный циркуль, сверяя пропорции. Перо щекотало кожу, а от чернил пощипывало. Художник разок рассеянно шлепнул меня по ягодице, когда я заерзала, — так обычно осаживают егозящих детей. После этого я старалась лежать неподвижно.

Спустя еще одну маленькую вечность контур узора был нанесен. Приподнявшись на локтях и подперев руками подбородок, я наблюдала, как Тильхард готовит свои

инструменты: корытце с чернилами и наметочный станок. Его ученик краем глаза следил за мной, нервный и возбужденный. Мальчик казался не старше четырнадцати, и я улыбнулась, угадывая, какое впечатление на него произвожу. Смешивая чернила, подмастерье зарделся, но притворился, будто тому виной тепло из жаровни, в которую он постоянно подкладывал уголь, пока в мастерской не стало жарко и уютно, словно в булочной.

Наконец настало время начинать туар. По обычаю туарье приступил с нижней части спины, у самого копчика, под ямочками на пояснице. Я не видела, как он выбирал станок и окунал его в чернила, только почувствовала прикосновение к коже — давление дюжины плотно прижатых друг к другу игл и мокроту стекающей с них краски.

А затем мастер ударил по станку молоточком, и иглы дружно пронзили кожу, оплодотворяя мою спину солидной порцией чернил. Эта боль стала для меня изысканным потрясением. Я непроизвольно застонала, бедра сами собой задвигались, вжимая лобок в твердый деревянный верстак. Тильхард снова меня шлепнул.

— Чертовы *ангуиссетты*, — проворчал он. — Мой дед рассказывал, что ваше племя куда хуже плакс и гемофиликов. Теперь вот и я сподобился в этом убедиться.

Пропустив его сетования мимо ушей, я изо всех сил пыталась не двигаться, пока мастер продолжал стучать и стучать молоточком, вколачивая мне под кожу узор будущего туара.

Я наслаждалась каждой секундой.

Так начался период, во многих отношениях ставший лучшим в моей жизни. Все, что давно уже прочил мне Делоне, действительно исполнилось. Молва о его *ангуиссетте* распространилась как огонь на торфянике, постоянно тлеющий под поверхностью, который невозможно полностью погасить. Предложения продолжали поступать, большинство через посредников, но некоторые — напрямую.

В первый же год мне стало ясно, до чего хитро наставник представил нас широкой публике. Поклонники Алкуина в большинстве своем принадлежали к замкнутой группе избранных лично Делоне. Друзья, знакомые или даже враги — все они регулярно бывали в нашем доме и видели, как из красивого мальчика Алкуин превращался в прекрасного юношу. Да, аукционом Делоне довольно широко раскинул сеть, но на уме у него были совершенно конкретные рыбы. И, вытягивая невод, он тщательно перебирал улов.

К моему же служению наставник подходил совсем по-другому.

Некоторых моих гостей, например, того же Хильдерика д'Эссо, он имел в виду с самого начала, но другие — многие — не были предусмотрены в его продуманных планах. Если Алкуин был сетью, расставленной в знакомых водах, то меня наугад забрасывали в открытое море, и даже Анафиэль Делоне не знал наверняка заранее, кто в очередной раз клюнет на приманку и окажется на крючке.

Если вы подумали, что то первое свидание с Хильдериком д'Эссо стало типичным образчиком и для всех последующих, поспешу в этом разуверить. Уже вторая встреча — с членом Казначейства, который дорого заплатил за эту привилегию, — разительно отличалась от забав в трофейной комнате с лордом-охотником. Хрупкий и любезный Пепин Ляше на первый взгляд показался мне больше подходящим Алкуину, чем мне. В спальне он просто снял одежду, лег на кровать и вяло попросил доставить ему удовольствие.

Если д'Эссо почти обошелся без моего искусства, то Пепину оно требовалось все без остатка. Раздевшись, я забралась в постель, встала рядом с ним на колени и начала с ласки качающихся ив: распустила волосы и разбросала по его телу, словно заливая водой, а потом принялась медленно водить локонами туда-сюда.

Ляше лежал, не шевелясь и не подавая признаков возбуждения.

Потерпев неудачу, я попыталась распалить его другими способами. За следующий час я испробовала все специальные ласки, перенятые у Сесиль, и при этом обработала пальцами, губами и языком каждый уголок тела Пепина от мочек ушей и до пальцев ног. В конце концов, отчаявшись, я прибегла к чрезвычайной мере, которой обычно пользуются только самые дешевые проститутки — грубой манипуляции, известной под названием «улещивание черепахи». Член наконец отозвался, слегка приподнявшись.

Боясь прошляпнуть этот невеликий успех, я мигом оседлала его и задвигалась, но малыш не продолжил набухать, а обмяк и выпал из меня. Едва не плача, я посмотрела в холодные глаза неудовлетворенного гостя.

— Что, опыта не хватает, да? — презрительно спросил он и столкнул меня с себя. — Давай покажу, как это делается.

— Милорд, я ужасно сожалею, пожалуйста, простите... — Я замолчала, когда Ляше потянулся к тумбочке и вытащил шелковые шарфы. И, конечно, не возражала, пока он привязывал меня к столбикам кровати за запястья и щиколотки. А когда он извлек из

футляра блестящие щипцы и его отросток начал подниматься и раздуваться без каких-либо ласк с моей стороны, я поняла, с кем имею дело.

Где Хильдерик д'Эссо жестоко пер напролом, там Пепин Ляше проявлялся образцом деликатности. Наверное, для поддержания порядка в королевской казне требуется абсолютная дотошность. Казначей методично обрабатывал меня, казалось, несколько часов. Когда под пыткой я закричала, он поместил мне в рот кожаный кляп, предварительно осведомившись, не желаю ли я произнести сигнал. Я мотнула головой, чувствуя, как из уголков глаз струятся слезы стыда. Мое тело пылало от боли и ныло от желания.

— Если захочешь подать сигнал, — деловито сказал он, открывая мне рот пошире и вставляя туда пухлый кляп, — постучи по столбику, и я услышу. Поняла? — Я кивнула, лишённая возможности говорить. — Вот и хорошо.

А потом Ляше мучил и мучил меня по-всякому, да так долго, что я почти прогрызла кляп.

\* \* \* \* \*

За каждым свиданием всегда следовал обстоятельный разговор дома. Не берусь сосчитать, сколько самородков знаний мы сложили к ногам Делоне и сколько кусочков головоломки сошлось в ясную картину после наших рассказов. Не лишним будет отметить, что хотя к тому времени мы с Алкуином и умели различать ценные сведения в общем потоке, но так и не разобрались, какие цели преследовал наставник.

Неиссякающий ручеек новостей бурлил и ширился, так как в королевстве росло беспокойство. Король пережил легкий удар, после чего его правая рука отнялась. Исандра де ла Курсель так и оставалась незамужней. Поклонники и претенденты кружили вокруг дофины и трона как волки ранней зимой: еще достаточно осторожные, чтобы держаться на расстоянии, но с каждым днем все голоднее и отчаяннее.

Самым смелым из стаи, однако, оказался не волк, а лев, точнее, Львица Аззали. Хотя я тогда еще ни разу не встречалась лицом к лицу с Лионеттой де ла Курсель де Тревальон, но уже была наслышана и о ней, и о ее нескончаемых интригах.

Об одной я даже узнала из первых рук.

По очередному договору меня на два дня отправили в загородную резиденцию маркизы Солен Бельфур. Делоне попал в цель, когда столкнул нас на приеме у Сесиль. Маркизе доставляло удовольствие поручать мне задания, которые я при всем желании не смогла бы выполнить, и после наказывать за неудачи. В тот раз она проводила меня в приемную, куда до этого по ее приказу садовники принесли охапки распустившихся свежесрезанных цветов и кучей сложили на буфет — масса бутонов и переплетенных стеблей, истекающих росой и роняющих на пол листья и мусор.

— Я еду на прогулку, — обычным высокомерным тоном сообщила маркиза. — По возвращении желаю выпить бокал наливки в этой комнате и требую, чтобы к тому времени ты здесь все убрала и ждала меня на коленях. Поняла, Федра? Исполни!

Ненавижу, когда меня заставляют заниматься черной работой, и Солен Бельфур каким-то образом это распознала; обычно в подобных делах женщины смышленнее мужчин. Я тяготилась такими поручениями, и спасало лишь предвкушение, что в гневе маркиза великолепно разбушует. Поэтому я, бранясь и сыпя проклятиями, почти час вытягивала цветок за цветком и здорово исколола пальцы, пока не расставила по вазам розы, астры и циннии. Слуги принесли ведра с водой, совок, тряпки и воск для полировки буфета, но не порывались мне помочь, поскольку им это было строжайше запрещено. Не знаю,

сплетничают ли сельские слуги так же, как городские, но, несомненно, эти не питали иллюзий по поводу того, зачем я в имении.

Конечно, закончить работу за отведенное время было невозможно, и Солен Бельфур, все еще в костюме для верховой езды, перешагнула порог, когда я только начала сметать мусор в совок. Я мигом встала на колени, а маркиза подлетела и огрела меня хлыстом по плечам.

— Никчемная грязнуля! Я же приказала тебе здесь убрать к моему возвращению. Это что за безобразие? — Проведя рукой по все еще грязному и мокрому буфету, она стянула перчатку и хлестнула меня ею по лицу. Я отбросила волосы за спину и яростно уставилась на мучительницу — наигрывать строптивость не пришлось.

— Вы слишком многого хотите, — огрызнулась я.

У Солен Бельфур были зеленовато-голубые глаза, цвета аквамарин; когда она злилась, они становились холодными и жесткими как камни. Под ее давящим взглядом мое дыхание участилось.

— Я хочу лишь хорошей службы, — холодно процедила она, взяла хлыст в обнаженную руку и стала им похлопывать по другой ладони, затянутой в перчатку. — А ты вечно злоупотребляешь моей добротой. Сними платье.

Я уже не впервые проводила время с доброй маркизой и знала, как дальше будет развиваться этот спектакль. Странное действие: игра и одновременно совсем не игра. Понимая, что главное в моей роли — удовлетворить желания маркизы, я добросовестно ее исполняла; но когда хлыст раз за разом опускался на мою обнаженную спину и я умоляла истязательницу позволить мне искупить свою вину, в моей мольбе не было притворства. Уступка властелина — своего рода победа. Пусть Солен Бельфур была мне почти ненавистна, но я затрепетала, когда она позволила мне предаться раскаянию — расстегнуть пуговицы на ее панталонах и припасть губами к разгоряченной плоти. Я закрыла глаза, когда маркиза положила руки мне на голову; празднично свисавший с ее запястья хлыст теперь лишь нежно поглаживал меня, напоминая о недавней обжигающей жестокости.

И как раз в тот сладкий миг нам вдруг помешал слуга маркизы, нарушивший наше уединение дабы объявить, потупив взор, о прибытии гонца со срочной вестью от Лионетты де Тревальон.

— Благословенный Элуа! — В голосе маркизы слышались раздражение и тревога. — Чего она, интересно, хочет? Веди его сюда. — Отойдя от меня, Солен Бельфур застегнулась и пригладила волосы. Я так и осталась стоять на коленях. Она бросила на меня взгляд, в котором теперь сквозила лишь досада. — С тобой я еще не закончила. Оденься и жди здесь.

Конечно же, мне не требовалось повторять дважды. Я научилась незаметности еще в Доме Кактуса, а у Делоне узнала, насколько это качество ценно. Поэтому я, коленапреклоненная, послушно застыла, беззвучная и невидимая, когда в приемную вошел гонец Львицы Аззали.

Не знаю, как он выглядел; за это Делоне мог бы меня пожурить, но я не посмела поднять голову. Мне сыграло на руку, что маркиза, как и многие другие, не умела читать молча, не бормоча себе под нос. Сама я только бегаю глазами, как и Алкуин, чему мы научились по настоянию Делоне. Солен Бельфур так не могла, и благодаря этому я узнала, что именно просила у нее Лионетта де Тревальон. Ходили слухи, будто калиф Хеббель-им-Аккада предложил заключить союз между нашими странами посредством брака его наследника и дофины Исандры. Лионетта предлагала Солен составить указ для нашего посла в Аккадии с распоряжением потянуть время, потчужа калифа пустыми обещаниями, пока тот

не передаст Земле Ангелов остров Цифера, и скрепить означенный указ малой государственной печатью.

Очевидно, план Львицы Аззали сводился к тому, чтобы содержание послания стало известно, что разрушило бы все надежды на альянс с Аккадией.

Солен Бельфур была хранительницей малой государственной печати и могла исполнить эту просьбу, но подделка королевских указов считалась государственной изменой. Меня овевал ветерок: маркиза расхаживала по комнате, и хлыст нервно извивался, когда она рассеянно постукивала им по сапогу.

— И что взамен предлагает твоя госпожа? — спросила она посланца.

— Титул в Аззали, миледи, — ответил низкий голос, — графство Вишар, двести солдат и годовой доход в сорок тысяч дукатов.

Краем глаза я заметила, как хлыст вновь задержался.

— Передай, что я согласна, — решительно сказала Солен Бельфур. — Но титул должен стать моим до того, как указ отправится в путь, и вдобавок я желаю гарантии безопасного переезда в Аззаль. — Даже в отдалении я чувствовала, что на ее губах змеится холодная улыбка. — Скажи, что я не соглашусь на иной эскорт, кроме принца Бодуэна и его Искателей Славы. Посмотрим, серьезно ли намерение Лионетты.

По скрипу и шороху я догадалась, что гонец поклонился.

— Как пожелаете, миледи. Титул наперед и принц Бодуэн в качестве сопровождающего. Я передам своей госпоже ваши слова.

— Передай.

Вскоре после ухода посланца я почувствовала, что маркиза смотрит на меня. Она отвела взгляд лишь за секунду до того, как я подняла на нее глаза. Солен улыбалась, описывая хлыстом широкие круги. При виде играющего ремня по моей коже невольно пробежали мурашки.

— Хочу это отпраздновать, Федра, — со злобной радостью в голосе объявила она. — Как чудесно совпало, что ты сегодня здесь.

\* \* \* \* \*

В итоге Лионетта де Тревальон отклонила встречное предложение Солен Бельфур — как и предвидела маркиза, камнем преткновения стал принц Бодуэн. Что бы ни задумывала Львица Аззали, она не подвергла бы риску жизнь своего драгоценного сына. Вскоре стало известно, что слухи об альянсе были не более чем слухами. Исандра де ла Курсель не выходит замуж за сына калифа, а остров Цифера остается в цепких руках Аккадии.

Но Делоне очень высоко оценил добытые мной сведения, поскольку они открыли ему каналы связи между сильными мира сего и пролили немного света на доселе неясные устремления Лионетты де Тревальон.

Все это время имя Бодуэна де Тревальона то и дело слетало с уст главных людей в королевстве. Тогда как Союзники Камлаха разделились, вернувшись в свои родовые земли и ослабив охрану границы, Бодуэн и его Искатели Славы проехали через весь Камлах, вооруженные особым разрешением короля. Они вселяли страх перед Элуа в души мародеров-скальдов и в души жителей ангелийских горных селений, поневоле пускавших эту банду к себе на постой и поплатившихся запасами еды и приглянувшимися благородным лордам девушками. При дворе Бодуэн продолжал ловко избегать бесчисленных брачных ловушек и, несмотря на родительское неодобрение, не переставал появляться в обществе с Мелисандой Шахризай.

По слухам, Лионетта де Тревальон угрожала отречься от сына, если он возьмет в жены Мелисанду, и, думаю, молва была отчасти правдива, особенно учитывая, что произошло впоследствии. Львица Аззали не раскидывалась пустыми угрозами, а Мелисанда была достаточно умна, чтобы понимать, каких противников невозможно победить лицом к лицу.

Ее саму я видела лишь однажды с тех пор, как начала служить Наамах, на приеме у Делоне; хотя, признаюсь, думала я о ней часто. Мелисанда блистала при дворе, причем не только красотой, но и острым умом. Она казалась приятной и обходительной, но когда я, возвращаясь из кухни, столкнулась с ней в коридоре, ее улыбка заставила мои колени подогнуться.

— Повернись, — прошептала она.

Я слепо повиновалась.

Она расстегнула крючки моего корсажа — пальцы двигались столь же ловко, как у посвященной, но я бы поклялась, что ткань расходилась просто от ее прикосновения. Ногти Мелисанды коснулись моей кожи: она обвела основание туара и поднялась по его контуру выше. Я чувствовала тепло ее тела за спиной и запах ее духов — еле уловимый пряный аромат, — смешивающийся с мускусным ароматом плоти.

— Твое имя довольно часто звучит в определенных кругах, Федра. — Меня касались лишь кончики ее пальцев, а теплое дыхание оведало мне шею. Ирония в ее голосе, да, именно ирония, напомнила мне Делоне. — Ты еще никогда не произносила свой *сигнал*, да?

— Нет, — выдохнула я, с трудом набравшись мужества произнести хоть слово.

— Я так и думала. — Мелисанда Шахризай положила ладонь на мою поясницу, обжигая, словно клеймом, а затем отступила и быстро и умело застегнула крючки. Я чувствовала в темноте ее улыбку. — Однажды мы проверим, что сильнее — кровь Кушиэля или его стрела.

Смею сказать, ни одна из нас тогда не знала, насколько пророческими окажутся эти слова и в чем именно. Мелисанда прекрасно понимала, как Делоне использует нас с Алкуином и что я служу приманкой для нее. И явно намеревалась на меня клюнуть — в свое время.

Мои поклонники не славились выдержкой. Я же под крылом наставника научилась терпению и кропотливому плетению интриг, и не стыжусь признаться, что мысль о госте, способном сравниться со мной в этих умениях и способном толкнуть меня за край выносимого, возбуждала. О Бодуэне де Тревальоне я теперь думала с жалостью и завистью.

Угроза нападения скальдов по крайней мере на время поутихла — во всяком случае, при дворе разговоры о ней почти прекратились. Участки границы, лишённые защиты лордов Камлаха, прикрывал Бодуэн со своими Искателями Славы. Только Делоне не был уверен в безопасности от скальдов. Он частенько проводил время со своим старым другом и учителем Гонзаго д'Эскобаром, вернувшимся из академического паломничества в Тиберий. Их беседы с глазу на глаз слышали только мы с Алкуином, прислуживая за столом.

— Ходят слухи, Антиной, — предупреждал из-за кромки винного бокала арагонский историк, в ту минуту похожий на мудрого сатира.

Опять это имя! Мой туар расползся уже на треть спины, а я так и не продвинулась в разгадке тайны Делоне.

На этот раз мой покровитель не стал заострять внимание на обращении.

— Слухи ходят всегда, — возразил он, играя кончиком косы. — Иногда мне кажется, что каждый город-государство в Каэрдианском Союзе обзавелся парламентом,



исключительно чтобы породить и сеять сплетни. Что на этот раз, маэстро?

Гонзаго д'Эскобар потянулся за тарталеткой из гусиной печени и лука-резанца на кусочке хлеба.

— Очень вкусно. Пусть твой повар запишет рецепт для моего. — Он привередливо смаковал угощение, облизывая пальцы и выбирая крошки из бороды. — Говорят, скальдские племена обрели вождя, — перешел он к сути, дожидаясь деликатес. — Собственного Кинхила Ру.

Спустя несколько секунд пораженного молчания Делоне расхохотался.

— Несомненно, вы шутите! Скалды еще ни разу за всю мою жизнь не вели себя так тихо, маэстро.

— Вот именно. — Араговец взял еще одну тарталетку и поднял бокал, чтобы Алкуин долил ему вина. — Они наконец нашли вождя, умеющего мыслить.

Делоне помолчал, обдумывая новость. Племена скалдов несметны, куда более многочисленны, чем племена Альбы и Эйре, которые когда-то, объединившись, разгромили тиберийское войско, в то время бывшее самой могущественной армией на континенте. Но живущие сейчас на островах разобщенные альбичане, столетиями сдерживаемые Хозяином Проливов, никогда не составляли серьезной угрозы нашим границам.

А объединенные силы скалдов могли бы.

— И что еще говорят? — наконец спросил Делоне.

Гонзаго поставил свой бокал.

— Пока немного. Но ты ведь знаешь, что скалды всегда есть среди наемников, путешествующих по торговым путям? Началось с того, что среди них пополз слух, даже не известие, о знаменательных событиях на севере. И постепенно торговцы начали замечать, что состав охранников постоянно меняется... скалдов не становилось больше, но примелькавшиеся уходили, а на их места заступали новые. Дикарей сложно отличить друг от друга, — добавил он, — поскольку цивилизованным людям они кажутся на одно лицо и равно неухоженными. Но один милацкий торговец кожей уверял меня, что скалды, нанятые для защиты его каравана, явно хитрят, сменяя друг друга.

Я вспомнила о скалде, который давным-давно взял меня под свое крыло: поблекший образ смеющегося усатого великана. В нем не было никакой хитрости — только доброта. Алкуин сидел на диване, вытаращив глаза. В его воспоминаниях скалды несли кровь, железо и огонь.

— Возможно, таким образом скалды собирают сведения, — сказал Делоне, беспокойно теребя косу, пока его мозг натужно работал. — Но какие? И с какой целью?

— Сие мне неведомо. — Гонзаго пожал плечами и откусил кусочек тарталетки. — Но есть одно имя, которое шепотом произносится у скалдийских костров: Вальдемар, или Вальдемар Благословенный, неуязвимый для стали. А прошлым летом целых две недели в Каэрданском Союзе было днем с огнем не сыскать ни одного скалда, и поговаривали, будто Вальдемар Благословенный собирал совет племен Скалдии где-то на территории старой Гельветики. Не знаю, правда ли это, но мой знакомый — тот самый торговец кожей — рассказывал об одном приятеле, приближенном ко двору герцогства Милацца, который клялся, будто герцог получил предложение руки и сердца, адресованное его старшей дочери не кем иным, как королем Вальдемаром из Скалдии. — Гонзаго снова пожал плечами и паразитски развел руками. — Что поделаешь с такими фантастическими слухами? По словам торговца, герцог Милаццы в ответ рассмеялся и отослал скалдийского посла домой с семьей

подводами шелка и фланели. Но, говорю тебе, что-то подозрительна мне эта тишина на скальдийской границе.

Делоне постукал ногтем указательного пальца по передним зубам.

— А тем временем Бодуэн де Тревальон резвится на хребтах Камлаха, насаживая на вертела изголодавшихся разбойников и обретая славу защитника королевства. Вы правы, маэстро, скальдийский медведь наверняка не дремлет. Если что-то узнаете в своих странствиях, прошу, не сочтите за труд отослать мне весточку.

— Разумеется, я так и сделаю, дорогой. — Тон Гонзаго д'Эскобара смягчился, а карие глаза на неказистом лице подобрили. — Не думай, что я забыл о твоем обещании, Антиной.

Я все еще пыталась разгадать смысл последней таинственной фразы, когда ястребиный взгляд Делоне чиркнул по нам с Алкуином. Наставник коротко хлопнул в ладоши:

— Федра, Алкуин, живо по постелям. Нам с маэстро нужно многое обсудить, и вам это слушать незачем.

Конечно же, мы безропотно повиновались, но по крайней мере один из нас уходил крайне неохотно.

Вопреки опасениям, высказанным Гонзаго д'Эскобаром, в последующие несколько месяцев единственная примечательная новость из-за рубежа пришла не из Скальдии, а с острова Альба. Известие, пересекшее пролив, гласило, что круарх Альбы принял смерть, будто бы от руки собственного сына, который вознамерился отринуть старый порядок престолонаследия по женской линии и оставить за собой трон королевства.

Законный же наследник круарха, его косолапый племянник, сбежал с матерью и тремя младшими сестрами на западные берега Альбы, где далриады из Эйре, прочно там окопавшиеся, предоставили им убежище.

До недавних пор никто из ангелийских политиков не уделял особого внимания правящему режиму в Альбе, но, поскольку убиенный круарх побывал на ангелийской земле, этот поворот в течении событий удостоился определенного интереса. Объединившись с арагонским флотом, Квинтилий Русс получил приказ провести корабли через южный Кадишонский пролив и разведать побережье; адмирал между прочим доложил, что Старший Брат целиком и полностью сохранил власть над водами Альбы. Таким образом Ганелон де ла Курсель укрепил союз с королем Арагона, а Квинтилий Русс получил предлог оставить часть флота у побережья Кушета. В гостях у Делоне он бахвалился своей хитростью, но мне адмирал достаточно нравился, чтобы закрыть глаза на его громогласное самодовольство. Делоне дважды вызывали ко двору, но с нами он сведениями не делился.

От д'Эскобара не приходило никаких вестей, и не было слухов о Вальдемаре Благословенном. На границе Камлаха сохранялось спокойствие, причем настолько полное, что принц Бодуэн устал попусту искать славы в горах и начал проводить время то при королевском дворе, то в родной Аззали. Между тем его отец, герцог де Тревальон, рассорился с королем. Аззаль обладала небольшим, но мощным собственным флотом, и герцог обиделся, что король доверил разведку не ему, а Квинтилию Руссу.

Его недовольство казалось вполне оправданным, поскольку от Аззали было считай рукой подать до Альбы, а адмиралу пришлось две недели плыть туда вокруг Арагонского полуострова. Герцог, разумеется, прекрасно понимал, что совместный морской поход укрепил связи с арагонским королевским домом, но Квинтилий Русс никаким боком не принадлежал к королевской семье, и это уязвляло гордость де Тревальона.

Не знаю, крылась ли причина возвышения адмирала в недоверии короля к зятю. Но ясно как день, что король не доверял сестре, чересчур явно радеющей за своего сына, и был слишком мудр, чтобы упустить оказию и не подорвать могущество зарвавшейся Львицы Аззали, одновременно прибавив себе политического веса.

Все это и многое другое я слышала и мотала на ус — представьте, Делоне и Каспар Тревальон как-то раз даже повздорили из-за ссоры между домами Курселей и Тревальонов, — но в то время эти события слабо занимали мой ум. Я была молода и красива и могла выбирать поклонников из числа потомков Элуа. Сказав, что высшее общество не вскружило мне голову, я бы солгала. Есть упоительная власть в том, чтобы своевольно привечать и отвергать соискателей моих талантов, и я научилась грамотно с ней управляться. Три раза подряд я отклоняла предложения Хильдерика д'Эссо, причем на третьем отказе даже Делоне усомнился в мудрости моего решения, но в этих делах я стала настоящей искусницей. Когда я наконец приняла четвертое — и последнее, как предупредил

слуга лорда — предложение, накопившаяся ярость д'Эссо проявилась поистине чудовищно.

Именно в ту ночь он обжег меня раскаленной кочергой.

И в ту же самую ночь выдал имя своего покровителя.

Конечно же, покровители есть не только у служителей Наамах; в высшем обществе практически каждый или протезирует кому-то, или прибегает к поддержке сильной руки. Различаются только услуги. Кстати, Делоне я любила еще и за то, что из всех моих знакомых он был одним из немногих по-настоящему свободных от сложившейся системы. Полагаю, эта же особенность явилась одной из причин ненависти к нему лорда д'Эссо.

Вторая причина стала ясна, когда я услышала ненароком оброненное лордом имя. Каждое наше свидание Хильдерик д'Эссо увлеченно выпытывал у меня умыслы Делоне. Солен Бельфур изыскивала миллион причин, чтобы терзать меня, а д'Эссо довольствовался одной-единственной: Делоне.

Пустив в ход кочергу, лорд мигом сообразил, что зашел слишком далеко. Я висела на веревках, прижимаясь к столь любимому им Х-образному кресту, и старалась удержаться в сознании. В тот момент я представляла, как наставник отругает меня за то, что я так и не произнесла свой *сигнал*. Но по правде, я просто до конца не верила, что д'Эссо на это пойдет. Однако, разъярясь, он таки прижал раскаленную кочергу к внутренней стороне моего бедра, и я утонула в запахе собственной горелой плоти. Когда мучитель дернул железяку назад, она разорвала кожу, пристав к ожогу.

В этой пытке не было никакого удовольствия — во всяком случае, для не *ангуиссетты*. От пронзившей боли мое тело натянулось струной арфы, которую щиплют пиццикато, и за сомкнутыми веками глаза заволокла алая пелена. Я была одновременно и вне этой пелены, и внутри ее, была одновременно и вибрирующей струной, и высокой отчаянной нотой — нотой чистейшей красоты, исторгнутой из глубин страдания. Из пульсирующего алого тумана до меня доносилось, как где-то вдалеке д'Эссо взволнованно кричит и бьет меня по щекам. Оттуда же послышался металлический лязг, и я поняла, что лорд в ужасе отшвырнул свою кочергу.

— Федра, Федра, отзовись! О, ради Благословенного Элуа, отзовись, детка! — в его голосе слышались тревога и забота; никогда прежде он не звучал столь искренне. Д'Эссо хлопывал меня и гладил с грубоватой нежностью, бормоча себе под нос: — Баркель л'Анвер оторвет мне голову, если Делоне предъявит обвинение... Федра, деточка, очнись, скажи, что с тобой все хорошо, это ведь просто ожог...

Не в силах пока поднять голову, я открыла глаза, и алая пелена рассеялась, полностью исчезнув из правого глаза и чуть-чуть задержавшись на пятнышке в левом. Увидев, как мои ресницы дернулись, Хильдерик д'Эссо испустил возглас облегчения, развязал путы и снял мое обмякшее тело с креста. Баюкая меня на руках посреди трофейной комнаты, он крикнул, чтобы привели врача.

В тот момент я поняла, что д'Эссо у меня на крючке.

\* \* \* \* \*

Как я и ожидала, Делоне не одобрил произошедшего, хотя непосредственно после моего возвращения удержался от комментариев. Он велел уложить меня в постель и привел доктора-иешUITа, чтобы тот меня выхаживал. Хотя иешUITов изгнали из многих стран, в Земле Ангелов их всегда привечали, поскольку Благословенный Элуа родился от крови ИешUITа. Доктор выглядел мрачно — похоронное выражение лица и длинные вьющиеся бакенбарды, традиционные для его народа, — но касался меня очень ласково, и мне

действительно стало легче, когда он нанес на ожог обеззараживающую мазь и перебинтовал бедро. Я даже улыбнулась, увидев, что ему неловко касаться меня в столь интимных местах.

— Через два дня явлюсь ее осмотреть, — с акцентом обратился он к Делоне на до смешного чопорном ангелийском. — Но прошу вас завтра в обязательном порядке обследовать рану и, если учтете омертвление тканей, без промедления послать за мной.

Делоне кивнул и поблагодарил его, затем вежливо подождал, пока доктора не проводили из комнаты. Только потом наставник обратил на меня бесстрастный взгляд и поднял брови.

— Надеюсь, это того стоило, — отрывисто произнес он.

Я не обиделась, поскольку понимала, что он резок исключительно из любви ко мне.

— Оценивать вам, милорд... — Я заерзала в постели, поправляя подушки, чтобы сесть поудобнее, и Делоне, тихо выругавшись, помог мне: его нежные, заботливые движения контрастировали с суровым голосом.

— Ладно, — сказал он, не в силах удержаться от искорок смеха в глазах при виде моего лукавства. — Внизу скопилась целая гора подарков от Хильдерика д'Эссо, которыми он, очевидно, надеется искупить свою вину, и, если не прекратит и дальше слать подношения, то следующим может стать упряжка волов, а то и «Потерянная книга Разиэля». Так ради каких ценных сведений стоило превращаться в паленый бараний бок?

Довольная тем, что все его внимание поглощено мной, я откинулась на подушки и прямо выложила:

— Хильдерик д'Эссо держит ответ перед Баркелем л'Анвером.

Смотреть в лицо Делоне в ту секунду было сродни любованию грозой на горизонте. Герцог Баркель л'Анвер приходился родным братом давно покойной Изабель.

— Значит, д'Эссо — агент Дома Анверов... — подумал вслух Делоне. — А я-то гадал кто же подливает масла в этот огонь. Должно быть, именно д'Эссо стоял за назначением л'Анвера в Халифат. Ты ничего ему не сказала?

Брошенный на меня взгляд был быстрым и пронзительным.

— Милорд! — запротестовала я, выпрямляясь и тут же морщась от боли.

— Федра, прости. — Изменившись в лице, Делоне встал на колени у моей постели и взял меня за руку. — Новость, что ты мне принесла, — бесценная жемчужина, несомненно, но даже она не стоила той боли, что тебе пришлось вытерпеть. Обещай, что в следующий раз произнесешь *сигнал*.

— Милорд, я такая, какая есть, и именно поэтому вы купили мой туар, — разумно заметила я. — Но, если по правде, я не думала, что он пустит кочергу в ход. — Увидев, что Делоне немного успокоился, я воспользовалась преимуществом момента: — Милорд, а кем была для вас Изабель л'Анвер, раз ее ненависть преследует вас даже из могилы?

Рассчитывая, что сумею подловить наставника в минуту слабости, я ошиблась; лицо Делоне вновь посуровело, приняв столь любимый мной строгий вид.

— Федра, мы уже не раз об этом говорили; поверь, для тебя лучше не знать, почему я поступаю так, как поступаю. Запомни мои слова: если Хильдерик д'Эссо решит, что тебе и впрямь что-то обо мне известно, то, сокрушая твое молчание, он станет обращаться с тобой отнюдь не так бережно, как до сих пор, хотя бережностью он и в обычном состоянии, как знаешь, не отличается.

Засим Делоне поцеловал меня в лоб и ушел, пожелав спокойной ночи и скорейшего выздоровления.

К счастью, благодаря Стреле Кушиэля моя плоть исцелялась быстро. Вернувшись, доктор-иешUIT объявил, что уродливый ожог чист от заражения, и выдал Делоне бальзам, целебные свойства которого помогали нарастать новой коже и предотвращали образование шрама. В Доме Валерианы я видела посвященных, исполосованных рубцами от бичевания, но для себя такое уродство считала недопустимым. Делоне всегда держал наготове запас разнообразных мазей и кремов для обработки моих ран; хотя, по моему опыту, ни одно средство не врачевало столь успешно, как бальзам иешUITа.

Не имея пока возможности заниматься своим искусством, я проводила время с Гиацинтом.

Мое положение изменилось, но Гиацинт тоже не сидел на месте. Он наконец убедил мать расстаться с частью заработанного тяжким трудом золота и, пополнив собственные накопления, приобрел дом на рю Куполь. Пусть не больше прежнего и столь же убогий, зато этот дом был их собственным. Гиацинт с матерью жили, как привыкли, на первом этаже, а верхние комнаты сдавали бесчисленным тсыганским семьям, которые проезжали через город с лошадиными ярмарками и балаганами, следующими по торговым путям.

Прорицательница постарела и ссохлась, но яростный блеск ее глубоко посаженных глаз не потускнел. Я отмечала, как уважали ее кочующие тсыгане, и также видела, что они избегали Гиацинта, хотя с ним я эту тему не затрагивала. Среди тсыган он был презируемым полукровкой-ангелийцем, а среди ангелийцев — таинственным Принцем Странников, и жители Сеней Ночи продолжали платить ему звонкой монетой за гадание по руке.

Однако Гиацинт не оставил мечту найти народ своей матери и потребовать причитающееся ему по праву рождения; но тсыгане, проезжавшие через Город и ненадолго задерживавшиеся в его стенах, происходили из других племен. Родной народ Гиацинта являлся сюда только раз, — рассказывал он со слов матери, — когда и потерял прекраснейшую из своих дочерей, павшую жертвой коварного ангелийского соблазнителя. Теперь же в ворота Города въезжали только беднейшие таборы, а цвет тсыганской знати странствовал по разным землям, следуя *Лунго Дром*, длинному вольному пути.

Так думал Гиацинт, и не мне было его разубеждать; возможно, он на самом деле не обманывался. Тогда он казался весьма довольным своим не подвергаемым сомнению статусом Принца Странников в Сенях Ночи, и я радовалась его довольству, потому что Гиацинт был моим другом. Но я так и не призналась ему, что выбрала его имя своим охранительным *сигналом*. При всей моей любви к Гиацинту я бы не вынесла, задери он нос еще выше.

— Значит, Хильдерик д'Эссо в кармане у л'Анвера, — протянул Гиацинт, когда я поделилась с ним последними событиями, и присвистнул сквозь зубы. — Да, это интересная новость, Федра. И что по этому поводу думает твой Делоне?

— Ничего, — скривилась я. — Старей, он становится все более скрытным и упорно притворяется, будто защищает нас, держа в неведении. Хотя иногда мне кажется, что с Алкуином он откровеннее, чем со мной.

Мы сидели за кухонным столом. Я сбросила свою драгоценную *сангровую* накидку, которую тогда носила постоянно, — в кухне было душно и пахло тушеной капустой. Мать Гиацинта хлопотала у очага, бурча себе под нос и не обращая на нас внимания. Такие посиделки были приятным обыкновением в моей тогдашней жизни. Гиацинт улыбнулся и подбросил в воздух серебряную монетку, одной рукой поймал ее, прокатил по костяшкам

пальцев и заставил исчезнуть. Его научил этому трюку уличный фокусник в обмен на двухнедельный постой.

— Ты ревнуешь.

— Нет, — ответила я и тут же поправилась: — Да, возможно.

— Он спит с мальчишкой?

— Нет! — воскликнула я, обиженная и этим предположением, и словом «мальчишка» из уст Гиацинта, тогда как Алкуин был не намного младше его. — Делоне бы так не поступил!

Гиацинт пожал плечами.

— Но тебе все равно не стоит сбрасывать со счетов такую возможность. Ха! Поступи так Делоне с тобой, ты бы мигом расхвасталась.

— Речь не обо мне. — Я помрачнела, осознав отсутствие перспектив в этом направлении. — Нет, с Алкуином учитель чувствует себя свободнее, потому что считает его поклонников не такими опасными, как моих, — или хотя бы более умеренными в применении силы. В любом случае они на пару вращаются в центре политической жизни с того дня, как Делоне водил Алкуина ко двору, чтобы тот изображал писца. Хотя не вижу в том пользы теперь, когда круарх убит, а его трон занят узурпатором.

Мать Гиацинта у очага забормотала громче.

До тех пор Гиацинт не обращал внимания на ее злое ворчание, но вдруг сосредоточился, словно гончая, взявшая след.

— Что такое, мама?

Она снова неразборчиво пробубнила какую-то фразу, повернулась к нам и махнула черпаком. Помню, как она подняла вверх палец, и я неожиданно испугалась.

— Слушай внимательно, — злое пророкотала она. — Не пренебрегай Куллах Горрым.

Я глянула на Гиацинта, но тот лишь моргнул.

— Не понял? — осторожно обратился он к матери.

Та передернулась и опустила черпак, проведя другой рукой по глазам. Ее лицо выглядело посеревшим и старым.

— И я не поняла, — еле слышно призналась она.

— Черный кабан. — Я кашлянула, охваченная странным ощущением откровения. Тсыгане уставились на меня. — Это на круитском языке, мадам, те непонятные слова, что вы сказали. — Я так долго притворялась невеждой перед гостями, что было неловко признаваться в своих познаниях. — Не пренебрегай черным кабаном.

— Что ж, хорошо. — Ее лицо прояснилось и вновь обрело привычный хмурый вид. Гадалка упрямо выдвинула вперед подбородок, бросая вызов и мне, и моей образованности, и даже сангровой накидке. — Пусть будет по-твоему, девочка. Не пренебрегай черным кабаном.

Таким было второе пророчество, дарованное мне бесплатно матерью Принца Странников и моего единственного друга; и насколько первое было ясным, настолько второе — туманным. Я снова бросила взгляд на Гиацинта, который лишь развел руками и покачал головой. Кем бы ни был тот черный кабан, Гиацинт знал о нем не больше моего.

Вернувшись домой, я рассказала о знаменательном происшествии Делоне, который целый день провел на примерке нового гардероба. Так как он терпеть не мог тратить время на портных, то вернулся в дурном настроении и отмахнулся от моих слов.

— Кому как не тебе знать, что все эти тсыганские гадания просто надувательство, — отрезал он.

Я ответила немигающим взглядом.

— У нее действительно есть дар. Я сама видела. Милорд, она не хотела солгать мне, равно как и в прошлый раз, когда сказала, что я буду горевать в день, когда раскрою вашу тайну.

— Она... — Делоне осекся. — Она так сказала?

— Да, милорд.

Алкуин поднес кувшин, чтобы наполнить вином бокал наставника. Волосы, подобные лунному свету, при наклоне упали на лицо, и наш покровитель рассеянно пропустил одну блестящую прядь сквозь пальцы, глядя на огонек масляной лампы.

— Милорд, — тихо произнес Алкуин, выпрямляясь. — Помните, я говорил вам о перешептываниях в альбанской делегации? Сестре круарха было видение о серебряном лебеде и черном кабане.

— Но кто... — Делоне изменился в лице. — Алкуин, завтра с утра отправь гонца к Телезис де Морне. Пусть передаст, что я прошу ее о встрече.

— Как пожелаете, милорд.



Что интересного Делоне удалось выведать у Телезис де Морне, я так и не узнала; точнее, кое-какие подробности до меня дошли, но много позже, когда уже не имели значения. Возможно, я затаила бы обиду на скрытность учителя, если бы для меня собственные интересы на тот момент не перевешивали все его интриги.

Мелисанда Шахризай устраивала праздник в честь дня рождения принца Бодуэна. Она на всю ночь купила гостеприимство Дома Кактуса, и мы тоже значились в числе приглашенных — все трое.

Я не забыла обещание, данное Мелисандой при нашей последней встрече, равно как и ее слова при первой. «Ты ведь хочешь служить Наамах, не так ли, дитя?» Неважно, что с тех пор у меня перебывало множество поклонников — ни один из них не умел превратить мои колени в желе одним взглядом.

Кстати, Мелисанда была баснословно богата. Дом Шахризаев из века в век неизменно процветал, а вдобавок ей достались немалые наследства от двух покойных мужей. Возможно, если бы не темные слухи об обстоятельствах тех смертей, Лионетта де Тревальон и сочла бы Мелисанду подходящей кандидатурой в невестки, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Из всего, что я о ней слышала, Львица Аззали не казалась женщиной, способной мирно ужиться с равной соперницей.

Со своей стороны, я не верила, будто Мелисанда Шахризай и впрямь убила кого-то из своих мужей. Оба они были очень-очень богатыми и очень-очень старыми, так что ей вряд ли потребовалось как-то ускорять естественный ход событий. Хотя в первый раз она стала женой в шестнадцать, а во второй — в девятнадцать, полагаю, и в юности Мелисанда обладала той же натурой и отличалась не меньшей расчетливостью, чем при нашей первой встрече; а женщина, с которой я познакомилась, была слишком умна, чтобы идти на ненужный риск ради скорейшего обогащения.

Да, тогда я еще не знала, насколько умело она загребает для себя жар чужими руками.

Как бы там ни было, Мелисанда, овдовев, озолотилась, и Город бурлил слухами о грядущем праздновании дня рождения Бодуэна де Тревальона.

Приглашения, начертанные золотыми чернилами на плотной надушенной веленовой бумаге, доставлялись адресатам как знаки высочайшего отличия. Общество наполнилось сплетнями о счастливых избранниках и жалких париях, не дождавшихся вождя конверта.

Мелисанда лично вручила нам приглашение, вплыв в особняк Делоне в облаке того же нежного аромата, которым благоухала карточка. Делоне, изучив послание, приподнял брови.

— Непременно с моими подопечными? — он подчеркнул вопросительную интонацию. — Надеюсь, ты понимаешь, что Федра и Алкуин не входят в перечень оплаченных тобой услуг Дома Кактуса, Мелисанда.

Она вскинула подбородок и мелодично рассмеялась, демонстрируя изящное горло.

— Я предвидела, что ты так подумаешь, Анафиэль, потому и пришла пригласить вас лично и рассеять возможное недопонимание. Да, разумеется, я не рассчитываю на их услуги. Просто желаю украсить мой бал, а каждый из твоих юных учеников, по-моему, намного интереснее любого из придворных.

— Но ведь это праздник для Бодуэна, не так ли? Значит, во главе угла должны быть его

интересы.

Мелисанда не ответила на колкость, а только лукаво глянула на Делоне из-под ресниц и примирительно улыбнулась.

— Конечно же, праздник для Бодуэна, но хозяйка там я, Анафиэль. Ты наверняка изучил меня достаточно хорошо, чтобы не питать сомнений по этому поводу.

Делоне провел подушечкой пальца по краю карточки и тоже улыбнулся.

— В своем стремлении завоевать сына Львицы Аззали, столь откровенно отодвигая ее в сторону, ты выходишь за рамки, Мелисанда. Эта женщина — страшный враг.

— О, дорогой мой осторожный умник, всегда и всюду ищущий знаний, — пропела Мелисанда, накрывая ладонью руку Делоне и берясь за приглашение. — Если ты не хочешь удостоить меня вашим присутствием...

— Нет. — Качая головой, он улыбнулся и отступил на шаг, не выпустив карточку из пальцев. — Будь уверена, мы придем.

— Ах, рада это слышать. — Мелисанда присела в шутливом книксене и развернулась к двери. Заметив в тени меня, она послала мне воздушный поцелуй и вышла. Делоне же при виде меня нахмурился. Не представляю, что в тот момент было написано на моем лице.

— Что бы там ни случилось, — произнес Делоне, — держи глаза и уши открытыми, Федра, и Алкуина предупреди о том же. Мелисанда Шахризай ничего не делает просто так, а ее нынешний мотив мне непонятен и, следовательно, подозрителен. — Его лицо еще больше омрачилось. — Что ж, придется снова посылать за портным, — добавил он, явно не радуясь этой перспективе.

Безотносительно к своим опасениям, Делоне приложил все усилия, чтобы мы произвели достойное впечатление на гостей Бодуэна и Мелисанды. Учитывая изысканный вкус учителя, удивительно, что ему никогда не хватало терпения безропотно выдержать весь процесс подгонки костюма, но конечный результат, уж поверьте, от этого нисколько не страдал. Итак, Алкуин блистал в темно-синем бархате, как луна среди облаков, сам Делоне нарядился в сдержанные янтарные цвета, отчего со своими рыжевато-коричневыми волосами и шафрановыми вставками на рукавах стал похож на осенний пир, а на мое платье был куплен еще один отрез драгоценного *сангра*. Хотя вырез на спине скроили не таким глубоким, как мне бы хотелось, — для Служителя Наамах считалось неприличным обнажать незаконченный туар, — зато спереди декольте было достаточно глубоким, чтобы продемонстрировать в ложбинке между грудей рубиновый кулон, подаренный Хильдериком д'Эссо.

Я не заглядывала в Дом Кактуса с того дня, как Делоне принял меня под свою опеку, и возвращаться туда казалось странным. Кроме самого первого раза, когда мама привела меня за руку, в дальнейшем меня туда привозили позорно переброшенной через седельную луку гвардейца. И вот показался такой знакомый, шумный, ярко освещенный особняк за коваными воротами. Меня передернуло, когда мы подъехали к крыльцу и Делоне вышел из экипажа.

— Все хорошо? — шепотом спросил Алкуин, наклоняясь, чтобы взять меня за руку. На его лице отражалось только ласковое беспокойство, и мне стало стыдно за все те разы, что я ревновала к нему Делоне.

— Я в порядке. — Я пожалала ладонь товарища, подобрала юбки и последовала за наставником.

Празднование дня рождения принца Бодуэна уже шло полным ходом. По летней поре

почти все двери стояли нараспашку. Я, прожившая в Доме Кактуса шесть лет, никогда не видела такого роскошного приема. Бесчисленные вазы с розами, гелиотропами и лавандой разливали в воздухе дивный аромат. В нишах играли музыканты, а по углам ласкались и вздыхали воспламенившиеся любовники. Всем посвященным Дома Кактуса было заплачено за целую ночь, чтобы ни один гость не получал отказа.

Мысль об этом пронеслась в голове, и меня накрыло волной завистливого возбуждения. Ах, как заманчиво было бы оказаться в таком вот положении: купленной на всю ночь, доступной каждому, кто поманит пальцем! Я почти пожалела, что не стала посвященной Дома Кактуса.

А потом вспомнила, что пришла сюда в качестве гостыи, и призадумалась.

Нас провели в Большой Зал, украшенный и освещенный не хуже, чем на Средизимнем маскараде. Множество людей в великолепных нарядах уже вовсю развлекались, и в зале царила атмосфера смеха и веселья, поддерживаемая музыкальным аккомпанементом и гармонией приятных ароматов. Красивые ученики обоих полов разносили еду и напитки. Ливрейный лакей объявил наши имена, и красивый блондин в цветах Дома Кактуса грациозно выскользнул из толпы и приблизился к нам.

— Федра, — поприветствовал он и поцеловал меня в щеку. — Добро пожаловать. Добро пожаловать снова. — Джарет Моран слегка постарел, но казался все тем же. Я удивленно моргнула, разглядев у него на шее цепь дуэйна с печатью Дома Кактуса. Улыбаясь, Джарет повернулся к Делоне: — Милорд Делоне, рад вас видеть. Добро пожаловать. А вы, наверное, Алкуин но Делоне. — Он пожал Алкуину руку, но коротко, заметив настороженность в темных глазах нового знакомого. Я уже и забыла об изысканной любезности Двора Ночи, вернее, мне никогда не доводилось бывать привечаемой стороной. — Добро пожаловать.

— Ду... — начала я, но тут же исправилась: — Прежняя дуэйна?..

Джарет помрачнел, но мне было ясно, что его печаль фальшива.

— Увы, вот уже семь лет, как она скончалась, Федра. Отошла мирно, во сне. — Он коснулся своей цепи. — С тех пор я здесь управляюсь.

— Жаль, — пробормотала я, неожиданно приуныв. Какой бы строгой ни была дуэйна, но ведь она — часть моего детства. — Уверена, вы стали ей достойным преемником.

— Стараюсь по мере возможности, — ласково улыбнулся Джарет. — Помнишь Сурию? Теперь она моя заместительница.

— Идем, — обратился Делоне к Алкуину, кивая в глубину Большого Зала. — Пообщаемся с гостями, дорогой; уверен, Федре и дуэйну найдется что обсудить.

Я смотрела вслед моим мужчинам, пока они не затерялись в толпе. В дальнем конце зала на помосте возвышался стол, накрытый для принца Бодуэна и его особо приближенных. Сурия тоже была среди избранных, и принц кормил ее с руки. Мелисанда Шахризай выглядела вполне довольной.

— Помню, как она выступила Королевой Зимы.

— Это значительно повысило ее статус. — Любезный тон Джарета сменился прагматичным, более подходящим разговору посвященного с посвященной. — Люди все еще вспоминают ту историю на каждом Средизимнем маскараде. Выбрав кого другого, я бы попросту сглупил.

Что ж, глупцом Джарет никогда не был.

— Конечно, — согласилась я, — вы сделали правильный выбор. — Даже на расстоянии я видела, что хрупкая красота Сурии находится в самом расцвете, но под нежным внешним

лоском не проглядывала та скрытая сталь, которая позволяла некоторым посвященным достойно пережить утрату мимолетного цветения юности. Жаль, но вряд ли Сурии когда-нибудь удастся стать дуэиной. — Она всегда была добра ко мне.

— Надеюсь, у тебя сохранились и другие приятные воспоминания о Доме Кактуса, Федра.

Глянув в голубые глаза Джарета, я поняла, что для него это действительно имеет значение: теперь в определенных кругах мое слово могло бросить тень на репутацию вверенного ему Дома.

— Да, — честно призналась я. — Даже не будучи его частью, я не чувствовала себя отверженной, а того сурового обращения, которое изредка мне доставалось, целиком и полностью заслуживала и, — я лукаво улыбнулась, — вполне им наслаждалась. — Джарет покраснел: в Доме Кактуса считалось признаком особой деликатности рассматривать как нескромность проявления сильных страстей. — Здесь я получила самое изысканное воспитание из всех возможных, — добавила я. — Оно заложило благие основы, и я могу отозваться о проведенном здесь времени исключительно в хвалебном ключе.

— Приятно слышать, — кивнул дуэйн, вновь обретая апломб, и поклонился мне. — Мы гордимся тем, что воспитали тебя, Федра. — Из кармана жилета он достал медальон Дома Кактуса. — Пожалуйста, прими этот знак и запомни, что тебе здесь всегда рады.

Я приняла медальон и от души поблагодарила. Джарет улыбнулся:

— Приятного вечера. Нечасто служительнице Наамах выпадает повеселиться в роли гостыи.

С этими словами он плавно отошел, направившись поприветствовать новоприбывших гостей. Ни Делоне, ни Алкуина не было видно, но они наверняка пробирались к помосту, и я поспешила вдогонку. Неприлично подопечной Делоне отсутствовать, когда ее покровитель воздаст почтение принцу. Я не утратила способности аккуратно просачиваться сквозь толпу, только приходилось напоминать себе, что смотреть строго в пол теперь необязательно. По старой памяти здесь я казалась себе недозволенно дерзкой, взглядывая в лицо гостям.

Да, было странно снова очутиться в Доме Кактуса.

Горстка поздравителей собралась у помоста в ожидании своей очереди пожелать принцу счастливого дня рождения, среди них я и нашла Делоне с Алкуином. Как обычно, Делоне отличало степенное созерцательное спокойствие, помогавшее ему держаться с большим достоинством, нежели окружающие.

На помосте же царило что угодно, только не достоинство. Принц Бодуэн — уже не тот буйный выпивоха, каким я впервые увидела его в этом зале, — не утратил ни пригожества, ни озорного огонька в серых, как штормовое море, глазах. Он одной рукой держал милую Сурию у себя на коленях.

Посвященные Дома Кактуса не привыкли к столь неуважительному обращению; если праздник изначально задумывался бесцеремонным, Мелисанде следовало бы заключить договор с Орхидеей или Жасмином. Хозяйка торжества восседала по правую руку от Бодуэна, и я заметила, что стеснение заместительницы дуэйна ее забавляет. Выбор оплота деликатности для буйной вечеринки, очевидно, был преднамеренным.

Двоим охранителям Бодуэна, сыновьям весьма родовитых лордов, позволили сидеть за его столом. Один из них, следуя примеру принца, притянул к себе на колени безропотную посвященную. За спиной второго стоял мальчик и наполнял его бокал вином.

— Так-так. — Бодуэн развалился на кресле и из-за спины Сурии оглядел Делоне, когда

подошла наша очередь взобраться на помост. — Милорд Анафиэль Делоне! Надеюсь, вы уже помирились с моим братом по оружию графом де Фурсэ. Бедняга, у него так мало друзей. Идите-ка сюда, покажите, что вы для меня приготовили? Очаровательную парочку постельничих?

— Мой принц восхитительно остроумен! — плавно поклонился Делоне, за его спиной мы с Алкуином последовали примеру. — Со мной Алкуин и Федра но Делоне, мои подопечные. Примите наши искренние поздравления с днем вашего рождения. — Учитель повернулся к Алкуину, который держал наготове припасенный подарок: филигранный серебряный футляр с благоуханной амброй. Делоне взял коробочку и с очередным изящным поклоном вручил принцу.

— Мило. — Бодуэн повертел футляр и понюхал его, затем потряс подарком у уха Сурии. Внутри изящной вещицы нежно зазвенел колокольчик. — Очень мило. Что ж, наслаждайтесь моим праздником, Анафиэль, и вы, и ваши маленькие шалуны. Клянусь, моя мать говорила о вас истинную правду! Только вам хватило ума прийти в бордель со своими шлюхами, милорд.

Выражение лица Делоне ничуть не изменилось, но Алкуин покраснел — приток крови был ясно заметен под его светлой кожей. В ту же секунду один из стражников принца — не обремененный спутницей — воскликнул:

— Ха, да я ж ее знаю, видите ее глаза?! Это *ангуиссетта* Делоне, та самая, которой по вкусу боль. — Вытащив меч, предназначенный для защиты принца, он поддел кончиком подол моего платья и начал задирать. — А вот сейчас посмотрим! — захихикал он. Бодуэн заинтересовался: оттолкнул Сурию и подался в нашу сторону.

Я даже не уловила, как Делоне тронулся с места, настолько быстро он двигался. Сталь зазвенела о каменный пол, а стражник прижал к себе вывернутую руку, лишённую оружия. Меч лежал на полу, придавленный сапогом Делоне, а тот жестко вперился в глаза Бодуэна.

— Милорд, позвольте вам напомнить, что мои подопечные — ваши гости, они явились сюда по приглашению вашей дамы.

— Федра? — прошептала Сурия, обойдя стол и взяв мое лицо в ладони. — Это и правда ты. Благословенная Наамах, да ты преуспела в жизни, дитя!

Не вставая с места, Бодуэн пренебрежительно отмахнулся.

— Ладно, Делоне, я вас услышал, отдайте Мартину его меч. Парни, в вашем распоряжении весь Дом Кактуса, так что нечего посягать на выводок милорда Делоне.

При всей небрежности тона это был недвусмысленный приказ — принца крови и военачальника. Делоне поднял меч и с коротким кивком вернул его владельцу, который убрал оружие в ножны, тоже поклонился и сел. Никто не произнес ни слова, пока Бодуэн запивал вином инцидент. Со стуком поставив бокал на стол, он задумчиво оглядел меня, задержавшись на алой крапинке в глазу, его взгляд ощутимо обласкал мое тело поверх платья из сангрового бархата, словно призывавшего насладиться обтянутыми прелестями.

На этот раз покраснела уже я.

— Настоящая *ангуиссетта*, гм? — протянул он. Мелисанда Шахризай наклонилась и что-то зашептала ему на ухо. Слушая, принц приподнял брови, улыбнулся, а потом взял руку Мелисанды и страстно поцеловал, с нескрываемым обожанием заглянув в сапфировые глаза возлюбленной. — Ты несравненна, — пробормотал он и махнул рукой куда-то в нашу сторону. — Если желаете мне угодить, ступайте и веселитесь. Это приказ.

— Да, милорд, — сухо ответил Делоне, знаком указывая нам идти впереди. Его

недавний пыл, обращенный на Бодуэна, был растрачен; отступая, я заметила довольное лицо Мелисанды, провожавшей нас взглядом.

Расстроенная глупой стычкой, я затерялась в толпе и взяла бокал наливки у симпатичной воспитанницы. Залпом выпила и поставила обратно на поднос. Я ничего не ела, и наливка сладко обожгла горло. Девочка послушно ждала, совсем как когда-то я. Ей было около тринадцати — скоро настанет время давать обеты. Светлые волосы и хрупкое телосложение делали ее типичным цветком, распускающимся в ночи. Я коснулась гладкой щеки, и малышка вздрогнула. Вот оно как, быть гостьей, обладать властью над стремящимися угодить служителями. Я смутилась и отошла, чувствуя спиной недоумевающий взгляд.

Делоне велел смотреть и слушать, но я была чересчур взвинчена, чтобы сосредоточиться. Я перемещалась в толпе, останавливаясь перекинуться словом то тут, то там в попытке распознать основную канву разговора, но в жилах огнем бурлила выпитая наливка, а от музыки, свечей и аромата цветов кружилась голова. В зале правили бал друзья и сторонники принца Бодуэна, беспечно громко заявляя, что необходимо созвать народных представителей со всей страны, что король должен объявить племянника своим преемником, что парламенту пора вмешаться. Заезженные темы казались не более насущными и серьезными, чем год назад.

Устав ходить кругами и стремясь избежать заигрываний одного назойливого шевалье, пытавшегося уговорить меня на танец, я выскользнула из Большого Зала и пошла к редко используемому уголку для удовольствий на первом этаже, который в детстве иногда служил мне укрытием.

У входа в комнату меня остановил свет лампы и мужская мольба. Я отступила в тень.

— Я посылал за тобой целых пять раз! Почему ты настолько жесток, что постоянно отказываешь?!

В голосе слышалось отчаяние, и я узнала его обладателя. Виталь Бувар.

Следом раздался холодный и отстраненный ответ Алкуина:

— Милорд, не ожидал, что встречу вас здесь. Вы не слывете другом принца Бодуэна.

— Как не слыву и его врагом! — После раздраженного вскрика собеседники ненадолго замолчали. — Леди Шахризай платит за новости о Стрегацца, а Стрегацца платят за новости от Тревальонов. Что в этом предосудительного? Я торговец, милый мальчик, — умиротворяюще добавил Бувар. — Почему ты не сжалишься надо мной и не назовешь свою цену?

Я услышала шорох и шарканье: наверно, Алкуин стряхнул руку Бувара.

— Я Служитель Наамах, а не галерный раб, милорд. Я семь раз соглашался на договор с вами, а вы семь раз урезали плату!

Вновь последовала пауза.

— Я сделаю тебе подарок, — дрожащим голосом предложил Бувар. — Любую сумму, какую назовешь! Только скажи, сколько тебе нужно.

Алкуин глубоко вдохнул и выпалил:

— Столько, чтобы хватило на завершение туара. Плюс ответ на вопрос Делоне. Такова моя цена, милорд.

При этом заявлении дыхание перехватило даже у меня. Молчание затянулось. Потом Бувар снова заговорил.

— Ты слишком многого просишь, — глухо произнес он.

— Такова моя цена, — твердо повторил Алкуин. Меня поразила глубина его чувств. С самого начала было ясно, что наше ремесло ему не по душе, но до сих пор я и не подозревала, что Алкуин его чуть ли не презирает. А если ему удалось скрыть свое отвращение от меня, то, может, и Делоне в неведении? Наставник несомненно не позволил бы Алкуину и дальше служить Наамах, если бы знал о настрое подопечного. Принуждение не только против природы Делоне, но и против законов Элуа.

— А если я заплачу, — продолжил дрожащим голосом Бувар, — то больше тебя не увижу.

— Если вы заплатите, — тихо ответил Алкуин, — вы увидите меня еще один раз, милорд. А если нет — то вообще никогда.

Еще одна долгая пауза, и голос Бувара.

— Очень дорого, — протянул он. — Я подумаю.

Алкуин не ответил. Я услышала близкий шелест ткани и отступила еще дальше в темноту, желая остаться незамеченной. Лишняя предосторожность, так как промчавшийся мимо Бувар казался целиком погруженным в свои мысли. Когда Алкуин не вышел, я подкралась и заглянула в комнату.

Там стояла небольшая статуя Наамах, перед которой Алкуин преклонил колени. Мерцание лампы озаряло его призрачно-белые волосы. Он неотрывно смотрел на богиню снизу вверх.

— Прости меня, Благословенная, — донеслось до меня тихое бормотание. — Если я и нарушаю твои правила, то только ради того, чтобы вернее следовать заповедям божественного Элуа. Ты же знаешь, я делаю все, что делаю, только ради любви.

Я решила, что с меня достаточно: не хватало, чтобы Алкуин узнал о моем соглядатайстве. И посвященные Дома Кактуса, и ученики Анафиэля Делоне в случае необходимости умеют двигаться абсолютно бесшумно — именно так я оттуда и ускользнула.

Любовники сплетались в объятиях в коридорах и будуарах, гуляки плясали и пили в Большом Зале, музыканты играли, ученики прислуживали, а посвященные предлагали наслаждение. Во всем этом веселье, казалось, только я чувствовала себя отринутой и одинокой. В самых смелых детских мечтах я не могла и вообразить столь высокое положение, какого теперь достигла. Не могла вообразить, что стану настолько известной куртизанкой, что буду приглашена на такой великолепный праздник — еще не окончив туар! — приглашена в качестве гостыи и не кем-нибудь, а лично любовницей принца... Нет, о таком я даже не мечтала. Но удовольствие от достигнутых высот омрачал избыток знаний, преподанных Делоне, и открывшееся презрение Алкуина к заветному миру, столь близко мне знакомому.

Миру, в котором мне не было места ни как гостье, ни как служительнице.

Я вспомнила Гиацинта и захотела, чтобы он оказался здесь.

И старая дуэйна тоже.

Движимая унынием, я отправилась искать утешение в одном из маленьких садиков, надеясь, что в уединении успокою свои расстроенные чувства, глядя на игру струй фонтана в лунном свете. Но осуществить намерение не удалось, потому что среди насаждений зазывно горели факелы и под полог ночи устремилась не я одна. В темном уголке, хихикая и постанывая, извивался целый клубок людей. Я попыталась сосчитать совокупляющихся по мелькающим рукам и ногам, но не вышло — их было по меньшей мере трое, а возможно, и четверо. Под декоративной яблоней страстно сплеталась традиционная пара. Но больше

пойти мне было некуда, и я села у фонтана, опустила пальцы в бурлящую воду и задумалась, жив ли еще старый золотой карп дуэйнны.

Внезапно кто-то прикоснулся к моему затылку.

— Федре.

Я узнала нежный голос, и по спине ледяным огнем поползли мурашки. Я подняла глаза и увидела, что мне улыбается Мелисанда Шахризай.

— Почему ты здесь одна? — спросила она. — Ты же не брезгуешь моим гостеприимством?

Я быстро встала и оправила юбки.

— Нет, миледи.

— Хорошо. — Она стояла так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от ее тела. Было слишком темно, чтобы разглядеть синеву глаз, но я видела блеск под томным изгибом ресниц. — Знаешь, что в Кушете рассказывают о грешниках, попавших под власть Кушиэля? — спросила она, проводя кончиком пальца по моей нижней губе. Я покачала головой, одурманенная близостью Мелисанды. — Рассказывают, что когда им было предложено покаяться и обрести полное прощение, они отказались из любви к своему повелителю.

Той же рукой она распустила мою прическу, каскадом обрушив пряди на мои плечи.

— Пожалуй, сегодня я нашла прекрасный подарок для принца Бодуэна, — словно между делом промурлыкала она, запуская пальцы мне в волосы. — Тебя! — Сжав кулак, Мелисанда грубо притянула меня к себе и поцеловала.

Внезапно отпущенная, я ахнула и с размаху села на твердый цоколь фонтана, не в силах удержаться на ногах: все тело размягчилось и подрагивало от внезапного соприкосновения с Мелисандой. Целуя, она укусила меня за губу, и я коснулась ранки языком, пробуя, идет ли кровь. Мелисанда текуче рассмеялась, омываемая лунным светом.

— К несчастью, — беспечно сказала она, — сегодня мой дружок очень занят и я обещала составить ему компанию. Но уже завтра я переговорю с Делоне насчет твоего свидания с принцем. В конце концов, я должна ему подарок на прощание. — Развернувшись, она поманила кого-то из темноты. Светловолосый молодой человек, красивый по канону Дома Кактуса, послушно шагнул вперед. — Жан-Луи, — приказала Мелисанда, положив руку ему на грудь, — Федре моя гостья. Постарайся доставить ей удовольствие.

Он грациозно поклонился.

— Да, миледи.

Мелисанда похлопала его по руке и пошла к выходу из садика.

— Будь с ней нежен, — напоследок бросила она через плечо.

К моему огромному разочарованию, Жан-Луи подчинился.



Не знаю, воспользовались ли Алкуин и Делоне гостеприимством Мелисанды в той же мере, что и я; сильно в этом сомневаюсь. По пути домой в экипаже Делоне искоса оценил мой растрепанный вид, но ничего не сказал.

Верная слову, на следующий день Мелисанда Шахризай прислала слугу, который передал Делоне просьбу нанести ей визит тем же вечером. Весь день я изнывала, стараясь чем-то себя занять, а в сумерках даже взялась за запущенную учебу: засела за перевод тоненького сборника скальдийских военных гимнов, составленный много путешествовавшим в юности младшим сыном тиберийского вельможи. Один из друзей Делоне — каэрдианский композитор — утверждал, что любую культуру можно познать, изучая песни.

Поэтому я еще не спала, когда Делоне вернулся. Он нашел меня уютно устроившейся в библиотеке, прилежно погруженной в учебу и испачканной чернилами. Наставник бросил на меня взгляд, в котором читалось понимание моей хитрости, и вздохнул, усаживаясь в любимое кресло.

— Значит, ты снискала внимание Бодуэна, гм? Мелисанда настроена купить для него ночь с тобой.

Я пожала плечами, заткнула чернильницу пробкой и вытерла перо о тряпичную промокашку.

— Милорд, разве это не принесет вам пользу? Вы же знаете, я руководствуюсь исключительно расчетом, постоянно имея в виду ваши интересы.

— Значит, ты согласна. — Делоне протянул руку к наброскам моего перевода. — Дай-ка взглянуть, что ты успела сделать.

Я передала ему пергамент и смотрела, как он читает.

— А разве можно не согласиться? Он же принц крови. И, милорд, Каспар Тревальон до сих пор с вами не разговаривает, а Солен Бельфур рассорилась с принцессой Лионеттой, так что у нас нет ни одного сведущего осведомителя о делах в Аззали.

Делоне проницательно прищурился на меня.

— Бодуэн де Тревальон — отпрыск истинной львицы и очень опасен, Федра, а стоящая в его тени Мелисанда Шахризай делает его опасным втройне. Если ты все же не откажешься от своей затеи, прошу тебя при любом раскладе держать язык за зубами. Одно слово Мелисанды, и, не сомневайся, Бодуэн снимет тебе голову с плеч. — Наставник вернул мне перевод. — Отличная работа. Перепиши начисто, когда закончишь, и я отправлю сборник маэстро. Его это наверняка заинтересует.

От похвалы я просияла, но все равно не свернула с важной для меня темы.

— Милорд, Мелисанда Шахризай — ваш друг. Неужели вы так мало ей доверяете, что полагаете, будто она способна меня предать?

Подумать только, какой мудреный вопрос я решилась задать!

Делоне наклонился вперед, уперся локтем в колено и положил подбородок на ладонь. Свет лампы выхватывал серебристые волоски в его рыжевато-каштановой шевелюре.

— Мелисанда ведет искусную игру, и я не уверен, какие цели она преследует. Если вдруг обнаружится, что наши с ней устремления различны, я не рискну искать защиты в нашей дружбе. Мелисанда слишком хорошо знает, насколько далеко я готов зайти и сколь

многим пожертвовать, чтобы... — Он спохватился и замолчал, мотнув головой. — Неважно. Послушай меня и будь осторожной, Федра.

— Вы с ней были любовниками? — Зачастую человек твердо запираясь в чем-то одном, готов уступить в другом. Делоне научил меня этой хитрости, и вот я испробовала науку на нем самом.

— Когда-то, давным-давно, — улыбнулся он. Значит, это неважно, раз так легко сознался. — Во многом наши подходы сходны, но только не в постели — точнее, там наше сходство только во вред. Когда ни один из любовников не склонен к самоотречению и даже к уступкам, в глазах Наамах это не наслаждение. — Делоне пожал плечами и встал. — Но по моему мнению, ни Мелисанде, ни мне не о чем сожалеть, — добавил он. — Хорошо, если ты соглашаешься удовлетворить принца по доброй воле, то я составлю договор.

— Да, я согласна, милорд.

Признаюсь, предвкушение свидания приводило меня в возбуждение. Встреча должна была состояться через несколько недель, и время тянулось еле-еле. Я как могла занимала себя делами, трудясь над чистовиком сборника переведенных скальдских гимнов для Гонзаго д'Эскобара. Показала эти боевые кричалки Алкуину, но тот не проявил к ним интереса, за что его, конечно, трудно было винить.

От Виталя Буvara вестей не поступало, и я не призналась Алкуину, что подслушала их торг на балу. От Делоне я тоже утаила сей примечательный эпизод, но отправившись в святилище Наамах с мадам Лаво-Перрин, затронула эту тему, поскольку она постоянно занимала мои мысли и я знала, что Сесиль меня поймет. Она ведь тоже из Двора Ночи.

— Ты правильно поступила, что не стала вмешиваться, — сказала Сесиль. — Алкуин дал обет служения, и все, что касается этого служения, только между ним и Наамах. Если он искренен, она простит. Наамах умеет сострадать.

— Алкуин всегда честен и искренен, — подтвердила я, твердо веря, что так оно и есть.

— Что ж, тогда все будет хорошо. — Сесиль нежно улыбнулась, и на душе у меня стало спокойно. Из всех, кого я знала, Сесиль была самой доброй и самой мудрой. Так я считала тогда, того же мнения придерживаюсь и сейчас.

\* \* \* \* \*

Хотя казалось, что день моего свидания с принцем никогда не настанет, он наконец пришел, для начала ознаменовавшись прибытием платья из золотой парчи, доставленного посыльным Мелисанды. К тому времени мой гардероб стал весьма изысканным, поскольку Делоне не скупился на одежду, но настолько великолепного наряда у меня отродясь не водилось. К платью прилагался чепец из золотистой сетки, украшенной мелким жемчугом. Я долго наряжалась, восхищаясь своим отражением в зеркале. Алкуин присел на краешек кровати, серьезно наблюдая за моими сборами.

— Будь осторожна, Федра, — ласково предупредил он.

— Я всегда осторожна, — ответила я, глядя в глаза его зеркальному отражению.

Он слегка улыбнулся.

— Ты не берегла себя с лордом д'Эссо, и не станешь беречься с Мелисандой. Ты готова раствориться в ней, я видел. И видел, что она это видела.

Я заправила выбившийся локон под сетку.

— Сегодня я предназначена принцу Бодуэну, о чем тебе прекрасно известно.

Алкуин покачал головой.

— Она тоже с ним будет, не сомневайся. Говорят, удовольствие принца гораздо острее,

когда она присутствует в спальне. Мелисанда Шахризай — побудительная сила для его желаний.

При мысли таком раскладе сердце забилося быстрее, но я постаралась это скрыть.

— Я буду осторожна, — пообещала я.

А потом прибыла коляска, и мы больше не касались этой темы. Алкуин проводил меня вниз, где я предстала перед Делоне.

— Очень мило, — пробормотал он, закутывая мои плечи в сангровую накидку и застегивая фибулу. — Девушка из дома Делоне и принц крови. Кто бы мог подумать? — Несмотря на улыбку, в его голосе слышалась какая-то непонятная мне загадочная интонация. — Я буду тобой гордиться. — Делоне поцеловал меня в лоб. — Удачи.

Осененная благословением, я сошла к экипажу Мелисанды. Ги тенью следовал за мной.

Среди недвижимости, которой владела Мелисанда Шахризай, конечно же, имелся особняк в Городе. Я предполагала, что он недалеко от Дворца, но Мелисанда обитала в тихом квартале почти на окраине в богатом красивом доме, обсаженном деревьями. Позже я узнала, что во дворце у нее есть свои покои, а сюда она приезжала, когда хотела развлечься без посторонних глаз; и сама по себе, и с принцем Бодуэном.

По пути я терялась в догадках, какого приема ожидать, но когда слуги провели нас с Ги в дом, Мелисанда встретила меня как гостью.

— Федра, — сказала она, приветственно меня целуя. — Рада, что ты согласилась. Ты ведь уже знакома с милордом принцем Бодуэном де Тревальоном?

Я глянула мимо нее, увидела принца и присела в реверансе.

— Мне оказана большая честь, мой принц.

Он шагнул вперед и, взяв меня за руки, помог подняться. Я сразу вспомнила, как он сгреб меня в объятия на Средизимнем маскараде.

— Это для меня большая честь получить такой изумительный подарок, — любезно ответил он и улыбнулся Мелисанде. — Избранницу, которой коснулся Спутник Элуа.

Мелисанда вернула Бодуэну улыбку и легонько положила руку мне на плечо. Зажатая между ними, я задрожала.

— Идем, — позвала Мелисанда. — Поиграешь для нас, пока мы ужинаем. Хорошо?

Я заставила себя собраться и кивнуть.

— С удовольствием, миледи.

Хозяйка повернулась к лакею.

— Позаботься о слуге милорда Делоне, проследи, чтобы его достойно устроили. А мы пойдем к столу.

Хотя меня, конечно, учили играть на музыкальных инструментах, мне уже давно не приходилось музицировать для услады чьего-то слуха. Зайдя в трапезную и увидев бархатный пуфик и цитру, я сразу поняла, чего от меня ждут. Села, взяла цитру и довольно долго тихо перебирала знакомые мелодии, пока пара ужинала. Странно, сначала меня встречают как гостью, а потом подчеркнуто игнорируют. Слуги в черно-золотых ливреях дома Шахризаев двигались быстро и бесшумно, снововисто меняя аппетитные блюда. Мелисанда и Бодуэн насыщались, негромко подшучивая друг над другом, болтая, как обыкновенные влюбленные, о разных мелочах. Я играла, чувствуя себя откровенно не в своей тарелке.

Когда трапеза закончилась и посуду убрали, Мелисанда велела наполнить вином третий бокал и отпустила слуг.

— Федра, иди-ка сюда, — позвала она, ставя бокал у локтя Бодуэна. — Выпей с нами.

Я отложила цитру и послушно подошла к принцу. Попробовала вино — очень хорошее, легкое и пряное, с богатым послевкусием черной смородины.

— Значит, цветочек, тебя воспитали в Доме Кактуса, — задумчиво произнес Бодуэн, и в его серых глазах зажегся огонек. Уверенные руки обхватили мою талию, и он без усилия усадил меня к себе на колени, так ловко, что я даже не пролила вино. Да, принц был закаленным воином, сильным и жестким, как сталь. — Ну, будешь корчиться от неудобства, как посвященные твоего Дома при таком неуважительном обращении?

— Нет, мой принц. — Теперь его руки давяще легли мне на бедра. Под слоями золотой парчи моей юбки и бархатных бриджей Бодуэна я чувствовала ягодицами, как восстает его фаллос. Дыхание перехватило.

— Федра — *ангуиссетта*, мой принц. — На другом конце стола лицо Мелисанды мерцало в свете свечей, бледное, прекрасное и бессердечное. — Если она и будет корчиться, то никак не от неудобства.

— Сложно представить. — Он провел рукой вверх, накрыл мою грудь ладонью и сжал. — Но ты права, — обратился Бодуэн к Мелисанде, ущипнув мой напрягшийся сосок. Я ахнула от вспышки боли и подалась к нему. — И ты нарядила свой подарок по-королевски. — Он поднял руку к моим волосам, зарылся пальцами под золотистую сетку и сильно оттянул мою голову назад. Припал губами к открывшемуся напряженному горлу. — Взять ее на десерт? — спросил принц, хохотнув.

Мелисанда пожала плечами, отпила вина и продолжила наблюдать, холодная и очаровательная.

— Впереди вся ночь, мой принц, и это не десерт, а только первое блюдо. Попробуй ее для начала на столе, если желаешь.

— Так я и сделаю, — улыбнулся он. — Потому что хочу для начала убедиться, что она не притворяется.

С этими словами он встал, толкнув меня животом на стол, и задрал мои юбки. Одной рукой придавив мой затылок, Бодуэн удерживал меня на месте, пока расшнуровывал гильфик. Прижатая щекой к белой скатерти, все, что я видела, — свой опрокинутый бокал и бледно-красное винное пятно, растекающееся по ткани, пока принц углублялся в меня.

Бодуэн де Тревальон был отнюдь не юнцом и не первый год практиковался с Мелисандой Шахризай. Если я и надеялась, что он быстро изольется и закончит унижать меня, пренебрегая моим искусством, то надеялась напрасно. Я закрыла глаза и лишь поскуливала при каждом долгом размеренном толчке.

— И снова твоя правда, миледи, — донесся до меня его голос, в котором звучали нотки веселого удивления. — Она жарче топки Камаэля и мокрее слез Эйшет.

Заскрипел стул, я услышала, как Мелисанда встала, а по шороху юбок поняла, что она подошла и пристроилась за спиной Бодуэна. Я слышала, как она водила руками по груди дублета принца, слышала ее шепот.

— Жестче, жестче, любовь моя, — чуть слышно подбадривала она. — Я хочу посмотреть, как ты доведешь ее до конца.

Из-под моих закрытых век заструились слезы, когда принц рассмеялся и подчинился, толкая меня к грани сильными рывками.

— М-м-м, — одобрительно промурлыкала Мелисанда. — Любовь моя, какой же ты молодец. — Она коснулась моей щеки, слегка царапнув кожу ногтями, и холодно

скомандовала: — Сейчас, Федра.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Я беспрекословно повиновалась, перестав сдерживаться, вскрикнула и задрожала от сотрясшего меня взрыва. Бодуэн снова рассмеялся и врезался в меня еще раз и еще, щедро изливая семя.

— Ах, — выдохнул он, отделяясь от меня. — Неплохо бы обзавестись такой игрушкой насовсем, миледи. Как думаешь, удастся купить такую же на рынке?

Освобожденная от его веса, я медленно встала, повернулась и посмотрела в довольные глаза Мелисанды.

— Такую как Федра не найдешь на рынке, мой принц, нигде не найдешь, — заверила она. — А ее служение принадлежит только Наамах и Анафиэлю Делоне. Но идем же, ты испробовал лишь каплю того, что может предложить посвященная, отмеченная Стрелой Кушиэля. У нас впереди вся ночь, чтобы вкусить ее дар сполна. Ты как, дорогая, не желаешь произнести свой *сигнал*? — лукаво обратилась она ко мне.

— Миледи знает, что у меня нет такого желания, — тихо произнесла я. Мне было наплевать, насколько искусен Бодуэн де Тревальон в жестоких любовных утехах, насколько готов меня изувечить, — принц никогда не услышит от меня *сигнала*. Как и Мелисанда Шахризай, пока тоже служит его удовольствию. Пока она чего-то выжидает, я все стерплю. Такую вот клятву я дала самой себе.

— Что ж, отлично, — усмехнулась Мелисанда, устремилась к дальним дверям и распахнула их. — Давайте поиграем.

Рядом со столовой располагалась комната для удовольствий. За дверью я увидела пылающий в камине огонь, ложе с подушками, ряд висящих плеток и деревянное колесо с кандалами, точно такое же, как в Доме Валерианы. Бодуэн посмотрел на Мелисанду и улыбнулся.

Я мысленно произнесла имя Гиацинта и прикусила язык.

Возможно, правда, что не существует душ, свободных от темного огня Кушиэля, но тогда правда и то, что внутри большинства людей этот огонь лишь еле-еле тлеет. Бодуэн де Тревальон не способен был воспылать им, если Мелисанда Шахризай не раздувала искру. Я больше боялась леди, а не принца. Но не возразила, когда меня завели в комнату для удовольствий и аккуратно раздели. Прохладными руками Мелисанда подтолкнула меня к колесу и заковала запястья и лодыжки. Бодуэн изучил арсенал пыточных средств, остановился на кожаной шлепалке и сунул палец в щель посередине.

— Как этим правильно пользоваться? — спросил он Мелисанду, вскинув брови. — Испустить скальдский боевой клич и накинуться на нее? — Принц двумя руками поднял шлепалку, словно боевой топор. — Вальдемар Благословенный! — выкрикнул он и расхохотался.

Вися на колесе, я дернулась от удивления. Мелисанда с терпеливой снисходительностью посмотрела на Бодуэна.

— Нет никаких правил, мой принц. Ты волен делать все, что пожелаешь и как пожелаешь. — Убедившись, что я прочно закреплена, она крутанула колесо.

Сработанное на совесть, оно поворачивалось легко и беззвучно. Пол, стены, потолок, Мелисанда и Бодуэн поплыли перед глазами. Я и не догадывалась, насколько сбивает с толку, когда кровь то приливает к голове, то отливает от черепа. Колесо сделало еще оборот и остановилось, и я увидела, что Мелисанда выбирает себе бич.

— Вот так, любовь моя, — обратилась она к Бодуэну. Мелисанда резко дернула запястьем и тут же исчезла в залившей мои глаза красной пелене, когда снабженный грузилом кончик кнута заклеймил меня, заставив мир завертеться.

В голове пронесся звук, будто бы исторгнутый арфовой струной, и в багровой дымке показался расплывчатый лик Кушиэля, суровый и бронзовый. Потом он исчез, оставив лишь смутное пятно. Кровь от головы опять отлила. Мелисанда повесила бич на место и кивнула Бодуэну.

— Как пожелаешь, — тихо подбодрила она.

Принц шагнул ко мне и познакомил меня со шлепалкой — ровный всплеск боли там, куда приходился удар, и тонкий резкий штрих от прорези в середине, будто бы рассекавший кожу. Колесо поворачивалось, и я не знала ни где верх или низ, ни куда придется следующий удар, но упоительная красная пелена не возвращалась. Когда принц наконец намахался и устал, он повернулся к Мелисанде и благоговейно увлек ее на подушки. Я осталась висеть на колесе почти вверх ногами. Прежде чем от прилива крови к голове сознание покинуло меня, я пронаблюдала, как Бодуэн расстегивает платье Мелисанды и медленно его снимает, покрывая обнажаемую кожу поцелуями и опускаясь перед возлюбленной на колени. Мелисанда заметила мой взгляд и заговорщицки улыбнулась, а больше я ничего увидеть не успела.

Не знаю, долго ли я там провисела и кто меня снял; утром я проснулась в чужой постели, и, когда встала, слуги обращались со мной как с гостьей.

Отдохнувшая и разнеженная Мелисанда вошла в трапезную, когда я завтракала.

— Коляска готова, а человек Делоне уже ждет тебя. — Она положила звякнувший мешочек на стол возле моей руки. — Платье, конечно, пусть останется у тебя в знак моей благодарности, а этот дар прими во славу Наамах. — Взгляд синих довольных глаз остановился на мне. — Ты и впрямь прощальный подарок, достойный принца, Федра.

— Благодарю, миледи, — машинально ответила я, забирая мешочек. Пальцы шевелились с трудом. Кошель был тяжелым, разбухшим от монет. Я вопросительно посмотрела на Мелисанду. — Достойный подарок на прощание, миледи? Кто прощается?

Красиво изогнутые брови чуть приподнялись, и Мелисанда склонила голову.

— О да, ученица Делоне. — Она рассмеялась текучим смехом. — Я отвечу, если ты в свою очередь расскажешь, что тебе известно о Вальдемаре Благословенном.

Я промолчала. Мелисанда снова усмехнулась, наклонилась и тронула губами мою щеку.

— Что ж, передай мое почтение милорду Делоне, — сказала она, выпрямляясь, и нежно погладила меня по голове. — Мы с тобой еще встретимся, моя *ангуиссетта*. И, возможно, в следующий раз между нами не будет никакого принца.

И после этих слов она ушла.

Можете не сомневаться, я в точности пересказала Делоне все, что услышала в доме Мелисанды. Не в моих правилах было расписывать ему подробности творящегося на свиданиях; к тому времени я уже усвоила, что о некоторых обстоятельствах лучше умалчивать. Отметины, которые наставник видел на мне, говорили сами за себя. О том же, что не оставляло следов, я предпочитала не распространяться, но неукоснительно доводила до его сведения любые известия или неосторожно оброненные слова, которые могли представлять для него интерес.

Вот и на этот раз я не промахнулась. Делоне нахмурился и принялся вышагивать по комнате, обдумывая мой рассказ.

— Так Бодуэн действительно думал, что это всего лишь скальдский боевой клич? — спросил он. Я кивнула. — И ничем не выдал, что «Вальдемар Благословенный» может означать для него нечто большее?

— Нет, — уверенно покачала я головой. — Он говорил в шутку без всякой задней мысли. Зато для Мелисанды это имя не пустой звук.

— И он будто бы не знал, что ты была... как там она сказала? Подарком на прощание? Я снова покачала головой.

— Нет, милорд. В его поведении я не заметила ни малейшего намека, что они прощаются, а сама Мелисанда сказала эти слова, когда мы с ней остались наедине. — Я посмотрела на Делоне и вспомнила, как он привел Мелисанду взглянуть на меня, когда его *ангуиссетта* еще была тщательно оберегаемым секретом. — Любому художнику нужны понимающие ценители, милорд, и она выбрала на эту роль вас. Что бы ни готовилось, Мелисанда хотела дать вам знать, что за этим стоит она.

Делоне задумчиво посмотрел на меня.

— Возможно, ты права, — кивнул он. — Но вопрос все еще в силе: что же такое готовится?

Не прошло и недели, как мы узнали ответ.

Новости нам принес Каспар де Тревальон. Вельможа был настолько потрясен, что даже забыл о ссоре с Делоне.

Топот множества копыт разнесся по мощеному двору, выдавая срочность визита. Я наблюдала графа де Фурсэ с первых моих дней в доме Делоне и ни разу не слышала, чтобы Каспар повысил голос, даже во время споров. Но в тот день его крик эхом отразился от стен особняка.

— Делоне!

Если кто-то и сомневался, что домочадцы Анафиэля Делоне способны двигаться быстро, тот день отмел эти сомнения. Делоне мигом выскочил за дверь, задержавшись лишь чтобы схватить со стены кабинета редко пускаемый в дело меч. Словно из ниоткуда во дворе появился Ги, сжимая в каждой руке по кинжалу, и вывел за собой двух ливрейных лакеев, а мы с Алкуином отставали буквально на несколько шагов.

Окруженный десятком вооруженных всадников, Каспар де Тревальон осаживал черного коня, не замечая ни нашего присутствия, ни сверкающего меча в руке Делоне. Жеребец весь в пене и мыле храпел и переступал с ноги на ногу; граф крепче сжал поводья и посмотрел сверху вниз на Делоне с выражением крайнего ужаса.

— Исидор д'Эгльмор только что обвинил Дом Тревальонов в государственной измене, — мрачно произнес он.

Делоне уставился на него и опустил меч.

— Ты шутишь.

— Нет. — Каспар покачал головой, не меняясь в лице. — У него есть доказательства: письма в адрес Лионетты от Фоклайдхи Альбской.

— Что? — Делоне по-прежнему не сводил глаз с друга. — Они переписывались? Как?

— Почтовые голуби. — Черный конь снова загарцевал, но Каспар быстро привел его к порядку. — Они переписывались с тех самых пор, как сюда приезжал круарх. Делоне, друг мой, что же мне делать? Я обо всем этом ни сном не духом, но у карающей длани широкий замах, вот и думаю, как бы сберечь мое достояние и мою семью — они сейчас в Фурсэ. Король уже отправил гонцов на самых быстроногих скакунах к графу Сомервиллю. Тот собирает армию королевства.

Делоне задумчиво сжал губы.

— Клянешься, что ничего об этом не знал?

Каспар выпрямился в седле.

— Друг мой, я много лет поверял тебе мои помыслы, — тихо сказал он. — Я так же лоялен Дому Курселей, как и ты.

— Будет суд. Должен быть суд. — Делоне коснулся брусчатки двора кончиком меча и оперся на него. — Отправь трех лучших своих людей в Фурсэ, — решительно распорядился он. — Пусть выставят стражу и не пропускают в поместье никого, кроме гонцов с королевскими указами. Давай напишем письмо Перси де Сомервиллю. Еще есть время предупредить его, прежде чем он доберется до границы с Аззалью. Он знает тебя и не станет захватывать Фурсэ без приказа короля. За заговором наверняка стоит самолично Лионетта, а не Дом Тревальонов. Король не станет преследовать весь ваш род.

Отчасти ужас спал с лица Каспара, но только отчасти.

— Бодуэн тоже замешан.

Услышав эти слова, я со свистом втянула в себя воздух. Алкуин сжал мой локоть. Я покосилась на товарища, и он покачал головой, призывая к молчанию. Делоне, продолжая хмуриться, ничем не выказал, что услышал мой вздох.

— Тебе лучше войти, — обратился он к графу, — и рассказать мне все, что тебе известно. Но сперва отправь людей в Фурсэ. Мы составим письмо де Сомервиллю, а потом ты обратишься к королю с просьбой об аудиенции. Ганелон де ла Курсель не самодур. Он тебя выслушает.

Спустя секунду Каспар коротко кивнул, отдал приказы нескольким своим спутникам и вручил им кошель с деньгами на дорогу. Удаляющийся топот копыт по мостовой быстро затих. Где-то вдали раздались крики: новость из дворца начала волной распространяться среди горожан, среди народа Земли Ангелов.

— Входи же, — повторил Делоне, протягивая другу руку. Каспар Тревальон молча спешился и принял ее.

Проведя гостя в дом, мой наставник первым делом велел принести еды и вина. Мне показалось, что он сошел с ума, раз в такое время думает о плотских радостях, но съев кусок хлеба с сыром и опустошив большой бокал, де Фурсэ вздохнул и, похоже, успокоился. С тех пор я не раз убеждалась, что в тяжелую годину пища придает людям сил и уверенности. Мы с Алкуином маячили поодаль, сомневаясь, должны ли выказать поддержку или нам следует



оставаться невидимыми, но Делоне не подал никакого знака, что хочет нас отослать.

— Итак, что же случилось? — тихо спросил он.

Следующий час Каспар выкладывал все, что знал о разоблачении. О раскрытом заговоре его известил служивший при дворе друг, которому граф безоговорочно доверял. Ошарашенный новостями, Каспар поехал напрямик к Делоне, не представляя, к кому еще обратиться за советом. Он верил, что осведомитель не лгал, и беспокоился, сойдет ли тому с рук это предупреждение.

Придворный рассказал, что Исидор д'Эгльмор будто бы услышал о заговоре от одного из Искателей Славы Бодуэна, который изрядно набрался после бесплодного патрулирования границы Камлаха и, потеряв всякую осторожность, громогласно похвалялся преступными планами. Д'Эгльмор провел расследование и, найдя доказательства, отправился напрямик к королю. Герцог скакал без остановки день и ночь, чтобы быстрее добраться до Города. С присущей воинам Камлаха прямоотой он даже не озаботился испросить аудиенции, а объявился на заседании королевского совета и во всеуслышание обвинил Лионетту де Тревальон в том, что она сговорила объединить силы с Фоклайдхой Альбской и ее сыном, новым круархом.

При поддержке армии пиктов сестра короля замышляла устроить переворот в Земле Ангелов и короновать Бодуэна. Взамен она обещала предоставить Фоклайдхе и ее сыну-узурпатору войска Аззали, чтобы помочь им удержать трон Альбы в борьбе с низложенным наследником, который искал себе союзников среди далриад. Чтобы это осуществить, аззалианский флот должен был миновать владения Хозяина Проливов. Одолеть его не представлялось возможным, но имелся шанс отвлечь Хозяина достаточно надолго, чтобы успеть переправить армию пиктов через горлышко пролива. А как только трон Земли Ангелов оказался бы в руках заговорщиков, планировалось уже всем королевским флотом прорваться через пролив и вернуть пиктов на родину с немалым подкреплением.

— План был хитрым, — заключил Каспар, утер пот со лба бархатным рукавом и поднял бокал, давая понять, что хочет еще вина. — Опасно хитрым, потому что вполне выполнимым. Не прояви д'Эгльмор лояльность... В конце концов, он дружил с Бодуэном и в случае успеха мог бы оказаться в выигрыше.

Я вспомнила улыбку Мелисанды Шахризай и мрачный блеск глаз герцога д'Эгльмора в прорезях маски из ягуарунди. Сомнительно, чтобы он и так и так не оказался в выигрыше.

Делоне нужно было задать очевидный, но неприятный вопрос, и он постарался сделать это деликатно.

— А Марк? — Лионетта с Каспаром постоянно враждовали, но Марк де Тревальон приходился ему кузеном и давним другом.

Граф печально покачал головой, и его глаза затуманились.

— Ах, Анафиэль, знай я правду, я бы тебе ответил. Очень хочу верить, что Марк никогда бы так не поступил, но... он же повздорил с королем из-за флота Квинтилия, поставив во главу угла свое самолюбие. И давно уже гласно не одобрял, что Ганелон медлит выдать внучку замуж и определить судьбу королевства. Если бы Лионетта поделилась с Марком своим планом... я не уверен...

— Понимаю, — кивнул Делоне и не стал продолжать эту тему. — А как д'Эгльмор заполучил обличительные письма?

Каспар дал ответ, который мы уже знали.

— От Мелисанды Шахризай.

Я приоткрыла рот. Делоне бросил на меня предупреждающий взгляд, запрещающий разглашать, что мне было известно об участии Мелисанды в этом деле, но я и не собиралась проговариваться. Меня волновал другой вопрос.

— Бодуэн явно был ею очарован, был в ее власти. Зачем же Мелисанде понадобилось предавать возлюбленного, когда он стоял в одном шаге от трона?

— Рад бы сослаться на лояльность Дома Шахризаев законному королю, — сказал Каспар и криво усмехнулся, проводя рукой по черным с проседью волосам, все еще растрепанным после скачки. — Но, думаю, скорее всего, Мелисанда прекрасно понимала, что Львица Аззали трупом ляжет, но не позволит Бодуэну на ней жениться. Лионетта искала послушную невестку, способную составить с ней могущественный альянс и согласную на подчиненное положение. Если Бодуэн до сих пор за несколько лет не справился с матерью в этом вопросе, то, конечно, не стал бы ей прекословить, когда она скопила силы, чтобы заполучить для него трон. Мелисанду Шахризай, безусловно, нельзя не принимать в расчет, но Львице Аззали она не соперница.

Первая часть его ответа походила на правду, но вторая... Может, я бы и поверила в незначительность Мелисанды, если бы не знала, что сама была ее прощальным подарком Бодуэну де Тревальону. О чем Мелисанда сказала задолго до того, как Исидор д'Эгльмор будто бы поверил пьяному болтуну и нашел какие-то «доказательства». Я не сомневалась, что заговор действительно имел место и пресловутые доказательства были подлинными. Но не сомневалась и в том, что планы по разоблачению заговора были еще более хитрыми и коварными, чем он сам. Огласка обстоятельств моего последнего контракта никак не могла повлиять на ход событий: двусмысленные слова, беспечно брошенные Служительнице Наамах, никто бы не принял всерьез. Только я точно знала, что имела в виду Мелисанда — Делоне, Алкуин и я. «Нет, — подумалось мне, — конечно же, мы промолчим, а Мелисанду Шахризай восхвалят за то, что она поступила как должно».

А молодой герцог д'Эгльмор, уже прославившийся как герой войны, неожиданно займет положение спасителя трона. Помню, кто-то сказал, будто все потомки Камаэля думают своими мечами. В случае с герцогом это очевидно было не так.

\* \* \* \* \*

В последующие дни все происходило в точности как предсказывал Делоне. Был созван парламент и начался процесс в Верховном суде. Пока королевская армия под командованием графа де Сомервилля шерстила Аззаль и герцогство Тревальон, король даровал Каспару аудиенцию и, выслушав его, избавил от захвата графство Фурсэ при условии, что сам граф останется под охраной дворцовой гвардии до начала суда.

Ничто не мчится быстрее слухов. За день до прибытия гонца от де Сомервилля мы уже знали, что Тревальон сдался после недолгого боя, который приняли Бодуэн и его Искатели Славы. Они не были разгромлены королевскими войсками, а сложили оружие по приказу отца Бодуэна, герцога Марка де Тревальона. Перси де Сомервилль принял герцогский меч, оставил в замке гарнизон и выехал в Город, конвоируя Лионетту, Марка, Бодуэна, его сестру Бернадетту и их приближенных.

Когда кортеж прибыл во Дворец, начался суд.

Делоне был вызван свидетелем со стороны защиты Каспара Тревальона, пытавшейся подтвердить остававшуюся под вопросом лояльность графа королю. Мы с Алкуином, скромно одетые в цвета Делоне, тоже присутствовали на заседании. Для свиты дворян, участвовавших в процессе, не предусматривалось сидячих мест, и нам удалось встать у стены

Зала Заседаний. В его дальнем конце стоял большой стол. Во главе восседал король, справа от него — наследница трона Исандра, а по сторонам от них двадцать семь лордов парламента. Зал охранялся дворцовой гвардией, а за спиной короля застыли два кассилианца, две серые тени, взблескивающие сталью обнаженных мечей.

Некоторые люди получают удовольствие от спектаклей, а некоторые с радостью смотрят на низвержение могущественных вельмож. Я же не отношусь ни к тем, ни к другим и, хотя не жалею, что присутствовала на том судилище, нимало им не воодушевилась.

Лионетта де ла Курсель де Тревальон значилась главной обвиняемой, и ее вывели к судьям первой. До того дня я видела ее лишь однажды, с балкона Сесиль, но за свою жизнь понаслушалась историй о Львице Аззали. Она вплыла в Зал Заседаний в роскошном парчовом платье — серебристо-голубом, цветов Дома Курселей, напоминавших забывчивым, что перед ними сестра короля, — выставив перед собой скованные руки. Тогда я удивилась, подумав, что это Ганелон де ла Курсель приказал заковать сестру в кандалы. А позже узнала, что их добавили по настоянию самой Лионетты. Но трагичность образа узницы не сыграла никакой роли.

Не нужно и говорить, что гордости у Львицы Аззали было в избытке. Она не стала отрицать своего участия в заговоре. По мере предъявления улик Лионетта задираала подбородок все выше и выше, не сводя дерзкого взгляда с брата. Разница в возрасте между ними составляла двадцать лет — Лионетта была поздним ребенком, а потомки Элуа живут долго, — и было очевидно, что братско-сестринской любовью здесь и не пахнет.

— Как ты ответишь на эти обвинения? — спросил король, когда суть дела была изложена. Ганелон пытался говорить сурово, но не мог скрыть ни дрожь в голосе, ни трясущуюся правую руку, которую часто прижимал к боку.

Лионетта рассмеялась, запорокинув седеющую голову.

— Ты смеешь требовать от меня оправданий, дорогой брат? Представь, меня оправдывает твоя вина, которой нет прощения! Ты год за годом ослабляешь королевство, с преступной нерешительностью цепляясь за призрак умершего сына, будто бы возродившегося в дочери убийцы, и даже не пытаешься выдать ее замуж для образования достойного альянса! — Ее глаза сверкали, такие же темно-голубые, как у короля. — Ты смеешь сомневаться в моей лояльности трону? Признаю, я поступила так, как считала нужным, чтобы укрепить этот самый трон, распатанный тобой, для народа Земли Ангелов!

В толпе зароптали; наверное, там стояли и те, кто склонялся в поддержку опальной герцогини. Но лица судей за столом посуровели. Я нашла взглядом Делоне. Он смотрел на Лионетту де Тревальон, и его глаза горели, непонятно, почему.

— Значит, ты признаешь себя виновной без смягчающих обстоятельств, — тихо сказал Ганелон де ла Курсель. — Какую роль в твоём предприятии сыграли твой муж, сын и дочь?

— Они ничего не знали, — презрительно ответила Лионетта. — Ничего! Это мой план и только мой.

— Разберемся. — С печальным и усталым выражением лица король глянул влево, затем вправо. — Каков будет ваш приговор, милорды и миледи?

Негромкие ответы сопровождались древним тиберийским жестом. Один за другим члены парламента вытягивали руки с поднятым вверх большим пальцем и опускали его вниз.

Проголосовали единогласно. Смерть.

Исандра де ла Курсель должна была сказать свое слово последней. Невозмутимая и бледная, она посмотрела на свою двоюродную бабу, которая прилюдно назвала ее дочерью

убийцы. Медленно и решительно вытянула руку и повернула большим пальцем вниз.

— Смерть.

— Быть посему. — Голос короля звучал не громче ветерка, перебирающего осенние листья. — У тебя есть три дня, чтобы выбрать, каким способом ты желаешь умереть, Лионетта. — Он кивнул, и дворцовая стража в сопровождении жреца Элуа повела приговоренную из Зала Заседаний.

Лионетта не пыталась сопротивляться и удалилась с высоко поднятой головой, а к ответу призвали ее супруга, Марка де Тревальона.

Герцог де Тревальон был очень похож на своего кузена Каспара — старше, чуть выше и худее, но с теми же черными как вороново крыло волосами, посеребренными сединой. Лицо его избородили морщины от возраста и горя. Перед оглашением обвинения он посмотрел королю в глаза и протянул к нему пустые закованные в кандалы руки.

— В иешуитских письменах грехом Аззы именуют гордыню, — тихо сказал он. — Но мы ангелийцы, и грехи ангелов — слава нашего народа. Грехом Благословенного Элуа было то, что он слишком любил все мирское и земное. Таковы и мои прегрешения против тебя, брат, — чрезмерные гордость и любовь.

Дрожащим голосом Ганелон де ла Курсель произнес:

— Ты говоришь, что пособничал моей сестре и строил заговор против трона, брат?

— Я говорю, что слишком ее любил. — Марк де Тревальон упорно не отводил глаз. — Как люблю и сына, в жилах которого течет и твоя кровь. Да, я знал о действиях моей жены. И не отменял ее приказы ни адмиралу моего флота, ни капитану моей гвардии. Я знал.

Снова голосование, и снова большие пальцы один за другим поворачивались книзу, пока очередь не дошла до Исандры де ла Курсель. Я замороженно наблюдала, как она с каменным лицом повернулась к деду.

— Пусть отправляется в изгнание, — холодно повелела она.

Я выросла в Доме Кактуса и хорошо умела распознавать сталь в хрупком цветке. В тот день я впервые, но не в последний раз, разглядела стальное нутро Исандры де ла Курсель.

— Что скажете? — обратился король к судьям. Без единого слова те с рассудительными кивками вытянули вперед руки ладонями вверх. Король снова заговорил заметно окрепшим голосом: — Марк де Тревальон, за преступления против короны ты изгоняешься из Земли Ангелов, а твои земли отходят в казну. Даю тебе три дня, чтобы пересечь границу, а если вернешься, за твою голову будет назначена награда в десять тысяч дукатов. Принимаешь ли ты это наказание?

Бывший герцог де Тревальон посмотрел не на короля, а на его внучку-дофину.

— Вы шутите, — еле выговорил он.

Исандра не ответила. Король угрожающе опустил голову.

— Я не шучу! — Его голос эхом прокатился под потолком. — Принимаешь ли ты это наказание?

— Да, мой король, — пробормотал Марк де Тревальон, кланяясь. Дворцовая гвардия взяла его в кольцо. — Милорд... моя дочь ничего не знала! Она ни в чем не виновата!

— Разберемся, — с прежней усталостью ответил король и, не глядя на осужденного, махнул рукой. — Прочь с глаз моих.

За столом шепотом засовещались. Я знала, что следующим должны были вызвать Бодуэна — судопроизводитель, который составлял повестку заседания, из дружбы сообщил Делоне об очередности. Но судьи передумали и затребовали не принца, а его сестру,

Бернадетту де Тревальон.

Я бы узнала в ней сестру Бодуэна, даже не услышав имени, потому что они были почти на одно лицо, но при этом Бернадетта вела себя так же скромно, как он — дерзко. Нелегко, наверное, иметь матерью Львицу Аззали, когда ее любимый детеныш не ты. Через несколько минут допроса стало ясно, что Бернадетта была осведомлена о заговоре в той же мере, как и ее отец, и противилась преступлению столь же мало. На этот раз я следила за судебским столом внимательнее и увидела, как старый король глянул на внуку и та слегка кивнула. Приговор стал тем же: изгнание. Отец и дочь сохранят свои жизни, но навсегда потеряют вскормившую наш народ землю, чья слава течет в наших жилах как кровь. Я вспомнила стихотворение Телезис де Морне и заплакала. Алкуин приобнял меня, притиснул к своему боку и успокоил.

А пред королевские очи призвали Бодуэна де Тревальона.

Как и его мать, принц выставлял напоказ оковы, бряцая ими, пока шествовал по Залу. Лишенный свободы, он выглядел красивым и очаровательным. Толпа дружно вздохнула.

— Принц Бодуэн де Тревальон, — начал король, — ты обвиняешься в государственной измене. Что можешь сказать по сути дела?

Бодуэн тряхнул головой.

— Я невиновен!

Ганелон де ла Курсель подал знак кому-то, кого мне было не видно. Из толпы вышел герцог Исидор д'Эгльмор.

Его лицо походило на маску. Он слегка кивнул Бодуэну, отвесил церемонный поклон королю и Верховному Суду и стал свидетельствовать. Во время речи лицо его сохраняло невозмутимость, только глаза мерцали, темные и непроницаемые. История была той же, что пересказал нам Каспар: герцог случайно услышал пьяную бахвальщину какого-то солдата и из верности короне предпринял расследование. Слушая, Бодуэн краснел и с возрастающей ненавистью таранился на д'Эгльмора. Я помнила, что раньше они слыли друзьями. Герцога Исидора на свидетельском месте сменила Мелисанда Шахризай.

Ах, тот день мне никогда не забыть. Мелисанда выступила из группы родственников. Не уверена, насколько они были осведомлены в этом деле — это так и осталось для меня тайной, — но Дом Шахризаев явился поддержать свою спасительницу королевства. Как часто бывает с потомками древних родов, сходство между Шахризаями бросалось в глаза. Смоляные волосы, падающие на длинные плащи из черно-золотой парчи, бледные лица и безжалостные сапфировые глаза. Огонь Кушиэля ни в ком из Шахризаев не пылал так жаростно, как в Мелисанде, но горел в каждом из них, и я была благодарна Алкуину за поддержку.

Как ни трудно было вообразить, что Мелисанда Шахризай способна убедительно изобразить скромность, но в тот день ей это удалось. Она отвечала на вопросы судей негромко, опустив ресницы, и рассказала, как честолюбивый принц под пятой у властной матери, стремясь захватить трон, пытался сколотить взаимовыгодный альянс с узурпаторами. Рассказала, как Бодуэн, похваляясь своими планами, показал ей письма, ставшие теперь доказательством преступного заговора.

Как бы там ни было на самом деле, Бодуэн ни словом не попытался опровергнуть свидетельство Мелисанды. На герцога д'Эгльмора, когда тот выступал, принц смотрел с ненавистью, а в его взгляде на разговаривающую Мелисанду плескалась уже кровавая ярость. В конечном итоге показания двух благородных обличителей вполне удовлетворили судей. С

суровым состраданием на лицах лорды решительно проголосовали, один за другим опустив вниз большие пальцы под неверящим взглядом Бодуэна.

Смерть.

Последней голосовала Исандра. Она холодно посмотрела на принца.

— Скажи, кузен, — спросила она с льдинками в голосе, — а меня ты собирался выдать замуж на чужбину или же попросту убить?

У Бодуэна не нашлось ответа, и Исандре этого хватило. Ее рука пришла в движение, большой палец опустился книзу. Никакого помилования для кузена.

Доказательств злодеяния было в избытке, поэтому лишь один король позволил себе горестно вздохнуть.

— Быть посему, — сказал он, и невозможно было усомниться, что ему жаль. — Бодуэн де Тревальон, ты приговорен к смерти. У тебя есть три дня, чтобы выбрать, каким способом ты желаешь умереть.

Бодуэн уходил не так уверенно, как его мать. Я до самых дверей смотрела, на как он брел, изредка спотыкаясь. Вот она судьба сына чересчур властной матери, чье честолюбие вывело обоих далеко за рамки закона. Да, и любимым детенышем львицы быть нелегко.

Суд над Каспаром де Тревальоном прошел гладко: обвинение не смогло представить доказательств соучастия, кроме происхождения графа. Делоне выступил свидетелем и сказал, что Каспар даже не подозревал о готовящемся заговоре, а как только узнал, тут же примчался к Делоне — сообщил о преступлении родичей и попросил совета, каким образом известить короля. Наблюдая за Делоне, я гордилась своей принадлежностью к его домочадцам. В итоге Каспара оправдали, оставив за ним и титул, и достояние.

Лицо Делоне в течение всего разбирательства ничего не выдавало. Но я заметила, как жадно Исандра де ла Курсель внимала каждому его слову, заметила в ее взгляде голод, природу которого не смогла распознать.

Казни свершились келейно, но все равно породили волну пересудов. Не секрет, что Львица Аззали угрожала до последнего вздоха досаждать брату всеми доступными ей способами, а публичное ее умерщвление, несомненно, вызвало бы у многих мягкосердечных неприязнь к королю. Однако гордость взяла верх над мстительностью. Принцесса крови пожелала умереть достойно, а не на потеху толпе. Рассказывали, она выбрала быстродействующий яд: выпила его залпом и уснула, чтобы никогда не проснуться.

А Бодуэн... он принял благородную смерть. Узнав о кончине своей матери, он попросил принести его меч. По приказу короля смертника расковали, а капитан королевской гвардии встал наизготовку. Но при всех своих недостатках Бодуэн был принцем крови и не ведал страха. Он бросился грудью на клинок, и острие пронзило его сердце. Конвоир убрал в ножны свой меч, так и не обагрив его кровью потомка Элуа.

После суда и казней в городе воцарилось странное уныние. Я и сама ему поддалась. Скорбь по Тревальонам считалась сродни государственной измене, но невозможно было не горевать. Сколько я себя помнила, Львица правила Аззалью, а ее бесшабашный сын снискивал всеобщую любовь. Теперь их не стало, а мужа и дочь Львицы изгнали из страны. Привычный мир навсегда изменился.

Даже Гиацинт, вопреки свойственному ему цинизму по отношению к высшему сословию, не остался безучастным. Он сделал крупную ставку на то, какие способы ухода из жизни изберут Лионетта и Бодуэн, но на следующий день после казней, когда выяснилось, что он угадал, и пришло время забирать выигрыш, им овладел суеверный страх.

— На этих деньгах кровавое проклятье, — с дрожью сказал Гиацинт, показывая мне серебряную монету из мешочка. — Видишь, Федра? Видишь это пятно?

— И что ты собираешься делать? — спросила я. — Отдашь кому-нибудь свой барыш?

— Чтобы передать проклятье дальше? — тсыган потрясенно посмотрел на меня. — Думаешь, я совсем бессовестный? — Он досадливо мотнул головой. — Нет, этот выигрыш я не могу пустить на свои дела. Пожертвую-ка я его Аззе и Элуа. Идем, посмотрим, есть ли свободные лошади.

Я узнала мальчишку, дежурившего в тот день на конюшне — давнего посыльного Гиацинта. Он прервал игру в кости с грумом и с улыбкой поднялся на ноги.

— Собрался проехаться по Городу, лордиком поприкидываться, Гиацинт? Удачный день выбрал, здесь сегодня тише, чем в спальне Кассиэля.

— Не зевай, посетители снова набегут, когда народ пойдет топить горе в вине, — заверил Гиацинт. Покосившись на меня, уже менее решительно попросил: — Приведи нам пару самых спокойных, лады? И захвати дамское седло для Федры но Делоне.

Паренек не видел меня за спиной Гиацинта, но, услышав мое имя, с такой готовностью кинулся к стойлам, что я невольно улыбнулась. У обитателей Сеней Ночи хватало ума не благоговеть перед самопровозглашенным Принцем Странников, но *ангуиссетта* Делоне — совсем другое дело. Наведываясь сюда, я надевала простую темно-коричневую накидку вместо роскошной *сангровой*, но Гиацинт озаботился растолковать своим приятелям, какая я ценная, независимо от наряда. Ему это добавило веса в их глазах, а мне обеспечило постоянный пригляд на небезопасной территории, так что мы оба выиграли.

Забравшись на лошадей, мы осторожным шагом двинулись в Город. Позади слышался

топот копыт и приглушенные ругательства; я обернулась, высматривая Ги. Интересно, не пришлось ли ему брать лошадь из той же конюшни? Хотя бывшего кассилианца в поле зрения не наблюдалось, я не сомневалась, что он где-то рядом.

Улицы были по большей части безлюдными, очень редко встречались тихие группки по два-три человека. У нескольких прохожих я заметила траурные повязки на рукавах.

— Горюешь по нему? — негромко спросил Гиацинт. Навстречу грохотала повозка, и я помедлила с ответом, успокаивая свою лошадь. Ездить верхом я умела ничуть не лучше своего друга.

— По Бодуэну? — уточнила я, когда улица вновь опустела. Гиацинт кивнул. Я вспомнила беспечную надменность принца, его уничижительную властность, давящую длань на моей шее, пригнувшую меня к столу. А потом вспомнила, как увидела его впервые — под перекошенной маской Аззы, хмельного от вина и веселья. Тогда он назвал меня дарительницей *отрады* и поцеловал на удачу, а девять лет спустя Мелисанда Шахризай подарила меня ему с поцелуем смерти. А я ведь догадывалась... знала, чего от нее ожидать, но промолчала. Так я принесла принцу всю «удачу» своего проклятого имени, своей проклятой доли. — Да, горюю.

— Прости. — Гиацинт легонько коснулся моей руки, изучающе глядя на меня. — Совсем плохо?

Я не рассказывала ему всей истории — не могла. Вот и сейчас я только покачала головой.

— Ничего. Не обращай внимания. Поехали в храм.

Какое-то время мы молчали.

— Ладно, этот принц небось не последний, — покосился на меня Гиацинт. — А вот представь, в один прекрасный день ты закончишь свой туар и перестанешь быть служанкой-*врайной*, как тебе такой загляд?

Вдали показался храм Аззы — в косых лучах солнца его медный купол словно пылал. Я обернулась к Гиацинту:

— И в тот день я стану достойной тебя, о Принц Странников?

Гиацинт покраснел.

— Я не имел в виду... ну, забудь. Идем, я разделю с тобой свое подношение.

— Мне не нужны твои подачки! — выплюнула я и воткнула пятки в бока кобылы. Та послушно припустила рысцей, отчего я отнюдь не грациозно закачалась в седле.

— Мы делимся друг с другом тем, что готовы отдать и принять, — крикнул Гиацинт, а догнав меня, улыбнулся. — И так между нами было всегда, Федра. Мир?

Я снова скорчила гримасу, но он был прав.

— Мир, — со вздохом повторила я, поскольку, несмотря на все перебранки между нами, нежно его любила. — А ты дашь мне половину от выигрыша, дашь, или пожадничает?

Так, переругиваясь, мы доехали до храма Аззы и передали лошадей заботам конюха. Меня не удивило, что в тот день в храм пришли многие. Дом Тревальонов происходил от Аззы, и в толпе то и дело мелькали черные нарукавные повязки. Горели сотни свечей, вдоль стен рядами стояли вазы с цветами. Здешние жрецы и жрицы носили шафрановые туники с алыми хламидами или полуплащами, застегнутыми на бронзовые фибулы. Сверхъестественно прекрасные бронзовые маски Аззы скрывали лица служителей, но ни одна из них не была сработана столь искусно, как та, в которой Бодуэн явился на Средизимний маскарад.



Мы передали подношение жрице, которая в ответ поклонилась и вручила нам по маленькой чаше фимиама. К алтарю тянулась очередь. Медленно продвигаясь, я разглядывала статую Аззы. Лицо, повторенное в десятках масок по всему храму, смотрело поверх алтаря на собравшуюся толпу, горделивое и неотразимое в своей надменности. Одну руку Азза держал перед собой ладонью вверх, а в другой сжимал секстант — свой дар человечеству, хитроумный прибор для познания мира.

Следом за Гиацинтом настал и мой черед. Я опустилась на колени перед жертвенным огнем, и алтарный жрец окропил меня водой, бормоча благословение.

— Если я согрешила против твоих потомков, о Азза, всем сердцем молю о прощении, — прошептала я, наклоня чашу. Благоухающие капли расплавленным золотом упали на языки пламени, вдруг полыхнувшие зеленью. Курящийся дым обжег мне глаза. Помня об очереди за спиной, я встала, передала чашу прислужнику и поспешила за Гиацинтом.

В храме Элуа оказалось не столь многолюдно. Оно и понятно: пусть в жилах Бодуэна и Лионетты де Тревальон текла кровь Элуа, но и злоумышляли они против прямых потомков Внука Божия, против Дома Курселей, первого среди равных.

В святилищах Элуа не бывает крыши, только колонны, отмечающие четыре угла. По традиции алтарь Благословенного всегда располагается под открытым небом, на голой не мощеной земле, на которой вольно произрастать что угодно. В Великом храме посреди Города вдоль алтаря высились древние дубы и кругом было зелено от растительности, за которой с любовью ухаживали, не разделяя на сорную и полезную.

Мы подъехали к святилищу уже в сумерках; в потемневшем небе загорались первые звезды.

Босая жрица в голубой рясе приветствовала нас ритуальным поцелуем, а служка присел, чтобы разуть нас, ибо к Благословенному Элуа следует приближаться босиком. Наши подношения забрали, а взамен вручили алые анемоны, которые следовало возложить на алтарь.

Статуя Элуа, украшающая Великий храм, — одна из древнейших ангелийских скульптур. Некоторые считают ее грубо вытесанной, но только не я. Вырезанный из цельного куска мрамора в полтора человеческих роста, Благословенный Элуа с распущенными волосами и умиротворенной улыбкой сверху вниз смотрит на бранный мир. Его руки пусты. Одна протянута, словно что-то вопрошая, а на ладони другой виден шрам от раны, из которой он пролил кровь, доказывая свое единство с людьми.

Среди ветвей вспархивали птицы и редкие летучие мыши. Приближение ночи обесцвечивало алые анемоны в наших руках. Земля под босыми ступнями была влажной.

И снова я позволила Гиацинту пойти первым, но на этот раз, кладя жертву на алтарь, ничего не сказала. Элуа всеведущий и всепрощающий, он зрит прямо в сердце. Я коснулась мраморных пальцев протянутой руки Благословенного, опустилась на колени и положила букет к его ногам. Нагнувшись, прижалась губами к прохладной каменной ступне и почувствовала, как на душу нисходит покой. Не знаю, долго ли я впитывала утешение. Наконец жрец Элуа положил руки мне на плечи, прося меня встать. Я обернулась — он смотрел на меня с неизменной нежной улыбкой. В сострадательном взгляде я видела понимание и принятие всего, чем я была.

— Стрела Кушиэля, — пробормотал жрец, глядя меня по голове, — и Служительница Наамах. Да пребудет с тобой благословение Элуа, дитя.

Хотя Гиацинт ждал меня в рощице чуть поодаль, я снова преклонила колени, взяла

ладони жреца и поочередно их поцеловала. Он позволил мне выразить почтение, а потом снова помог подняться.

— Люби по воле своей, и Элуа направит тебя на путь истинный, неважно, сколь долог он будет. Иди с благословением.

И я пошла, благодарная за успокоение. После принесения жертвы на душе стало гораздо легче.

— Спасибо, — сказала я заждавшемуся Гиацинту.

Он с любопытством посмотрел на меня:

— За что?

— За то, что поделился со мной подношением, — пояснила я, пока мы забирали обувь у служки-привратника. А когда Гиацинт натягивал сапоги, не удержалась и поцеловала его в щеку. — За то, что ты мой друг.

— Ха! Поклонников у тебя десятки. — Гиацинт потянул вверх голенище и улыбнулся мне. — Но наверняка мало кто решится объявить себя другом *ангуссетты* Делоне.

Чистая правда, но я все равно шлепнула Гиацинта по плечу, и мы покинули храм так же, как и пришли туда, — переругиваясь. И в душах, и в кошельках у нас заметно полегчало. Конюх храмовых конюшен привел наших лошадей, и в приподнятом настроении мы направились в сторону Сеней Ночи, петляя по переулкам в тщетных попытках ускользнуть от Ги, невидимого и неотвязного.

Сбрасывая с хвоста Ги, мы столкнулись с Шахризаями.

Мы выехали на базарную площадь. Гиацинт заметил гостей из Кушета первым и резко остановил лошадь, натянув поводья. Я последовала его примеру и посмотрела вперед.

Окруженные несущими факелы слугами, Шахризаи в черно-золотой парче сплоченной группой двигались в сторону Моннуи и с кушелинским акцентом пели, взмахивая кнутами и бичами. Женщины ехали с распущенными волосами, а мужчины заплели свои в множество косичек, которые словно цепи обрамляли бледные благородные лица. Уже совсем стемнело, и свет факелов мерцал на иссиня-черных волосах всадников и на золотом шитье их плащей. Глянув на кавалькаду из-за шеи гнедой лошади Гиацинта, я мигом высмотрела в толпе Мелисанду.

Нас словно соединила невидимая нить: Мелисанда сцепилась со мной глазами и вскинула руку, останавливая свою компанию.

— Федра но Делоне, — удивленно окликнула она. — Какая приятная встреча! Поедешь с нами в Дом Валерианы?

Не знаю, что бы я ответила, но тут Гиацинт тронул свою гнедую и вклинился между мной и Мелисандой.

— Сегодня Федра со мной, — сдавленным голосом возразил он.

Мелисанда рассмеялась, и прочие Шахризаи вторили ей — высокие и совершенные, братья и кузины. Пусть я не знала их в лицо, но благодаря долгим урокам Делоне помнила имена: Табор, Сакрифант, Персия, Мармион, Фаншон. Все они были прекрасны как на подбор, но никто не мог тягаться очарованием с моей мучительницей.

— Значит, ты и есть ее маленький дружок, — протянула Мелисанда, изучающе разглядывая Гиацинта. — Тот самый, кого иногда величают Принцем Странников. Хотя мне доподлинно известно, что ты никогда не покидал городских стен. Кстати, если я позолочу тебе руку, возьмешься предсказать мне будущее, тсыган?

Шахризаи вновь расхохотались. Я заметила, что спина Гиацинта одеревенела, а лица

его мне не было видно. И когда он заговорил, я узнала интонации, которые прежде слышала только от его матери.

— Что ж, на будущее запомни мои слова, Вечерняя Звезда, — холодно произнес он после вежливого кивка. В изменившемся голосе угадывалось эхо *дромонда*. — Тот, кто покорствует, не всегда слаб. Выбирай с умом, кого приневолить.

Если до этого я самую малость сомневалась, что Мелисанда Шахризай — воплощенная опасность, в ту ночь я совершенно в этом уверилась, когда она единственная из черно-золотых не засмеялась, а задумчиво сузила глаза.

— Неужели я услышала совет от тсыгана, не позолотив ему руку? Это и правда нечто небывалое. Мармион, рассчитайся, не желаю долга перед ним.

Так одно бледное лицо обрело имя; младший брат или кузен, догадалась я, когда юноша быстро и охотно повиновался, достав из кошелька золотой и бросив его Гиацинту. Монета блеснула в свете факелов, Гиацинт ловко поймал ее, раскланялся и сунул добычу в кошель.

— Благодарствую, о Вечерняя Звезда, — сказал он обычным елейным тоном Принца Странников.

Мелисанда усмехнулась.

— Твои друзья не перестают удивлять меня своей честностью, — бросила она мне. Я промолчала. Кто-то отдал приказ слугам, и Шахризай, возобновив пение, поехали своей дорогой. Мелисанда двинулась вместе со своими, но внезапно повернула лошадь. — Знаешь, Бодуэн де Тревальон... ты ведь оплакиваешь его... по-своему, — она снова заглянула мне в глаза. — Поверь, я тоже — по-своему.

Я кивнула, радуясь, что между нами стоит Гиацинт. Мелисанда слегка улыбнулась и, прищорив скакуна, с легкостью нагнала родичей.

Гиацинт протяжно выдохнул и отбросил с лица черные кудри.

— Это и есть алмаз Дома Шахризаев, да?

— Ты призвал для нее *дромонд*, не зная, кто перед тобой? — Моя спокойная кобылка тряхнула головой; я опустила глаза и увидела, что мои сжимающие повод руки дрожат.

— Будущее человека знает его имя, и неважно, знакомо ли оно прорицателю, — рассеянно ответил Гиацинт. — Так это была Мелисанда Шахризай, да? Я слышал о ней много песен.

— Что бы тебе не пели, все это правда, но лишь малая часть правды. — Я смотрела, как кавалькада втягивается за угол. — Гораздо любопытнее, что она знала, кто ты, а ведь про тебя не поют песен, Гиацинт.

В темноте мелькнули его белые зубы.

— Вообще-то, поют. Слышала, к примеру, ту, что сочинил Фаниэль Дуарте? О Принце Странников и богатой графине? В «Петушке» ее очень любят. Но я понял, о чем ты. — Гиацинт пожал плечами. — Мелисанда дружит с Делоне, так может, это он ей про меня говорил. Да без разницы, откуда, главное, она меня знает — возлюбленная принца питает ко мне интерес, во как! Тебе-то, небось, ее внимание тоже приятно.

— Ей интересны в первую очередь интриги Делоне, — прошептала я. — Что до всего остального, она потомок Кушиэля, и его метка у нее в крови, как у меня в глазу.

— Да, вас сразу видно, — сухо кивнул Гиацинт. — Только кушелины отправляются скорбеть в Дом Валерианы, и только тебе может захотеться с ними туда поехать.

— Я не...

— Она бы не поехала, — донесся из темноты за спиной третий голос, негромкий и

бесстрастный. Я повернулась в седле и увидела у стены Ги, пешего, со сложенными на животе руками. Он приподнял брови, глядя на меня. — Я уверен, что ты не предала бы доверие лорда Делоне, а, Федра?

— Я думала, ты верхом... — пролепетала я, не зная, что еще сказать.

— Да вы же еле плететесь, — фыркнул Ги. — Проще пешком. Хотя у тебя неплохо получается ездить на лошади, когда ты не думаешь, что делаешь, — кивнул он Гиацинту, а мне сказал: — А вот тебе не помешает подучиться. Надеюсь, тебе уже надоело таскать меня за собой по всему Городу? Поехали лучше домой, и я потолкую с Делоне насчет уроков верховой езды для тебя.

Не имело смысла возражать Ги, когда он уже принял решение. Мы вернули лошадей в конюшню, Ги нанял извозчика. Гиацинт ухмылялся, видя мое раздражение — необычно, но меня вдруг рассердило, что я должна покоряться воле Делоне.

Как выяснилось по приезду, Делоне даже не было дома, и я еще больше разозлилась, поняв, что Ги увел меня из Сеней Ночи по своему хотению.

Мне тогда и в голову не пришло, что ему было чем заняться, кроме как сопровождать по самым опасным кварталам Города упрямую *ангуиссетту*, за ночь с которой платили тысячи дукатов. Что ж, я была молода и во мне кипело юношеское себялюбие. Ах, если бы знать все наперед, я повела бы себя с Ги совсем по-другому, ценя его своеобразную доброту, но, как ни стыдно признаться, в тот вечер я отнеслась к нему с угрюмым пренебрежением.

Беспокойная и раздраженная, я металась по дому, словно по тюрьме, и в библиотеке наткнулась на Алкуина. Ужасно хотелось выплеснуть негодование, но меня остановило выражение лица товарища, поднявшего голову от письма.

— Что это у тебя? — спросила я.

Алкуин бережно сложил листок и разгладил загибы. Белые волосы заблестели на свету, когда он наклонился.

— Предложение. Гонец доставил вечером. От Виталя Бувара.

Я открыла рот и тут же его закрыла. Алкуин пронизательно посмотрел на меня.

— Ты знаешь, да? — Он всегда лучше меня умел слышать не произнесенное.

Я кивнула.

— Случайно оказалась поблизости, когда вы разговаривали в ночь дня рождения Бодуэна, — призналась я. — Прости. Я не собиралась подслушивать, честно. И никому об этом не рассказывала.

— Неважно. — Алкуин постучал сложенным письмом по столу, погруженный в свои мысли. — Не понимаю, почему именно сейчас? Неужели теперь, с падением Дома Тревальонов, рассеялись и страхи Бувара? Или же наоборот, добавились опасения, что Стрегацца он больше без надобности?

Я присела на стул напротив.

— Он видел, как первые лица государства опустили пальцы, и тем самым обрекли на уничтожение один из Великих Домов, и наверняка сумел заработать на этом крушении. Думаю, Бувар осмелел, утратив пиетет перед властью предрержащими, которых оказалось так легко низвергнуть, и теперь больше руководствуется выгодой, нежели страхами. — Я покачала головой. — Он обезумел от вожделения, и недавние события подстегнули его поскорее искать исцеления. Берегись его.

— Поберегусь, — мрачно кивнул Алкуин. — Последний раз и все. И больше никогда.

— Ты... скажешь Делоне? — нерешительно спросила я.

Алкуин покачал головой.

— Нет, пока не получу на руки договор. В письме Виталь лишь изъявляет согласие уважить мою просьбу насчет подарка. Пусть Делоне думает, будто это просто очередное свидание; если он узнает, как я отношусь к этой встрече, он меня не отпустит. — Алкуин уставился на меня. — Обещай, что будешь молчать?

Хотел он немногого, к тому же никогда раньше ни о чем меня не просил. Товарищ не был виноват, что ему предложили свободу в ту же ночь, когда неволя вдруг стала мне в тягость.

— Обещаю.

Хоть я и не сильна в искусстве вводить в заблуждение — мой дар вынуждает к абсолютной искренности, — в обычной жизни мне удается довольно ловко притворяться. К примеру, за все время моего служения ни один из поклонников так и не заподозрил, чему Делоне обучил свою *ангуиссетту* — за исключением Мелисанды Шахризай, но она во всех отношениях особый случай. Даже Хильдерик д'Эссо, который нутром чуял, что Делоне ведет с ним какую-то игру, не представлял, какова моя роль в их противостоянии, пока я сама ему не рассказала.

Я считала свои актерские умения впечатляющими, но по сравнению с талантом Алкуина они были ничем. Волей случая мне довелось застать момент, когда в его голосе и в его лице выразилось искреннее глубочайшее отвращение к Виталию Бувару, но в дни, предшествующие последнему сговоренному свиданию, Алкуин ничем себя не выдал. Он держался вполне обыкновенно — доброжелательно и вежливо, с безропотным спокойствием принимая свой удел.

«Тот, кто покорствует, — вспомнила я слова Гиацинта, — не всегда слаб».

Верный слову, Ги сказал Делоне, что нас с Алкуином неплохо бы обучить верховой езде. Наставник согласился, а Сесиль Лаво-Перрин любезно предложила нам воспользоваться ее загородным поместьем. Там управлял сенешаль, которого назначил еще покойный муж Сесиль, шевалье Перрин, когда занял должность королевского советника.

Те четыре дня в Перринвольде мне до сих пор отраднo вспоминать. Пожалуй, это были самые счастливые дни в моей жизни. Даже Делоне там немного расслабился, изменив привычной сдержанности, которая настолько казалась частью его натуры, что я ее едва замечала. Поместье отличалось патриархальным сельским укладом, было чистым и содержалось в идеальном порядке. Заботами гостеприимной жены сенешаля, Элоизы, нас закармливали простыми, но сытными и вкусными блюдами.

Уроки верховой езды стали одновременно и болью, и наслаждением. Мы с Алкуином отнюдь не обрадовались, оказавшись вверенными ухмыляющемуся пареньку лет одиннадцати, который восседал на неоседланном лохматом пони с таким видом, будто провел на лошади всю жизнь. Но стоило поступиться гордостью (речь о некоем инциденте, который объединил падение головой вперед, помойку и Алкуина, но к счастью, меня не затронул), и сразу выяснилось, что мальчишка — отличный учитель. На третий день тело уже не так болело, и Делоне счел нас достаточно умелыми наездниками, чтобы самому продемонстрировать нам некоторые прелести езды верхом.

На рассвете четвертого дня за городом сенешаль пригласил нас поохотиться — своего рода последнее испытание. Солнце на востоке только вставало, и его длинные лучи почти плашмя падали на плодородную землю. Зеленые поля, едва-едва тронутые золотом осени, мелькали перед глазами, пока мы галопом проносились мимо, крестьяне кричали нам и махали шапками. Далеко впереди лаяли идущие по следу гончие.

Мы нагнали авангард среди деревьев: лиса юркнула под землю, и собаки обнюхивали нору, жалобно подывая. Охотники бесцельно кружили рядом. Один из всадников гикнул и повернулся; под крики и подбадривания половина верховых рванули обратно, и я увидела среди них Алкуина с сияющими темными глазами. Его белые волосы выбились из косы и залили щеку, словно морской пеной, когда он развернул коня, да так резко, что тот чуть не

сел на задние ноги. К верховой езде, как и ко многому другому, у Алкуина был несомненный природный дар.

Уже у самой усадьбы Делоне посерьезнел. Конечно, он держался радушно и сердечно, но даже когда шутил и смеялся, награждая победителя скачки, в его повадке прослеживалась отстраненность. Мы уехали после обеда, и, смею заверить, покидать гостеприимный Перринвольд никому из нас не хотелось.

Некоторые утверждают, будто существует некий всеобъемлющий замысел, некий узор, складывающийся из всего, что творится в мире, и ничего не происходит без причины или не в свое время. Не берусь утверждать, что эта идея истинна, — слишком много нитей было бессмысленно оборвано у меня на глазах, — но, представьте, в перипетиях своей судьбы я иногда угадывала рисунок, вытканый на станке вечности. Если такой предопределенный узор и существует, вряд ли хоть кому-то среди живущих под силу отдалиться от него на достаточное расстояние, чтобы разглядеть все хитросплетения, но это никак не опровергает его существование. Нет, я не знаю. Но вот вам истинная правда: если бы на той неделе Алкуин не научился ездить верхом, события сложились бы совсем иначе. А если бы Гиацинт не сделал ту ставку... и если бы потом не решил, будто выигрыш обогрел кровью, то Ги не пришлось бы гоняться за нами по всему Городу, и... Ах, что толку гадать? Не стану пересматривать судьбу.

\* \* \* \* \*

Сдерживая обещание, я помалкивала про свидание Алкуина с Виталем Буваром. Делоне согласился на поступившее предложение, и договор подписали еще до нашего отъезда в Перринвольд. Вечер свидания начался с небольшой путаницы: Бувар прислал экипаж, а наставник собирался отправить Алкуина в своем, — но вопрос легко уладили. Делоне принял любезность Бувара при том условии, что Алкуина будет сопровождать Ги.

Эскорт само собой разумелся и неизменно прописывался в наших договорах, поэтому настояние Делоне не выглядело необычным. Не знаю, привлекло ли это обстоятельство внимание Бувара: в соглашении значилось лишь, что Алкуина сопровождает ливрейный лакей Делоне. Так как у наставника не было земель — как мы тогда думали, — ему не позволялось иметь в подчинении воинов, но Ги никто и никогда не принимал за солдата. Он вел себя незаметно и невозмутимо и ничем не выдавал своих боевых навыков. Многие носят на поясе кинжал — у Ги их было даже два, но по его виду никак нельзя было предположить, что он прошел школу кассилианцев. Зная его много лет, я ни разу не заподозрила ничего подобного, пока он сам не признался.

Разобравшись с экипажем, Делоне благословил Алкуина. Мы никогда не назначали свиданий на одно время, и я провожала товарища. Он надел тот же костюм, что был на нем в вечер дебюта: бежево-коричневые бриджи и белую рубашку; наверное, по просьбе Виталья. Выражение лица Алкуина оставалось спокойным и безмятежным, но руки, когда я взяла их в ладони, оказались холодными как лед. Я притянула к себе его голову, чтобы поцеловать в щеку — он намного перерос меня — и прошептала:

— Все будет хорошо.

Ресницы Алкуина дрогнули, но больше он ничем не выдал, что меня услышал, и затем покинул нас, отправившись в объятия Виталья Бувара.

Алкуин вернулся уже под утро.

Мне чудилось, будто я во власти сновидения, в котором Каспар Тревальон вновь громко и страшно зовет Делоне в нашем дворе. Даже проснувшись, я не сразу опознала голос,

потому что до того дня никогда не слышала, чтобы Алкуин кричал. Но поняв, кто вопит, я мигом выбралась из кровати, набросила первую попавшуюся одежду и помчалась вниз.

Половина домочадцев, потрясенных и заспанных, уже толпились во дворе в свете факелов. Делоне, очевидно, одевался с той же поспешностью, что и я: его распахнутую рубашку косо перехватывала перевязь с мечом.

— Что случилось? — воскликнул наставник, когда я выскочила во двор.

Алкуин сидел на одной из упряжных лошадей, плотно обхватив ногами ее бока, и старался не упустить обрезки вожжей. Обезумевшая от страха кобыла бешено брыкалась, мотая головой и раздувая ноздри. Алкуин с мрачным лицом пытался ее утихомирить.

— На экипаж напали! — выпалил он, резко дергая вожжи. Удила впились в губы, кобыла запрокинула голову, брызгая пеной изо рта. В свете факелов белая рубашка Алкуина казалась янтарной, я разглядела растущее темное пятно на ребрах. — У реки. Ги отбивается, но разбойников слишком много. Он обрезал построжки.

Мгновение Делоне смотрел на Алкуина, потом повернулся и подтолкнул ближайшего слугу.

— Приведи моего коня!

В конюшне уже загорались огни. Опомившись, Делоне схватил узду бунтующей лошади и силой руки и воли заставил ее замереть на месте. Алкуин перебросил ногу через спину кобылы и спешил, сморщившись при столкновении с землей.

— Ты... — Делоне протянул ему руку.

Алкуин шустро отпрянул, пылая от ярости.

— Этого бы не случилось, обучи вы меня обращаться с клинком!

В эту секунду из конюшни выбежал паренек, ведущий оседланного коня. Делоне отвернулся, вскочил в седло и схватил поводья.

— Где? — холодно спросил он.

Прижав руку к боку, Алкуин ответил:

— У вязовой рощи.

Наставник молча пришпорил коня и ускакал, подковы выбивали искры из брусчатки двора. С полувсхлипом-полусмехом Алкуин осел на землю. Туго набитый мешочек на его поясе ударился о камни, и по двору рассыпались золотые. Я поспешила к товарищу.

— Мой туар, Федра, — выдохнул он, когда я отцепила и оттолкнула его несметное богатство. — Похоже, самую большую цену за него заплатит Ги.

— Тс-с. — Я приобняла Алкуина и ловко расстегнула пуговицы рубашки; пусть больше я ни на что не годилась, но избавлять от одежды умела хорошо. Сунула руку ему за пазуху, нащупала рану и прикрыла ее ладонью, стремясь остановить поток вытекающей крови. Слуги с факелами толпились вокруг нас, наклоняясь посмотреть, что происходит. Я пожалела, что мы не в Перринвольде — Элоиза бы точно знала, что делать.

— Приведите врача! — крикнула я. — Ховел, Беви, отправьте кого-нибудь за иешуитским лекарем! Сейчас же!

Не могу сказать, как долго я просидела на холодной брусчатке двора, держа Алкуина, пока вокруг, приглушенно переговариваясь, сновали люди. Казалось, прошли часы. Кровь Алкуина просачивалась между моими пальцами, лицо его все больше бледнело, а я шептала молитвы и иступленно просила прощения у Элуа и всех его Спутников за все свои ревнивые мысли. Когда над Алкуином склонилось серьезное темное лицо лекаря-иешуита, я подумала, что за всю жизнь не видела ничего прекраснее.



— Что делает болящий на холодных камнях? — спросил врач, неодобрительно цокнув языком. — Хочешь, чтобы простуда свела его в могилу, если не убьет рана? Ты... и ты, отнесите его в дом.

Я с благодарностью уступила свою ношу. Пальцы склеились от крови Алкуина. Когда его поднимали, друг глянул в мою сторону с молчаливой благодарностью. Я собрала рассыпавшиеся монеты и последовала за процессией в дом. Алкуина уложили на ближайшую скамью, и доктор сноровисто разрезал его рубашку.

Рана оказалась длинной и глубокой, но не смертельной.

— Ты потерял много крови, — деловито констатировал иешуит, продевая в игольное ушко шелковую нить, — но, думаю, раз уж я здесь, смерть тебе не грозит. — Какое-то время он молча накладывал швы, а Алкуин шипел сквозь зубы. Закончив, лекарь попросил крепкой настойки и промыл рану, затем перевязал ее и вручил мне горшочек с мазью. — Ты ведь не забыла, как пользоваться этим бальзамом? — обратился он ко мне, и я различила иронию в его словах, несмотря на чужеземный акцент. — Скажи лорду Делоне, чтобы послал за мной, если начнется омертвление.

Алкуин сунулся в свой мешочек с золотом и вновь рассыпал монеты. Я подобрала одну с пола и вручила доктору. Приняв плату, он посмотрел на меня, удивленно изогнув брови.

— Тяжелая у вас жизнь. Надеюсь, она того стоит.

На это замечание у меня не нашлось ответа, как, наверное, не нашлось бы и у Алкуина, будь он в силах произнести что-нибудь связное. Лекарь поклонился, и один из слуг молча проводил его до двери.

Та распахнулась прежде, чем иешуит успел выйти. С жутким выражением лица Делоне переступил порог, неся на руках обмякшее тело Ги. Врач остановился и положил руку на шею Ги, нащупывая пульс. Делоне молча смотрел на него. Иешуит покачал головой и тихо произнес:

— Для него уже слишком поздно.

— Знаю, — кивнул Делоне, и на секунду его лицо потемнело, пока он подыскивал вежливое слово. — Спасибо.

Лекарь снова покачал головой, всколыхнув бакенбарды, и что-то пробормотал на своем языке.

— Не за что, — вздохнул он и перед уходом мимолетно коснулся руки Делоне.

Дверь за иешуитом закрылась.

Делоне осторожно положил тело на пол и поправил безжизненные члены, словно Ги до сих пор мог испытывать неудобство.

— Ты должен был меня предупредить, — обратился он к Алкуину. — Должен был все рассказать о сделке, которую заключил.

— Если бы я вам сказал, — прошептал Алкуин, — вы бы меня не отпустили. — Он закрыл глаза, из-под век потекли слезы, которые не сумела вызвать игла иешуита. — Но я ни в коем случае не хотел, чтобы за меня поплатился кто-то еще.

Делоне опустил на колени, склонил голову над мертвым Ги и закрыл лицо ладонями. Я колебалась, остаться мне или уйти: хотелось дать учителю оплакать друга в одиночестве, но я не знала, правильно ли это — вдруг он нуждается в моем присутствии. Делоне поднял голову, и во взгляде зажегся яростный повелительный огонек, пересиливший даже вину и горе.

— Кто это был? — спросил он тишайшим шепотом. — Бувар ответил на твой вопрос?

— Тереза... и Доминик Стрегацца. — Алкуин чуть приоткрыл глаза, с трудом произнося имена. — Дочь принца Бенедикта.

Делоне снова закрыл лицо ладонями и содрогнулся всем телом.

— Спасибо, — прошептал он. — Благословенный Элуа, прости меня, но спасибо.

Рана Алкуина заживала очень долго.

Правда, он потерял много крови, но, по-моему, намного больше препятствовали выздоровлению душевные терзания. Алкуин понимал, что, отправляясь на последнее свидание, идет на риск, но и не догадывался, что опасность может подстеречь за пределами спальни и что Бувар настолько отчаялся. В отличие от меня, Алкуин к тому же никогда не видел в Ги солдата и телохранителя и потому даже не предполагал, какую роль тот возьмет на себя в схватке. Мой товарищ никак не мог себя простить.

Делоне же от горя и угрызений совести утратил обычную рассудочность и стремился не отходить от раненого ни днем, ни ночью, но он был последним, кого хотел видеть Алкуин. И я его понимала даже лучше, чем могла высказать. Пожертвовав собой из любви к Делоне, теперь Алкуин не мог принять в награду его заботу, потому что постоянно помнил о несопоставимо большей жертве Ги. Вот почему в течение долгого выздоровления за раненым ходила я, одновременно выступая посредником между учителем и учеником. Постепенно мне удалось выудить из Делоне, что же случилось той ночью в вязовой роще у реки.

Когда Делоне прискакал на место нападения, Ги был еще жив и сражался с четырьмя разбойниками, словно загнанный в угол волк. Кучер Буvara, жалобно причитая, скорчился на козлах — целый и невредимый. Дальнейшие события Делоне обрисовал несколькими словами — сказал лишь, что расправился с тремя пешими бандитами, а четвертый сбежал, — но я видела его поспешный отъезд и легко представила, как наставник ворвался в побоище. По сути своей он ведь оставался бывалым кавалеристом и ветераном Битвы Трех Принцев.

Поначалу Делоне думал, что успел вовремя, но, повернувшись к Ги, заметил и множество ран, и рукоятку кинжала, торчавшую между ребер бывшего кассилианца. Ги шагнул к своему спасителю, но зашатался и осел на землю. Коротко обругав кучера, Делоне поспешил к верному слуге.

Я передаю лишь то, что рассказал мне Делоне — больше ему некому было довериться. Может, где-то немного и приукрашиваю, но только оттого, что хорошо знаю своего наставника и догадываюсь, о чем он умолчал.

Он не скупился на слова, говоря о героизме Ги. Тот сразу понял, что намечается. Почувствовал, как замедляется ход экипажа, услышал топот сапог бегущих к карете бандитов и сразу начал действовать. Вытолкнул Алкуина из экипажа, отразил первую атаку самых быстрых разбойников и, перерубив построшки, освободил коренную кобылу. Именно в те секунды Алкуина и ранили. Ги помог ему взобраться на лошадь и ударом по крупу отправил ее в путь.

Вот что Ги успел рассказать Делоне перед смертью — ну, или большую часть этого; остальное потом добавил Алкуин. А еще Ги доложил хозяину, что нападавшие были людьми Буvara, поскольку кучер явно им подыгрывал. Слушая Ги, Делоне все это время стоял рядом с ним на коленях, и оба они держали руки на рукоятке рокового кинжала. Ги дышал все более прерывисто, холодел и бледнел. Наконец его хватка ослабла, пальцы на рукоятке разжались. Ах, я поняла его прощальные слова так же хорошо, как Делоне, если не лучше.

«Вытащите кинжал, милорд, и отпустите меня. Долг между нами погашен».

Конечно, Делоне не признался, что плакал, выполняя последнюю волю Ги, но я об этом догадалась, видя его слезы, когда он рассказывал, как на губах Ги выступила красная пена и он испустил дух.

Что до кучера, наверняка трус приготовился к смерти, когда Делоне поднялся и двинулся к нему, сжимая окровавленный кинжал. Но Делоне не стал его убивать — не в правилах наставника было расправляться со слабачками.

«Передай своему хозяину, — наказал он кучеру, — что он мне за все ответит. Перед судом короля или на дуэли, но ответит непременно».

Кучер на это никак не отозвался, а лишь сильнее съежился. Забыв о нем, Делоне подхватил тело Ги, перекинул его через седло и медленно пустился в путь домой.

\* \* \* \* \*

Несколько долгих дней наши домочадцы пребывали в тихой суматохе. Тихой, потому что следовало принимать во внимание и болезнь Алкуина, и настроение Делоне, но суматоха была неизбежной. Мы со слугами выхаживали раненого, а бальзамиривщики занимались телом Ги, которое впоследствии выставили для прощания в его скромной комнате. На второй день Делоне ненадолго ушел, а вернулся злым и немногословным.

— Бувар? — поинтересовалась я.

— Уехал, — коротко бросил Делоне. — Собрал пожитки и сбежал в Серениссиму с половиной своих прихвостней.

К тому времени Делоне соткал обширную паутину, но она основывалась на информированности, а не на влиянии — его познания выходили далеко за границы Земли Ангелов, а вот сфера досягаемости, увы, нет. В твердыне Стрегацца Виталь Бувар окажется в безопасности. Делоне вышагивал по библиотеке, как тигр, а потом развернулся и посмотрел на меня.

— Никаких свиданий, — распорядился он. — Пока Бувар не получит по заслугам, я не стану рисковать никем из вас.

«Никем из нас?» — удивилась я.

— Так вы не знаете?

— Чего я не знаю? — Слишком беспокойный, чтобы сосредоточиться на чем-то одном, Делоне остановился у стола, провел пальцами по начатому письму и обмакнул перо в чернильницу.

Я подтянула к себе колени и обхватила их руками.

— Подарка Бувара хватит, чтобы завершить туар Алкуина, — тихо сказала я. — Такое условие Алкуин поставил вторым после ответа на ваш вопрос, когда Бувар умолял его о свидании.

Делоне поднял на меня глаза. Перо замерло на полуслове.

— Он что? Но почему? Зачем было Алкуину так поступать?

«Милорд, — подумала я, — да вы просто идиот».

— Ради вас.

Делоне медленно отложил перо, умудрившись не поставить на письмо кляксу. Адресатом значился префект Кассилианского Братства — наверное, письмо содержало просьбу похоронить Ги как члена ордена. Наставник покачал головой, отрицая мои слова.

— Я бы никогда не толкнул его на такой риск. Никогда. Ни его, ни тебя. Алкуин это знал!

— Да, милорд, — терпеливо сказала я. — Мы оба знали; именно поэтому Алкуин и сам

ничего вам не сказал, и с меня взял обещание держать рот на замке. В его крови нет тяги к служению Наамах, не то что у меня. Он принял обеты только затем, чтобы... погасить долг между вами.

Кровь отхлынула от лица Делоне, когда я повторила последние слова Ги.

— Между нами не было никакого долга, — прошептал он. — Мое обязательство перед Алкуином обусловлено совсем другим.

— Обещанием принца Роланда де ла Курселя?

— Роланд был моим другом и сеньором! — резко выкрикнул Делоне. Я съежилась, и он, заметив это, смягчился. — Ах, Федра... Я слишком хорошо тебя обучил. А Алкуину следовало знать, что между нами нет никакого долга.

— Тогда, возможно, он прав, и вам стоило научить его военному делу, а не искусству служения Наамах и плетения интриг, если вы хотели почтить память своего воинственного сеньора, — безжалостно сказала я. Мои слова были жестоки, но просить прощения я не собиралась. Слишком свежа была в памяти та ночь: холодные камни подо мной и горячая кровь Алкуина, обагряющая мои пальцы.

— Возможно, — пробормотал Делоне, ничуть не осерчавший из-за резкости моего заявления. Он глядел сквозь меня, погруженный в какие-то неведомые мне воспоминания. — Возможно, и стоило.

Я слишком любила его, чтобы заставлять страдать.

— Алкуин сам выбрал дело, которому вы его обучили, милорд. Не преуменьшайте все то, что он ради вас совершил. Сейчас он горюет, что расплачиваться за его выбор пришлось Ги. Позвольте ему в полной мере оплакать Ги, и он сам к вам придет. Вот увидите.

— Надеюсь, ты права. — Взгляд наставника снова стал пронизательным. — Значит, больше никогда. Туар Алкуина закончен. А ты...

— Я по доброй воле посвятила себя Наамах, милорд, — тихо напомнила я. — Вы не властны освободить меня от обета, как и Алкуин не мог нарушить свой.

— Нет. — Делоне снова взял перо. — Но я не отказываюсь от своих слов. Никаких свиданий, пока Бувар не привлечен к ответу. — Он обмакнул перо в чернила, очевидно не собираясь больше ничего обсуждать. Но я упрямо кашлянула. — Да? — поднял он глаза.

— Есть один лорд, назначенный послом в Хеббель-им-Аккад, — напомнила я. — Тот самый, который в чужих краях прирастал к... экзотике. Дней через десять он явится с докладом к королю, и уже подписан договор, по которому я должна доставить ему удовольствие.

— А, лорд из окружения л'Анвера. — Делоне провел кончиком пера по нижней губе, глубоко уйдя в свои мысли. — Совсем о нем забыл. Наверное, тебя порекомендовал д'Эссо. — Он глянул на свое письмо. — Тогда пока жди, а там посмотрим. Если до этого дойдет... что ж, мы можем сослаться на постигшую наш дом трагедию, ни капельки при этом не солгав. Но еще посмотрим.

Я кивнула в молчаливом согласии, не желая дальше на него давить. Только проявленная наставником забота заставила меня поднять голову и глянуть на него.

— Не нужно делать это ради меня, Федра, — нежно попросил Делоне. — Если ты идешь на это только из любви ко мне... Прошу тебя, давай воззовем к жрецам Наамах и поищем способ избавить тебя от клятвы. Такой способ наверняка существует, ведь Наамах отзывчива и сердобольна.

Я смотрела на дорогое лицо, и вдруг из левого глаза засочилась красная пелена,

застылая зрение. За спиной Делоне заколыхалось лицо Кушиэля, сурового и непреклонного с розгой и бичом в руках. По коже побежали мурашки. Я подумала об Алкуине и Ги.

— Нет, милорд, — прошептала я и моргнула. Туман перед глазами рассеялся. — Вы дали название тому, что я есть, и прославили мою истинную сущность, но судьбу для меня выбрал Кушиэль. Позвольте мне служить так, как мне предназначено, к вашей пользе и во имя Наамах.

Спустя несколько секунд Делоне коротко кивнул, сдаваясь.

— Значит, быть посему, только дождись моего разрешения, — сказал он и вернулся к письму.

Вот так мы с наставником уладили этот вопрос, и я готова признать за собой только ту вину, что не отметила как нечто важное, когда за письмом явился гонец в ливрее Дома Курселей. Ответа не последовало, и я выбросила это из головы, а Делоне, казалось, смирился. Он не стал устраивать похороны — Ги не имел семьи, да и жестоко было бы проводить церемонию, когда Алкуин не мог принять в ней участие, — но заплатил за отпевание, и Ги похоронили на земле святилища Элуа за Городом.

\* \* \* \* \*

Через неделю рана Алкуина начала затягиваться и, судя по всему, должна была благополучно зажить, оставив только ужасный шрам. Я перевязывала товарища каждый день, предварительно вымочив бинты в теплой воде с отваром валерианы, чтобы притупить боль. Пусть лечить я не умела, но, по крайней мере, меня обучили ловкости и расторопности, и Алкуин был благодарен мне за заботу.

Он был хорошим пациентом: никогда не жаловался, что меня не удивляло, поскольку склонностью к нытью мой товарищ не отличался. На седьмой день он даже засмеялся, увидев, как я нюхаю его рану, проверяя, не загноилась ли она.

— А из тебя получился неплохой врач, — тихо пошутил он, пытаясь сесть среди подушек ровнее, и тут же скривился, так как швы натянулись.

— Лежи спокойно, — предостерегла я, опустила пальцы в горшочек с бальзамом и принялась наносить целебную мазь на рану. Порез выглядел ужасающе на бледном торсе Алкуина, но уже затягивался. — Если хочешь, чтобы за тобой ухаживали еще лучше, позволь Делоне на тебя взглянуть.

Алкуин упрямо покачал головой, непримиримый и непреклонный. Я посмотрела на него и вздохнула. Ничто не могло лишить его уникальной красоты, но выглядел он осунувшимся и изможденным.

— Ги, как и мы с тобой, сам сделал свой выбор, — напомнила я, накладывая свежую полотняную прокладку на рану. — И он знал, как велик риск, знал лучше любого из нас. Ведь именно его наняли, чтобы убить Делоне, а отбившийся Делоне тогда простил его и взял к себе в дом. Виня во всем себя, ты умаляешь долг, выплаченный Ги.

Первая моя фраза, которая проняла Алкуина.

— Но его долг не умаляет моей глупости, — упрямо возразил он.

— Ах, фу-ты, ну-ты, — фыркнула я, бинтуя его торс. — Другие, конечно, могут сглупить, но только не Алкуин но Делоне. Что ж, если ты думаешь, что справедливо грызешь себя за этот случай, то как же, по-твоему, должен казниться Делоне из-за того, что не догадался, насколько тебе отвратительно служение Наамах? Послушай меня, Алкуин, вам обязательно нужно поговорить, и чем скорее, тем лучше.

На секунду мне показалось, что он готов смягчиться, но тут его рот упрямо сжался, и

Алкуин снова коротко покачал головой, закрывая тему. Не падая духом, я занялась уборкой в комнате: подвинула таз для умывания, сложила бинты, закрыла горшочек с бальзамом.

— А скажи мне, пожалуйста, кто из Стрегацца Тереза? — спросила я, заметив, что Алкуин больше не обращает на меня внимания. — Которая старшая? Я думала, дочери принца Бенедикта принадлежат к Дому Курселей.

— Они принцессы крови по рождению, как Лионетта де Тревальон, но Тереза вышла замуж за кузена по матери из рода Стрегацца, Доминика. — Я побудила Алкуина отвечать хорошо затверженный урок; его слова опережали мысли. Он всегда лучше меня разбирался в королевской генеалогии. — По всем расчетам плохой союз для принцессы — он всего лишь мелкопоместный граф, — но ведь и она вторая дочь. Первая — Мария-Селеста, которая вышла замуж за сына дожа. Ее сын — наследник престола Серениссимы. Не исключая, что после гибели принца Роланда Доминик Стрегацца помышлял подобраться поближе к ангелийскому трону.

— И обнаружил, что Дом Анверов стоит на его пути, — додумала я. — Как он, наверное, был разочарован. Но какое дело Делоне до того, кто убил Изабель л'Анвер? Судя по всему, она была его личным врагом.

Алкуин пожал плечами и махнул рукой.

— Понятия не имею.

— Возможно, он любил Изабель, а не Эдми де Рокай, — предположила я. — Возможно, в его глазах ее предательство заключалось не в том, что она подстроила смерть первой нареченной принца, а в том, что сделалась второй.

Алкуин выпучил глаза.

— Ты не можешь всерьез так думать, Федра! Делоне никогда не стал бы покрывать убийство. Никогда! И будь это правдой, зачем бы ему чтить обещание, которое принц дал касательно меня? Зачем переключивать на себя обязательство преуспевшего соперника?

— Из-за чувства вины? — предположила я. — Позавчера он жутко разозлился, когда я упомянула принца Роланда. А вдруг все это время мы ошибались, и вражда между Делоне и Изабель л'Анвер де ла Курсель проистекала не из ненависти, а из неудавшейся любви?

Алкуин прикусил нижнюю губу, обдумывая мои слова, пока я прятала улыбку. Я принялась строить эти фантастические теории лишь чтобы отвлечь его, но последняя оказалась слишком правдоподобной, чтобы попросту от нее отмахнуться.

— Ты с ума сошла, если так думаешь, — повторил Алкуин, очевидно смятенный. На его щеках начал проступать румянец. — Убежден, подобное бесчестье не в характере Делоне.

— Что ж. — Я села и сложила руки на груди, одарив товарища долгим взглядом. — Ты никогда доподлинно не узнаешь, если с ним не поговоришь. Ведь у тебя, бесспорно, вернее получится выведать у него правду, чем у меня.

Нас обоих учил мастер; прошло несколько секунд, и Алкуин, раскусив мой умысел, разразился своим настоящим смехом, свободным и раскрепощенным, совсем как в день моего приезда в дом Делоне.

— Ах, неудивительно, что поклонники снова и снова платят за твое очарование! Я отстаивал свою цену перед Виталем Буваром как торговка на базаре, а ты выманиваешь у обожателей секреты, не вызывая у них ни малейших подозрений. О, если бы мне была ниспослана хоть половинка твоего призвания!

— Я бы тоже этого хотела, — с сожалением протянула я. — Хотела бы, чтобы тебе доставалась хотя бы половинка того удовольствия, что приносит мое призвание мне.

— Даже половина твоих услад способна меня убить. — Алкуин улыбнулся, притих и погладил складку моего платья. — Твои удовольствия на мой вкус слишком грубы, Федра.

— Обязательно поговори с Делоне, — наказала я, поцеловала Алкуина на прощание и встала.



Исцеление от скорби, как и от ран, требует определенного времени, но мой визит к Роже Клавелю, лорду из окружения Баркеля л'Анвера, откладывать не стали. Весь долгий день, предшествующий вечернему свиданию, я ожидала, что Делоне расторгнет договор, но в конце концов учитель явился домой вместе с наемником. Эйсандинский тореро, который стал бояться быков после несчастного случая, когда расвирепевшее животное чуть не пробило ему левый висок, носил непривычное ангелийскому уху имя Микуэт.

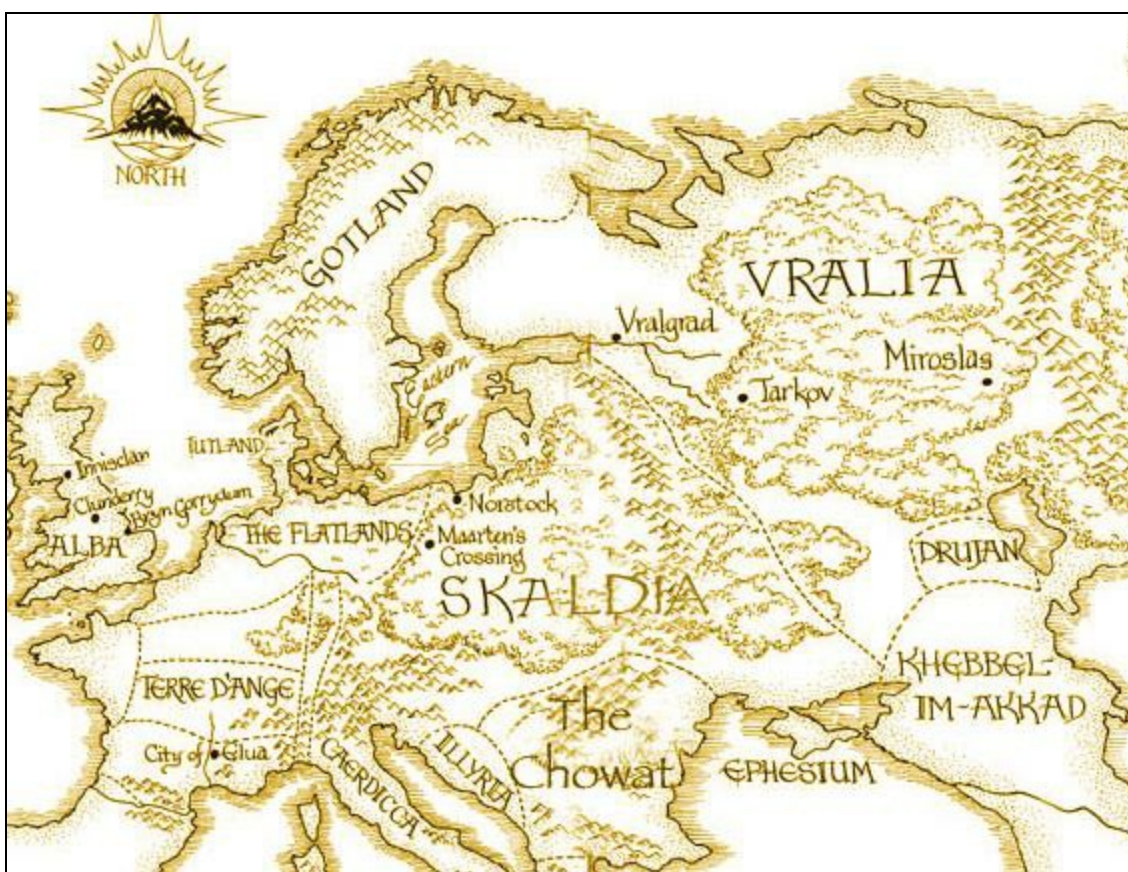
Новый телохранитель к немалой для себя выгоде сумел перенести свое умение обращаться с оружием на арене на городские улицы, и Делоне счел этого кандидата достаточно надежным. Сросшиеся брови придавали худому и смуглому Микуэту суровый вид, и хотя я не сомневалась в его мастерском владении клинком, мне на удивление не хватало молчаливого доброжелательного присутствия Ги. А пока мы с Микуэтом ехали в экипаже, он действовал мне на нервы своей непоседливостью, приникая то к одному, то к другому окошку.

Свидание с лордом Клавелем должно было состояться в самом Дворце. К моему облегчению, пока мы шли по мраморным коридорам, мой охранник хранил благословенное молчание, довольствуясь тем, что маячил возле меня и одаривал всех прохожих хмурыми взглядами. Мы находились в одном из дальних крыльев Дворца, где размещались не самые важные сановники, и не встретили никого знакомого, хотя некоторые замечали мою сангровую накидку и украдкой поглядывали на меня, видимо, по редкостному цвету бархата догадываясь, кто я.

Лорд Роже Клавель принял меня радушно. Он выглядел типичным ангелийцем, однако слишком долго и сытно жил при дворе калифа, отчего немного располнел. Со спесивостью царедворца он быстро отделался от Микуэта, за что я мысленно его поблагодарила. Делоне настоял, чтобы я назубок затвердила стратегию этой встречи, но все равно не хотелось отвлекаться на посторонние дела.

— Федра но Делоне, — церемонно произнес Клавель, подпустив в голос нотки вожделения. — Был бы признателен, если бы ты надела эти вещи. — Он щелчком позвал слугу, который тут же поднес гаремные одежды из легкого муслина. Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться: сценарий словно из пособия Двора Ночи — типичная фантазия паши. Я ожидала большего от человека, пресыщенного обитательницами двора Хеббель-им-Аккада.

Но раз уж стало ясно, чего от меня ждут, оставалось только покорно взять полупрозрачные одеяния. Роже скрылся, а меня проводили в спальню, обставленную в подлинно аккадианском стиле. Там было очень мило: на стенах роскошные шелковые гобелены с изысканными геометрическими узорами, а на полу расшитые подушки с золотой каймой. Я опустилась на одну из них на колени, готовая смиренно ждать сколь угодно долго. Первый выученный мною урок до сих пор оставался одним из самых полезных. Какое-то время спустя в комнату вошел Роже Клавель, массивный и великолепный в наряде паши. Я еле удержалась от смеха при виде подрагивающих щек под роскошным тюрбаном и гибко наклонилась, чтобы облобызать загнутые вверх носы сафьяновых туфель.



В Хеббель-им-Аккаде хорошо стерегут своих женщин, и я получила подтверждение этому слуху, заметив отчаянный страстный голод в приблизившемся мужчине. Лорду Клавелю, очевидно, был заказан доступ в гаремы, что выводило его из себя. Как только я это поняла, мы с ним отлично поладили. Пусть обитательницы гаремов и оставались для дипломата под запретом, у него хватило золота, чтобы купить удовольствие со мной. Не сомневайтесь, приобретенные за границей экзотические желания не замедлили проявиться. Роже достал арапник с позолоченной рукояткой и до безумия возбудился, хлеща меня по ягодицам и гоняясь за мной по подушкам. Он тяжело дышал, видя как множатся тонкие красные следы от ударов. Услышав его стон, я перестала убегать и приласкала его ртом: услужливо встала на колени, разобралась с завязками обширных шаровар и глубоко заглотила его достоинство, выдаивая до капли. Я думала, этим все и кончится, но Кламель немало удивил меня, когда, едва переведя дух после первого излияния, решительно опрокинул меня на спину, задрал мои ноги вверх и принялся воздавать почтение Наамах с напором, должно быть, скопившимся за два года воздержания.

Его же удивило, что я вместе с ним достигла вершины наслаждения, после чего он стал весьма обходителен, и это опять меня рассмешило.

— Вы же заплатили за *ангуиссетту*, милорд, — пытаюсь сдержать смех, прошептала я. — Не рады, что получили купленное?

— Нет! — воскликнул он, вытаращив глаза, и погладил меня по голове. — Нет, яйца Элуа, конечно же, нет! Я просто думал, что *ангуиссетты* — это миф.

— О, я совсем не миф, — сказала я, укладываясь рядом с ним и глядя вверх, чтобы он получше разглядел красную точку в моем глазу. — Значит, в Хеббель-им-Аккаде нет *ангуиссетт*? Мне говорили, что это суровый край и там любят жестокие игры.

— Стрела Кушиэля не срывается с тетивы там, где не ступала нога Элуа и его Спутников, — пояснил Роже, лаская мою грудь через тонкий муслин. — Да, это действительно жестокий край, и я весьма рад немного от него отдохнуть. — На лицо

дипломата легла тень. — «Сбирает там с жуужжаньем мед, — приятным меланхолическим голосом процитировал он столь памятный мне «Плач изгнанницы», — пчела в лаванде синей»... Никогда не понимал глубины этой тоски, пока сам не оказался на чужбине.

Дело шло легче, чем я надеялась. Я улыбнулась, отодвинулась от Клавеля, села на пятки и принялась пальцами расчесывать волосы, заставляя их соблазнительно струиться по телу.

— Значит, это так со всеми ангелийцами? Даже сам герцог л'Анвер тоскует по дому?

— О, милорд герцог, — выдохнул Роже, пожирая меня голодным взглядом. — Он ведь потомок Элуа и, думаю, процветал бы где угодно. Калиф дал ему земли, лошадей и людей, но да, даже герцог скучает по благословенной почве Земли Ангелов. Тому было ясное подтверждение, когда до нас дошли вести о падении Дома Тревальонов. Герцог собирается вернуться домой, как только его дочь выйдет замуж, и уходит со своего поста. Я привез королю его прошение об отставке.

Руки замерли, но я заставила себя вернуться к прическе: собрала волосы в свободный узел и заколола аккадианской шпилькой.

— Так дочь герцога выходит замуж?

— Да, за сына и наследника калифа. — Лорд Клавель потянулся ко мне, вытащил заколку и погрузил руки в массу моих волос. — Повтори... повтори еще разок то, с чего начинала, — приказал он, надавливая мне на голову. — Только постарайся подольше продлить удовольствие.

Я повиновалась со всем усердием, хотя Клавель был не тем гостем, кого бы я избрала, поскольку в нем не горела даже искорка огня Кушиэля — просто сильное неудовлетворение его порядком припекало. Но это не имело значения и осталось невысказанным. Делоне хотел, чтобы я завела эту связь, да и грубость по отношению к гостю не приносит денег на туар. И я ничего не имела против. После долгих лет в учении у Сесиль Лаво-Перрин мне было в удовольствие найти применение ее урокам. Я родилась *ангуиссеттой* и, значит, не могу ставить этот дар себе в заслугу, но прочие умения, не уступающие искусству лучших посвященных Первого из Тринадцати Домов, я постигла своими силами и потому по праву ими гордилась.

— Ах, Федра, — простонал Роже Клавель, когда я с ним закончила. Он растянулся на подушках, разбросав пухлые ноги и руки, отяжелевшие от неги. С виду уязвимый и даже довольно милый, вельможа с неприкрытым обожанием глядел на меня, пока я переодевалась в свое платье. — Федра но Делоне, ты самое прекрасное создание из всех, кого я видел. — Я улыбнулась, оставив комплимент без ответа, и изящно встала на колени, чтобы помочь любовнику надеть халат. — Если... Федра, если прошение герцога л'Анвера будет удовлетворено и я сумею вернуться вместе с ним, могу ли я надеяться на еще одно свидание с тобой?

Даже получив мое согласие, Делоне некоторое время выждал, прежде чем принять предложение лорда Клавеля — предвидя именно такой поворот. Я с печальным видом села.

— Милорд, это решать не мне. Мой покровитель, лорд Делоне, отбирает моих поклонников почти исключительно из представителей Великих Домов. Вам ведь меня порекомендовал кто-то из них?

— Это был... — Роже так обеспокоился моими словами, что изменился в лице. Я ждала, осмелится ли он назвать Хильдерика д'Эссо, но имя так и не прозвучало. — Тебя мне рекомендовал один высокопоставленный придворный. Федра, я очень богат и получу немалый земельный надел, если нам позволят вернуться. Король несомненно изъявит

благодарность, поскольку герцог много сделал для развития отношений Земли Ангелов с калифом.

«Да, — подумала я, — герцог успешно сосватал свою дочь за наследника калифа, что, конечно же, сильно сблизит Дом Анверов с Хеббель-им-Аккадом». Но я не стала этого говорить, а пробормотала:

— Есть одно дело по части развития отношений, исполнителю которого милорд Делоне будет очень благодарен.

— Что за дело? — лорд Клавель пылко сжал мои ладони. — Если это в моей власти, я готов за него взяться.

— Существует... застарелая вражда... между моим покровителем и герцогом, — произнесла я, поднимая голову, чтобы смотреть дипломату в глаза. — Наверное, о той ссоре нелегко позабыть, но милорд Делоне будет очень признателен тому, кто возьмет на себя труд передать герцогу, что его давний обидчик хотел бы заключить мир между Домами.

— Но Делоне — не благородный Дом, — задумчиво усмехнулся Роже. Я мысленно сделала себе зарубку, что обожание обожанием, но дураком он отнюдь не был. — Анафиэль Делоне... неважно. — Я молча склонила голову, и Клавель потянулся, чтобы приподнять мой подбородок. — Так твой покровитель готов дать слово?

— Для милорда Делоне честь превыше всего, — правдиво ответила я. — Он не стал бы говорить о мире, замышляя что-то дурное.

Роже какое-то время мысленно поспорил с собой, не сводя с меня прищуренного взгляда, затем кивнул.

— Если выпадет возможность, я упомяну герцогу о желании твоего покровителя. Тогда мы с тобой еще встретимся?

— Да, милорд. — Мне ничего не стоило согласиться, а ответная улыбка Клавеля просияла как восходящее солнце. Под моим взглядом он встал и, завязывая на ходу пояс халата, подошел к водруженному на высокую лавку сундуку. Открыв крышку, запустил в сундук обе руки и набрал полную пригоршню золотых монет с незнакомым мне аккадианским клеймом. Я так и стояла на коленях, когда Роже вернулся и осыпал меня золотом.

— Вот! — с придыханием выпалил он. — Пусть это поможет тебе не забыть о своем обещании, не забыть обо мне! Я сегодня же зажгу свечи в храме Наамах в твою честь, Федра.

Собрав монеты в подол, я встала и поцеловала Клавеля в щеку.

— Вы сегодня уже трижды выказали Наамах почтение со всем возможным усердием, милорд, — смеясь, заверила я. — Ваше имя, которое я выкрикивала, наслаждаясь, наверняка, звенит у нее в ушах.

На это лорд покраснел и позвал слуг.

\* \* \* \* \*

Домой я вернулась немногим позже полуночи. Делоне поблагодарил Микуэта за хорошо выполненную работу — хотя потрудиться ему, в общем-то, не пришлось, один его хмурый вид держал встречных в рамках приличия — и, щедро вознаградив, отпустил телохранителя. Я обрадовалась, что его не приняли на постоянную службу, хотя и не сомневалась, что увижу Микуэта или его собрата по ремеслу довольно скоро, когда кто-то еще пожелает заключить договор на право обладания мной. Возможно, Гиацинту удастся найти охранника, который понравится мне больше.

— Выходи во дворик, — позвал Делоне. — При мангале довольно тепло.

Во дворе на самом деле было не слишком зябко, и в свете факелов он как всегда казался очаровательным. Осенние листья уже совсем пожелтели. К моему удивлению, там же сидел и Алкуин, бережно устроенный на диване под одеялами, чтобы не застудить рану. Он выглядел уже не таким изможденным и, поймав мой взгляд, слегка улыбнулся.

— Садись, — похлопал по дивану Делоне, а когда я заняла место, наклонился вперед, чтобы наполнить мой бокал. — Ну, рассказывай. Как там поживает Баркель л'Анвер?

Я отхлебнула настойки.

— Герцог л'Анвер намерен уйти в отставку и вернуться в Землю Ангелов, милорд. Вместо себя он оставит на чужбине свою дочь, которая скоро выйдет замуж за сына калифа.

Брови Делоне изогнулись.

— Хеббель-им-Аккад заключает союз с Домом Анверов? Львица Аззали, должно быть крутится в гробу. Что ж, неудивительно, что Баркель готов вернуться домой. Он получил то, за чем уезжал.

— А наследник калифа посредством этого брака породнится по материнской линии с наследницей престола Земли Ангелов, — заметил Алкуин. — Неплохой союз.

— Милорд, — я поставила бокал и вопросительно посмотрела на Делоне, — вы поэтому хотите помириться с Домом Анверов?

— До сих пор я об этом ничего точно не знал, — покачал головой Делоне. — Нет, не поэтому. — Он посмотрел на факел с отсутствующим видом, с каким всегда размышлял о предметах, неизвестных ни мне, ни Алкуину. Я глянула на товарища, который слегка покачал головой в знак отрицания — он понимал не больше моего. — Мы никогда особо не дружили, Баркель и я, но он только выиграет, если я добьюсь своих целей. Пришло время положить конец вражде между нами или хотя бы заключить перемирие. Все прошло так, как мы задумали? Лорд Клавель исполнит, что требуется?

— Если выпадет случай, он сообщит о вашем стремлении к примирению герцогу, хотя сверх того ничего не обещал. — Я взяла бокал и, улыбаясь, отпила еще немного. — Но мне кажется, что воспоминания о полученном удовольствии его подстегнут. Я довольно четко обозначила круг ваших интересов, милорд, хотя со своей стороны совершенно не против его золота.

— И не против его общества?

Я пожала плечами:

— Роже Клавеля легко удовлетворить. Бывали у меня свидания и похуже, за которые я совсем ничего не получала. А за счет одного сегодняшнего подарка мой туар увеличится на пол-ладони.

— Что ж, ты вправе сдержать данное слово, если Клавель действительно сюда вернется, но, думаю, только один раз. Разве что король щедро вознаградит его за службу, наделив титулом, достойным круга твоих постоянных гостей. Знаешь, мне бы хотелось, чтобы все твои поклонники были столь же безобидны, — с сожалением добавил Делоне, переводя взгляд на Алкуина.

— Любой мужчина может стать опасным, если загнать его в угол, — пробормотал Алкуин. — Как и любая женщина. Этот урок я хорошо усвоил, пусть и с опозданием. Милорд, что собираетесь делать сейчас?

— Сейчас? — удивленно переспросил Делоне. — Сейчас я ничего не собираюсь делать, только ждать. Ждать ответа короля на прошение л'Анвера и... кое-чего еще. А там посмотрим.



Несколько дней спустя последовало официальное объявление о предстоящей свадьбе Валери л'Анвер и Синаддана-Шамабарсина, наследника халифата Хеббель-им-Аккада. Король решил благословить этот союз и удовлетворить прошение об отставке герцога л'Анвера. Но если Дом Анверов рассчитывал сохранить за собой монополию на сношения с Хеббель-им-Аккадом, эти надежды не оправдались. На посту посла герцога сменил некий граф Ришар де Куилль, не относившийся к сторонникам Анверов.

Возможно, я недооценивала эти события, но слишком уж далеко они происходили — в стране, казавшейся большинству ангелийцев чуть ли не сказочной, — и мне так и не удалось понять, почему новости из-за тридевять земель представляли важность для Делоне. Когда стало известно о скором возвращении герцога л'Анвера, я надеялась, что наставник раскроет этот секрет, но он хранил молчание.

Чего бы Делоне ни ждал, он запретил мне не только сговариваться о свиданиях до приезда герцога, но даже выходить в Сени Ночи и общаться с Гиацинтом. А мое предложение обратиться к Гиацинту за подходящим охранником было осмеяно. Приговоренная к заключению, я, чтобы хоть чем-то заняться, вернулась к учебе. Учитель акробатики наверняка был бы рад узнать, что я не забыла его науку. Вдобавок к гимнастике я усердно терзала арфу, лютню и цитру, но из-за довлевшей безысходности эти занятия мне довольно быстро наскучили.

В те дни выздоровление Алкуина пошло быстрее и обстановка в доме заметно улучшилась, за что я не уставала благодарить провидение. Не думаю, чтобы учитель и ученик окончательно примирились, поскольку смерть Ги, о которой мы старались не упоминать, так и оставалась неизлечимой язвой, но ужасная напряженность ослабла. Когда Алкуин достаточно окреп для дальних поездок, Делоне свозил его в святилище Наамах, куда я иногда навещала в компании с Сесиль Лаво-Перрин.

Не знаю, что там произошло между Алкуином и жрецами. Он не рассказал, а я не спрашивала. Но он провел в святилище целых три дня и вернулся таким безмятежным, что я сразу догадалась — все вольные и невольные грехи против Наамах ему отпущены. Часть тяготившей его вины спала с плеч, и избавление от душевных мук было видно в каждом слове и жесте Алкуина. А целебные воды источников пошли на пользу его телу. Хотя Делоне держал выздоравливающего, как и меня, на коротком поводке, не позволяя выходить в город без сопровождения, с одобрения иешуитского врача он подарил ученику породистого серого скакуна. Я так радовалась исцелению Алкуина, что даже не позавидовала. Да и по традиции завершившего туар посвященного принято одаривать, о чем Делоне, досконально изучивший правила Двора Ночи, конечно же, знал не хуже меня.

Да, фактически туар Алкуина еще не был закончен: последний визит к туарье откладывался, так как заживающая рана пока не позволяла лежать на животе достаточно долго. Но необходимая сумма дожидалась в сундуке, и, бесспорно, повинность можно было считать отбытой. Я упомянула об этом в разговоре с мастером Тильхардом, когда явилась к нему, чтобы достойно потратить деньги Роже Клавелеля. По крайней мере посетить туарье Делоне разрешил, хотя и приказал Ховелю и еще одному лакею меня сопровождать. Слуги, доставив меня на место, засели в винной лавке за игрой в кости, и я позавидовала их свободе. К тому времени я уже так извелась от скуки, что с радостью согласилась бы

выдраить ночной горшок маркизы Бельфур в надежде на последующее сладостное наказание.

В неудовлетворенном состоянии я наслаждалась работой туарье, убаюканная изысканным удовольствием от уколов острыми иглами. Мастер Тильхард временами качал головой и что-то бормотал себе под нос, а я изо всех сил старалась не извиваться, дабы не давать ему настоящего повода для жалоб. Сдерживая позывы тела, я отрешилась от мыслей и всем существом сосредоточилась на терзаемой иглами спине. Увы, сеанс завершился слишком быстро, я даже удивилась, когда мастер Тильхард слегка шлепнул меня по ягодицам.

— Готово, детка, — пророкотал он, возможно, не в первый раз. — Одевайся и уходи.

Моргая, я села: убранство мастерской туарье плыло перед глазами в туманной багровой пелене. Она довольно быстро рассеялась, и я увидела, что ко мне идет подручный мастера. Краснея и глядя в пол, он протянул мне платье. За время знакомства подмастерье заметно возмужал, но стеснялся так же, как и в день нашей первой встречи. Свежие чернила разросшегося туара жгли кожу огнем, и я задалась вопросом, что бы сказал мастер Тильхард, если бы я увела его подручного в заднюю комнату и там хотя бы отчасти избавила от робости. Вспомнились слова Ги: «Уверен, ты не предала бы доверие лорда Делоне, а, Федра?» Вздохнув, я оделась и понадеялась, что наставник уже вскорости позволит мне продолжить служение Наамах.

Едва я вернулась домой в сопровождении изрядно опьяневших лакеев, ко мне сразу метнулась горничная.

— Лорд Делоне ждет вас в библиотеке, госпожа Федра, — пробормотала она, отводя взгляд.

Иногда я скучала по жизни в Доме Кактуса, где знала всех слуг по имени и считала их друзьями; во время вынужденного заточения тоска усилилась. Я заспешила к наставнику, думая, что мои надежды близки к осуществлению.

Делоне ждал меня. Когда я вошла, он поднял голову и прищурился от лучей послеполуденного солнца, которые пробивались в окно и мягким светом заливали множество книг и свитков на полках.

— Посылали за мной, милорд? — вежливо осведомилась я.

— Да. — Делоне слегка улыбнулся, но его взгляд остался серьезным. — Федра... для начала ответь мне, пожалуйста, на один важный вопрос. Ты уже знаешь, что во всех моих действиях есть некая цель, и знаешь, что я не открываю ее тебе лишь потому, что не хочу лишать тебя той защиты, которую обеспечивает неведение. Но недавний случай показал, сколь хрупка такая защита. Ты занимаешься для меня опасными делами, дорогая. И пусть ты уже отвечала на этот вопрос, я задам его снова. Ты все еще хочешь продолжать свое служение?

Сердце ушло в пятки: он предлагал очередное свидание.

— Милорд, вы же знаете, что хочу, — кивнула я, и не пытаюсь скрыть оживление.

— Очень хорошо. — Взгляд Делоне скользнул мимо меня, теряясь в его потаенных мыслях, затем вернулся ко мне. — В таком случае я постараюсь не наступать на те же грабли. Отныне твою безопасность будет обеспечивать новый постоянный спутник, прекрасно обученный воинским искусствам. Я договорился, чтобы тебя охранял член Кассилианского Братства.

У меня отвисла челюсть.



— Милорд, наверное, шутит, — ахнула я.

— Нет, — в глазах Делоне промелькнула тень улыбки, — не шучу.

— Вы что, приставите следить за мной иссохшего старикана-кассилианца? — Раздираемая яростью и изумлением, я почти заикалась. — Поручите перестарку-девственнику водить меня на свидания?! Служительницу Наамах... *ангуиссетту*?! Во имя Элуа, да лучше верните Микуэта!

Для тех, кто незнаком с ангелийской культурой, поясню, что кассилианцы, уподобляясь Кассиэлю, Спутнику Элуа, поголовно блюдут целибат и не одобряют обычаев Благословенного Элуа. Как и их святой покровитель, они преданно служат, но трудно представить что-то более отвращающее для гостя Наамах, чем их ледяное презрение.

К тому же и одеваются кассилианцы просто ужасно.

На мою тираду Делоне приподнял бровь:

— Нашего господина и короля Ганелона де ла Курселя повсюду сопровождают двое воинов из Братства. Я думал, ты сочтешь такого телохранителя за честь.

И правда, я никогда не слышала, чтобы кассилианцы охраняли кого-либо, кроме вельмож из Великих Домов. В голове не укладывалось, что кассилианец согласился опекать куртизанку. Я бы, наверное, призадумалась, не будь потрясение столь велико, но в ту минуту все мои мысли крутились вокруг удручающего воздействия, которое, несомненно, окажет на любого разгоряченного поклонника присутствие серого аскета, вооруженного до зубов.

— Кассилианцы учили воинскому делу Ги, — нашла я хорошее возражение, — и посмотрите, что с ним случилось! Так почему вы считаете, что с одним из них я буду в безопасности?

Делоне снова посмотрел куда-то мимо меня.

— Если упомянутого Ги изгнали из Братства в четырнадцатилетнем возрасте, — раздался за моей спиной спокойный голос, — то он только начал обучение боевому искусству.

Хлестнув наставника яростным взглядом, я развернулась.

Стоящий в тени молодой человек со скрещенными на животе руками поклонился мне в традиционной манере кассилианцев. Солнечные лучи заиграли на его укрытых стальными наручами предплечьях и на звеньях кольчуги. На поясе висели два кинжала, а за спиной виднелась крестовидная рукоятка меча. Юноша выпрямился и посмотрел мне в глаза.

— Федра но Делоне, — сдержанно произнес он, — я Жослен Веррей из Кассилианского Братства. Для меня будет честью сопровождать вас.

Ни интонация, ни выражение лица не подтверждали искренность его слов; а еще я заметила, как сжались его челюсти, когда он закрыл рот.

Красивый рот.

О да, в Жослене Веррее мало что можно было назвать некрасивым. Старомодные черты, подходящие провинциальному лорду, дышали благородством, а угрюмое пепельно-серое рубище выгодно подчеркивало его рослость и мощную статью. Он походил на изваяние древнеэллинского атлета. Глаза пронзительной голубизной могли поспорить с летним утренним небом, а волосы, собранные на затылке в пучок, золотились, как спелая пшеница.

И эти голубые глаза изучали меня с почти неприкрытой неприязнью.

— Жослен заверил меня, что способен оградить своего подопечного от бедствия, постигшего Алкуина и Ги, — спокойно сказал Делоне. — Я убедился, что это правда, испытав свой меч против его кинжалов.

Кассилианец никогда не вынимает меч, если не намерен кого-то убить. Я слышала об этом после покушения на короля. Раздумывая, я повернула голову к Делоне.

— То есть он одолел вас одними кинжалами?

Наставник мне не ответил, а любезно кивнул Жослену, который снова отвесил поклон, не опуская скрещенных рук. «А он ненамного старше меня», — определила я.

— Во имя Кассиэля я служу и защищаю, — чопорно произнес он.

Не спросившись, я села, выбрав место, откуда могла следить за ними обоими. Спинка стула обожгла свежие узоры моего туара. Если я соглашусь, Делоне позволит мне вернуться к служению Наамах. Если же нет... что ж, выбора мне не предложено. Я пожала плечами.

— Милорд, во всяком случае, ваш протеже достаточно красив, чтобы сойти за посвященного из Дома Кактуса, только в маскарадном костюме. Если такова ваша воля, я не возражаю. Поступило ли вам какое-нибудь приемлемое предложение касательно меня?

Боковым зрением я заметила, что глаза Жослена Веррея гневно сверкнули, когда я уподобила его посвященным Двора Ночи. Уголки губ Делоне дернулись — уверена, он тоже отметил эту скрытую ярость, — но голос прозвучал очень серьезно:

— Если ты алчешь предложений, их много, Федра. Но есть одно дело, которое я хотел бы тебе поручить в первую очередь. Желаеть выслушать, в чем его суть?

Я скрестила руки на груди и слегка поклонилась.

— Во имя Кушиэля я служу и...

— Довольно! — Делоне вскинул ладонь, заставляя меня замолчать, но смотрел он на нас обоих. — Федра, тебе меньше, чем кому бы то ни было, пристало высмеивать служение одному из Спутников Элуа. Жослен, ваш префект счел мою подопечную достойной внимания вашего ордена, и вы рискуете быть обвиненным в ереси, если усомнитесь в его суждении.

— Вы правы, милорд, — неохотно поклонился Жослен. Эти постоянные поклоны выводили бы меня из себя, не будь каждое движение кассилианца таким приятным для глаз.

— Так в чем суть дела, которое вы хотите мне поручить? — спросила я Делоне, и он в упор уставился на меня.

— Герцог л'Анвер должен вернуться в страну через две недели. Уговори лорда Хильдерика д'Эссо передать Баркелю л'Анверу, что я прошу о встрече.

— Милорд, — приподняла я брови, — но зачем уговаривать д'Эссо? Ведь Роже Клавелель уже обещал это исполнить.

— Потому что к д'Эссо герцог прислушается, — покачал головой Делоне. — Клавелель всего лишь мелкая сошка, он свое уже отслужил, и Баркель с легкостью от него отмахнется. Выдав дочь за наследника калифа, герцог л'Анвер еще более превознесся, и нельзя допустить, чтобы он отклонил мою просьбу. Именно д'Эссо в свое время помог ему получить пост посла, и, полагаю, Баркель скорее примет во внимание его слова. А от тебя требуется убедить Хильдерика д'Эссо их произнести.

— Тогда он поймет нашу игру, — констатировала я.

— Да. — Делоне подпер кулаком подбородок. — Поэтому-то я и ждал ответа префекта кассилианцев. Думаешь, д'Эссо с тобой что-то сделает?

Я покосилась на Жослена Веррея и внезапно нашла некое успокоение при виде его пепельного рубища и кинжалов на поясе. Он смотрел прямо перед собой, избегая моего взгляда.

— Возможно... и нет. Д'Эссо с самого начала знал, что я часть вашей игры, только не

до конца понимал, какая у меня роль. — «И допытывания доставляли ему немалое удовольствие». Я даже слегка загрустила, предвидя потерю поклонника как раз в моем вкусе. Моего первого гостя.

— Значит, отправишься к нему, — кивнул Делоне. — Король болен, и время поджимает. Надо с этим побыстрее покончить.

— Назначено ли свидание?

Делоне покачал головой.

— Пусть лучше твой визит станет для него неожиданностью. Как по-твоему, д'Эссо примет тебя без приглашения?

Я представила Хильдерика и груду подарков, которыми он завалил меня после памятного клеймения кочергой.

— О да, милорд, несомненно, примет. А какой приманкой раздражить?

Лицо Делоне стало еще более суровым, чем у Жослена Веррея при всем его неприятии.

— Попроси передать герцогу л'Анверу, что я знаю, кто убил его сестру Изабель.

Делоне не стал тратить время зря и отправил меня выполнять поручение в тот же день. Помимо дома в Городе д'Эссо располагал покоями во Дворце, где я тоже уже бывала — иногда ему доставляло удовольствие выставлять меня напоказ перед завистниками, — но мне ни разу не доводилось разыскивать лорда. Прежде я никогда не добивалась встречи с кем-либо из своих поклонников, и в тот день мне это было внове.

В экипаже Жослен хранил такое же молчание, что и Ги до него, но гораздо демонстративнее, несмотря на сдержанные кассилианские манеры. Не было сомнений, что спутник меня презирает. Все его тело выражало недовольство навязанной ролью, а небесно-голубые глаза буквально пылали возмущением. Я по возможности старалась не обращать на него внимания, поскольку следовало сосредоточиться на значительно более важных вещах, чем его уязвленное достоинство, но это было нелегко.

Среди публики, заполнявшей западное крыло Дворца, мы представляли собой весьма странную пару. Я шла в хорошо узнаваемой сангровой накидке поверх платья — скромного наряда из коричневого бархата — и со скрытыми под черным чепцом волосами, но с таким же успехом могла бы вышагивать нагой, словно прямиком из спальни. Рядом с высокой фигурой Жослена — в пепельном рубище и с простыми стальными наручами — весь мой облик словно кричал, что я Служительница Наамах. Пытаясь определить, бывал ли кассилианец прежде в королевском дворце, я потерпела неудачу. Даже если его и ошеломили величественность и многолюдье Дворца, он ничем этого не выдал.

Открывший дверь в покои д'Эссо слуга узнал меня и испуганно отступил на шаг назад. Я отметила, что он то и дело косился в сторону — на моего спутника.

— Миледи Федра но Делоне, — с поклоном поприветствовал меня лакей, наконец овладев собой. Сама я не обладала титулом, но считалась членом семьи моего покровителя, и слуги давно усвоили, что лучше об этом не забывать. «Этим уважением я обязана Ги», — с грустью вспомнила я. — Милорд д'Эссо не говорил, что ждет вашего визита, — неуверенно сказал лакей.

— Да, я решила навестить к нему без предупреждения. — В вопросах протокола Жослен Веррей был мне не помощник. Я расправила сангровую накидку и со всем возможным в таком положении достоинством вздернула подбородок. — Пожалуйста, спроси у своего лорда, не сможет ли он уделить мне немного времени.

— Да, миледи. — Слуга поспешил впустить нас в прихожую. — Соблаговолите присесть.

Я грациозно села, словно проделывала подобное каждый день. Жослен молча приблизился ко мне и остался стоять в расслабленной кассилианской манере: с отрешенным видом, низко скрестив руки, опущенные на рукоятки кинжалов. Я пыталась поймать его взгляд, но Жослен игнорировал меня, оглядывая комнату в поисках скрытой опасности.

Вскоре в прихожую вошел Хильдерик д'Эссо с двумя вооруженными охранниками. На его лице читалось любопытство, и, увидев меня, он остановился.

— Федра. В чем дело?

Я встала, чтобы присесть в низком реверансе, в котором и оставалась, пока лорд нетерпеливо не сделал мне знак подняться.

— У меня нет времени на игры, — сказал он. — Что привело тебя сюда? Делоне?

— Да, милорд. — Я выпрямилась. — Могу я поговорить с вами наедине?

Д'Эссо глянул на Жослена, который невозмутимо стоял, уставившись куда-то в пространство, и слегка приподнял брови.

— Да, полагаю, можешь. Идем.

Я последовала за Хильдериком, а его люди, чуть подотстав, пошли за нами, отрезав меня от Жослена.

— Милорд. — Голос кассилианца был тих и спокоен, но что-то в нем заставило д'Эссо остановиться. — Я дал клятву.

— Клятвы... — скривился лорд. — Да, как же без этого. Что ж, сопровождай ее, если таков твой долг, кассилианец.

Еще один поклон — до сих пор не понимаю, как столь зажатый человек мог кланяться так непринужденно? — и Жослен занял место рядом со мной. Так впятером мы и дошли до кабинета д'Эссо. Лорд уселся в кресло и принялся барабанить пальцами по подлокотникам, выжидательно сверля меня ястребиным взором. Зная, что злоупотреблять его благосклонностью не стоит, я осталась на ногах. Телохранители встали по бокам от хозяина, держа руки близ рукояток мечей.

— Милорд д'Эссо, — произнеся эти слова, я опустилась на колени — привычка, выработанная годами служения, как и бдительность у Жослена. — Мой господин Делоне послал меня сюда, чтобы довести до вас его просьбу о милости.

— О милости? Просьбу? Делоне? — Брови изогнулись изумленными дугами, особенно явно выделяющимися, потому что лицо не скрывали волосы, стянутые за спиной в тугую косу. — Что ему от меня нужно?

Одна фраза, и д'Эссо поймет нашу игру. Я молитвенно сложила ладони и подавила дрожь, радуясь, что за моей спиной маячит серая тень Жослена.

— Мой господин желает встретиться с герцогом Баркелем л'Анвером и просит вас помочь ему договориться об этой встрече.

Я подняла глаза. Как и ожидалось, д'Эссо изменился в лице.

— Но откуда... — озадаченно начал он, и тут понял: — Ты.

Я знала, что Хильдерик д'Эссо умело владел оружием и вдобавок был искусным охотником, но меня все равно застала врасплох быстрота его движений. А ведь я своими глазами видела, как скоро и метко он метнул опивки в пластинкс, играя в коттаб у Сесиль Лаво-Перрин. Для меня стало полной неожиданностью, когда лорд мгновенно завладел мной, упершись коленом в спину и прижав к горлу кинжал. Почувствовав, как лезвие давит на кожу, я ахнула.

— Все это время, — прошипел д'Эссо, — ты водила меня за нос. Что ж, король самолично вершит правосудие над изменниками, и я последую его примеру. Федра но Делоне, сейчас нас не связывает никакой договор, и нет такого слова, которым ты могла бы меня остановить.

— Такое слово есть. — Пригнутая к полу, я видела, как Жослен снова отвесил свой чертов церемонный поклон, только на этот раз с обнаженными клинками. — Кассиэль.

Жаль, что угол обзора был так ничтожен. Отчаянно косясь, я наблюдала, как охранники бросились в атаку. Жослен двигался спокойно, выписывая сталью плавные узоры; он кружился, словно падающий шелк, без всякой поспешности, но раскидал вооруженных мечами громил в стороны, как детские игрушки. Выпрямляясь, д'Эссо отнял кинжал от моего горла, и тут Жослен снова тронулся, и оружие лорда полетело и со звоном упало на

каменный пол. Д'Эссо потряс рукой и выругался. На его ладони краснела ссадина. Жослен опять поклонился и убрал свои кинжалы в ножны.

— Я служу и защищаю, — ровно произнес он. — Федра но Делоне хотела вам что-то сказать.

— Ладно. — Д'Эссо вновь уселся в кресло, махнув поцарапанной рукой своим охранникам, которые, шатаясь, поднимались с пола, попутно выискивая свои мечи. Во взгляде лорда читалось хищное любопытство, пока он наблюдал, как я снова встаю на колени с подобием достоинства. — Сначала *ангуиссетта*, теперь вот новый сюрприз. Он такой же настоящий, как и ты, Федра, верно? Анафиэль Делоне действительно настроен серьезно, если приставил к тебе кассилианца. Так с чего ты взяла, что я служу Баркелю л'Анверу?

— Милорд, вы сами мне сказали. — Я непроизвольно коснулась горла и нащупала тонкий порез. — В ту ночь, когда вы... взяли раскаленную кочергу.

За моей спиной раздался резкий вдох Жослена. К чему бы его ни готовили, такого он не ожидал. Брови д'Эссо взлетели вверх.

— Ты меня тогда слышала? — с неподдельным удивлением спросил он.

Стоя на коленях, я подняла на него глаза, и красная пелена затуманила мой взор.

— Милорд д'Эссо, вы с самого начала знали, что Анафиэль Делоне кладет в силки интересные приманки, — процитировала я его же слова. — Вы всерьез рассчитывали, что у Стрелы Кушиэля нет острия?

Один из охранников сдавленно охнул. Я смотрела в глаза д'Эссо так, словно от этого зависела моя жизнь — и, возможно, так оно и было. Довольно скоро лорд усмехнулся.

— Гм, острие. — Его губы лукаво изогнулись. — С той самой ночи твое острие глубоко застряло во мне. Но наконецник, о котором сейчас речь, сотворил Делоне, а не Кушиэль.

Я покачала головой.

— Делоне научил меня слушать и пустил плавать по водам. Но я родилась такой, какая я есть.

Д'Эссо вздохнул и указал мне на стул.

— Ради Элуа, Федра, раз уж ты намерена изложить мне просьбу от своего господина, сделай это сидя. — Я повиновалась, и лорд криво ухмыльнулся, наблюдая, как Жослен заступил на место рядом со мной. — Итак, что Анафиэль Делоне хочет от Баркеля л'Анвера и зачем герцогу выслушивать его хотелки?

— Не могу сказать, чего хочет милорд Делоне, — осторожно начала я. — Он владеет моим туаром, и я исполняю его приказания, не требуя объяснений. Мне известно только, что он может предложить.

— И это...

Мой единственный козырь, и я надеялась, что разыгрываю его правильно.

— Милорд Делоне знает, кто убил сестру герцога.

Хильдерик д'Эссо не шелохнулся. Судя по его застывшему взгляду, напряженно думал.

— Почему твой хозяин не обратится с этим к королю?

— Нет доказательств.

— Тогда с чего бы герцогу л'Анверу ему верить?

— Потому что это правда, милорд. Драгоценная правда. — Говоря это, я словно воочию увидела, как вытканый Делоне узор разворачивается передо мной, и с трудом снова сосредоточилась на д'Эссо. — Мой хозяин получил эти сведения тем же способом, каким я

выяснила, что вы служите Баркелю л'Анверу. Клянусь, это правда.

— С твоей помощью? — спросил Хильдерик.

— Нет, — покачала я головой, — но тем же способом.

— Значит, использовал седого мальчишку. Да, не иначе. — Д'Эссо беспокойно заерзал; я скорее почувствовала, чем увидела, как Жослен напрягся, но тут же расслабился. — Но они ведь долгое время враждовали, мой герцог и твой господин. Так зачем Делоне понадобилось... — Я увидела, что ответ пришел ему в голову, но лорд вовремя прикусил язык и перевел взгляд с меня на Жослена. — Де-ло-не, — процедил он будто ругательство и вздохнул. — Ладно. Герцог лишит меня головы, если я не донесу ему такую новость. Не буду обещать, но передай своему хозяину, что я приму во внимание его просьбу. И, полагаю, л'Анвер не откажется услышать, что Делоне имеет ему сообщить.

— Да, милорд, — кивнула я. — Спасибо.

— Не благодари меня. — Д'Эссо плавно встал. Жослен шевельнулся, но я дала ему знак не двигаться, пока лорд шел ко мне. Костяшками пальцев он провел по моей щеке, не обращая внимания на кассилианца. — Тебе за многое придется ответить, если я захочу вновь с тобой встретиться, Федра но Делоне, — угрожающе ласково произнес он. От его прикосновения по телу пробежала дрожь — меня охватило желание.

— Да, милорд, — прошептала я, поворачивая голову, чтобы поцеловать костяшки его пальцев. Лорд убрал руку и стиснул мой затылок. Жослен дрожал как натянутая тетива, слегка вытянув кинжалы из ножен. Д'Эссо бросил на него ироничный взгляд.

— Узнай, чему служишь, кассилианец, — презрительно усмехнулся Хильдерик и жестко ущипнул меня за загривок. Я со свистом втянула в себя воздух, не только от боли. — Тебе понадобится крепкий желудок, раз свезло стать спутником *ангуиссетты*. — Отпустив меня, д'Эссо отошел. Его люди с опаской косились на Жослена, но тот лишь опять поклонился с каменным лицом. — Передайте Делоне, что с ним свяжутся, — обратился лорд к нам обоим, устав от собственной игры. — А теперь прочь с глаз моих.

Мы быстро повиновались. Охранники проводили нас до выхода из покоев. Жослену, очевидно, не терпелось убраться. Едва за нами закрылась дверь, он повернулся ко мне мертвенно-бледным лицом.

— Так ты называешь... *это*, — разгневанно воскликнул он. — Ты вот *это* называешь служением Элуа и его Спутникам? То, что большинство из вас творит во имя Наамах, и без того достаточно мерзко, но это...

— Нет, — прошипела я и оборвала его на полуслове, схватив за руку. Пара проходящих мимо придворных с любопытством оглянулись на нас. — Я называю *это* служением Анафиэлю Делоне, который владеет моим туаром, — тихо сказала я, — и если подобное служение тебя оскорбляет, предлагаю тебе обсудить сомнительные моменты с вашим префектом, который поручил тебе эту миссию. Но как бы тебе ни хотелось выговориться, не болтай, пока находишься в стенах Дворца!

Голубые глаза Жослена распахнулись, а складки у крыльев изящного носа гневно побелели. Он без труда высвободился из моей хватки.

— Идем, — проронил он и зашагал прочь по коридору. Мне пришлось почти бежать, чтобы нагнать его.

По крайней мере, его трудно было потерять в толпе: тускло-серый плащ развевался от быстрой ходьбы, рукоятка меча вздымалась над плечом, а на затылке виднелся светлый пучок. Если мы, войдя, привлекали внимание, шагая по Дворцу бок о бок, то моя погоня за

Жосленом на пути к выходу наверняка выглядела стократно более странной.

— Федра! — женский голос, низкий и глубокий, с музыкальным переливом смеха — единственный, способный остановить мой бег. Я повернула голову в сторону оклика, словно марионетка. Мелисанда Шахризай в обществе двух лордов стояла в арочном проеме. Я пошла на ее зов, а она тем временем распрощалась со своими собеседниками. — Что привело тебя во Дворец, Федра но Делоне? — Улыбаясь, она погладила царапину, оставленную на моем горле кинжалом д'Эссо. — Служба Анафиэлю или Наамах?

— Миледи, — выдохнула я, пытаясь собраться с мыслями, — об этом лучше спросить моего господина, а не меня.

— Спрошу при встрече. — Мелисанда провела пальцами по моей сангровой накидке. — Прелестный цвет. Рада, что Делоне нашел мастера, способного воссоздать состав старинного красителя. Тебе идет. — Под ее довольным взглядом мой пульс зачастил. — Я не замедлю вас навестить. Была в Кушете, но слышала о несчастье в вашем доме. Передай от меня привет вашему милому мальчику, как там его имя, Алкуин?

Я бы поставила свой туар на то, что она отлично помнила его имя; и помимо обитателей дома Делоне, людей, знавших о нападении, можно было пересчитать по пальцам.

— Непременно и с удовольствием, миледи.

За моей спиной раздались шаги, быстрые и уверенные. Я увидела, как изогнулись идеальные брови Мелисанды, и повернулась лицом к хмурому Жослену. Заняв место рядом со мной, он быстро поклонился и выпрямился, держа руки на рукоятках кинжалов.

Мелисанда перевела взгляд с меня на него, затем обратно, формулируя вопрос.

— Тебе? — удивленно обратилась она ко мне. — Кассилианец служит тебе?

Я собиралась ответить, но Жослен с очередным поклоном меня опередил.

— Я служу и защищаю, — спокойно подтвердил он.

Тогда я единственный раз увидела, как Мелисанда Шахризай искренне смеется. Звонкие рулады, неожиданные и непринужденные, породили эхо под сводчатой крышей коридора.

— О, Анафиэль Делоне, — выдохнула она, приходя в себя и вытирая глаза кружевным платочком. — Бесценный ты человек. Неудивительно, что... мм, неважно.

Жослен снова побледнел, и я почти услышала скрежет его зубов. Словно не замечая смущения моего телохранителя, Мелисанда потрепала его по щеке, потом провела пальцем по груди.

— Похоже, Кассилианское Братство крадет младенцев из колыбелей Двора Ночи, — промурлыкала она, отдавая должное его внешности. Жослен смотрел поверх ее плеча, поневоле заливаясь румянцем. — Повезло братьям.

Я думала, он вскипит, но он не шелохнулся, продолжая смотреть вдаль. О да, подготовка кассилианца — долгий путь. Даже Мелисанда Шахризай своими прикосновениями не смогла прорвать его оборону. «Нет, — прикинула я, — на это ей потребовалось бы больше времени. Минут пять, а то и десять».

— Что ж, хорошо. — Искорки смеха еще плясали в ее сапфировых глазах, более темных, чем у Жослена. — Передашь от меня привет Алкуину и мое бесконечное восхищение Делоне, Федра?

Я кивнула. Мелисанда не поцеловала меня в знак приветствия, зато одарила долгим прощальным поцелуем, наверное, догадываясь, что в присутствии Жослена это меня смутит.

И оказалась права.



— Кто эта женщина? — спросил кассилианец, когда она удалилась.

Я кашлянула.

— Леди Мелисанда Шахризай.

— Та, что свидетельствовала против Дома Тревальонов. — Жослен продолжал смотреть ей вслед. Меня удивило, что он столь подробно осведомлен о событиях в королевстве. Он вздрогнул, словно стряхивая с себя чары, и на секунду я ему посочувствовала. — Итак, ты готова идти дальше? — уточнил он с равнодушной вежливостью.

«Один раз ты подвел меня из-за спешки, — подумала я. — Больше такого не повторится».

Возникшая было приязнь к Жослену тут же испарилась.

Когда мы с Жосленом вернулись, Делоне, вопреки обыкновению, ждал нас в приемной. Я подумала, что наставник отступил от заведенного порядка из-за Жослена, и еще больше озлилась на кассилианца. Алкуин тоже тихо сидел там, скрестив ноги на низком диванчике; судя по виду, он уже давно наблюдал за расхаживающим по комнате наставником.

— Ну что? — спросил Делоне, едва мы вошли. — Он согласился?

Пока я набирала в грудь воздуха, Жослен опять вылез вперед.

— Милорд, — произнес он безо всякого выражения, отстегивая португую и перебрасывая ножны с мечом через плечо наперед, — я не справился со служением вам. Прошу вас принять меч вашего недостойного слуги.

Разинув рот, я смотрела, как он опустил на одно колено перед Делоне и на вытянутой левой руке протянул ему свой меч. Даже Делоне выглядел удивленным.

— О чем, во имя Элуа, ты говоришь? — поднял он брови. — Федра жива и здорова, а о большем я и не просил.

— Покажи ему свою рану, — сказал Жослен, не глядя на меня.

— Вот это, что ли? — я коснулась полоски запекшейся крови на горле и усмехнулась. — От Хильдерика д'Эссо это не рана, а просто царапина в пыли любовной игры, милорд, — заверила я Делоне. — И именно Жослен не позволил ему нанести мне более серьезные увечья.

— Д'Эссо пытался тебя изувечить? — Делоне приподнял брови.

— Когда узнал, что это я выдала вам его секрет — имя вельможи, которому он служит. Но Жослен...

— Он задействовал оружие и успел пустить ей кровь, — перебил меня кассилианец, непреклонный в своем раскаянии. — Я не сумел отвратить опасность и так разгневался, что позднее упустил подзащитную из виду.

Я перехватила заинтересованный взгляд Делоне.

— Мелисанда. — Имени оказалось достаточно. — Она передает вам привет и сожалеет о твоём ранении, — последнее я адресовала Алкуину. Желая быть справедливой, добавила уже для Делоне: — Милорд, Жослен вас не подвел. Он отлично меня защищал. Просто поначалу д'Эссо застал его врасплох, зато потом...

Жослен не вставал, а по-прежнему со склоненной головой протягивал Делоне меч.

— Я никогда по-настоящему не обнажал клинок против человека, только в учебных поединках, — пробормотал он. — Я оказался не готов к бою. Я недостойн.

Делоне глубоко вдохнул, затем выдохнул.

— Кассилианец, не бывавший в бою... — пробубнил он себе под нос. — Следовало догадаться, что префект не обойдется без ложки дегтя. Что ж, парень, ты побил меня самого на учебном поле, а теперь к тому же сумел взять вверх над Хильдериком д'Эссо, без малейшего опыта на поле ангелийских интриг. По всему выходит, мне не в чем тебя упрекнуть. — Жослен поднял голову, недоуменно моргая, и снова попытался всучить Делоне меч. Тот отступил. — Попасть впросак, но продолжать сражаться и победить — это более сложное испытание, чем любая учебная схватка. Убери свой меч. Пусть он и дальше мне служит. — Разобравшись с этим вопросом, наставник снова обратился ко мне: — Так что там с герцогом л'Анвером?

— Д'Эссо клянул, — сказала я, расстегивая фибулу накидки и усаживаясь на диван. — Как вы и предполагали. Он передаст герцогу вашу просьбу, а потом сообщит ответ, если л'Анвер согласится на встречу.

— Хорошо. — Делоне слегка расслабился. Я пыталась угадать, чего он добивается. Мести Виталию Бувару и Стрегацца, конечно — дураку понятно, — но зачем? Он искал этой мести еще до того, как Ги убили, а Алкуина ранили. В тишине Жослен встал, пристегнул портупею обратно и перебросил меч за спину. Его щеки алели, и двигался он неуклюже — наверное, от стыда. Я едва не пожалела его вновь. Движение привлекло внимание Делоне.

— Вы свободны, — рассеянно кивнул он.

— Милорд, — не смогла я удержаться, — теперь, когда...

— Нет, — оборвал он. — Никаких свиданий, пока я не встречу с Баркелем л'Анвером. Мы встряхнули шахматную доску, и я не намерен рисковать, пока все фигуры не выстроятся снова.

— Как прикажете, милорд, — вздохнула я.

И снова я оказалась приговорена к тяготеющей рутине. словно чтобы еще ухудшить мое настроение, Алкуин и Жослен подружились. Их товарищество началось, когда мы с Алкуином стали наблюдать за утренними тренировками Жослена. Для меня новизна представления вскоре поблекла — признаю, что смотреть на воинские упражнения было приятно, но даже самый страстный поклонник музыки устает день за днем слушать одну и ту же песню. Однако Алкуин оставался зачарованным. Однажды днем, привлеченная непонятным стуком, я вышла на террасу, выходящую на разбитый за домом сад и увидела, как Алкуин и Жослен сражаются на деревянных мечах — наподобие тех, с которыми играют дети.

К моему удивлению, кассилианец оказался великодушным и терпеливым учителем. Он не только не потешался над неуклюжими попытками Алкуина атаковать или обороняться, но всякий раз ждал, пока ученик вернется на исходную позицию, и снова и снова демонстрировал различные удары, выполняя их медленно и плавно. Алкуин охотно его слушался, никогда не выходил из себя и часто смеялся над своими же ошибками — и, что самое странное, Жослен иногда подхватывал его смех.

— Следовало ожидать, — раздалось совсем рядом бормотание Делоне. Я даже не слышала, как он тоже вышел на террасу. Наставник зорко следил за тренировкой. — Жаль, что для него уже слишком поздно учиться владеть мечом по-настоящему. Да, темперамент Алкуина больше годится для Кассилианского Братства, чем для служения Наамах.

Должно быть, сам Делоне позволил юношам заниматься и купил им деревянные мечи.

— Нет, Алкуин не годится для Кассилианского Братства, милорд, — резко ответила я, возмущенная смехом дерущихся. — В конце концов, он же влюблен в вас.

— Алкуин? — удивился Делоне и несколько раз моргнул. — Неужели ты и вправду так думаешь? Он воспринимает меня как отца, ну или... как дядю.

Нет заблуждения глубже, чем заблуждение мудреца. Я ехидно посмотрела на Делоне.

— Милорд, если вы и вправду так думаете, то у меня как раз имеется флакончик со слезами Магдалины, проясняющими зрение и рассудок, который я с радостью вам продам. Вы спасли Алкуина от верной смерти, как и меня от бесчестья, и могли бы овладеть любым из нас, лишь поманив пальцем. Я не первый год наблюдаю за Алкуином, и, поверьте, он был бы рад не только доставить вам удовольствие, но и отдать за вас жизнь. Для него в мире нет никого лучше вас.

По крайней мере, было приятно видеть, что Делоне всерьез озадачен. Я присела в коротком реверансе, который он даже не заметил, и поспешно удалилась. «Ах, Алкуин, — с грустью подумала я, — никогда не говори, что я не добра к тебе. Если милорд так и не возьмет тебя, то хотя бы не сможет сослаться на неведение».

После этой душещипательной сцены я больше не могла оставаться в четырех стенах. Пусть Делоне сдерет с меня кожу, если пожелает, — конечно, так далеко он бы не зашел, — но сейчас служение Наамах было для меня под запретом, а отвлечься от тоскливого заточения хотелось нестерпимо. Пока все домашние находились на задворках, мне легко удалось улизнуть через боковую калитку.

Мне хватило ума укутаться в коричневую накидку вместо сангровой и взять с собой несколько монет, оставшихся после очередного сеанса у туарье. Плата извозчику, довозшему меня до Сеней Ночи, не опустошила моей кошелек: в благодарность за улыбку возница взял с меня гораздо меньше, чем следовало бы.

Гиацинта не оказалось дома, но я порасспросила, выдержав всезнающий взгляд его матери, и быстро нашла друга в «Петушке», а там отпустила наемный экипаж.

После долгих дней в унынии мое сердце радостно забилося при звуках разудалой музыки и при виде ярких уличных огней. Я угодила в настоящее столпотворение, причиной которого, очевидно, являлась игра в кости на задах кабачка. Толпа посетителей, в основном разодетых в пух и прах, окружила игорный стол, а скрипач неистово терзал струны. Сквозь пиликанье я расслышала, как кубики костей раз за разом стучат по стенкам стаканчика, а затем прокатываются по столу. Кто-то застонал, кто-то заулюлюкал, а над всем этим гамом вознесся знакомый победный возглас.

Толпа разбрелась по залу, и я увидела Гиацинта и его друзей. Тсыган, улыбаясь, сгребал свой выигрыш в кучку.

— Федра! — воскликнул он, заметив меня. Затолкав монеты в кошель, Гиацинт спрыгнул со стула и помчался ко мне. Я была так рада встрече, что кинулась ему на шею.

— Где тебя носило? — рассмеялся он, обняв меня в ответ, а потом отстранил, придерживая за плечи, чтобы получше рассмотреть. — Я соскучился! Неужели Ги так сильно разозлился в последний раз, когда мы от него убегали, что пожаловался Делоне, и тот запретил тебе меня навещать?

— Ги... — В горле защипало — на секунду я и забыла о своей беде. Покачала головой. — Нет, не угадал. У меня уйма новостей.

— Что ж, проходи, садись. Я мигом отгоню этих бездельников от стола. — Гиацинт улыбнулся своей белозубой улыбкой, ослепительной на смуглом лице. Его одежда выглядела подороже прежней, но отличалась пестротой: синий дублет, расшитый спереди золотой нитью и украшенный шафрановыми манжетами и алые штаны — однако мне друг показался безупречно красивым. — Куплю-ка я нам кувшин вина. Титьки Наамах, а куплю-ка я всем по кувшинчику вина! Ставлю всем! — крикнул он кабатчику.

Раздались добродушные возгласы, и Гиацинт рассмеялся, шутливо отвесив поклон. Неудивительно, что в Сенях Ночи его любили — было за что. Если Принц Странников и выигрывал в кости больше любого честного человека, он щедро прогуливал с проигравшими большую часть добычи, оставляя себе лишь десятину. Потому-то неудачники зла на него не держали. Я не знала точно, жульничал он или нет — говорят, тсыганам попросту везет в игре. А еще говорят, что они самые ловкие шулеры, лгуны и воры. Но я никогда не уличала Гиацинта в большем преступлении, чем кража пирожных у рыночных торговцев.

Его друзья освободили для нас столик. Наша беседа тонула в общем галдеже. Я рассказала другу обо всем, что произошло за время нашей разлуки. Гиацинт слушал, не перебивая, а когда я замолчала, покачал головой.

— Делоне по уши замешан в делишках Дома Курселей, это точно, — нахмурился он. — Хотел бы я разузнать для тебя, с какого боку. Я, кстати, нашел одного поэта, у друга которого была книжка со стихами Делоне.

— Правда? — вытаращилась я. — Ты мог бы...

— Пытался, — страдальчески скривился Гиацинт и отхлебнул вина. — Но всего несколько недель назад он продал ее какому-то каэрданскому архивариусу. Я бы купил для тебя хотя бы тексты, Федра, но друг моего друга поклялся, что не переписал для себя стихи перед тем, как продать книгу. Побоялся хранить запрещенные сочинения.

Я фыркнула:

— Ничего не понимаю. Почему Дом Курселей одной рукой помогает Делоне, а другой затыкает ему рот?

— Ты прекрасно знаешь, почему ему затыкают рот. — Гиацинт откинулся на спинку стула и забросил ноги в сапогах на стол. — Он запятнал их репутацию, написав ту песню про Изабель л'Анвер. Говорят, Львица Аззали назвала невестку короля убийцей, стоя перед Верховным Судом.

— Было дело. — Я вспомнила, как Исандра де ла Курсель оглашала двоюродной бабке смертный приговор. — Тогда зачем они ему помогают? — Слишком много нитей переплелось в этой истории. — Тьфу! Надоело забивать себе голову загадками — все последнее время ничем не занималась, только думала об этих тайнах. Настоящий друг пригласил бы меня потанцевать, — поддразнила я Гиацинта.

— Кое-кто приревнует, если я приглашу тебя потанцевать, — усмехнулся Гиацинт. И с блеском в глазах кивнул на женщину на другом конце зала, блондинку в платье льдистого голубого цвета. Хотя она и выглядела холодной, я-то видела, что незнакомка дымится от злобы, следя за нами.

— А тебе не все равно? — спросила я Гиацинта.

Друг рассмеялся и покачал головой, встряхнув черными кудрями.

— Она с титулом, замужем за каким-то баронетом, — ухмыльнулся он, — но если я пару раз с нею поплясал, это же не значит, что обязан приглашать ее на каждый танец. — Он снял ноги со стола, встал и с поклоном протянул мне руку: — Окажешь мне честь?

Скрипач заиграл с удвоенным пылом, когда мы вышли на площадку для танцев, и подмигнул Гиацинту. Мы пустились в пляс, и нашему примеру последовали многие, а оставшиеся сидеть, за исключением баронетши и парочки ее спутников, смеялись и хлопали в такт. Я дважды станцевала с Гиацинтом, потом по разу с несколькими его друзьями, а дальше скрипач завел рил, и танцоры принялись быстро менять партнеров, перебегая от одного к другому. Не рискнувшие присоединиться к буйному танцу спешно отодвигали свои стулья с дороги. Когда музыка стихла, мы все покраснелись и тяжело дышали. Скрипач опустил свой инструмент, поклонился и сошел с подмостков, чтобы утереть пот со лба и перевести дух за кружкой эля.

На улице послышался какой-то шум, и любопытные потянулись наружу. Стройный кудрявый юноша подбежал к нам и схватил Гиацинта за рукав со смешливым возгласом:

— Гиацинт, пошли, на это стоит взглянуть! Круче, чем собачьи бои!

Гиацинт вопросительно посмотрел на меня.

— Почему нет? — согласилась я, разгоряченная и готовая к приключениям.

Вдоль улицы уже толпились кучки зевак, глазеющих на разворачивающееся на мостовой зрелище, но Гиацинт протолкался к горе пустых винных бочек и перевернул одну. Мы забралась на нее и получили отличный обзор.

Увидев, что там творилось, я обеспокоенно застонала.

Посреди улицы собралась компания подвыпивших молодых лордов — примерно дюжина юношей и девушек, возвращавшихся на Моннуи с четырьмя посвященными Дома Шиповника, которых я узнала по зелено-золотым цветам одежды. Блокируя проезд, поперек улицы стоял открытый экипаж, а чуть поодаль юные лорды выстроились полукругом, с радостными лицами обнажив мечи.

В центре образовавшегося пространства стоял недовольный молодой кассилианец, над которым безжалостно насмехались озорные посвященные.

— Жослен, — вздохнула я.

Флейтист взгромоздился на заднее сидение экипажа и наигрывал веселую мелодию, а еще одна посвященная распевала похабную песенку таким милым и хорошо поставленным голоском, что слушатели не сразу понимали всю непристойность куплетов. Двое других Шиповников, юноша и девушка, были акробатами — они-то и доставляли Жослену больше всего страданий. Я увидела, как юноша-акробат встал на колени, а девушка оттолкнулась от земли и выполнила безупречное сальто, приземлившись на плечи партнера. Тот поднялся, а она, обвив ногами его шею, выгнулась так, что ее вздымающаяся грудь оказалась прямо под носом у Жослена.

В явном замешательстве он отступил на шаг, но лорды тут же подтолкнули его вперед остриями своих мечей. Акробатка подтянулась на плечи напарника, он ладонями подтолкнул ее пятки, и она перекувыркнулась над головой Жослена. Акробат тут же встал на руки, обхватил щиколотками шею кассилианца и повис на нем, с улыбкой просунув голову между его ногами. С отвращением на лице Жослен отцепил ноги со своей шеи; акробат ловко перешагнул руками и изящно перекувыркнулся на ступни. Жослен шагнул было в сторону экипажа, но акробатка бросилась ему наперерез, напрыгнула, обвила стройными ногами талию и, взяв лицо кассилианца в ладони, крепко чмокнула в губы. С трудом высвободившись, он развернулся к лордам, прищурился на их хохочущие лица и сверкающую сталь мечей. Акробат подскочил к Жослену сзади и выдернул заколку из аккуратного пучка на затылке. Пряди светлых волос заструились по спине воина.

— Во имя Элуа, — пробормотала я, — если не в праве достать меч, обнажи хотя бы кинжалы, идиот!

— Кинжалы тоже нельзя, — ухмыльнулся Гиацинт, наслаждаясь зрелищем. — Они просто веселятся, а кассилианцы дают обет обнажать оружие лишь при угрозе жизни.

Я снова вздохнула.

— Что ж, тогда мне придется ему помочь.

Прежде чем Гиацинт успел запротестовать, я спрыгнула с бочки, пробралась сквозь толпу и наконец вынырнула на открытое пространство перед потрясающими мечами лордами. Жослен удивленно глянул на меня, а флейтист сбился с ритма.

— Эй, отойди-ка, — схватил меня за руку один из вооруженных шутников и попытался оттащить в сторону. — Не мешай веселиться!

Я подняла руку, за которую цеплялся гуляка.

— Жослен? Ты готов служить и защищать?

В воздухе мелькнули наручи, когда кассилианец поклонился и выдернул кинжалы из ножен. Не успел он сделать и двух шагов, а лордик уже отпустил меня. Благородные весельчаки попятились, быстро пряча мечи в ножны. Флейтист продолжил играть задорную мелодию, певица взяла в руки тамбурин, а акробаты принялись выделывать на пару разные трюки.

— Хватит, хватит! — крикнула одна все еще смеющаяся леди и присела в реверансе, адресуя его Жослену. — Служитель Кассиэля и так достаточно нас позабавил для одного вечера.

Взгляд Жослена мог бы рассечь камень, но взрывы смеха еще долго звучали тут и там, пока толпа расходилась. Кассилианец обратил суровый взор на меня.

— Тебя послал Делоне? — неохотно спросила я.

— Ты должна вернуться со мной. — Он стиснул зубы и кивнул в сторону экипажа, стоящего чуть поодаль. Кучер выглядел удрученным. — Немедленно.

Гиацинт спрыгнул с бочки и подбежал, чтобы поцеловать меня на прощание.

— Приходи еще, когда сможешь, — попросил он, пытаюсь не смотреть искрящимися от смеха глазами на Жослена, по лицу которого было ясно, что если бы решение принимал он, я бы никогда больше не попала в Сени Ночи. Я мысленно взмолилась, чтобы его мнение не принималось в расчет. — Я всегда по тебе скучаю.

— Я тоже. — Лишь на секунду я задержалась, чтобы поцеловать друга в ответ и растрепать черные кудри. — Береги себя, Принц Странников.

По дороге домой мы молчали, хотя Жослен излучал жаркую ярость, словно натопленная печь. Его пепельно-серое рубище помялось, а прядь волос упала на лицо. Уверена, он не думал не гадал, что кассилианца могут так унижить, и, очевидно, винил во всем меня. Что заставляло еще больше опасаться приближающейся встречи с Делоне. Ничего хорошего для себя я не предвидела.

Я ожидала от наставника ледяного неумолимого гнева, но ошиблась, хотя моей заслуги в том не было. Жослен довел меня до библиотеки, подталкивая в спину — к тому времени я достаточно осознала свою вину, чтобы не возражать. Но когда мы вошли внутрь, Делоне лишь на секунду поднял на меня глаза и взмахнул письмом, которое держал.

— Пришло, — коротко бросил он. — Баркель л'Анвер предлагает встретиться через два дня.

— Милорд, — я отчаянно пыталась сохранить хорошую мину при плохой игре, — замечательная новость.

— Да. — Он уткнулся в письмо, словно отпуская нас, но потом снова поднял глаза, и на этот раз в его взгляде я увидела бесстрастную решимость, которой так боялась. — Федра, один раз я тебя уже предупреждал. Больше не стану. Если ты снова покинешь этот дом без моего разрешения, я продам твой туар. Это все.

— Да, милорд.

Колени тряслись, и мне пришлось собрать все силы, чтобы, не дрогнув, развернуться и выйти из библиотеки, не подарив Жослену Веррею удовольствие упиться моим страхом. Прежде чем закрыть за собой дверь, я слегка приободрилась, услышав, как Делоне совершенно иным тоном спросил кассилианца:

— Где это тебя так ощипали, парень?

Жаль, что я не посмела задержаться, чтобы услышать ответ.

Судя по всему, л'Анвер согласился принять Делоне только на своих условиях. Местом встречи назначили маленькую усадьбу, где бывший посол жил, когда требовалось его присутствие во Дворце, в часе езды от Города — хорошо хоть не в герцогстве, которое располагалось на севере Намарры. Вдобавок Делоне навязали эскорт из двадцати вооруженных людей л'Анвера. Герцог не желал рисковать.

Поскольку все детали были оговорены заранее, мы не удивились, когда прибыл отряд сопровождения, и капитан гвардии л'Анвера постучал в дверь. Лошадь Делоне уже стояла под седлом, готовая пуститься в путь. Жослен порывался увязаться за господином, но тот сказал, что не видит смысла брать его с собой. Мол, при хорошем раскладе помощь Жослена не понадобится, а при плохом в одиночку кассилианец не сумеет обеспечить защиту от такого множества противников. Шестеро, возможно, и смогли бы, или даже четверо, но никак не один-единственный.

Однако Делоне просчитался: Баркель л'Анвер решил все по-своему. Капитан гвардии смерил Делоне вызывающим взглядом и скрестил руки на груди. Воин носил легкую кольчугу под темно-фиолетовой туникой с вышитым золотым гербом Анверов: мост над бурной рекой.

— Мне приказано привезти и остальных.

— Каких еще остальных?

— Девчонку д'Эссо и того парня, который будто бы узнал кое-что интересное. — Капитан выглядел донельзя самодовольным: Баркель л'Анвер крепко за нас взялся.

Делоне помедлил и покачал головой.

— Я ручаюсь за их слова. Мои ученики останутся здесь.

— Значит, и останетесь и вы. — Капитан развернулся кругом и махнул своим людям, которые тут же повертели коней.

— Подождите! — Алкуин рванулся мимо Делоне. — Я поеду. — Он повернулся к наставнику, прежде чем тот успел заговорить, и холодно добавил: — Нужно до конца разобраться с этим долгом. Вы же не отрицаете моего права присутствовать при вашей беседе, милорд?

Было ясно, что Делоне хотел бы удержать Алкуина дома, но не мог лишиться его последней капли гордости.

— Ладно, — коротко кивнул наставник и перевел взгляд на меня. — Нет. Не смей и заикаться.

— Милорд! — Я вздернула подбородок, решившись сыграть по-крупному. — Я рисковала не меньше каждого из вас двоих, чтобы эта встреча состоялась. Если вы сейчас отправитесь навстречу опасности без меня, не рассчитывайте, что по возвращении найдете меня здесь.

Делоне шагнул ко мне и тихо произнес:

— А ты не рассчитывай, что я не исполню свое предупреждение.

Посмотреть ему в глаза было трудно, но я это сделала.

— Правда, милорд? — я сглотнула, но продолжила: — И кому же вы продадите мой туар? Может, Мелисанде Шахризай? Уж она-то наверняка подыщет мне применение, ведь я поднаторела в интригах, которые даже вам не раскусить.

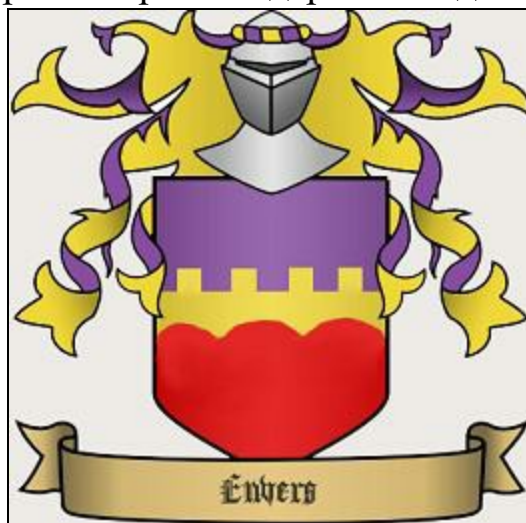


— Ладно! — Делоне неохотно поднял руки вверх. За его спиной виднелось ошеломленное лицо герцогского капитана. — Надо было вполонину урезать твои уроки, — проворчал наставник, — и дважды подумать, покупать ли туар дерзкой девчонки, обожающей смертельный риск! — Он повернулся к маячившему в дверях Жослену. — Раз так, ты тоже поедешь с нами, кассилианец, и не пощадишь живота своего ради моих воспитанников. Клянусь кинжалом Кассиэля, ты будешь казнен, если не сумеешь сохранить им жизни!

Жослен невозмутимо поклонился, но я заметила, как в его голубых глазах промелькнул страх. Да, спутником он был впечатляющим — капитан испуганно отступил, когда кассилианец вышел на свет.

В экипаж запрягли лошадей, коня Алкуина спешно оседлали для Жослена, и мы отправились в путь, выпуская изо ртов клубы пара в морозный утренний воздух. Развевающийся над нами фиолетово-золотой флаг Анверов и сверкающая броня солдат придавали нашей маленькой процессии по-военному парадный вид — в то время я была еще достаточно наивной, чтобы приходить в восторг от подобной чепухи. Кстати, четверо или пятеро из явившихся за нами мужчин, по всей видимости, не были ангелийцами. Они ехали с настороженным видом, а темные тюрбаны на головах прикрывали и лица. Калиф Хеббель-им-Аккада даровал л'Анверу земельные наделы, скакунов и людей — я сразу догадалась, что закутаные всадники были аккадианцами.

Загородная резиденция герцога показалась мне на удивление прелестной. Я прежде никогда не бывала в сельской усадьбе, если не считать поездку в Перринвольд, но его правильнее считать фермой, а не поместьем. Мы пересекли небольшую реку — зубчатый мост повторял изображение на гербе Анверов — и проехали по ухоженным садам, где садовники укрывали от холода разнообразные деревья из дальних земель.



Наверняка за нами наблюдали из башенок небольшого замка. Знаменосец припустил вперед и три раза приподнял стяг, со стены ответили тем же сигналом, и ворота открыли, впуская нас во двор. Слуги нас встретили вежливо, но вооруженный эскорт так и сопровождал нас в приемную герцога.

Комната была обставлена необычной мебелью — низкой и с подушками — и украшена аккадианскими гобеленами. Один из коренастых стульев с такой искусной резьбой, что сошел бы за трон, явно предназначался герцогу, но пока что пустовал. Один из угаданных мною аккадианцев вышел, а остальные наши сопровождающие во главе с капитаном выстроились вдоль стен. Я наблюдала за Делоне, подражая его действиям. Он был спокоен и внимателен, и ничто в его облике не выдавало волнения. Последив за ним, я воодушевилась.

Через несколько секунд послышался топот сапог по коридору, и в приемную вошел герцог л'Анвер.

Я никогда его не видела прежде, но ни на миг не усомнилась, что это он и есть. Солдаты дружно поклонились новоприбывшему, и наша четверка последовала их примеру.

Выпрямившись после глубокого реверанса, я подивилась, что герцог одет на akkaдианский манер. Тюрбан аметистового оттенка окутывал голову, а вместо дублета Баркель л'Анвер носил поверх штанов длинный свободный халат. Видны были только глаза, но, едва глянув в закрытое тюрбаном лицо, я сразу узнала отличительный фиолетовый цвет Анверов, такой же, как у Исандры де ла Курсель, приходившейся герцогу племянницей.

— Анафиэль Делоне, — протянул он, усаживаясь на резной стул, и смотал с головы длинное полотно. И снова я вспомнила Исандру, увидев его светлые волосы и бледную кожу, сильно загоревшую возле глаз. Герцог был пострижен короче, чем любой знакомый мне вельможа. — Так-так. Значит, явился извиниться за прегрешения против моего Дома?

Делоне шагнул вперед и снова поклонился.

— Ваша светлость, — обратился он к заклятому другу, — я явился предложить вам оставить нашу ссору в прошлом, где ей самое место.

Баркель л'Анвер расслабленно откинулся на спинку стула, скрестив ноги перед собой, но я ни секунды не сомневалась, что он опасен в любой позиции.

— После того как ты во всеуслышание обвинил мою сестру в убийстве? — спокойно спросил герцог. — Думаешь, я так просто оставлю это в прошлом и прощу тебя?

— Да, — кивнул Делоне, не теряя хладнокровия.

Некоторые солдаты возроптали. Герцог вскинул руку, даже не глядя, кто там возмущается.

— Почему? — с любопытством спросил он. — Я согласился встретиться с тобой и не прочь тебя выслушать, но никакие слова не помогут нам помириться. С чего бы мне тебя прощать?

Делоне глубоко вдохнул, и в его голосе затеплились новые интонации.

— Поклянетесь ли вы именем Элуа и вашим родом, ваша светлость, что моя песня оболгала вашу сестру?

Вопрос повис в воздухе. Баркель л'Анвер подумал и слегка шевельнул головой: не утвердительно, но и не отрицательно.

— Нет, клясться я не стану. Моя сестра была весьма честолюбивой и крайне ревнивой. Но если она и имела отношение к тому, что Эдми де Рокай упала с лошади, уверен, Изабель не собиралась ее убивать.

— Намерение несущественно, значение имеет только деяние.

— Может, так, — Баркель л'Анвер по-прежнему не сводил с Делоне глаз. — А может, и нет. Вторя твоей, будто бы оставшейся в прошлом, песне, предательница совсем недавно назвала мою сестру хладнокровной убийцей в присутствии короля и вельмож, и никто не стал это оспаривать. Пока что ты не дал мне весомой причины, чтобы простить тебя. Что еще у тебя за пазухой?

— Я дал клятву, — тихо сказал Делоне, — выгоду от которого получите и вы.

— Ах да, твоя клятва! — протянул л'Анвер и усмехнулся. — И ты намерен сдержать его даже после того, как старый Ганелон с тобою обошелся?

— Я клялся не Ганелону де ла Курселю.

Мне отчаянно хотелось, чтобы кто-нибудь из них добавил хоть пару слов, но ни Делоне,

ни герцог не стали продолжать эту тему. Делоне выпрямился как струна, а л'Анвер задумчиво обвел взглядом нас троих, дольше всех задержавшись на Жослене.

— Что ж, похоже, Ганелон воспринимает тебя достаточно серьезно, — вынес он непонятный мне вердикт. — Хотя я никогда не видел такой странной свиты. Две шляхи и кассилианец. Только ты способен собрать такую команду, Анафиэль. Ты всегда слыл непредсказуемым оригиналом, но это уже выглядит откровенным чудачеством. И который из них знает имя убийцы моей сестры?

Алкуин шагнул вперед и с достоинством поклонился.

— Я, милорд, — спокойно произнес он.

В тот момент я как никогда гордилась моим товарищем — даже больше, чем в день его дебюта. Клянусь, он держался собраннее, чем сам Делоне, и не дрогнул под пристальным лиловым взглядом герцога.

— Ты? — хмыкнул л'Анвер. — Ну, и кто же из Стрегацца, по-твоему, это сделал? — Он заметил промелькнувшее в глазах Алкуина замешательство и усмехнулся: — У меня есть свои уши в Городе, парень. Если Изабель и вправду убили, то, очевидно, ядом, а ни один истинный ангелиец не прибегнет к отравлению. Слышал, на тебя недавно напали и закололи твоего спутника, и куда-то запропал Виталь Бувар, который якшается со Стрегацца... а еще я слышал от д'Эссо, что в свое время этот самый Бувар заплатил за твою девственность неслыханную сумму. Так кого же из Стрегацца ты назовешь?

С губ Алкуина сорвался невольный смешок, и он с бесстрастным лицом повернулся к Делоне.

— Милорд?

— Скажи ему, — кивнул тот.

— Доминик и Тереза, — послушно произнес Алкуин.

Прежде мне не доводилось видеть лицо человека, решившегося на убийство. Тогда это случилось в первый раз. Баркель л'Анвер внезапно застыл с голодным и напряженным взглядом. Затем вздохнул, и наваждение исчезло.

— Привел ли Бувар какие-нибудь доказательства?

— Нет, милорд, — покачал головой Алкуин, — не привел. Но он рассказал мне, что привез подарок от Стрегацца для Изабель де ла Курсель: засахаренные фиги. Которые получил от Доминика из рук в руки. А из Стрегацца только Тереза знала, как сильно принцесса любит эти сладости. Бувар лично доставил ей лакомство.

— В ее покоях был найден пустой поднос, — припомнил л'Анвер. — Я принял его во внимание, как и многие другие. Но никто не доискался, ни что на подносе было, ни откуда он взялся.

— Поначалу Бувар пытался обвинить Лионетту де Тревальон, — продолжил Алкуин, — но я тогда рассмеялся и отмел его слова: слишком просто все валить на мертвую Львицу, не способную опровергнуть подлые враки. Не думаю, что Бувар солгал и во второй раз, — иначе зачем он покушался на мою жизнь и даже сбежал из страны.

— Знаешь, один из моих кузенов имеет немалое влияние в Серениссиме, — обратился л'Анвер к Делоне. — Мои руки длиннее твоих и гораздо сильнее, верно? Почему же ты взялся выяснять, кто убил Изабель? Напрашивается предположение, что ты надеялся найти себе союзников среди ее убийц.

— Не оскорбляй меня! — гневно оборвал герцога Делоне. — Пусть мы с Изабель порой и схватывались, но тебе-то известно, что единственным моим оружием против нее были

слова.

— Прекрасно сказано. Так почему тебя волнует, кто ее убил?

— А учи́тываешь ли ты, что у Доминика и Терезы Стрегацца четверо детей? Четверс урожденных принцев крови, которых возвращают в одном из Великих домов Земли Ангелов.

— Да, и учи́тываю, что принц Бенедикт еще полон сил, тогда как король с каждым днем слабеет. Потомки Бенедикта обладают большой властью в Серениссиме, и все чаще раздается шепот, что Бодуэн де Тревальон казнен безвинно, а имя дофины навсегда запятнано позорным злодеянием ее матери. — Баркель л'Анвер подпер кулаком подбородок. — Хочешь учить меня игре престолов? Охолопись, Делоне.

— Нет, ваша светлость, я не го́жусь вам в учителя. Но хочу поздравить вас с бракосочетанием вашей дочери, — с поклоном добавил Делоне.

— Благодарю, — слегка улыбнулся л'Анвер. — Что ж, не исключено, что ты прав. Похоже, в этом деле наши интересы и впрямь сходятся. Ты ведь понимаешь, что шаги, которые я, скорее всего, предприиму против Стрегацца, могут оказаться не совсем... благородными?

Делоне обвел взглядом строй вооруженных гвардейцев, задерживаясь на прикрытых тюрбанами лицах аккадианцев.

— У вас достаточно влияния, чтобы настоять на аресте и допросе Виталья Буvara, где бы он ни прятался. В обмен на свою жизнь мерзавец наверняка во всем признается. А Бенедикт проследит, чтобы справедливость восторжествовала.

— Думаешь? Ах да, вы же старые товарищи, еще с Битвы Трех Принцев. Что ж возможно, он так и поступит. Бенедикт всегда слыл оплотом справедливости. Не стоило ему жениться и входить в это каэрданское змеиное гнездо. Обещаю, если получится разобраться законными методами, я так и сделаю. — Баркель л'Анвер лениво побарабанил пальцами по резным подлокотникам кресла и переключился на меня. — Значит, ты и есть *ангуиссетта* Хильдерика, гм? Шпионишь за ним по указке Делоне, которому служишь?

Я присела в реверансе.

— Ваша светлость, я служительница Наамах. Милорд Делоне просто прибег к моей помощи, когда искал возможность привлечь ваше внимание. Он опечален отдалением между вами.

— Хм, не сомневаюсь. — Уголки губ л'Анвера дернулись в легкой усмешке. — Наверное, столь же опечален, как и отдалением от Буvara. Что ж, я хотел увидеть ловкачей, обведших вокруг пальца одного из лучших моих советников и самого пронырливого торговца в Земле Ангелов, а также проверить, достаточно ли отчаян Делоне, чтобы рискнуть вами обоими. Похоже, он действительно в безвыходном положении. — Задумчивый взгляд фиолетовых глаз вновь упал на Делоне. — Значит, все дело в том давнем обещании, Анафиэль?

— Если желаете обсудить эту тему, ваша светлость, — тихо произнес Делоне, — прошу вас о беседе с глазу на глаз.

— Так твои выкормыши ничего не знают? — Баркель л'Анвер приподнял брови и расхохотался. — Наловчился же ты привязывать к себе людей! О, я даже завидую, Анафиэль. Сколько припоминаю, те, кто впустил тебя в свое сердце, навсегда оставались тебе верны. Хотя бы отчасти. А ты? — с любопытством обратился герцог к Жослену. — Ты-то служишь ему не из-за любви, кассилианец. Что тебя держит?

Сверкнула сталь, когда Жослен отвесил свой обычный поклон.

— Я дал обет служить, как служил Кассиэль, ваша светлость, — спокойно ответил он. — И моя клятва тоже нерушима.

Герцог озадаченно покачал головой.

— Говорят, в провинциях старая кровь чище. Ты ведь из Сьоваля, парень? Твой Дом ведет начало от Шемхазая?

Жослен секунду поколебался и ответил:

— Да, Меньший Дом. Я средний сын и принес присягу Кассиэлю.

— Вижу, вижу, — сухо кивнул л'Анвер и вернулся к Делоне. — Что ж, тебе, наверное, приятно иметь в доме земляка, Анафиэль.

— Ваша светлость, — приподнял брови Делоне.

— Хорошо, будь по-твоему. — Баркель л'Анвер махнул рукой. — Все свободны. Бофор, отведи ребят на кухню и проследи, чтобы их досыта накормили. Нельзя небрежничать, принимая гостей. И передай там, что лорд Делоне и его спутники, конечно же, наши гости, — оскалился он. — Уверен, услышав это, дворня наконец успокоится. Итак, Анафиэль, поговорим?

После напряженного дня и опасной аудиенции мне казалось, что кусок в горло не полезет, но я ошибалась. Нас усадили за стол и подали теплый хрустящий хлеб, острый сыр и вкусное тушеное с овощами мясо — источник сил для людей герцога, хотя, понятно, что самому л'Анверу готовили другие блюда, — и я принялась уплетать угощение с не меньшим аппетитом, чем Алкуин и Жослен.

Какое-то время мы насыщались молча, сознавая присутствие в кухне хлопочущих слуг л'Анвера. Мы с Алкуином так и не рискнули бы заговорить, но сыграла свою роль наивность Жослена. Получив добавку мяса, он не выдержал и со стуком уронил ложку на стол.

— Кто он? — потребовал ответа кассилианец. — В Сьовале нет Дома Делоне! Кто он такой и почему префект моего ордена приказал мне ему служить?

Мы с Алкуином переглянулись и согласно покачали головами.

— Делоне скрывает от нас сведения, которые могут стоить нам жизни, — уклончиво ответила я и лукаво добавила: — Правда кое-что нам все же удалось выведать, но сущие крохи. Если ты считаешь, что он доверится земляку, попробуй, спроси его.

— Может, и спрошу, — упрямо набычился Жослен, сверкнув голубыми глазами.

— Удачи, кассилианец, — усмехнулся Алкуин.

Не знаю, что там произошло между Делоне и Баркелем л'Анвером после того, как нас выставили на кухню, но, похоже, они достигли какого-то согласия, пусть и с натяжкой.

Осенние дни становились короче и не приносили никаких новостей за исключением слухов о том, что на горных тропах Камаэльского хребта вновь видели скальдов. Делоне пребывал в ожидании, а я снова прохлаждалась без дела, и мой сундук оставался пустым, а туар не рос. Неудивительно, что я разозлилась, когда Алкуин в последний раз сходил к мастеру Тильхарду и закончил свой туар, получив больше свободы, чем я когда-либо в жизни имела.

Но злоба была несвойственна моей природе — только не отношению к Алкуину. Я сопровождала его к туарье и, как положено, разразилась восторгами, когда замысел художника обрел полное воплощение. Да, туар получился воистину великолепным. Плавные линии рисунка на светлой коже подчеркивали гладкость и стройность порозовевшей спины — жаровни в мастерской топили щедро. Изящные березовые листья, венчающие туар, заканчивались у самого затылка, где пробивались первые светлые волоски. Мастер Тильхард выглядел искренне довольным, пристально изучая плод своей работы, а его ученик, присоединившись к созерцанию, так залюбовался, что забыл покраснеть. Зато маячивший чуть поодаль Жослен смущенно зарумянился, едва переступив порог.

Оглядываясь назад на пройденный путь, легко определить поворотные моменты. Но когда они происходят, не всегда получается их распознать, хотя одно такое событие я сразу записала в знаковые. Я много дней предчувствовала его, смирялась с ним, рисовала в воображении, но, конечно, воображать и переживать наяву — совсем разные вещи.

Тем вечером мне не сиделось на месте, и я рано ушла к себе, но сон бежал от меня. Поэтому я и отправилась вниз в библиотеку, намереваясь подыскать что-то усыпительное из поэзии или книгу с захватывающим сюжетом. Увидев, как Алкуин проскользнул в библиотеку прежде меня, я едва не отправилась восвояси, поскольку не хотела лишний раз напоминать себе об изменении в его положении. Сама не знаю, почему я тогда не ушла: возможно, потому, что Алкуин двигался со странной решимостью, а я была приучена любопытствовать по поводу любой странности.

Он меня не заметил, и я тихонько остановилась рядом с дверным проемом, куда не доходил свет лампы, и стала наблюдать за происходящим в комнате. Делоне уже сидел там и читал; заложив пальцем страницу, он поднял глаза на вошедшего.

— Да? — Вопрос прозвучал приязненно, но в нем таилась некая напряженность. Конечно же, Делоне не забыл, что я сказала ему на террасе.

— Милорд, — нежно произнес Алкуин, — вы так и не соизволили взглянуть на мой законченный туар.

Даже на расстоянии я разглядела, как Делоне моргнул.

— Робер Тильхард превосходный туарье, — состорожничал он. — Не сомневаюсь, что он мастерски завершил работу.

— Да, мастерски. — В голосе Алкуина слышались несвойственные ему ироничные нотки. — Но, милорд, пока вы не одобрили мой туар, мы все еще связаны долгом. Взглянете?

Он говорил правду: согласно традициям Двора Ночи, туар посвященного считается законченным только после того, как дуэйн его одобрит. Не знаю, откуда об этом дознался

Алкуин. Не исключено, что просто верно угадал, хотя товарищ вечно удивлял меня обширностью своих познаний. В любом случае Делоне-то знал этот обычай доподлинно и, замявшись, отложил книгу.

— Взгляну, если ты того желаешь, — деловито сказал он, вставая.

Алкуин молча повернулся, расстегнул свободную рубаху и позволил ей соскользнуть с плеч. Его лунные волосы не были заплетены в косу, он собрал их рукой и перебросил через плечо наперед, так что густые сверкающие пряди зазмеились по груди. Темные глаза смотрели в пол, осененные длинными ресницами цвета потемневшего серебра.

— Милорд, вы довольны?

— Алкуин, — Делоне издал сдавленный звук, похожий на смешок, но только похожий, поднял руку и коснулся свежевывататуированных узоров туара. — Тебе больно?

— Нет. — С присущей ему грацией Алкуин повернулся и оказался лицом к лицу с наставником, обнял его за шею и заглянул в глаза. — Нет, милорд, мне не больно.

В коридоре я со свистом втянула в себя воздух, но двое в библиотеке меня не услышали. Делоне положил руки Алкуину на талию, и я ожидала, что наставник оттолкнет ученика; но Алкуин был наготове и успел притянуть Делоне к себе и поцеловать.

— Все, что я делал, — донесся до меня его горячий шепот, — я делал ради вас, милорд. Неужели вы откажете мне в одном единственном желании?

Возможно, Делоне что-то ответил, но я этого уже не слышала: мне хватило и того, что он не оттолкнул Алкуина. Неведомое мне доселе горе захлестнуло меня, затмило глаза жгучими слезами, и я, одной рукой держась за стену, отступила назад, не в силах больше наблюдать за ними. Нет, я не была романтической дурочкой и не имела привычки оплакивать мечты, которым не суждено сбыться, а с первого же года служения Наамах я знала, что мои дары Делоне не по вкусу. Но как же мне было больно, что Алкуин ему подошел. Каким-то чудом я нашла лестницу, добралась до своей комнаты и, стыдно признаться, пролила немало горьких слез, прежде чем изнемогла и наконец уснула.

Утром я проснулась опустошенной, буквально выпотрошенной. Как ни странно, стало полегче, когда я увидела еле заметные круги под глазами Алкуина и его солнечную улыбку. До того дня он так улыбался лишь однажды — после ночи с Мьеретт но Оркис. Ах, мне хотелось возненавидеть его, но я слишком хорошо понимала чувства Алкуина к Делоне.

О да, слишком хорошо.

А Делоне держался с обычным спокойствием, но что-то в нем расслабилось. Не могу описать словами — примерно то же самое я заметила в нем за городом. словно какая-то часть души, которую он день за днем крепко подавлял, вдруг задышала, и это было заметно и по голосу, и по манере двигаться, и по тому, что сегодня он чаще улыбался, чем скептически вздергивал бровь.

\* \* \* \* \*

Не знаю, что бы я натворила, если бы в тот день не пришли новости из Серениссимы. Подстрекаемая скукой и отчаянием, я уже была готова рискнуть и снова испытать терпение Делоне, и, представьте, меня мало заботило, продаст он в наказание мой туар или нет. Забавно вспоминать ту печаль, которая казалась мне убийственной, да, забавно вспоминать ее сейчас, когда я знаю, что в те дни еще не извела и десятой части настоящего горя. Но знание пришло ко мне позже, а тогда я чувствовала себя настолько несчастной, что всерьез хотела умереть.

К нам заехал граф де Фурсэ, Каспар Тревальон. После суда его дружба с Делоне еще

больше укрепились, а суровое испытание, постигшее его родных, он перенес с впечатляющим достоинством. Позорное пятно государственной измены не коснулось Фурсэ.

Новости из Дворца оказались неоднозначными. Принц Бенедикт действительно арестовал Виталья Бувара, но допросить не успел, так как в темнице торговца в первую же ночь удавили, и ходили слухи, будто тюремщика очень вовремя заменили человеком, который крупно проигрался Доминику Стрегацца. Должника-подменьша довольно скоро нашли — в канале с перерезанным горлом.

Принц Бенедикт, не будь дураком, послал за своим зятем Домиником. Но Баркель л'Анвер — а может, его влиятельный в Серениссиме кузен — должно быть, испугался, что змеязыкий Стрегацца легко отговорится от ничем неподкрепленных обвинений. И в пути на кортеж Доминика напали всадники в масках, которые мастерски поразили стрелами цель и ускакали неопознанными, оставив позади четыре трупа, в том числе злосчастного Доминика.

— Ходят слухи, — многозначительно добавил Каспар, — будто бы один из выживших заметил на лошади лучника аккадианскую сбрую — особые кисточки на узде или что-то вроде того. А ведь говорят, что герцог л'Анвер за годы служения в Халифате весьма проникся тамошними обычаями. Ты что-нибудь об этом знаешь, Анафиэль?

Делоне покачал головой:

— Баркель л'Анвер? Ты, верно, шутишь, друг мой.

— Отнюдь. А еще я слышал, что Бенедикт в своем докладе Ганелону добавил приписку с настоятельной просьбой допросить Баркеля л'Анвера. — Граф пожал плечами. — Возможно, принц и настоял бы на этом допросе, не возникни в Серениссиме другие заботы. Представь, у скальдов будто бы объявился новый военачальник. И под шумок все города-государства Каэрдианского Союза кинулись формировать военные альянсы.

— Правда? — нахмурился Делоне. Я предположила, что его беспокойство было вызвано отсутствием вестей от Гонзаго д'Эскобара, который ни разу не написал нам после вежливой благодарности за выполненный мною перевод. — Значит, Бенедикт воспринимает это всерьез?

— По всей видимости, всерьез. Он отправил письмо Перси де Сомервиллю, в котором предупредил, что в Камлахе нужно держать ухо востро. Нам повезло, что юный д'Эгльмор и его союзники стерегут границу.

— Несомненно, — пробормотал Делоне, и в его тоне я уловила какое-то умолчание. — Значит, о мстительных поползновениях Стрегацца пока не слышно?

— С мстостью не торопятся. — Уже тише Каспар добавил: — Скажу по секрету, друг мой: не думаю, чтобы Бенедикт де ла Курсель долго оплакивал зятя. Убежден, что он сам давным-давно вырвал бы этой гадюке зубы, если бы не опасался яда.

— И не зря. — Делоне не стал развивать эту мысль — но я поняла, что он имел в виду и, уверена, Каспар Тревальон тоже, — а перевел разговор на другую тему.

Я прислуживала им во время той беседы, но, выполняя свои обязанности, почти все время думала о другом. В подобных случаях мне больше помогало воспитание при Дворе Ночи, чем обучение у Делоне. Полезное умение приобрела я в детстве — любезно улыбаться и ловко подливать вино, даже когда сердце разбито. Наконец граф де Фурсэ ушел, и я воспользовалась возможностью обратиться к Делоне.

— Милорд, — вежливо начала я, — вы говорили, что когда ситуация с Буваром разрешится, я смогу вернуться к служению Наамах.



— Я так говорил? — с легким удивлением переспросил он; несомненно, обещания, данные мне, не представляли для него особой важности, к тому же, как я догадывалась, Делоне не выпался. — Да, припоминаю. Что ж, в свете последних новостей я, пожалуй, разрешу тебе вновь ходить на свидания — однако помни, что без кассилянца ты из дома ни ногой.

— Да, милорд. А вы получали какие-нибудь предложения насчет меня?

— И не одно, — сухо кивнул Делоне: по моим сведениям, предложения поступали потоком. — Ты имеешь в виду кого-то конкретного?

Я вдохнула и набралась смелости произнести вслух:

— У меня есть неоплаченный долг перед лордом Хильдериком д'Эссо.

— Д'Эссо? — изогнул рыжеватые брови Делоне. — Он обращался ко мне еще на прошлой неделе, Федра, но я хотел дать его гневу подостыть, прежде чем вы вновь встретитесь. Д'Эссо уже исчерпал свою полезность, больше мы ничего от него не узнаем, даже если Баркель затеет двойную игру. Но я в этом сомневаюсь. Герцог заключил со мной союз и успешно отомстил, и он достаточно умен, чтобы сейчас на какое-то время залечь на дно.

— Посылайте меня к кому хотите, милорд, — сказала я, именно это и подразумевая, — но как служительница Наамах я в долгу перед Хильдериком д'Эссо за тот ущерб, который нанесла ему в своем служении.

— Неплохо, — с любопытством посмотрел на меня Делоне. — Что ж, не стану тебе препятствовать. Передам тебе на рассмотрение другие предложения и подпишу договор с д'Эссо. — Он встал, погладил меня по голове и спросил с беспокойством в голосе: — Ты точно уверена?

— Да, милорд, — прошептала я и поскорее убежала, чтобы не захлебнуться слезами.

О том свидании предпочту не распространяться. Гнев д'Эссо действительно еще не остыл, чему я только обрадовалась, поскольку его ярость нашла во мне горячий отклик. Прежде я никогда не пользовалась своим искусством, чтобы отвлечься от тягостных мыслей, но в тот день я именно так и поступила. В том что происходило между нами, не было ни капли игры и ни грана обходительности: ограниченный только буквой подписанного договора, гневный д'Эссо поприветствовал меня резкой пощечиной, сбившей меня с ног. Я почувствовала вкус крови во рту и красная пелена Стрелы Кушиэля обволокла меня блаженным облегчением.

Я делала все, что приказывал лорд, и даже больше.

Когда он привязал меня к пыточному кресту, шероховатое дерево приласкало мою кожу как любовник. При первом же обжигающем поцелуе плети я закричала, беспомощно трепеща от наслаждения, а д'Эссо выругался и принялся яростно полосовать меня. В какой-то момент боль даже затмила удовольствие, и я разрыдалась от непереносимого сочетания того и другого, приправленного чувством вины и горькой обидой. Разрядка, на которую я так надеялась, о которой умоляла, не избавила меня от ощущения, что меня предали.

Закончив, д'Эссо повел себя нежно — чего я совсем не ожидала.

— Больше никогда, Федра, — прошептал он, ласково поглаживая меня и вытирая губкой кровь с рубцов, рассекавших мою спину. — Обещай, что больше никогда меня так не предашь.

— Нет, милорд, — пообещала я, захмелевшая от боли и очищения. Где-то в уголке сознания я даже понадеялась, что Делоне прав, и нам больше ничего не понадобится.

выведать у Хильдерика д'Эссо. — Больше никогда.

Он что-то неразборчиво пробормотал и продолжил промокать мои раны, время от времени отжимая губку. Теплая вода струилась по коже, тело переполняла блаженная усталость, и я возрадовалась, что после всех пертурбаций по-прежнему желанна для самого первого из моих поклонников. Да, скорее всего, я и его немного любила — служа Наамах, я никак не могла удержаться хотя бы от капельки любви к каждому из моих гостей. Никогда не говорила об этом Делоне, но, думаю, он и сам догадывался.

Не представляю, как я выглядела, когда наконец вышла в приемную д'Эссо. Помню, что слегка припадала на правую ногу, но, наверное, в глаза бросалось что-то похуже легкой хромоты, поскольку Жослен потрясенно выпучил глаза и вскочил на ноги.

— Во имя Элуа! — выдохнул он. — Федра...

От боли или от слабости, а может, от того, что никак не ожидала услышать из его уст мое имя, произнесенное с такой тревогой и сочувствием, мои колени подогнулись. Жослен в два шага преодолел разделявшее нас расстояние, бесцеремонно подхватил меня на руки и поспешил к двери.

— Жослен! — От раздражения разум прояснился. — Жослен, поставь меня. Я сама пойду.

Кассилианец упрямо покачал головой.

— Не когда я за тобой присматриваю! — Он кивнул лакею. — Открой дверь!

Когда мы вышли во двор, я обрадовалась, что свидание проходило в городском доме д'Эссо, а не в его дворцовых покоях — никто, кроме ошарашенного кучера, не видел, как Жослен Веррей нес меня к экипажу Делоне. Никто не видел, как моя сангровая накидка струилась по его рукам, по серому рубищу и по стальным наручам. Я пыталась не обращать внимания на силу этих рук и на твердость груди, к которой они меня прижимали.

— Идиот! — прошипела я, когда Жослен бережно устроил меня на сиденье. — С тобой или без тебя, именно в этом мое служение!

Жослен приказал кучеру ехать домой и сел напротив, сложив руки на груди и сердито глядя на меня.

— Если именно в этом твое служение, хотел бы я знать, в чем же мой грех, за который я приговорен смотреть на такое безобразие и не иметь права вмешаться!

— Я тебя в соглядатаи не приглашала. — Я невольно скривилась, когда экипаж тронулся с места и мою исхлестанную спину вжало в спинку сидения.

— И эта дуручка называет идиотом меня, — пробурчал Жослен.

Делоне не стал тратить много слов на мое потрепанное состояние, ограничившись сухим замечанием, что рад видеть меня относительно целой, и рекомендацией немедленно воспользоваться мазью иешуитского доктора, что я и сделала. Как я уже говорила, на мне все заживает с чудесной быстротой, и следы гнева Хильдерика д'Эссо вскоре сошли с моей кожи.

Пока я выздоравливала после искупительного свидания — меня останавливала не боль, а нежелание встречаться с поклонником, пока на теле сохраняются следы неистовства кого-то другого, — Делоне устроил небольшой ужин для нескольких избранных друзей. Среди них была и Телезис де Морне, и когда несколько дней спустя она снова нанесла нам визит, я подумала, что у нее дело к Делоне, но, как выяснилось, мое предположение было ошибочным. Телезис явилась, чтобы пригласить меня на театральное представление, поставленное по пьесе, написанной ее другом.

Кроме Гиацинта, до сих пор никто и никогда не приглашал меня куда-либо просто ради удовольствия пообщаться со мной, и я пришла в полный восторг.

— Можно мне пойти, милорд? — спросила я у Делоне, не пытаясь скрыть умоляющие нотки в голосе.

Наставник нахмурился.

— Со мной она будет в безопасности, Анафиэль. — Нежная улыбка согрела темные блестящие глаза Телезис. — Как-никак, я королевский поэт и в таком качестве нахожусь под личной защитой Ганелона. Вряд ли кто-то дерзнет с этим не посчитаться.

Лицо Делоне на секунду омрачилось, словно от старой раны.

— Да, верно, — заключил он. — Что ж, хорошо. Только ты, — указал он на меня, — будешь хорошо себя вести.

— Обещаю, милорд! — Забыв о своей щемящей обиде на него, я поцеловала Делоне в щеку и умчалась за накидкой.

Я не раз видела актеров в Сенях Ночи, когда они выразительно декламировали отрывки из новых постановок, но ни разу не смотрела спектакль целиком. Ах, это было великолепно. Пьеса исполнялась на древнеэллинский манер: актеры играли в роскошных масках, а реплики произносились очень напевно, порой даже с подвыванием. В общем и целом я получила истинное наслаждение. По окончании спектакля я прямо-таки светилась от восторга и то и дело благодарила Телезис.

— Я так и думала, что тебе понравится, — заулыбалась она. — До женитьбы отец Иафета был посвященным Дома Шиповника, и вне стен Двора Ночи это первая пьеса которая столь своеобразно представляет жизнь Наамах. Хочешь познакомиться с автором?

Мы пошли в закулисье. Действие на подмостках напомнило мне церемонный танец, а в примерных царил настоящий хаос. С масками обращались бережно — актеры очень суеверный народ, — но костюмы и реквизит валялись где ни попадя, пока театральная братия бурно обсуждала успешное представление, то и дело переругиваясь.

Я сразу же угадала автора, поскольку только он был полностью одет. Заметив Телезис, драматург с сияющим взглядом радостно поспешил к ней, распахнув объятия.

— Дорогая! — воскликнул он, поцеловав ее в знак приветствия. — Ну что, как тебе? Понравилось?

— Чудесно, — улыбнулась ему Телезис. — Иафет но Эглантин-Варденн, знакомься, это Федра но Делоне, и ей тоже очень понравилась твоя пьеса.

— Рад знакомству. — Иафет галантно поцеловал мне руку. Молодой и миловидный, с каштановыми кудрями и теплыми карими глазами. — Мы тут собираемся пропустить по стаканчику в «Маске и лютне». Пойдете с нами? — спросил он, снова переключившись на Телезис. — Отметим наш триумфальный дебют.

Прежде чем поэтесса успела ответить, у двери началась какая-то возня. Один из актеров ахнул, и разговоры вдруг разом смолкли — за кулисы вошел высокий мужчина, одетый как придворный. Я тоже узнала его по часто пародируемому вытянутому лицу и привычке махать у себя под носом надушенным платочком: лорд Тьерри Руаль, королевский министр культуры. Иафет посерьезнел и поклонился.

— Милорд Руаль, — осторожно начал он, — вы оказываете нам большую честь.

— Да, конечно, — скучаяще протянул министр, взмахивая платочком. — Ваша пьеса не лишена достоинств. Дней через пять сыграете ее для короля. Мой помощник обеспечит вас всем необходимым для постановки. — Еще один взмах платком. — Хорошего вечера.

Все задержали дыхание, пока вельможа не переступил порог, а затем разразились восторженными возгласами и принялись обниматься. Иафет улыбнулся Телезис:

— Теперь-то вы просто обязаны к нам присоединиться!

«Маска и лютня» была таверной для актеров, и туда впускали только членов Гильдии и их гостей. Телезис де Морне, как королевского поэта, конечно, приветили бы в любое время, но меня саму по себе точно не пустили бы — повезло, что подвернулась такая возможность. Довольная, я сидела, попивая вино, и восхищалась детской непосредственностью актеров, которые со сцены величаво властвуют над публикой, а сойдя с подмостков, ругаются по глупейшим поводам и разыгрывают между собой ничтожнейшие драмы. Как тут не вспомнить о жестоком соперничестве, царящем в закулисье Дома Кактуса.

Я не прислушивалась к беседе Иафета и Телезис о поэзии, но, когда разговор свернул на политику, наострила уши.

— До меня дошел удивительный слух, — понизил голос драматург. — К одной актрисе из моей труппы питает слабость распорядитель королевских покоев, он-то и рассказал ей, будто бы герцог д'Эгльмор приватно встречался с королем и просил руки дофины. Это правда?

— Первый раз слышу, — покачала головой Телезис и с улыбкой добавила: — Но у меня нет знакомых в королевских покоях.

— Да кому они нужны, — закатил глаза Иафет. — Если только не ради таких ценных новостей? Но я попросил ту актрису покамест придержать язык. Не хочу рисковать возможностью сыграть мою пьесу при дворе.

— О, уверена, вы устроите великолепное представление.

Я помолчала еще пару вздохов, но потом не удержалась.

— И что ему ответил король? — с наивным любопытством поинтересовалась я.

— Отказал безо всяких объяснений, — пожал плечами Иафет. — Как и всем прежним соискателям. Продаю, почем купил. Может, д'Эгльмор рассчитывал на благодарность за то, что вывел на чистую воду Тревальонов? Скорее всего, какая-то награда ему и вправду достанется, но уж никак не дофина. — На этом Иафет резко сменил тему.

Хотя я не была ни поэтессой, ни актрисой и не понимала многое из того, о чем вокруг говорили, я прочитала достаточно книг, чтобы от души насладиться и беседой, и

непривычной обстановкой. Когда Телезис привезла меня в экипаже домой, я снова рассыпалась в благодарностях. Она ласково улыбнулась и взяла меня за руки.

— Я рада, что сумела тебя развлечь, Федра, — сердечно сказала она. — Мы с Анафиэлем знакомы очень давно. Если ты хоть немного любишь своего учителя, не суди его слишком строго за то, что он делает. В своей жизни он многое потерял, и не последнее место в списке потерь занимают его стихи, его творчество. Ах, когда бы не... ну, сложились обстоятельства иначе, скорее всего именно он, а не я, был бы сейчас королевским поэтом. Алкуин словно послан ему в утешение, хотя сам Делоне может этого и не осознавать. Позволь ему этот маленький кусочек счастья.

— Постараюсь, миледи, — пообещала я, смущенная ее пронизательностью и добротой. Телезис снова улыбнулась и пожелала мне спокойной ночи.

Если бы не последующие события, я, возможно, и забыла бы сплетню, которой поделился драматург. Конечно, я передала его слова Делоне, который, если и удивился, то не самому сватовству, а что Исидор д'Эгльмор так долго тянул с предложением. И ответ короля явно не стал для Делоне неожиданностью. На этом я бы и выбросила неудавшееся посягательство на трон из головы, если бы днем позже не прибыло адресованное Делоне приглашение посетить постановку «Страстей Наамах» Иафета но Эглантина-Варденна в дворцовом театре.

Думаю, Делоне недооценил приглашение — его далеко не впервые звали ко двору. Но я, увидев конверт, сразу отметила на нем печать Дома Курселей.

\* \* \* \* \*

Так получилось, что на день спектакля у меня было назначено обещанное свидание с лордом Роже Клавелем, вернувшимся из Хеббель-им-Аккада с герцогом л'Анвером. В какой-то степени я даже предвкушала эту встречу, поскольку по прежнему опыту знала, что перетруждаться не придется, и вдобавок надеялась, что и второй подарок Роже по щедрости не уступит первому. Делоне поначалу отклонил предложение Клавеля прислать за мной экипаж, однако, получив приглашение во Дворец, все же решил принять его любезность. Я сразу сообразила, что наставнику нужна карета для себя. Не годится являться на королевский прием взмыленным после скачки верхом.

Жослен, конечно, обязан был меня сопровождать. Мы мало разговаривали после моего свидания с д'Эссо, но я не сомневалась, что навязанная служба по-прежнему его не радовала. «Что ж, — думала я, — Роже Клавелем он останется доволен, поскольку этот поклонник вряд ли посягнет на мою целостность и сохранность».

И опять Жослен томился в ожидании, на этот раз в дворцовых покоях лорда Клавеля — как я заметила, более роскошных чем те, где он принимал меня в прошлый раз, — пока я предавалась моему служению. Смею сказать, Роже остался вполне удовлетворен нашей встречей и даже не заметил, что мыслями я пребывала совсем в другом месте. Я не могла не думать о пьесе Иафета на подмостках дворцового театра и о любопытном приглашении на спектакль для Делоне. Роже Клавель предпочел дневное свидание, и, резвясь с ним, я отсчитывала часы до начала представления. Ранним вечером мы уже закончили любовные игры, и я принялась обмахивать поклонника веером, пока он лежал на подушках, обсыхая от выступившего пота. Наконец он поднялся, накинул халат и направился к сундуку, а у меня появилась идея.

— Спасибо, милорд, — промурлыкала я, пристегивая туго набитый мешочек с монетами к поясу.

— Ты исполнила, что обещала, милая, и даже больше, — воодушевленно посмотрел на меня он. — Вообще, мои ожидания, Федра, сбылись с избытком. Король пожаловал мне прекрасное имение в Ланьясе. Как думаешь, твой господин Делоне позволит мне увидеть тебя еще раз?

— Возможно. — Я задумчиво оглядела его. — Милорд Клавель, а нет ли из ваших покоев другого выхода?

— Ну, разве что проход для слуг на кухню, — удивился он. — Почему ты спрашиваешь? Я предвидела этот вопрос и заранее заготовила ответ.

— Есть... один человек... которого мне нужно повидать. Он сделал Делоне некое предложение, — добавила я, подпустив в голос неуверенность, которую показать, что имя поклонника назвать не смею. — И он наверняка обидится, увидев на пороге кассилианца, столь чуждого восторгам плоти, но, вы же знаете, как ревностно члены братства относятся к своим обязанностям. У меня есть послание от Делоне для этого человека, но не хочется его передавать в присутствии моего мрачного сторожа.

— Я мог бы передать это послание вместо тебя, Федра.

— Нет! — испуганно покачала я головой. — Милорд, служители Наамах славятся тем, что не предадут огласке секреты своих гостей. Умоляю, не прельщайте меня простым решением, предполагающим отступление от наших правил. Но если вы отправите свой экипаж к западному крылу и передадите брату Веррею, чтобы он ждал меня там, я... а, возможно, и еще кое-кто... будем перед вами в долгу.

Роже Клавель некоторое время обдумывал мое предложение, и я видела, как он взвешивал риски и возможную выгоду. Расчет вышел в мою пользу, и он кивнул, отчего пухлые складки подбородка заколыхались.

— Что ж, для меня это не составит труда. Так ты замолвишь за меня словечко перед Делоне?

— Непременно. — Я набросила накидку на плечи и с улыбкой поцеловала толстяка в щеку. — Я тоже не прочь увидеться с вами еще раз, милорд.

Конечно же, я не знала Дворец так же хорошо, как его обитатели, но мне казалось, что в голове у меня достаточно ясный его план, чтобы добраться до театра в западном крыле. Эти помещения были настолько вместительными и своеобразными, что даже провинциал не прошел бы мимо. Но, впервые очутившись в узких, извилистых и полутемных проходах для слуг, я умудрилась заблудиться. Довольно долго проплутав, я шагнула в первый же подвернувшийся пустой коридор Дворца и заморгала от яркого света.

Из-за угла донеслись шаги. По стуку подошв я догадалась, что приближаются двое мужчин в сапогах, причем шли они быстро. Их голоса достигли меня до того, как я увидела самих говорящих.

— Клянусь мечом Камаэля! — возмущенно воскликнул один. — Не так-то много я и попросил за спасение королевства! Казалось бы, старый дурак должен понимать, чем мне обязан!

— Может, он и прав, Исидор. Ты же не думаешь, что Искатели Славы пойдут за тобой после того, как ты предал их ненаглядного Бодуэна? — несмело возразил второй. — В любом случае они ведь не из Камлаха и не имеют перед тобой вассального долга.

— Да в Искателях осталась от силы сотня воинов, обученных сражаться в горах. Пусть не все, но многие наверняка не отказались бы пополнить, ну, или возглавить мои отряды, и вскоре можно было бы, разъединив, сбросить эту банду со счетов. Но не суть важно! Если

придется, я наберу рекрутов в селах. Посмотрим, как Курселю понравится, когда ангелийские крестьяне начнут за него умирать. Он волей-неволей отдаст мне Искателей Славы. И не только. — Исидор д'Эгльмор вышел из-за угла и, заметив меня, остановился. — Постой-ка, Виллье, — скомандовал он, поймав спутника за рукав.

Мне ничего не оставалось, кроме как присесть в глубоком реверансе, а потом, склонив голову, попытаться продолжить путь, но д'Эгльмор схватил меня за руку, взяв за подбородок, заставил поднять лицо и стал его пристально разглядывать.

— Кто ты и кому служишь?

— Я служительница Наамах, милорд.

Он внимательно всмотрелся в мои глаза и узнал их.

— Похоже на правду. Я ведь уже видел тебя у Кактуса, да? Это ведь ты поднесла Бодуэну де Тревальону ритуальный *отрад* в ночь Средизимнего бала. — Он выпустил меня. От железной хватки на руке остались красные пятна. Взгляд молодого герцога обволакивал и оковывал меня, словно лед — черные скалы. — Что ж, храни молчание, как и подобает служительнице Наамах, и берегись, чтобы не принести мне ту же удачу, что и злосчастному принцу, маленькая посвященная. Я здесь по делам Камаэля, и, навредив мне, ты оскорбишь его.

— Да, милорд, — снова присела я, по-настоящему напуганная и впервые обрадованная тем обстоятельством, что знатный вельможа — завидный гость — не признал во мне *ангуиссетту* Делоне. Мужчины пошли дальше, спутник герцога — как я догадалась, граф Виллье — один раз быстро на меня оглянулся. Вскоре их шаги затихли.

Если бы я не заблудилась, то этого переплета мне бы хватило, чтобы отказаться от рискованного плана, но все сложилось, как сложилось, и у меня не оставалось другого способа выбраться из бесконечных незнакомых переходов, кроме как добраться до западного крыла. За время пути я подуспокоилась, и любопытство снова взяло верх над страхом.

Но я кое-что забыла: Дворец есть Дворец, и королевские гвардейцы с копьями стояли у каждого входа в театр. Стараясь к ним не приближаться, я издали вгляделась в обширный темный зал и увидела на сцене актеров под замысловатой конструкцией с множеством светильников, но неосвещенные лица зрителей различить не смогла. Королевская ложа просматривалась, и там было пусто. Разочарованная, я развернулась, собираясь пройти к западному выходу из Дворца.

И как раз вовремя, чтобы увидеть выходящего из зрительного зала Делоне, который читал какую-то записку.

Шагни я вперед, и он бы меня заметил. Быстро приняв решение, я на ходу сняла сангровую накидку, повесила на руку и направилась к задней части театра. Если он сооружен по тому же принципу, что и другие подобные строения, то я смогу спрятаться в помещениях для актеров. Страшно было представить, как разгневается Делоне, поймав меня здесь. Нет, лучше испытать судьбу с Исидором д'Эгльмором, чем попасться на глаза наставнику.

По счастью, я угадала верно и обнаружила первую же примерную открытой и пустой, с беспорядочно раскиданными костюмами и прочим реквизитом. Из соседнего помещения доносился лихорадочный шорох, но мое временное пристанище располагалось достаточно далеко от сцены, чтобы во время спектакля оставаться незадействованным. Уверена, эти покои были гораздо роскошнее тех каморок, к которым привыкла актерская братия. В глаза бросалось огромное зеркало в бронзовой раме выше моего роста, по всей видимости, очень

дорогое. Я остановилась, чтобы взглянуть на свое отражение и собраться с мыслями, и тут зеркало начало поворачиваться, словно дверь, на хитро спрятанных петлях.

В коридоре стоял Делоне, зеркало скрывало пугающую неизвестность — выбора у меня не было. В любом другом месте я бы просто попросила Иафета но Эглантин-Варденна меня спрятать, но во Дворце я не смела рисковать. И воспользовалась единственным возможным убежищем — заползла под заваленный одеждой стул. Потянувшись между ножками, подвинула поближе кусок декорации и, скорчившись, взмолилась Элуа, чтобы никто меня не заметил. Между краем импровизированного щита и спускавшимся до пола подолом яркого платья я оставила для наблюдения маленькую щелочку.

Зеркало встало перпендикулярно к стене, и теперь в нем отражалась вся гримерная. Я увидела в отражении стул, под которым пряталась: наваленные на нем костюмы целиком меня скрывали. В комнату скользнула высокая стройная женщина в плотном плаще с опущенным капюшоном; черты ее лица оставались для меня невидимыми, но по ее грациозным движениям, пока она притворяла за собой тайную дверь, я сочла, что незнакомка молода.

И тут в комнату вошел Анафиэль Делоне.

Я едва не выдала себя судорожным вздохом и задержала дыхание. Делоне внимательно оглядел гримерную и поклонился женщине в капюшоне.

— Я пришел, получив вот это письмо, — сказал он, протягивая ей какой-то листок.

— Да. — Голос незнакомки оказался юным, хотя и приглушенным из-за капюшона. Она сложила руки на груди и спрятала ладони в рукавах, не став забирать записку. — Я... моя госпожа велела мне узнать, какие у вас новости по... интересующему ее вопросу.

— Новости по интересующему ее вопросу, — с расстановкой повторил Делоне. — А как я могу проверить, кому вы служите, миледи?

Женщина завозилась в рукавах своего платья. На мгновение выпростала руку и подала Делоне некий блестящий предмет.

— Вам знаком этот перстень? — спросила она.

Вертя опознавательный знак в пальцах, Делоне не сводил с него глаз.

— Знаком, — пробормотал он.

— Я... моя госпожа просит вас подтвердить, правда ли, что этот перстень явился залогом вашей клятвы?

Делоне посмотрел на нее задумчиво.

— Да, Исандра, — ласково произнес он, — это правда.

Она резко вдохнула, затем подняла руки и сняла капюшон, и я увидела бледно-золотистые локоны Исандры де ла Курсель.

— Вы знали, — кивнула она, и я узнала ее голос, теперь не приглушенный складками капюшона. — Тогда скажите, какие у вас есть новости.

— Никаких, — покачал головой Делоне. — Пока что я жду вестей от Квинтилия Русса. И незамедлительно передам их Ганелону.

— Мой дед... — с некоторой резкостью в голосе отозвалась дофина и заходила по комнате, не сводя глаз с Делоне. — Значит, мой дед использует вас, в то же время не подпуская ко мне. Теперь я в этом убедилась со всей определенностью.

— Миледи, — так же ласково произнес Делоне, — для вас небезопасно находиться здесь, равно как для нас обоих обсуждать... этот вопрос.

Исандра скептически усмехнулась.



— Это лучшее, что я смогла придумать. Вы же знаете, что после смерти матери я живу в покоях королевы. Несколько столетий назад одна королева, Жозефина де ла Курсель, влюбилась в актера. По ее приказу и построили этот тайный ход. — Она подошла к замаскированной зеркалом двери и нажала на спрятанный рычажок, слегка ее приоткрывший. Брови Делоне приподнялись. — Милорд Делоне, я совсем одна, у меня нет друзей, способных оказать мне существенную помощь, и я не знаю, кому в такой ситуации могу доверять. Если вы верны своей клятве, я надеюсь получить от вас дельный совет.

Делоне поклонился, чего не сделал, когда она откинула капюшон. Выпрямившись, он вернул ей перстень.

— Я к вашим услугам, миледи, — тихо сказал он.

— Тогда идemте со мной. — Она шагнула в проход, исчезнув с моих глаз. Не колеблясь, Делоне последовал за ней. Зеркало закрылось за ними, снова идеально встроившись в стену.

Я еще несколько минут просидела в тесной норке под стулом, пока не удостоверилась, что они действительно ушли. Затем, отодвинув кусок декорации, выползла из укрытия и глянула в зеркало, чтобы проверить, выгляжу ли такой же ошеломленной, как себя чувствую. Да уж.

Глубоко вдохнув, я собралась с силами, выскользнула из гримерной и двинулась в сторону западного выхода, где пришлось разбираться с новыми неприятностями.

Теперь я столкнулась с очень разгневанным кассилианцем. Мне уже доводилось видеть Жослена побелевшим от ярости, но на сей раз, поджидая меня у экипажа Клавеля, он так побагровел, что казалось, будто его вот-вот хватит удар.

— Я не позволю, — сквозь зубы прошипел он, — чтобы над моими обетами потешалась какая-то...

— Жослен, — оборвала я, полумертвая от усталости, которая неизменно накатывала на меня после долгих треволнений, — разве главный обет твоего ордена не в том, чтобы перво-наперво защищать потомков Элуа?

— Это известно всем, даже тебе, — неуверенно пробурчал он, не в силах разгадать, к чему я веду.

Я не стала церемониться.

— Тогда придержи язык и ни о чем у меня не допытывайся, потому что то, чему я сегодня стала свидетельницей, может подвергнуть опасности Дом Курселей. А если тебе достанет наивности донести на меня Делоне, наказания не избежать нам обоим. — С этими словами я забралась в экипаж, готовая ехать домой.

Спустя минуту Жослен отдал распоряжения кучеру и присоединился ко мне. Ярость никуда не делась, но теперь в его взгляде читалось еще и любопытство.

Делоне вернулся глубокой ночью, а наутро был тих и задумчив. Я не сомневалась, что Жослен первым делом бросится докладывать ему о моем побеге, но, как ни удивительно, ошиблась. Кассилианец занялся своей воинской разминкой, несмотря на холод, и любо-дорого было посмотреть, как его кинжалы-близнецы выписывали в воздухе замысловатые узоры.

Я наблюдала за ним с террасы, и хотя закуталась в сто одежек, все равно дрожала от холода. Закончив, Жослен убрал клинки в ножны и подошел ко мне.

— Клянешься, что твоя просьба не умаляет моих обетов? — тихо спросил он.

Долгие энергичные упражнения, а он даже не запыхался! Сама-то я еле дышала, просто постояв на кусачем морозе.

— Клянусь, — кивнула я, пытаюсь не стучать зубами.

— Хорошо, тогда я ничего не скажу. — Он поднял закованную в металл руку с вытянутым указательным пальцем. — Но только на этот раз. Если ты пообещаешь больше никогда не обманывать меня, находясь под моей защитой. Что бы я об этом ни думал, Федра, я не стану мешать тебе исполнять твой долг перед Наамах. Сам я посвящен Кассиэлю и присягнул служить и защищать, и жду от тебя лишь того же уважения к моим обетам, какое готов оказать твоим.

— Клянусь, — повторила я и обхватила себя руками. — Давай, пойдем в дом?

Огонь пылал в камине библиотеки — самой теплой комнаты в особняке, — именно туда мы и направились. Делоне там не было. За длинным столом, на котором были разложены фолианты и свитки, работал Алкуин. Увидев нас, он слегка улыбнулся. Я села напротив, вгляделась в изучаемые им материалы и сразу же узнала сочинения различных авторов, посвященные Хозяину Проливов.

— Думаешь, у тебя получится разгадать его тайну? — Я приподняла брови.

Алкуин пожал плечами и улыбнулся.

— Почему нет? Может, я найду собственный путь и не попаду в тот же тупик, что и многие другие.

— Ты про Делоне, что ли? — спросил Жослен, оглядывая полки. Взял какую-то книгу и пролистал, качая головой. — Да, тут не ошибешься: эта библиотека принадлежит лорду из Сьовалья. Полное собрание тамошней зауми, кроме разве что «Потерянной книги Разиэля». Неужели Делоне и по-иешуитски умеет читать?

— Почему нет? — протянула я. — Значит, все сьовальцы ценят умствования?

— Один старый арагонский философ год за годом каждую весну перебирался через горы, чтобы посетить наше имение, — сказал Жослен, ставя книгу обратно и улыбаясь. — В пору цветения вишни они с моим отцом неделями спорили, predetermined ли человеческая судьба. Совсем охрипнув, этот старик возвращался к себе в Арагонию. Интересно, договорились ли они хоть до чего-нибудь.

— Как давно ты не был дома? — полюбопытствовал Алкуин.

Жослен вновь перешел на формальный тон, словно его на чем-то подловили.

— Мой дом там, где прикажет долг.

— Ой, да перестань ты строить из себя упертого кассилианца! — воскликнула я. — Значит, то, что вы земляки не помогло тебе разгадать тайну Делоне?

Жослен замер и покачал головой.

— Нет, — с сожалением признал он. — Моя старшая сестра справилась бы лучше. Когда-то она составляла древо всех потомков Шемхазая, каждого съовальского Дома — и больших и малых. Вот она бы сразу прояснила, ветви какого рода скрываются в тумане. — Жослен сел и рассеянно почесал руку под левым наручем. — Одиннадцать лет прошло, — тихо добавил он, — с тех пор как я последний раз видел свою семью. Мы приносим обеты в двадцать лет. Навестить родных мне позволят не раньше, чем в двадцать пять, и то если префект сочтет, что я хорошо послужил Братству.

Алкуин присвистнул.

— Я же тебе говорила, что и его служба совсем не сахар, — обратилась я к товарищу. — А как насчет тебя? Приблизился к разгадке тайны Делоне?

Я пыталась следовать доброму совету Телезис де Морне, но она просила проявить терпение к Делоне, а не к Алкуину, и в моих словах даже я сама услышала визгливые нотки долго сдерживаемой ревности. Вдобавок к прежним вопросам после вчерашнего приключения у меня прибавились новые. Кем является Делоне для Дома Курселей, раз Ганелон то и дело его использует, что их связывает? Чего от Делоне добивается Исандра де ла Курсель, и какой такой «вопрос» желала с ним обсудить? Ну и до кучи, что за клятву он принес и на чьем перстне?

Может, Алкуин и не догадывался, какие вопросы роятся в моей голове, зато он наверняка понимал, откуда растут ноги у моей враждебности. Не отвечая, он просто сидел и смотрел на меня мрачными темными глазами.

— Так тебе уже все известно, — внезапно догадалась я. — Он тебе сам рассказал. — Охваченная гневом, я толкнула ближайшую стопку книг. — Будь ты проклят, Алкуин! Мы же обещали друг другу всегда делиться всем, что узнаем!

— Да, обещали, но до того, как я узнал то, что узнал. — Алкуин спокойно переложил самые хрупкие свитки за пределы моей досягаемости. — Федра, клянусь, в целом эта история остается для меня секретом. Анафиэль доверил мне очень немного, только чтобы я помог ему кое в чем разобраться. И взял обещание не откровенничать с тобой, но только до тех пор, пока не закончен твой туар. Тебе же осталось совсем немного, не правда ли?

— Взглянешь? — холодно спросила я.

Да, тот же самый вопрос, что он задал Делоне. Алкуин вспомнил и покраснел — румянец на белой коже выделялся столь же явственно, как вино в алебастровой чаше. Он и раньше понимал, что их сближение для меня не секрет, но не подозревал, что я своими глазами видела, как все начиналось. Но не в его характере было отрицать правду; залившись краской, Алкуин прямо посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я не уловила и тени обмана.

— Именно ты сказала ему о моих чувствах, Федра. Не зарони ты ему в голову эту мысль, может, он и дальше избегал бы меня.

— Хм, твоя правда... — Мой гнев внезапно утих, я обхватила голову руками и вздохнула. Жослен недоуменно смотрел на нас, моргая. Да уж, непросто со стороны разобраться в ссоре между учениками Анафиэля Делоне. — Я ясно видела, что ты в него влюблен, а Делоне при всем своем уме тупил как свинопас, если дело касалось тебя. Он позволил бы твоему сердцу зачехнуть в его тени, прежде чем понял бы, что к чему. Но я не ожидала, что от вашего счастья мне будет так больно.

Алкуин подошел, сел рядом и обнял меня.

— Прости, — пробормотал он. — Честно, мне очень жаль.

Краем глаза я заметила, как Жослен бесшумно встал, отвесил поклон и тактично удалился из библиотеки. Где-то в дальнем уголке своего расчетливого сознания я пожалела, что мы отпугнули его, едва он впервые слегка расслабился в нашей компании. Но мы с Алкуином так тесно жили бок о бок у Делоне, что рано или поздно этот разговор неизбежно случился бы.

— Верю, — усмехнувшись, кивнула я. Дыхание перехватило, но я уже выплакала все слезы. — И мне жаль, очень жаль, что в тебе нет ни капли зла, Алкуин, за которое я могла бы тебя ненавидеть. Что ж, остается только пожелать тебе всего хорошего, хотя вот так молчать про самое интересное бессовестно с твоей стороны.

Алкуин фыркнул, овеяв теплым дыханием мое ухо. Его белые волосы рассыпались по моему плечу, смешиваясь с моими локонами цвета собольего меха.

— Что ж, я поступил бы точно так же.

— Не сомневаюсь, — согласилась я. Запустила пальцы в наши волосы, затем отделила две прядки и переплела их вместе, белую и темную. Алкуин не отодвигался, обнимая меня и наблюдая за моими манипуляциями. — Смотри, вот наши с тобой жизни, связанные Анафиэлем Делоне.

Который как раз в эту секунду вошел в комнату и кашлянул.

Алкуин испуганно вскинул голову, дернув меня за волосы так сильно, что я ойкнула. Наверняка мы выглядели по-дурацки. Губы Делоне слегка дрогнули, но он сумел сохранить серьезность.

— Мне подумалось, тебе небезынтересно будет узнать, Федра, — произнес он церемонно, — что Мелисанда Шахризай прибыла к нам с визитом и просит тебя о свидании.

— Во имя Элуа! — Теперь уже я дернулась и потянула за косичку, отчего Алкуин вскрикнул. Я принялась лихорадочно распутывать переплетение разноцветных прядей. — Ну почему она не прибегла к посреднику, как все нормальные люди?

— Во-первых, потому, — смешливо отозвался Делоне, — что она моя давняя знакомая и держится с нами на короткой ноге, А во-вторых, потому, что ей нравится заставить тебя врасплох. Скажи спасибо, что я попросил Мелисанду подождать в приемной, пока схожу за тобой. Передать ей, что ты сейчас к нам присоединишься?

— Да, милорд.

Я наконец расплела нашу косу и спешно занялась своими кудряшками, пытаюсь привести их в какой-никакой порядок. Алкуин рассмеялся: он лишь один раз провел пальцами по своей гриве, и блестящий белый шелк гладко заструился по его спине. Я одарила его яростным взглядом, гадая, успею ли переодеться в более соблазнительное платье. Делоне, покачав головой, вышел из библиотеки.

В конце концов я решила идти в чем была, в теплом шерстяном балахоне, который надела, чтобы понаблюдать за упражнениями Жослена. Мелисанду Шахризай еще больше позабавило бы, прояви я неуверенность в себе и попытайся обрести поддержку в богатом наряде. Она приехала без предупреждения — что ж, следуя примеру учителя, встречу ее в домашней одежде, в которой застал меня ее визит.

Я услышала дружный смех еще до того, как вошла в комнату; кем бы они ни были друг для друга, Мелисанда и Делоне всегда умели найти смешное для них обоих. Я надеялась, что наставник не развлечет гостью, описав ей сцену, которой только что стал свидетелем — бессмысленная жестокость была не в его характере. Он поманил меня внутрь, и я послушно переступила порог.

— Милорд, миледи, — негромко поздоровалась я, присела в реверансе, а потом устроилась на кресле. Мелисанда бросила на меня ироничный взгляд, едва не лишивший меня равновесия.

— Федра, — обратилась она ко мне, задумчиво склонив голову, — я сделала Анафиэлю предложение, которое он счел приемлемым. Герцог Куинсель де Морбан приезжает в Город на Средизимние празднества и намерен устроить собственный маскарад. Он, знаешь ли, правитель суверенного герцогства в Кушете, и я настроена сделать на его празднике некое заявление от имени Дома Шахризаев. Истинная *ангуиссетта*, думаю, будет при этом к месту. У тебя уже есть с кем-нибудь договоренность на Самую долгую ночь?

Самая долгая ночь... При Дворе Ночи на эту ночь не заключалось никаких договоров; но я-то не послушница Двора Ночи, и в своем служении Наамах никогда ею не была. Во рту пересохло, и я покачала головой.

— Нет, миледи, — с трудом выдавила я. — Такой договоренности нет.

— Что ж, — изогнула она красивые губы в улыбке, — ты согласна доставить мне удовольствие?

Как будто ей нужно было меня спрашивать, как будто я могла ей отказать. Этого предложения я ждала с тех пор, как перестала быть ребенком. Я бы рассмеялась, если б хватило духа.

— Да, миледи.

— Отлично, — просто кивнула она и перевела взгляд на Жослена, который пришел сюда еще раньше меня и теперь стоял у двери в своей обычной непринужденной позе со скрещенными на животе руками. — Боюсь, тебя ждет долгое скучное бдение, юный кассилианец.

Его лицо оставалось бесстрастным, пока он отвечивал поклон, но глаза сверкнули, словно летнее небо перед грозой. Когда Жослен и Мелисанда встретились во дворце, я и не разглядела, что он проникся к ней глубочайшим презрением. Интересно, это потому, что она высмеяла его обет безбрачия, или по какой-то другой причине?

— Я служу и защищаю, — свирепо заявил он.

Брови Мелисанды подпрыгнули.

— О, ты вполне терпимо защищаешь, но вот по части служения я бы требовала большего, гораздо большего, принеси ты клятву быть при *мне*, кассилианец.

Делоне кашлянул; я достаточно хорошо его изучила, чтобы понять, что кашлем он скрыл смехок. Не думаю, что Жослен об этом догадался: переполненный гневом на Мелисанду с ее поддразниваниями, он больше никого не видел. Странно, но меня подбодрило свидетельство того, что, несмотря на смышку с Домом Курселей и префектом Кассилианского Братства, Делоне не утратил свое чувство юмора. Я вдруг посочувствовала Жослену, который по наивности сохранил мою тайну и пока не научился скрывать проявления человечности. Бедняге следовало поскорее отбросить лопнувшую скорлупу чопорности, дабы в услужении у Делоне не выставлял себя дураком.

«Или меня», — хмуро додумала я.

— Значит, Самая долгая ночь... — произнес Делоне, собравшись с мыслями настолько, чтобы отвлечь внимание от простака Жослена и сгладить неловкий момент. Он подмигнул Мелисанде: — А ты ничего не делаешь наполовину, а?

— Нет, конечно, — самодовольно улыбнулась она. — Ты же меня знаешь, Анафиэль.

— М-м-м. — Он отхлебнул наливки и задумчиво ее оглядел. — Что за игру ты затеяла с

Куинселем де Морбаном?

— Ах, это... — рассмеялась Мелисанда. — Всего-навсего кушелинская политика. Герцог Морбан замкнулся на своем Западном мысе и считает свой суверенитет непробиваемым, но Шахризаи — самый древний Дом в Кушете. Я просто надеюсь, что присутствие Федры поможет напомнить зазнавшемуся упрямцу, что наш род по прямой линии восходит к самому Кушиэлю. Не исключено, однажды мне придется попросить герцога об услуге. Не мешает заранее внушить ему, что услуги древним Домам многократно окупаются.

— Не более того?

— В отношении герцога де Морбана — да, не более. — Она повертела в пальцах стакан и послала ленивую улыбку в мою сторону. — Остальные мои причины исключительно личные.

Улыбка Мелисанды прошила меня словно копьё. Не знаю, почему, но меня пробрала дрожь.

Когда поэты воспевают зиму, на пороге которой мы тогда стояли, они зовут ее Лютой Зимой; о да, такой она и случилась, и я молюсь, чтобы судьба больше не посылала мне столь суровых испытаний. Но пока дни становились все короче и короче, мы еще беспечно обманывались, судача о грядущем. Частенько люди сокрушаются о том, что будущее скрыто от них покровом тайны; мне же это неведение представляется своего рода благословением. Ах, да знай мы наперед, какие беды припасены на нашу долю, мы бы отпрянули в страхе и позволили чаще жизни проплыть мимо не пригубленной.

Некоторые стоят на том, что апатия только к лучшему, что во всех ситуациях следует оставаться бесстрастным сторонним наблюдателем, но я такой позиции не приемлю. Я ангелийка до мозга костей, а наш народ — избранники Элуа, его потомки, рожденные на земле, где окончились его земные странствия, где он пролил свою кровь из любви к людям. Да, я в это искренне верю. И не могу хранить безучастность. Наверное, в Сенях Ночи делались нешуточные ставки на то, переживу ли я Лютую Зиму, но я не умерла и, как другие выжившие, нашла прибежище в мысли, что это неспроста. Ведь в противном случае горе стало бы невыносимым. Мы, ангелийцы, рождены, чтобы, следуя путем Благословенного Элуа, изведать вкус жизни, чтобы испить до дна свою чашу глоток за глотком — и всю горечь, и всю ее сладость.

Но эта вера пришла ко мне позже, явившись плодом многих невзгод и долгих размышлений. А в ту пору моя жизнь была лакомой, как мед, приправленной лишь терпким предвкушением, да каплей желчи от ядовитой ревности.

В дни перед Самой долгой ночью мои мысли целиком занимало предстоящее свидание, и я так суетилась с приготовлениями, что Делоне, не выдержав, списался с Мелисандой, которая ответила — на сей раз прислав гонца, — что сама подберет мне наряд для маскарада у герцога де Морбана. Я вспомнила платье из золотой парчи, в которое она обрядила меня для Бодуэна де Тревальона, и отчасти успокоилась; но смятенные думы не рассеялись, а лишь потекли по другому руслу, приводя на память горестную судьбу принца.

Делоне забавляли мои волнения, когда он обращал на них внимание, что, однако, случалось нечасто. В какой бы интриге он ни был тогда замешан, полагаю, по его мнению, Мелисанда Шахризай не принимала в ней прямого участия, и от других моих поклонников он тоже ничего пока не хотел. Похоже, его игра перешла на новый уровень, куда мне не было хода.

Горные дороги и перевалы замело снегом, и скальды возобновили набеги на Камлах. Союзники Камлаха снова начали сосредотачиваться под знаменами герцога д'Эгльмора. Слухи множились, и в салонах Города все чаще осторожным шепотом повторяли имя Вальдемара Благословенного — по-прежнему не более чем имя, но именно его вопили закутанные в шкуры разбойники, опустошая приграничные деревни топором и огнем. Иногда бандитам удавалось уйти с добычей — зерном и другими припасами, — иногда они гибли под ангелийскими мечами, но их клич глупо было не принимать в расчет.

Делоне с интересом выслушивал повсеместные рассказы о скальдах и складывал их в хронику. Параллельно он следил за еще одной историей — от Перси де Сомервилля, которому король приказал послать флот Аззали к острову Альба. Ганелон де ла Курсель, конечно же, не забыл, как круарх-узурпатор (по-моему, его звали Маэлькон) со своей

матерью вступили в сговор с Домом Тревальонов, затеявшим государственный переворот.

В награду за преданность король пожаловал герцогство Тревальон графу де Сомервиллю, а тот назначил наместником этих земель своего сына, Гислена. Так вот, именно Гислен де Сомервилль и повел аzzалийский флот к берегам Альбы. Внезапно пути им преградили волны аж в четыре человеческих роста. Несколько кораблей затонули, и Гислен приказал флотилии разворачиваться, чтобы сберечь остальные суда. Сам он со своего флагмана руководил спасением моряков и сменил курс последним.

Услышав эту историю, я сразу вспомнила про исследования Алкуина. Он продолжал просматривать множество манускриптов и трактатов, собирая упоминания о Хозяине Проливов. Были заказаны копии текстов из библиотеки Сьоваля, и даже из университетов Арагонии и Тиберия.

В один из дней прибыл маэстро Гонзаго д'Эскобар с вьючным мулом, нагруженным редкими книгами и древними свитками для Алкуина. Ученый привез также зловещие слухи. Города-государства Каэрданского Союза сформировали устойчивые альянсы, и Вальдемар Селиг — Благословенный — будто бы стал засматриваться на Землю Ангелов, как на спелую сливу, уже тронутую гнильцой.

Тогда я и в мыслях не держала, что наше держава кому-то со стороны может видаться перезрелым фруктом: Ганелон де ла Курсель твердо сидел на троне и в зародыше пресекал претендентов. Король заручился преданностью Перси де Сомервилля, главнокомандующего королевской армией; ему содействовали могущественные союзники: и его брат, принц Бенедикт, и герцог л'Анвер, который, хоть теперь и издалека, по-прежнему пользовался расположением калифа Хеббель-им-Аккада.

Но Ганелон был стар и дряхл, а де Сомервиллю не удалось прочно наложить руку на герцогство Тревальон, поскольку жители Аzzали скорбели по своему принцу Бодуэну и не привечали в качестве сеньора потомка Анаэля. Попытка Гислена исполнить королевский приказ, конечно, свидетельствовала об беспримерной отваге, но многими расценивалась как безрассудство. В Аzzали было беспокойно. Львиная доля внимания принца Бенедикта по-прежнему принадлежала Серениссиме, а остаток он посвящал вражде с герцогом л'Анвером, которая плохо сказывалась на их общем союзе с королем, поскольку где один говорил «да», другой тут же заявлял «нет», и соперники никогда не поддерживали Ганелона де ла Курселя одновременно.

А Исандра де ла Курсель так и оставалась всего лишь бледной тенью, наследницей трона, с каждым днем шатавшегося все больше и больше.

В словах, даже безосновательных, есть некая воплощающая сила. Дым не порождает огня, но слухи зачастую предшествуют событиям, которые описывают. Не сомневаюсь, что сплетни из каэрданских городов-государств ослабили Землю Ангелов — я удостоверилась в этом, разобравшись впоследствии, откуда они проистекали. Политическая нестабильность, напрягавшая королевство всю мою жизнь, все больше накалялась по мере приближения Самой долгой ночи.

Не стану притворяться, будто я осознала ситуацию загодя; кусочки огромной головоломки мне удалось соединить уже позже, когда многое свершилось и узор нарисовался достаточно отчетливо. А тем, что мне хватило ума уловить хотя бы главную мысль этого узора, я целиком и полностью обязана урокам Делоне. Смеею предположить, если бы он предвидел, чем в итоге все обернется, то вооружил бы меня большим арсеналом знаний, но в то время, наверное, наставник счел нужным держать меня в блаженном



неведении ради моей же безопасности.

А у меня и без политических интриг хватало забот.

Перед свиданиями с другими поклонниками Делоне всегда наставлял меня, напоминая об их связях и возможностях, но по поводу Мелисанды Шахризай он лишь пожал плечами.

— Мелисанда есть Мелисанда, — вздохнул он, — и все, что тебе удастся у нее выведать, может оказаться полезным. Но мнится мне, дорогая, что даже с тобой она не отбросит обычную осторожность и не проронит ни словечка без задней мысли. Как бы там ни было, держи ухо востро и удели надлежащее внимание разговорам гостей де Морбана.

— Слушаюсь, милорд, — пообещала я.

Он поцеловал меня в лоб.

— Береги себя, Федра, и приятной тебе Самой долгой ночи. Наконец-то праздник на дворе, и даже кушелины возрадуются, видя, как Принц Солнца обольщает Королеву Зимы, понуждая ее выпустить из рук тьму.

— Да, милорд, — кивнула я.

Делоне улыбнулся и поправил мою накидку, уже переносясь мыслями в другое место. Они с Алкуином в тот день шли на маскарад для избранных к Сесиль Лаво-Перрин.

После короткого напутствия мне пришлось поторопиться, поскольку за мной прибыл экипаж Мелисанды и кучер в черно-золотой ливрее Дома Шахризаев с поклоном встал у двери. Этот экипаж я видела впервые — изящная небольшая коляска, черная с золотыми узорами и с плюшевым сидением на двоих. На дверях красовался герб Шахризаев — три переплетенных ключа, едва различимых в затейливом узоре. Конечно же, из легенды о Кушиэле, который якобы владел ключами от адских врат.



Четверка белых лошадей — прекрасных длинношеих созданий — нетерпеливо переступала по брусчатке двора.

Сопровождавший меня Жослен Веррей походил на мрачную тень. В эти короткие дни сумерки сгущались рано, а во дворе лежал иней, и все, кроме кассилианца, мерцало в свете вечерних звезд. Он помог мне сесть в коляску и расположился рядом. Ливрейный кучер взобрался на козлы и прищелкнул кнутом. На упряжке зазвенели бубенцы.

— Как бы ты провел эту ночь, если бы не служил Делоне? — спросила я, чтобы прервать молчание.

— За медитацией, — ответил насупленный Жослен. — В храме Элуа.

— Не Кассиэля?

— У Кассиэля нет храмов, — коротко бросил он, и на этом наш разговор прекратился.

Вскоре показался особняк Мелисанды. Одно бесспорно: она никогда не переставала

удивлять. Нас встретила не только сама хозяйка, но и капитан ее личной гвардии с четырьмя солдатами, которые низко поклонились, едва мы вошли, — не мне, а Жослену.

— Добро пожаловать, брат кассилианец, — выпрямившись, поприветствовал моего телохранителя капитан, и в его приятном лице и уверенном голосе не прослеживалось ни малейшего намека на насмешку. — Я, Мишель Антрево, возглавляю гвардию Шахризаев и рад принимать тебя в эту Самую долгую ночь. Благодарю, что почтил нас своим присутствием.

Жослен был застигнут врасплох; думаю, отправляясь к Мелисанде, он готовился ко всему, кроме уважения. На этой неделе он трижды спорил с Делоне, настаивая, что должен сопровождать меня на это свидание, но мой покровитель настоял на том, чтобы Жослен дожидался в особняке Шахризаев и не ездил со мной на маскарад к герцогу де Морбану.

Затверженные жесты выполняются бессознательно, и я не удивилась, когда Жослен ответил своим обычным поклоном.

— С удовольствием, — чинно произнес он.

Мелисанда Шахризай, ослепительная и чопорная в длинном плаще из черно-золотой парчи и с заплетенными в корону волосами, тепло улыбнулась.

— В саду есть ниша, милорд кассилианец, где вы можете уединиться, если пожелаете совершить бдение перед Элуа. Федра, добро пожаловать. — Она наклонилась, чтобы одарить меня приветственным поцелуем, и меня окутал запах ее духов. Поцелуй мне достался мимолетный, и поэтому я удержалась на ногах. Такой краткий, что больше заставил меня занервничать, чем возбудил.

— Ах, юноши, — с еле заметной улыбкой пробормотала Мелисанда, когда воины ушли. — Бурление в крови, и честь превыше всего. Как думаешь, он уже сколько-нибудь влюблен в тебя?

— Жослен, скорее, меня презирает, миледи, — возразила я.

— О, любовь и ненависть — это две грани одного клинка, — беспечно уточнила она, делая знак лакею помочь мне снять накидку, — и разделяющая их кромка еще тоньше и острее, чем лезвия кинжалов твоего кассилианца. — Слуги ввели нас в приемную, скользя впереди к открытым дверям. На ходу Мелисанда взяла меня за руку. — Ты, конечно, отчасти презираешь своих поклонников, но ведь и любишь их, правда?

— Да, миледи, правда. — Я села на отодвинутый для меня стул и приняла кубок *отрада*, настороженно глядя на Мелисанду. — Немного.

— А скольких из них ты боишься?

Совсем как она, я придержала кубок, не отпивая, и честно ответила:

— По крайней мере одного — совсем не боюсь. Большинство — время от времени. А вас, миледи... вас я боюсь всегда.

Синева ее глаз напоминала предвечернее небо, когда появляются первые звезды.

— Хорошо. — Ее улыбка сулила невообразимое и заставляла меня трепетать. — Не стесняйся, Федра. Сегодня Самая долгая ночь, и я никуда не тороплюсь. Ты не такая как подделки, натасканные с рождения, не такая как псы, корчащиеся под ударами бича в ожидании ласки хозяина. Нет, ты наслаждаешься самой поркой, и лишь самая малость в тебе этому противится. Пусть другие исследуют глубины твоего наслаждения, я же хочу пробудить твой протест.

При этих словах меня передернуло.

— Я подчинюсь всем вашим приказам, миледи.

— Приказам! — Мелисанда подняла свой кубок к свету, разглядывая радужные искорки. — Приказы, Федра, они для капитанов или для генералов. Нам с тобой ни приказы, ни просьбы не нужны. Ты и без них узнаешь, как доставить мне удовольствие, и сделаешь это без лишних слов. — Она с улыбкой салютовала мне кубком. — Отрады!

— Отрады, — бездумно отозвалась я и проглотила *отрад*. Сладкий и огненный, он обжег мне горло, пробудив воспоминания о многолюдном Большом Зале в Доме Кактуса, о пылающем камине и о запахе еловых ветвей.

— Ах, я очень тебе рада, Федра, в тебе воплотились мои несказанные мечты. — Вставая, Мелисанда отставила пустой кубок и потрепала меня по щеке. — Мои горничные приготовят тебя к балу. Мы отправимся на маскарад Куинселя де Морбана через час.

С этими словами она выплыла из комнаты, оставив шлейф цветочного аромата, и почти тут же за мной явилась служанка с опущенными долу глазами.

Меня уже поджидала горячая ванна. От воды поднимались завитки пара. Вокруг стояли свечи и еще две служанки. Я наслаждалась, пока одна из них умащала меня душистым маслом, а другая сначала расчесала мои темные кудри, а потом уложила их в прическу, вплетя несколько белых лент. Когда камеристка внесла костюм, я встала из воды, позволила прислужницам обернуть мое влажное тело простыней и посмотрела, что же Мелисанда для меня приготовила.

Я давно привыкла к дорогой одежде и уже не удивлялась всяким изыскам, но то верхнее платье меня поразило. Свободное, из прозрачной, мерцающей белой кисеи, с длинными широкими рукавами и сплошь расшитое крохотными бриллиантами.

— Во имя Элуа! И на что же его надевать?

Камеристка хлопотала с полумаской — из бело-коричневых перьев цапли с отверстиями для глаз, обрамленными черным бархатным кантом.

— На вас, миледи, — тихо пояснила она.

В свете свечей легкая ткань просвечивала насквозь. В этом наряде я покажусь нагой перед цветом кушелинской знати.

— Нет.

— Да, миледи, только так. — Держалась она скромно, но никто из слуг Мелисанды не осмелился бы послушаться свою госпожу. — И еще вот это. — Камеристка протянула мне бархатный ошейник с большой бриллиантовой слезкой и кожаным поводком. Я закрыла глаза. Я уже видела такие ошейники в доме Валерианы. В уединении Двора Ночи они совсем не плохи, но Мелисанда намеревалась продемонстрировать меня в этой сбруе вельможам королевства.

Ласково, но настойчиво служанки одели меня в мерцающий наряд, еще раз расчесали мне волосы, рассыпав локоны по спине, плотно завязали ошейник, уложив бриллиант в ямочку между ключицами, и закрыли мое лицо маской. Когда они закончили, я посмотрела на себя в зеркало.

Из стекла на меня глядело пленительное создание в маске и ошейнике, совершенно обнаженное под искрящимся каскадом кисеи.

— Очень хорошо. — Ироничный голос Мелисанды вспугнул меня и, как раньше Жослен, я уступила давно затверженной привычке. Кассилианцы кланяются, а воспитанники Двора Ночи преклоняют колени. Опустившись на пол, я подняла на Мелисанду глаза.

Насколько я слепила белизной, настолько она была черной. Бархатные юбки мели пол, корсаж туго облегал талию и грудь, над его кромкой вздымались бледные плечи, а руки

скрывались под перчатками до локтя. Ее маска тоже была черной, из перьев цвета ночи, радужно переливающихся в свете свечей и сочетающихся с изысканной прической. На шее красовалось бархатное кольцо с черными опалами, вроде пятнышек на шее баклана. И тут я догадалась, кем нарядилась она и чей образ воплощаю я, вспомнив кушелинское сказание об острове Ис и его темной Леди, которая властвовала над птицами небесными и держала при себе кроткую цаплю. В той легенде остров затонул — не помню точно, по какой причине. Но бакланы, служившие темной Леди, до сих пор кружат над волнами, поглотившими Ис, ловят рыбу и зовут свою госпожу.

— Идем, — позвала Мелисанда и протянула затянутую в перчатку руку к моему поводку. В ее голосе не было ни единой повелительной нотки. Она не сомневалась в моем послушании.

Я встала с колен и с готовностью последовала за ней.

Я не знала, чего ожидать от кушелинского маскарада, но, на мой взгляд, он не слишком отличился от других Средизимних празднеств. Немного мрачнее, с непривычно чинным настроем и преобладанием традиций Кушета, одновременно жестких и гармоничных.

Все замолчали, едва мы появились на пороге зала.

Дворецкий герцога де Морбана, выслушав тихое указание Мелисанды, объявил наши имена — оба. Так я лишилась даже покрова анонимности, став не просто безымянной служительницей Наамах, заключившей договор на Самую долгую ночь, а Федрой но Делоне, по доброй воле согласившейся надеть ошейник ради Мелисанды Шахризай.

Мы неспешно продвигались сквозь толпу, и за нашими спинами раздавались перешептывания. С каждым шагом я все больше ощущала свою наготу под слоем мерцающей прозрачной кисеи. Лица в масках из меха и перьев поворачивались нам вслед. Мелисанда грациозно скользила между гостями герцога, а я послушно семенила следом за ней.

И, к моему стыду, на глазах у сотен людей, ведомая в непристойном наряде на бархатном поводке, я чувствовала, как глубоко во мне просыпается желание доселе невиданной силы, словно волна, затопившая остров Ис, набирает мощь в океанской пучине.

— Ваша светлость.

Только Мелисанда умела сделать реверанс с видом королевы, принимающей дань. Высокий стройный мужчина в маске волка кивнул и оценивающе посмотрел на нее.

— О, нас почтил присутствием Дом Шахризаев, — сухо поприветствовал он. — И кого же ты привела, Мелисанда?

Она не ответила, лишь слегка улыбнулась, и тогда уже я присела в глубоком реверансе.

— Отрады вашей светлости в Самую долгую ночь, — пробормотала я.

Герцог приподнял мой подбородок и сквозь прорези маски заглянул в глаза.

— Неужели?! — воскликнул он, переводя взгляд с меня на Мелисанду и обратно. — Так это правда?

— Перед вами Федра но Делоне, — с легкой улыбкой представила меня Мелисанда. Ее губы алым луком изогнулись под скрывающей половину лица черной маской. — Разве вы не слышали, что в Городе Элуа появилась настоящая *ангуиссетта*, ваша светлость?

— Разве не опрометчиво верить слухам? — Не отрывая от меня пытливого взгляда, он взметнул искрящиеся складки моего наряда и скользнул рукой под юбки.

И я закричала от наслаждения и от стыда. Герцог де Морбан улыбнулся мне под маской — позабавленный волк. Мелисанда дернула за поводок и, пошатнувшись, я упала на колени. Нашитые на платье крохотные бриллианты впились в мою плоть.

— Герцог де Морбан не твой господин, — напомнила Мелисанда, запуская жесткие пальцы мне в волосы в полуласке-полуугрозе.

— Нет, миледи, — согласно выдохнула я. Ее прикосновение стало нежнее, и я бессознательно потянулась к ней, прижалась щекой к бархату юбки и вдохнула ее аромат, словно священное благовоние. Пальцы темной Леди пропутешествовали по моему горлу, и до меня словно издали донесся мой всхлип.

— Как видите, ваша светлость, — промурлыкала Мелисанда, — стрела Кушиэля бьет без промаха.

— Что ж, берегитесь ее! — проворчал герцог, отворачиваясь.

Я почувствовала, как моя госпожа затряслась от почти беззвучного смеха, и мой взор заволокла красная пелена.

Не могу описать, что происходило дальше на том маскараде; впоследствии я старалась вспомнить подробности, поскольку Делоне довольно долго меня допрашивал, отказываясь верить, что мои способности к наблюдению впервые дали сбой, но тщетно. Ах, я словно погрузилась в лихорадочный сон. Благословенный Элуа мне свидетель, я пыталась обращать внимание на то, что происходило вокруг, пыталась слушать разговоры, но тонкий поводок, пристегнутый к моему ошейнику, наконец-то упразднил тот потаенный уголок разума, который наблюдал и анализировал события в интересах Анафиэля Делоне. Всем существом я чувствовала лишь руку Мелисанды на другом конце черного шнура. Усилим воли взывая к своему сознанию, я слышала только шум нарастающей внутри меня глубинной волны и понимала, что, когда она выплеснется на поверхность, я обречена.

Если вы спросите, что же я помню о том маскараде, мой ответ будет кратким: Мелисанду. Каждый ее смешок, каждую улыбку, каждое движение — все это передавалось мне по связующей нас бархатной пуповине, и я почти задыхалась от переполнявших меня чувств.

Там было представление, из которого я заметила только крик Глашатая Ночи, аплодисменты Мелисанды и ее улыбку. Ах, эта улыбка до сих пор иногда мне снится.

И слишком многие из таких снов приносят блаженство.

Как же хорошо, что Жослена там не было и он меня не видел.

Мы наконец ушли, когда гостей стало меньше. Я, спотыкаясь, брела перед Мелисандой, и, когда кучер помогал мне сесть в экипаж, я уже дрожала всем телом, как задетая струна арфы. Бархатный поводок натянулся: госпожа не выпустила его, забираясь внутрь.

— Иди сюда, — прошептала она, когда лошади тронулись, и в ее тоне по-прежнему не слышалось приказа, но моя привязь дернулась, и я, беспомощная и послушная, скользнула в ее объятия.

Наамах знает, меня уже много раз целовали, но так — никогда. Все во мне подавалось навстречу этому поцелую. Мелисанда вдруг отстранила меня и сняла мою маску, забрав последнее прикрытие. Свою она снимать не стала, и мерцающие синие глаза смотрели на меня из-под пышных загнутых перьев баклана. А потом она припала ко мне снова, и я ответила на поцелуй абсолютно безыскусно, но с ненасытной жаждой, прижимаясь к ней и пропадая под натиском ее губ. Поцелуй все длился и длился, пока экипаж не остановился с ошеломившей меня внезапностью. Моя госпожа рассмеялась, когда кучер открыл дверь и за ней показался двор особняка Шахризаев — я поверить не могла, что мы доехали так быстро. Слуга помог мне выйти, старательно не поднимая глаз. Невообразимо, на что я была похожа: с пылающим взором, растрепанная и обнаженная под расшитой бриллиантами тончайшей кисеей. Бархатный поводок снова натянулся. Находясь слишком далеко от Мелисанды, я разочарованно дрожала, пока она не вышла из кареты и не повела меня, нежно приобняв, в свой дом.

Это была Самая долгая ночь, и она только начиналась.

Не стану скрывать, что случилось потом, хотя отнюдь этим не горжусь. Я — избранница Кушиэля, а Мелисанда была его потомком, и реки наших судеб изначально струились к этой ночи. На свидании с Бодуэном я уже видела здешнюю комнату для удовольствий, теперь же я смогла увидеть внутреннее святилище — будуар Мелисанды. С первого взгляда я мало что разглядела: лампы с ароматным маслом, большая кровать и низко свисающий с самой

высокой балки одинокий крюк. Вот и все, что я успела заметить, прежде чем Мелисанда завязала мне глаза бархатной повязкой и погрузила во тьму.

Она толкнула меня на колени, сняла с меня ошейник с поводком, и я чуть не заплакала от этой потери, но тут же почувствовала как знакомый шнур стянул мои запястья, а потом Мелисанда подняла их вверх и закрепила на висячем крюке.

— С тобой, дорогая, — донесся до меня ее шепот, — я не стану терять время на простые игрушки.

Невидимый механизм пришел в движение и потащил меня кверху. Я обвисла на крюке, вздернутая с колен, слишком слабая, чтобы стоять, и незряче гадала, что меня ждет.

— Знаешь, что это такое? — холодная сталь ласково коснулась щеки, острое лезвие очертило край повязки на моих глазах. — Их называют *флешетты*.

И тут я заплакала от счастья и от страха, но это не помогло.

Не ведающее преград острие *флешетты* пропутешествовало вниз по моему горлу и запнулось на вырезе платья. Не знаю, насколько прочной была расшитая бриллиантами кисея, но она с тихим шорохом разошлась, и я почувствовала натопленный воздух на своей обнаженной коже. Рукава давно сползли на вывернутые вверх плечи, и *флешетта* протанцевала по тропинкам вен на каждой из моих связанных рук, ни разу не погрузившись в кожу, к шее, где прошла сквозь тонкую ткань. Платье наконец соскользнуло к моим щиколоткам, крошечные бриллианты жалобно звякнули.

— Вот так-то лучше. — Ткань, царапнув по моим ступням, прошелестела в сторону, и я повернула голову на звук.

— Не любишь, когда глаза завязаны? — доверительно поинтересовалась Мелисанда.

— Нет, миледи. — Против воли я вся дрожала, хотя пыталась успокоиться и замереть, все больше боясь смертоносного инструмента. В висячем положении сохранять неподвижность было сложной задачей. Лезвие медленно плыло по моей коже, и в конце концов острие *флешетты* уперлось мне между лопаток.

— Ах, милая, но если снять повязку, предвкушение будет не таким сильным, — ласково промурлыкала искусница, ведя *флешеттой* вдоль моего позвоночника.

Я не ответила, вздрагивая, как пытающаяся отогнать муху лошадь, а безудержные слезы пропитывали закрывающий глаза бархат. От страха голова опустела, а желание настолько обострилось, так жгло меня изнутри, что стало трудно дышать.

— О, какая страсть, — пробормотала Мелисанда, и острие вновь заплясало по моей коже и царапнуло возбужденный сосок. Я ахнула, связанные руки невольно дернулись, качнув цепь. Мелисанда засмеялась.

И вонзилась в меня.

Воин в бою получает от меча противника увечья гораздо более тяжкие, чем я от *флешетты* Мелисанды; и, конечно же, эти неглубокие порезы были ничем в сравнении с ударом ножа, который пришлось пережить Алкуину. Но смысл *флешетты* не в том, чтобы ранить, а в том, чтобы причинять боль. Острейшее лезвие рассекало плоть легко, как кисею. И когда оно впервые погрузилось в мою кожу, я это почти не почувствовала.

А дальше все было очень и очень медленно, и каждый порез добавлял струйку боли к захлестывающему меня багряному потоку.

Ослепленная, беспомощно болтающаяся на крюке, охваченная ужасом и желанием, я всем существом сосредоточилась на острие *флешетты*, с чудовищной плавностью кромсающем мою плоть, — на резце, выписывающем невидимую гравюру на моей правой

груди. Я чувствовала, как кровь горячим ручейком стекает по животу. Кожа расступалась под легчайшим нажимом лезвия, творившим на моем теле непостижимо прекрасные, мучительные узоры. Это напоминало иглы туарье, только в тысячу раз больше.

Не могу сказать, долго ли это продолжалось — для меня прошла целая вечность. Наконец Мелисанда вытащила острие из моей плоти и медленно провела *флешеттой* по дорожке, проложенной ручейком крови.

— Федра, — нежно прошептала она мне в самое ухо. Я чувствовала тепло ее дыхания, жар ее тела. Острие холодной, смертельной лаской опускалось все ниже и ниже, и вот я ощутила его возле своего потаенного входа и задрожала как лист на ветру. Я знала, куда дальше вонзится Мелисанда и почти слышала танцующую на ее губах улыбку. — Скажи, милая, скажи мне свое слово.

— *Гиацинт!* — в пароксизме ужаса я выдохнула свой *сигнал*, и каждый мускул одеревенел от захлестнувшего меня сильнейшего оргазма. Только когда я перестала содрогаться, Мелисанда рассмеялась и убрала от моего тела *флешетту*. Я обмякла, всей тяжестью повиснув на крюке.

— Ты отлично справилась, — ласково произнесла она, снимая с моих глаз повязку. Я заморгала, на миг ослепленная светом ламп, но через несколько секунд впитала зрачками прекрасное лицо темной Леди. Она успела снять маску, а ее распущенные волосы ниспадали на плечи иссиня-черными волнами.

— *Пожалуйста.* — Я услышала сорвавшееся с губ слово прежде, чем поняла, что это я произнесла его вслух.

— Чего ты хочешь? — Мелисанда слегка склонила голову, с улыбкой поливая меня теплой водой из большого кувшина. Я даже не взглянула, как смешивается с водой моя кровь.

— Вас, миледи, — прошептала я. Поверьте, я никогда так не просила ни одного своего гостя, никогда.

Спустя секунду Мелисанда вновь рассмеялась и развязала мои руки.

Уже потом она, полностью удовлетворенная, позволила мне задержаться подле себя и принялась играть с моими волосами.

— Делоне прекрасно тебя обучил, — своим глубоким голосом промурлыкала Мелисанда, отчего по всему моему телу прошел трепет. — Твои дарования затмевают любого посвященного каждого из Домов Двора Ночи, дорогая. — Она провела пальцем по контуру моего туара и приподняла брови. — Чем займешься, когда его закончишь?

Даже сейчас я покрывалась мурашками при ее прикосновении — угольки наслаждения все еще тлели.

— Не знаю. Пока не решила.

— Пора над этим подумать. Тебе осталось совсем чуть-чуть. — Она улыбнулась. — У Делоне намечена для тебя какая-то цель?

— Нет, — отозвалась я. — Хотя точно не знаю, миледи.

Она намотала прядь моих волос на пальцы.

— Нет? Тогда, возможно, он получил все, что хотел. Он ведь использовал тебя, чтобы добраться до Баркеля л'Анвера, не так ли? А потом использовал герцога, чтобы отомстить Стрегацца. — Увидев выражение моего лица, она усмехнулась. — Как думаешь, милая, кто растолковал Анафиэлю Делоне, как манипулировать другими людьми в своих целях? Половине всего, что он умеет, обучила его я, а он в ответ подсказал мне, как нужно слушать



и наблюдать. Вместе два этих навыка гораздо опаснее, чем любой из них по отдельности, даже на пике развития.

— Он говорил, что вы во многом подходите друг другу, — кивнула я.

— Во всем, кроме одного. — Мелисанда ласково потянула меня за локон и улыбнулась. — Иногда мне кажется, что нам стоило бы пожениться, поскольку он единственный, кто способен по-настоящему меня рассмешить. Но увы, его сердце никогда не забьется ради меня, и, думаю, большая его часть умерла, когда погиб принц Роланд.

— Принц Роланд? — Я резко села, уставившись на нее, и разум постепенно начал проясняться. — Делоне и принц Роланд?

— Ты и вправду не догадывалась? — Мелисанда выглядела удивленной. — Ну ты и глупышка. Да, конечно, еще со времен учебы в Тиберии. Даже брак Роланда не смог их развести, хотя, безусловно, Делоне и Изабель люто ненавидели друг друга. Ты никогда не читала его стихотворений?

— Во всем городе не найти ни единой копии. — В голове бешеным потоком проносились мысли.

— О, у самого Делоне сохранился один сборник. Заперт в сундуке в его библиотеке, — лениво промурлыкала Мелисанда. — Но тогда чем же он сейчас занимается, если больше не использует тебя в качестве глаз и ушей?

— Ничем, — рассеянно отозвалась я, погоняя память. Да, точно, в библиотеке был сундук, я видела его на антресоли у восточной стены. Такой пыльный и невзрачный, что я никогда не интересовалась его содержимым. — Ничем особенным. Читает. Ожидает вестей от Квинтилия Русса. — Слишком поздно я вспомнила, где услышала упоминание об адмирале, и бросила быстрый взгляд на Мелисанду, но та казалась незаинтересованной.

— Что ж, может, Делоне сносится с Руссом через людей де Морбана. Флот Русса сейчас стоит к северу от герцогства. — Она притянула меня к себе и принялась водить пальцами по линиям узора, который сама же вырезала на моей плоти. Кровотечение давно прекратилось, остался лишь четкий рисунок. — Он наверняка захочет с тобой встретиться.

— Де Морбан? — Делоне, принц Роланд, клятвы, стихотворения и сундуки разом выветрились из головы, когда Мелисанда коснулась меня губами, смакуя оставленные *флешеттой* порезы.

— М-м-м. Он кушелинский лорд, пусть и полукровка. — Мелисанда отстранилась, с улыбкой глядя, как мои щеки заливаются румянцем. — Я его тебе не навязываю, но при случае напomini герцогу, кого ему следует благодарить за знакомство с тобой. — Без пут, без лезвий и без боли, способных меня принудить, она нежно развела складки моих нижних губ и скользнула в меня пальцами. — Произнеси имя твоего маленького дружка, Федра. Произнеси его для меня.

Ах, у меня не было никаких причин, никакого повода произносить сигнал.

— *Гиацинт*, — покорно прошептала я, и давно зреющая сладкая волна вновь меня захлестнула.

Утром я проснулась в гостевой спальне. Одна из услужливых горничных уже наполнила для меня ванну и аккуратно сложила мою одежду в изножье кровати. Когда меня проводили в столовую, Жослен уже ждал там, и мне было сложно посмотреть ему в глаза. Сам он не стал задавать вопросов, воочию убедившись, что я цела и невредима. Конечно же, он видел меня в гораздо худшем состоянии — по крайней мере физически — после свидания с Хильдериком д'Эссо, и мне даже показалось, что у кассилианца немного отлегло от сердца.

Как и в прошлый раз, после ночи с Бодуэном, Мелисанда пришла со мной попрощаться. Она вежливо поприветствовала Жослена и удостоилась холодного поклона в ответ.

— Возможно, будет лучше, если это возьмешь ты, кассилианец, — сказала она, бросая ему мешочек с деньгами. — Во славу Наамах.

А потом с улыбкой подошла и накинула мне что-то на шею.

Бархатный шнурок она затянула у меня под затылком и поправила бриллиант, чтобы тот лег точно в ямку между ключицами. Во мне снова начала расти волна желания.

— Это тебе на память, Федра, а не для Наамах, — ласково произнесла Мелисанда. Потом рассмеялась и подала знак слуге, стоящему за ее спиной. Тот с поклоном шагнул вперед и вручил мне кипу расшитой бриллиантами кисеи. — Мне не нужны эти тряпки, — добавила она с лукавой усмешкой, — но любопытно, что с ними сделает *ангуиссетта*, воспитанная Анафиэлем Делоне.

— Миледи... — это все, что я смогла выдавить, подняв на нее обожающие глаза.

Мелисанда снова рассмеялась, одарила меня небрежным поцелуем и удалилась.

Жослен уставился на меня с другого конца стола. Прижав к груди ворох сверкающей кисеи, я ответила кассилианцу не менее пристальным взглядом.

В особняке Делоне было тихо; я вернулась спозаранку и, по словам встретившей меня домоправительницы, почти все еще спали, включая хозяина. По традиции Самая долгая ночь продолжалась дольше всех прочих. Жослен с красными от недосыпа глазами вручил мне кошель Мелисанды и ушел на покой. Он всю ночь не сомкнул глаз, совершая бдение перед статуей Элуа.

Мне удалось поспать совсем недолго, но я пребывала в каком-то странном азарте и идти в кровать совсем не хотела. Поднявшись в свою комнату, я положила дар Мелисанды в сундук, не пересчитав; почему-то мне нравилось гадать, какую же сумму она пожертвовала. Закрыв крышку, я села на кровать и прижала к груди остатки своего маскарадного костюма.

Наверное, достаточно? Скорее всего, даже больше, чем достаточно.

И я понятия не имела, что делать дальше.

В эту ночь произошло слишком много событий, они скопом крутились в голове, и мне не удавалось их толком обдумать. Взгляд снова упал на сундук. «По крайней мере это я могу выяснить прямо сейчас», — решила я и спустилась в библиотеку.

Да, я все правильно помнила. Пришлось вытянуть шею, чтобы разглядеть содержимое антресолей на восточной стене, но там действительно пылился сундук. Я прислушалась, не ходит ли кто еще, но в доме царила тишина. Подтащив к полкам самый высокий из стульев, я забралась на него и потянулась к сундуку. Моего роста не хватало на добрый локоть. Шепотом испросив прощения у Шемхазая и всех ученых мира, я сложила на сиденье несколько толстых томов и взгромоздилась на опасно покачивающуюся стопку. В этот раз кончики пальцев скользнули по золотой резьбе, и вскоре мне удалось подтащить сундук поближе.

Осторожно его придерживая, я слезла со стула и устроилась поудобнее, чтобы изучить добычу. Дорогое дерево покрывал толстый слой пыли, забившей резьбу. Я слегка подула на сундук, подняв серое облако, и обследовала показавшийся замок.

Есть свои плюсы в дружбе с тсыганом: Гиацинт научил меня отмыкать простые замки. Из своей комнаты я принесла две заколки и зубами загнула кончик одной из них в крючок. Аккуратно двигая обеими заколками и одновременно напряженно прислушиваясь к звукам спящего дома, я вскоре сумела подцепить и отодвинуть защелку.

Когда я откинула крышку, в спертom воздухе библиотеки запахло ладаном. Мелисанда не обманула: внутри и впрямь лежала тонкая книжица в шелковом переплете и без названия. Открыв ее, я увидела страницы и страницы поэтических строк, начертанных почерком Делоне — более порывистым и неровным, чем нынешний, но легко узнаваемым. Разгладив лист, я принялась разбирать стихи, написанные поблекшими чернилами.

*О, господин, чье сердце не скудеет...  
Дай честь груди, к которой ты припал,  
Когда мы без оружия и доспехов  
Боролись на поляне сам на сам,  
И в трели птиц влетались наши вскрики,  
И смех руладами стремился ввысь,  
Венчая и атаки, и уступки.*

*Я помню мощь и гладкость рук твоих,  
Что мрамором ожившим мне казались,  
И грудь твою, прижатую к моей,  
И жаркое одно на двух дыханье.  
Вминались ноги в мягкую траву,  
Я помню, ты прищурился лукаво,  
И, тщиась твою задумку разгадать,  
Я бестолково пропустил подсечку.  
Да, я не устоял, качнулся, пал.  
Я был повержен. Грозный триумфатор  
Пронзил меня, всецело овладев,  
Но боль на пике расцвела экстазом —  
Бой проиграв, я выиграл судьбу.  
Я помню каждый миг сладчайшей схватки...  
О, господин, что мне един вовек,  
Позволь груди, к которой ты припал,  
Служить твоим щитом, твоим кимвалом.*

Да, Мелисанда не солгала о книге. Если Делоне сочинил эти строки, он совершенно точно посвящал их Роланду де ла Курселю, безвременно погибшему в Битве Трех Принцев. Роланду, чье обещание Делоне сдержал, вернувшись за Алкуином. Роланду, чью жену Делоне заклеил убийцей, заплатив за эту дерзость своей поэзией, которую король предал анафеме.

Неудивительно, что до изгнания дело все-таки не дошло.

Внезапно что-то зашелестело, я развернулась и оказалась лицом к лицу с Алкуином, который неподвижно стоял у меня за спиной с открытым ртом. Я захлопнула книгу, но было уже слишком поздно.

— Не следовало тебе этого делать, — прошептал он.

— Я должна была найти ответ на вопрос. — Я закрыла крышку и защелкнула замок. — Именно этому, в конце концов, и учил нас Делоне, — добавила я, с вызовом глядя товарищу в глаза. — Помоги, пожалуйста, вернуть сундук на место.

Алкуин заколебался, но давняя дружба взяла верх. Он приблизился и помог мне удержать равновесие, пока я задвигала сундук на пыльную антресоль. Мы расставили по местам книги и высокий стул, убрав все доказательства моего прегрешения, затем вместе прислушались. В доме было по-прежнему тихо.

— Итак. — Я сложила руки на груди. — Делоне был возлюбленным принца Роланда. Ну и что из этого? Роланд де ла Курсель умер больше пятнадцати лет назад; так почему Дом Курселей до сих пор имеет дело с Делоне и наделяет его ливрейными гонцами, кассилианцами и тому подобными беспримерными милостями? Почему он именно сейчас вдруг помирился с герцогом л'Анвером, братом его также давно покойной соперницы, принцессы-консорты?

Алкуин посмотрел куда-то вдаль.

— Я не знаю.

— Не верю.

Он перевел взгляд на меня.

— Твое право, Федра. Я дал обещание и держу слово. А кто тебе подсказал, где и что искать? Мелисанда? — Я не ответила, и он нахмурился. — Она не вправе совать сюда свой нос. Если бы я мог различить границу между развлечениями и честолюбивыми устремлениями этой интриганки, спал бы гораздо спокойнее.

— О том, что я только сейчас узнала, — парировала я, — половина лордов королевства осведомлены с незапамятных времен, и, думаю, никто из них не собирается из-за этого убивать Делоне, раз до сих пор он живехонек. Изабель де ла Курсель в свое время ему уже отомстила, убедив короля запретить его стихи. Телезис де Морне говорила мне, что, повернись судьба по-другому, Делоне мог бы стать королевским поэтом. Но это все общеизвестно, а значит, неважно. Я вижу, действительно опасный вопрос — кем же он стал в итоге, лишившись возможности изливаться в виршах?

— А неужели ты не видишь, что Мелисанде Шахризай хватило ума заморочить тебе голову и послать сюда вынюхивать для нее? — приподнял брови Алкуин.

При этой мысли по коже пробежал холодок, и я прикусила язык. Алкуин уже обещал, что расскажет мне обо всем, когда я закончу туар, а еще обещал, что до того момента и рта не раскроет. В памяти всплыло давнее пророчество матери Гиацинта, и я вдруг побоялась перечислить товарищу дары Мелисанды.

— Ты расскажешь Делоне? — вместо этого спросила я.

Алкуин печально покачал головой.

— Нет, это твое дело. Я в этом не участвую, Федра. Если ты мудра, то расскажешь ему сама. Я в эту игру вмешиваться не стану.

И с этими словами он ушел, оставив меня такой одинокой, какой я никогда себя не чувствовала в доме Делоне.

В конце концов я решила потянуть время.

Я рассказала Делоне все, что смогла вспомнить из событий Самой долгой ночи, кроме эпизода с сундуком и книгой. Он заставил меня раз десять описать маскарад у герцога де Морбана и, уверившись, что торжество почти не оставило следов в моей памяти, наконец сдался и принялся разглядывать расшитую бриллиантами ткань, пропуская ее сквозь пальцы и покачивая головой.

— Что будешь делать дальше? — спросил он после долгого молчания.

У меня нашлось немного времени поразмыслить над этим вопросом, и я молитвенно сложила руки, набираясь смелости, чтобы озвучить свое желание.

— Милорд, — произнесла я, стараясь не запинаться. — Во Дворе Ночи, когда посвященный завершает свой туар, он вправе остаться в своем родном Доме и продолжить служение, преумножающее блага, пока сам не захочет уйти на покой. Я не... не хочу покидать ваш дом.

Улыбка Делоне походила на рассвет после Самой долгой ночи.

— Так ты хочешь остаться?

— Милорд, — я сглотнула, пытаюсь унять в горле ком страха пополам с надеждой. — Вы мне позволите?

Он рассмеялся, привлек меня к себе и расцеловал в обе щеки.

— Шутишь? Федра, зачастую ты так рискуешь, что от страха за тебя я седею, но я сам научил тебя стремиться к цели, не ведая преград. Тебя уже не переделать, и раз ты все равно будешь удовлетворять свою неуемную жажду познания, по моей указке или нет, конечно же,

я предпочту, чтобы ты и дальше оставалась под этой крышей, где я могу хоть в какой-то мере тебя оберегать. — Делоне погладил меня по голове. — Признаться, я опасался, что ты предпочтешь мне своего тсыганского мальчишку, — произнес он совершенно серьезно, — или даже Дом Шахризаев.

— Если Принц Странников думает, что я жду не дождусь завершения своего туара лишь затем, чтобы он наконец счел меня достойной внимания, то он крупно ошибается, — с кружащейся от облегчения головой выдохнула я. — Пусть ухаживает за мной наравне с другими, если пожелает. А Мелисанда... ей просто любопытно посмотреть, как далеко я убегу с ее ошейником, — добавила я, касаясь бриллианта на бархатном шнурке и заливаясь румянцем.

Делоне никак не прокомментировал мое заявление, за что я была ему благодарна.

— Федра, — серьезно сказал он, — ты член моей семьи и носишь мою фамилию. Если у тебя есть какие-то сомнения, отбрось их раз и навсегда, поверь, я никогда и ни за что не отрекусь от тебя и не выгоню из своего дома.

— Спасибо, милорд, — пробормотала я, неожиданно тронутая.

Он ласково мне улыбнулся.

— Даже если твое служение будет наполнять не мои сундуки, а твои и Наамах. — Он взвесил на руке ворох сверкающей бриллиантиками кисеи. — Ну что, отослать это ювелиру?

— Да, милорд, — лихорадочно закивала я, — пожалуйста, отошлите.

\* \* \* \* \*

На оценку и совершение сделки требовалось несколько дней. С разрешения Делоне я прихватила угрюмого Жослена и отправилась в Сени Ночи, правда, среди бела дня. Алкуин одолжил мне своего коня, и, хотя на улице трещал мороз, было приятно ехать верхом, а не трястись в экипаже. Мое последнее воспоминание о карете содержало слишком много Мелисанды Шахризай, и я радовалась холодному колкому воздуху, проясняющему сознание.

Ее бриллиантовую слезу, однако, я так и не сняла. Даже мысли такой не допускала в голову, как и вопросов о причинах своего нежелания.

Гиацинт командовал несколькими парнями, которые затаскивали побитую коляску в арендуемую им конюшню.

— Федра! — воскликнул он, подхватил меня в объятия и закружил. — Глянь сюда! Теперь у меня вполне сложилось извозчиье дело! Видишь, какой знатный экипаж достался мне всего лишь за одну песню!

Жослен прислонился к иссеченной непогодой стене конюшни, почти слившись с кладкой в своих пепельных одеждах.

— Ха, за целую песню? На один куплет ты точно переплатил, тсыган, — вставил он, кивая на покореженные колеса с выломанными спицами. — Даже если содрать и продать всю эту роскошную отделку, все равно не хватит на починку колес.

— К счастью, милорд кассилианец, я знаком с каретником, который не откажется починить колеса за песню, — кротко отозвался Гиацинт, затем повернулся ко мне и ухмыльнулся. — Делоне выпустил тебя из клетки? Позволишь купить тебе кувшинчик вина?

— Лучше я сама тебя угощу, — потрясла я притороченным к поясу мешочком. — Идем с нами, Жослен, заглянув в трактир, ты не пропадешь. Кассиэль простит тебе шаг в сторону, если ты не станешь пить ничего крепче воды.

Так мы очутились за нашим привычным столиком на задворках «Петушка» в непривычной компании усевшегося в углу кассилианца с закованными в блестящую сталь

скрещенными руками и хмурым взглядом, которым он обводил притихших завсегдаев. Кабатчик смотрел на Жослена столь же недовольно, как тот на значную обстановку.

Я описала Гиацинту большую часть постигших меня событий. Он потрогал бриллиант у меня на шее и присвистнул.

— Знаешь, сколько эта висюлька стоит?

— Не знаю, — покачала я головой. — Думаю, дорого.

— Очень дорого, Федра. Ты могла бы... в общем, ты много чего могла бы сделать на деньги, вырученные от ее продажи.

— Я не хочу ее продавать. — Вспомнив поводок Мелисанды, я залилась румянцем. — Не спрашивай, почему.

— Ладно. — Гиацинт любопытно посмотрел на меня мерцающими черными глазами, в которых поблескивал живой ум. — Что еще?

Я достала из мешочка монету и толкнула ее к кассилианцу.

— Жослен, купи, пожалуйста, кувшин вина и отнеси его ребятам Гиацинта на конюшню в подарок от меня.

Кассилианец смерил меня недоверчивым взглядом.

— Нет.

— Клянусь, такого, как в прошлый раз, не случится, и твоим обетам ничего не угрожает. Просто я хочу рассказать Гиацинту кое-что... ну, не предназначенное для твоих ушей. Обещаю, что не сдвинусь с этого места. — Он не шевелился, и я разозлилась: — Во имя Элуа! Твои обеты что, обязуют тебя прилипнуть ко мне как банный лист?

Презрительно фыркнув, Жослен отодвинул стул, схватил со стола монету и пошел к кабатчику.

— Надеюсь, нам не придется опять его спасать, — вздохнул Гиацинт, глядя вслед моему охраннику. — Так что ты хотела рассказать?

Я быстро посвятила его в подробности истории о Делоне и принце Роланде, о подсказке Мелисанды и о стихотворном сборнике. Гиацинт внимательно слушал.

— Неудивительно, — кивнул он, когда я договорила. — Значит, он не был ни братом, ни возлюбленным Эдми де Рокай?

— Нет, — покачала я головой. — Нет, он ни за кого не мстил, а просто защищал Роланда. Мне так кажется. Ты... ты так и не заглядывал, ну... сквозь завесу?

— Я же сказал, что не стану обращаться с этим к *дромонду*. Ты знаешь, почему.

Он произнес это совершенно серьезно — думаю, немногим доводилось слышать такой тон из его уст.

— Хм, пророчество твоей матери? — Я глянула на него, и он коротко кивнул. — Или оно не сбылось, или ждет того дня, когда я узнаю все до конца.

— Молись, чтобы первое, — пробормотал Гиацинт и, вновь расслабившись, сверкнул белозубой улыбкой. — Значит, ты больше не прислужница и больше не *врайна* для меня, Федра! А понимаешь, что это предвещает?

— То, что теперь я сама по себе и смогу достичь больших высот, чем будучи *ангуиссеттой*, принадлежащей Делоне, — холодно ответила я. — Не исключено, что когда-нибудь я заведу собственный салон и превзойду славу обучавшей меня Сесиль Лаво-Перрин. Думаю, он привлечет немало знатных и богатых поклонников.

Улыбка Гиацинта увяла, что изрядно меня порадовало, но всерьез и надолго расстроить Принца Странников было нелегко. Он снова коснулся бриллианта Мелисанды,

пригревшегося в ямке между моих ключиц.

— Ты знаешь, какие возможности перед тобой открываются, Федра, — прошептал он. — Вопрос лишь в том, что ты выберешь.

Я раздраженно стряхнула его руку.

— Сейчас я не собираюсь ничего выбирать! Я всю жизнь прожила по чьей-то указке! И хочу вдосталь вкусить свободы, прежде чем снова от нее отказываться.

— Я не стану держать тебя на поводке, — опять ухмыльнулся он. — Со мной ты пройдешь долгий путь свободной, как птица в небе, как рыба в воде, как Принцесса Странников.

— Тсыгане изгнали твою мать на позор, — рывкнула я, — заставили ее стирать чужое белье и предсказывать будущее за медяки. А если легенды правдивы, соплеменники и твой *дромонд* осудят, Принц Странников, и позволят тебе только пикировать на скрипке да подковывать лошадей. Поэтому не пытайся очаровать меня своим медовым лживым языком.

— О, ты знаешь, что я имею в виду. — Он повел плечами, не испугавшись моего гнева, и подергал за бархатный шнурок на моей шее. — Я не стану выгуливать тебя полуголой перед лордами королевства, Федра.

— Знаю, — прошептала я. — В этом-то и загвоздка, Гиацинт.

Не думаю, чтобы до этой минуты он полностью понимал, кто я такая. Конечно, он многое про меня знал, давно знал, и был единственным, кто интересовался не только моей природой, но и моей душой. Я увидела, как после моих слов в нем вспыхнуло осознание, и испугалась. Вдруг между нами все изменится?

И тут тсыган вновь одарил меня своей неотразимой улыбкой.

— Разве это загвоздка? — он изобразил щелканье кнутом. — Я могу научиться жестокости, если она тебе нужна. Я Принц Странников, — похвалился он, — и могу все, что пожелаю.

На это я рассмеялась, взяла его лицо в ладони и поцеловала. Дыхание перехватило, когда Гиацинт ответил на поцелуй неожиданно умело и сладко — о да, замужние леди, с которыми он развлекался, хорошо его обучили, — но тут стальная длань Жослена припечатала к столу мелкие монетки, мы оба подскочили, как застигнутые за проказой дети, и уставились на кислую физиономию кассилианца.

По пути домой в мерцающих зимних сумерках я покосилась на грозный профиль Жослена и осмелилась заговорить.

— Я же обещала, что ничего не выкину и тебе не о чем беспокоиться, — произнесла я, злясь на его молчание. — Мой туар уже завершен, и теперь я никому ничего не должна.

— Твой туар еще не выбит на твоей коже, служительница Наамах, — холодно процедил он, и я прикусила язык: Жослен был прав. Он смотрел прямо перед собой. — В любом случае мне наплевать, кому ты расточаешь свои... дары.

Лишь недалекий монах мог вложить в это слово столько презрения. Жослен вонзил шпоры в бока своего скакуна, заставив меня помчаться за ним. Меня снова снедала жгучая ненависть.



В скором времени Делоне пришел к соглашению с ювелиром; каждый крохотный бриллиант получил оценку, и в итоге мне досталась круглая сумма.

Помня желчное замечание Жослена, что мой туар на спине еще не выбит, я не стала тянуть с последним сеансом у мастера Тильхарда. Признаюсь, я ждала назначенного дня с большим волнением. Как и у большинства служителей Наамах, туар разрастался на моей коже нестерпимо медленно, где-то на ширину пальца за один раз, и закончить его чуть не с трех четвертей одним махом действительно было немалым достижением.

Конечно, Алкуин завершил свой туар еще быстрее, но он заставил поклонника сделать ему такой подарок и за это понес епитимью перед Наамах. Что бы ни толкнуло Мелисанду на щедрый жест, ее дар был искренним. И с каким бы умыслом она меня ни одаривала, я была связана с ней бриллиантовой слезой на шее, которую не мыслила продать, а вовсе не остатками карнавального костюма и не узором на спине.

Дождаясь заветного дня, я жила в странном подвешенном состоянии: уже не подневольная служительница и еще не свободная гражданка Земли Ангелов. Но на этот раз я не горячилась в заточении, а пыталась понять суть всего, что со мной происходило, в частности, последней встречи с Гиацинтом. Отчего-то мне очень хотелось повидаться с его матерью.

Сейчас я жалею, что не поддаюсь этому желанию. Делоне счел бы обращение к гадалке суеверием, но в ее пророчествах действительно таилась мрачная правда. Возможно, если бы я к ней тогда сходила, судьба повернулась бы по-другому.

Да, каждый крепок задним умом. Теперь-то я знаю, что должна была сразу рассказать Делоне, что случилось между мной и Мелисандой; должна была рассказать ему, как она натолкнула меня на правду о принце Роланде. Ах, мне следовало догадаться самой. Из всех теней, омрачавших душу Делоне, самой темной была Битва Трех Принцев.

Роланд погиб, а Делоне не смог спасти своего сеньора. Я несколько лет думала, что дело только в этом. Но теперь я смотрела на наставника другими глазами, смотрела сквозь строки его стихотворения. *«О, господин, что мне един вовек, Позволь груди, к которой ты припал, Служить твоим щитом, твоим кимвалом»*. Он любил Роланда и подвел не только сеньора, но и возлюбленного. *«Роланд всегда действовал поспешно, — сказал однажды Делоне, — и это был его единственный недостаток как предводителя»*.

Мне следовало гораздо раньше сложить два и два.

До сих пор я порой теряюсь в сомнениях и снова и снова пересматриваю прошлое. Если бы я тогда не погрязла в самокопании и проявила большую догадливость, изменило бы это хоть что-нибудь? Не знаю. И никогда не узнаю.

Рассвет дня, на который была назначена моя последняя встреча с мастером Тильхардом, выдался холодным, морозным и сияющим. Делоне думал о чем-то своем, ожидая какого-то гостя, и рассеянно разрешил мне взять и его коня, и лошадь Алкуина, так что мы с по обыкновению угрюмым кассилианцем поехали в мастерскую туарье верхом.

Мастер Тильхард не отличался жадностью. Он, безусловно, был прежде всего художником. Творцы же не меньше остальных смертных — а как правило, гораздо больше — стремятся к вершинам, никому кроме них неведомым, потому не берусь гадать, чем был вызван блеск в усталых глазах мастера: количеством предложенного мной золота или

возможностью завершить туар *ангуиссетты*. На его веку я была первой заказчицей с таким редчайшим даром.

Довольно долго мы просовещались в глубине натопленной мастерской, утверждая окончательный узор моего туара. Сквозь занавесь в дверном проеме я видела силуэт сидящего Жослена, который ждал меня, вытянув ноги и сложив руки на груди. Что ж, пускай подождет — я не собиралась подгонять туарье на столь важном этапе в угоду нетерпеливому кассилианцу.

Едва я разделась и мастер нанес мне первые проколы, из передней комнаты донесся какой-то шум. Поскольку дело меня не касалось — ах, если бы! — я осталась лежать на столе, а Тильхард послал подмастерье узнать, что там происходит.

Почему-то до сих пор жалею, что не узнала имя того подмастерья. Вскоре он с вытаращенными глазами высунулся из-за занавески.

— Мастер, тут какой-то человек, — протараторил он. — Рвется повидать миледи Федру но Делоне. Кассилианец крепко его скрутил. Мне позвать королевских гвардейцев?

Я села, обернувшись простыней

— Что за человек?

— Не знаю. — Ученик с трудом сглотнул. — Говорит, что привез послание, которое вы должны доставить лорду Анафиэлю Делоне. Миледи, мне кликнуть гвардейцев?

— Нет. — Не для того я столько лет училась у Делоне, чтобы отказываться от информации, плывущей в руки. Я нащупала свое платье и спешно его натянула. — Позовите сюда посланца, и Жослена тоже. Мастер Тильхард, прошу меня извинить...

Старый туарье пристально посмотрел мне в глаза и мотнул головой в сторону каморки, где они с учеником обычно смешивали краски.

— Ладно, потолкуй с ним, *ангуиссетта*. Надеюсь, я не пожалею, что позволил тебе устроить здесь говорильню, — буркнул он.

Едва я успела зашнуровать лиф, как из-за занавеса вынырнул Жослен, подгоняя кинжалом перед собой раздраженного молодого мужчину в матросской робе.

— Отзовите своего кассилианского пса, — бросил тот мне и скривился, когда Жослен впихнул его в комнату. — У меня послание для лорда Делоне!

С большим трудом я изобразила суровость на лице и провела курьера в подсобку. Жослен напоследок подтолкнул его через порог и, ловко убрав кинжалы в ножны, встал между мной и гонцом.

— Кто вы? — спросила я.

Он почесал живот и скорчил гримасу.

— Элрик Лейт, с судна «Махариэль». Присягнул адмиралу Квинтилию Руссу, а сюда прибыл под вымпелом графа де Брижу из Кушета. Должен был свидеться с вашим хозяином, милордом Делоне.

— А чем все это докажете?

— Яйца Элуа! — закатил он глаза. — Есть какой-то пароль, да? И какой же? Я и вправду гонец, клянусь печаткой принца, его единственной и любимой.

Печатка принца. Я вспомнила о кольце, которое Исандра де ла Курсель показала Делоне, и постаралась сохранить внешнее бесстрашие.

— Что ж, допустим. Так какое срочное известие привело вас сюда?

— За именем графа де Брижу следят какие-то люди. — Он наклонился, переводя дыхание. — Будь ты проклят, кассилианец, шустрый дурак! Я заметил их и решил

проверить, какова обстановка у дома Делоне. Так вот, за ним тоже наблюдают, скорее всего, поджидают меня. Кто-то нас выдал. Я увидел, как вы уезжаете, ну и побежал за вами прямо сюда.

По телу пробежал холодок, когда я поняла, что опасения Делоне не были беспочвенны. Знаком призвав Жослена к терпению, я снова обратилась к моряку.

— Так что же велел передать моему господину Квинтилий Русс?

Элрик Лейт набрал в грудь воздуха и на выдохе сказал:

— Когда в Альбе воцарится Черный Кабан, Старший Брат уступит. Вот такое послание, ни прибавить, ни убавить и ничего не разобрать.

Я порылась в кошеле, пытаюсь скрыть замешательство, и вытащила монету. Золотой дукат, но я не сомневалась, что Делоне возместит мои затраты.

— Спасибо, уважаемый моряк, — пробормотала я. — Я передам послание адмирала милорду Делоне, и уж он, несомненно, в нем разберется.

Уверена, Элрик Лейт не был трусом — никто из ходящий под парусами Квинтилия Русса не был обделен храбростью. Но здесь он находился вне своей стихии и, может, поэтому, поддавшись страху, не вызвался нам помочь, а взял монету, поклонился и поспешил прочь. Я заметила, как мастер Тильхард смерил взглядом его спину.

Потом мое внимание привлекла жуткая гримаса на лице Жослена Веррея, стоявшего рядом со мной.

— Домой, — бросил он и устремился к двери.

Прежде я уже видела, как быстро умеет двигаться кассилианец, да и после не раз восхищалась его стремительностью, но в тот день он мчался как никогда в жизни, словно за ним по пятам гнались демоны. Не знаю, каким чудом я умудрилась не сильно отстать — разве что меня окрылил ужас, передавшийся и коню Алкуина, когда я вскочила в седло и пустила в ход шпоры. Высекая по брусчатке искры, мы галопом проскакали от мастерской туарье до особняка Делоне и влетели во двор.

Увы, скорость нашей скачки не имела значения — в любом случае не имела бы. Слишком много времени было потеряно на расспросы моряка в мастерской мастера Тильхарда...

Во дворе нас встретила мертвая тишина, и помощник конюха не вышел как обычно, чтобы увести лошадей.

— Нет! — закричал Жослен, сорвался с коня и с обнаженными кинжалами помчался к двери. — О, Кассиэль, нет!

Я тоже поспешила в онемевший дом.

Кто бы ни следил за ним, они нас опередили.

Люди Делоне лежали там, где упали, в лужах собственной крови. Экономку тоже убили, и я набросила передник ей на лицо — не могла на это смотреть. Теперь я видела, как много слуг меня окружало, а я так и не удосужилась как следует с ними познакомиться, не удосужилась расспросить, почему они решили связать свои жизни с Анафиэлем Делоне.

Мы нашли его в библиотеке.

На его теле зияли бесчисленные раны — дюжина, не меньше, — не знаю, которая из них стала смертельной. Рука сжимала окровавленный меч. Нетронутое лицо ошеломляло спокойствием в сочетании с изломанной позой. Я застыла в дверях, а Жослен встал на колени и попытался нащупать пульс. Когда он поднял глаза, мне стало все ясно без слов.

Я ошеломленно пялилась в одну точку, пока мой мир рушился и погребал меня под

собой.

В сумраке неосвещенной библиотеки что-то пошевелилось, и до нас донеслось слабое царапанье.

Жослен стремительно проложил себе путь среди разбросанных томов и свитков. Добравшись до источника шума, он вложил в ножны свои кинжалы и лихорадочно раскидал по сторонам книги, скрывавшие лежащее на полу тело.

Из-под завала показались белые пряди волос, и, медленно последовав за Жосленом, я увидела глаза Алкуина — темные, измученные, исполненные болью.

Жослен отгреб с пострадавшего ворох книг, с присвистом выдохнул сквозь стиснутые зубы, узрев раны. Прижал обе ладони к животу Алкуина, к белой батистовой рубашке, поалевшей от крови, и бросил на меня отчаянный взгляд.

— Воды, — еле слышно прошелестел Алкуин. Я встала рядом с ним на колени и нащупала его руку. — Пожалуйста.

— Принеси, — попросила я Жослена. Он открыл было рот, но молча кивнул и удалился. Я стиснула ладонь Алкуина.

— Делоне? — заглянул он в мои глаза.

Я покачала головой, не в силах сказать правду вслух.

Алкуин отвел взгляд и выдохнул:

— Слишком много их было. Двадцать... не меньше.

— Лежи тихо! — прорыдала я. Жослен вернулся с кувшином и губкой. Окунув губку в воду, выжал в рот Алкуину тонкую струйку.

Губы раненого зашевелились, он с трудом сглотнул и скривился.

— Слишком много...

— Кто это был? — ровным голосом спросил Жослен.

— Ангелийцы. — Блуждающий взгляд Алкуина сосредоточился на кассилианце. — Солдаты. Без гербов. Я убил двоих.

— Ты? Убил? — Я погладила его по голове, не в силах сдержать бегущие по лицу слезы. — О, Алкуин...

— Русс, — прошептал он и вновь скорчился от боли. — Передай ему.

— Квинтилий Русс? — Мы с Жосленом обменялись взглядами. — Его посланец нас нашел. Меня нашел. Сказал, что не пошел прямо к Делоне, потому что за домом следят.

Алкуин пошевелил губами, но я ничего не расслышала, и он повторил:

— А пароль? Он назвал?

— Нет... — В голове все перемешалось. — Да, да, назвал. Кольцо принца... Печатка принца, его единственная и любимая.

Алкуин дернулся и жадно втянул ртом воздух. Жослен накапал ему в рот еще немного воды и обтер губкой лицо. А потом мой товарищ попытался рассмеяться — невероятно!

— Не печатка... птичка... лебедушка. Курсель. Делоне... поклялся оберегать ее. Не щадя своей жизни. Присяга Кассиэля... Дочь Роланда.

— Анафиэль Делоне дал клятву защищать Исандру де ла Курсель? — тихо уточнил Жослен.

Алкуин дернул головой в подобии кивка.

— Клятву... ради... Роланда, — прошептал он и облизал губы. Жослен снова дал ему немного воды. — А что... передал... Русс?

— Когда в Альбе воцарится Черный Кабан, Старший Брат уступит. — Я умоляюще

вперилась в гаснущие глаза Алкуина. — Брат мой, не умирай! Без тебя мне не обойтись! Что же нам делать?!

Тихий голос срывался, темные глаза тускнели — взглядом он просил у меня прощения.

— Скажи... Исандре. Доверься... Руссу. Тревальон. Телезис знает... об Альбе. — Он снова дернулся, кашлянул, и на его губах запузырилась кровавая пена. У меня на глазах умирала бесподобная красота... Я еще крепче стиснула руку товарища. — Не Ганелон... Только дофина. — Алкуин пошевелил головой, и я догадалась, что он ищет взглядом Делоне. — Он сдержал обещание. — На секунду голос Алкуина зазвучал как обычно, но вдруг он всхлипнул, зажмурился и сжал мои пальцы. — Федра...

Не знаю, долго ли я так просидела, но я не отпустила руку Алкуина даже после того, как она обмякла в моей. Grimаса боли больше не кривила идеальные черты его прекрасного лица. Наконец Жослен отстранил меня, помог встать на нетвердые ноги и слегка встряхнул. Недалеко от тела Алкуина лежал и труп Делоне. Смотреть на учителя мне было невыносимо. Ушел, он ушел, ушел из этого мира, ушел от меня, и его обманчивая вельможная невозмутимость сменилась абсолютным спокойствием смерти. Рыжевато-каштановые с проседью завитки косы так изысканно изгибались на его плече, словно под спиной и не расплывалась огромная лужа запекшейся крови...

— Элуа тебя прокляни, Федра, слушай меня! — Кокон моих размышлений прорвала обжигающая пощечина. Я подняла голову, смутно сознавая, что Жослен меня ударил, и посмотрела в его глаза, широко распахнутые, словно в испуге. — Нам нужно уходить. Быстро, — настойчиво сказал он. — Понимаешь? Это были опытные воины, они унесли своих мертвецов. Они еще вернутся. Мы должны доставить послание Русса дофине, прежде чем и до нее доберутся. — Он снова меня встряхнул, так что голова дернулась туда-сюда. — Понимаешь?!

— Да. — Я прижала ладони к глазам. — Да, да, да! Я понимаю. Пусти. — Он разжал пальцы, и я почти наобум зашагала к выходу, кутаясь в накидку, которая не могла укрыть от беспощадных мыслей. Мыслей избранницы Кушиэля, но ученицы Делоне. — Отправимся напрямиком во Дворец. Если не сумеем добраться до дофины, поищем Телезис де Морне. — Я опустила руки и оглянулась на Жослена. — Телезис меня знает. Она меня примет.

— Хорошо. — Лицо кассилианца ожесточилось, он поймал меня за руку и потащил за собой по бойне, когда-то бывшей уютной библиотекой. — Идем. Время не ждет.

О дороге во Дворец я почти ничего не помню. Точно знаю, что мы туда доехали, но не могу сказать, ни сколько времени занял путь, ни какая была погода, ни мимо кого мы скакали по улицам. Позже я видела мужчин, которые, получив смертельную рану, какое-то время продолжали сражаться на поле брани. Я понимала их состояние.

Делоне смеялся, говоря, что мое имя не приносит удачи. Его забавляло невежество моей матери, воспитанной при Дворе Ночи, которая столь неудачно назвала свою дочь. Не стоило ему потешаться. Он дал мне свою фамилию, возможно, рассчитывая, что таким образом обманет счастье, и оно, обознавшись, мне улыбнется. А вместо этого получил мое проклятое невезение, то же, что сгубило и Бодуэна де Тревальона.

Прошлого не переменишь; но сейчас я понимаю, что не будь моя судьба в руках Элуа, она сложилась бы иначе. И уж поверьте, добравшись до Дворца, я всем сердцем хотела, чтобы именно так и случилось.

Исандра де ла Курсель не соизволила нас принять.

Раньше меня беспокоило, как мы с Жосленом смотримся вместе: блудница в сангровой накидке и монах в сером рубище. В тот раз я об этом даже не думала, пока не заметила опасливые взгляды слуг Телезис де Морне, которые вежливо сообщили, что королевская поэтесса сейчас занята и будет занята еще несколько часов. Видимо, она убаюкивала короля своими стихами и не могла отвлечься от столь важного дела.

Прижав ладони к глазам, я живо вспомнила скрытый зеркалом проход в покои дофины.

Звездочеты, составляющие гороскопы по небесным картам, утверждают, будто наши судьбы целиком определяются положениями светил. Уж конечно, они сказали бы, что и эта встреча была предопределена звездами, но я склонна считать, что это людских рук дело. Не так уж сложно установить наблюдение за теми, кто входит в круг интересов. А расставив сети, вовсе несложно, получив донос, что некая персона ищет аудиенции у других небезызвестных персон, поспешить на место событий.

Сейчас для меня это очевидно, а тогда я просто дернулась, услышав за спиной голос Мелисанды Шахризай.

— Федра?

Жослен сомкнул пальцы на рукоятках кинжалов. Я подняла глаза, чувствуя, как ее оклик словно тянет за шнурок на моей шее. На лбу Мелисанды пролегла обеспокоенная морщинка.

— Что случилось? Почему ты здесь?

От ее сочувствия в голове вновь замелькали страшные картины из особняка Делоне и к глазам подступили непрошеные слезы.

— Делоне убит, — выдохнула я. Попыталась произнести хоть что-нибудь связное, но язык не слушался. Этого и не требовалось — в ее взгляде я увидела проблеск понимания. — Алкуин. Все домочадцы.

— Что?

Я много в чем сомневалась и сомневаюсь. Даже сейчас, до сих пор. Но совершенно уверена, что та новость застала Мелисанду Шахризай врасплох. Среди ее отработанных безупречных имитаций не было маски изумления — его она обычно скрывала как неподобающую слабость, да и мало что могло ее удивить. Так вот, я своими ушами

услышала, как совершеннейший музыкальный инструмент — ее голос — на этом единственном слове сфальшивил, сорвавшись чуть не на визг. Даже Жослен это уловил и отпустил рукоятки своих кинжалов.

Но что именно ее так удивило — отдельный вопрос.

Когда она, слегка побледнев, снова заговорила, обычный гармоничный тон к ней вернулся.

— Вы ищете королевских гвардейцев?

— Нет, — брякнул Жослен одновременно со мной, только я ответила «Да».

Даже этот кошмар неспособен был настолько лишить меня разума, чтобы слепо довериться Мелисанде Шахризай.

Я досадливо смахнула с глаз слезы, не обращая внимания на стоявшего рядом кассилянца, и более твердо повторила:

— Да, мы ищем гвардейцев. Вы, случайно, не знаете, где они расквартированы?

— Давай сделаем лучше. — Мелисанда повернулась к слуге в ливрее Шахризаев, дожидавшемуся в нескольких шагах позади нее. — Приведи капитана королевской гвардии в мои покои. Капитана, не меньше, понял? Скажи в казарме, что это срочно. — Лакей поклонился и целеустремленно зашагал прочь. Мелисанда вновь повернулась к нам. — Идемте со мной, — нежно позвала она. — Солдаты явятся через пару минут.

Прежде я никогда не видела дворцовых покоев Шахризаев. Помню, они поразили роскошью, но детали стерлись из памяти. В ожидании прихода капитана мы присели за длинный мраморный стол в зале.

— Выпейте. — Мелисанда сама наполнила две рюмки и протянула и мне, и кассилянцу. — Оба, — добавила она, заметив колебание Жослена. — Вам пойдет на пользу.

Я залпом проглотила наливку. Крепкая и медвяная, с легким послевкусием чабреца и нотками еще какой-то пряности. Она слегка смягчила мое напряжение. Жослен закашлялся, когда жидкость обожгла ему горло, и слегка порозовел, что очень его украсило. Не спрашивая, Мелисанда вновь наполнила мою рюмку, но когда потянулась ко второй, кассилянец покачал головой.

— А можно чаю? — тихо попросил он.

— Конечно. — Она подошла к двери, подозвала служанку, что-то тихо ей поручила, снова села за стол и уставилась на меня. — Милая, не хочешь рассказать, что именно произошло?

— Нет. — Меня начало трясти, и я обеими руками схватилась за рюмку. — Миледи, я не знаю, что там произошло. Мы с Жосленом... мы были у туарье, договаривались об окончании моего туара. — Мысли стремительно прокручивались в голове, пока я отчаянно импровизировала — даже зрение, казалось, поплыло. — Мне нужно было одобрить новый эскиз, потому что мастер Тильхард решил изменить флерон. Это продолжалось... не знаю, как долго.

— Около часа, — вставил Жослен, подыгрывая мне. Он слегка запинаясь, но это можно было списать на потрясение, а не на непривычку ко лжи. — Может, чуть дольше. — Служанка принесла чай, и он, поблагодарив ее, глотнул. — Когда мы вернулись в особняк... — Его рука задрожала, и чай пролился на блюдце. Он поставил чашку, подождал, пока руки успокоились, снова взял ее, отпил большой глоток и мрачно продолжил: — По всему дому остались следы борьбы. И никто не выжил, чтобы рассказать нам хоть что-

нибудь.

— О, Анафиэль, — прошептала Мелисанда. Глянула на дверь, как я подумала, высматривая гвардейца. Я тоже покосилась в ту сторону, но там никого не оказалось.

Внезапно что-то грохнуло по столу: Жослен повалился на мраморную столешницу. Чашка перевернулась, и горячая жидкость лужицей натекла под закованную в железо обмякшую руку. При взгляде на него и у меня закружилась голова, а его безмятежное в забвении лицо вдруг расплылось перед глазами.

— Нет... — выдохнула я. И оттолкнула рюмку, с нарастающим ужасом глядя на Мелисанду. — О нет. Нет.

— Мне жаль, Федра. — Она выглядела сдержанной и спокойной. — Клянусь, я не отдавала приказа убить Делоне. Это было не мое решение.

— Но вы все знали. — По коже поползли мурашки. — Вы использовали меня. Ах, Элуа, я сказала вам, сама сказала! Посланник Русса!

— Нет. Мне и без тебя уже донесли, что Делоне ждет вестей от адмирала. — С леденящей душу аккуратностью Мелисанда подняла перевернутую Жосленом чашку и аккуратно водрузила ее на блюдце.

— Тогда почему? — прошептала я. — Почему вы рассказали мне о принце Роланде, если уже все знали? Я думала, вы хотели, чтобы я для вас разведала о клятве Делоне.

Она улыбнулась и заправила выбившуюся прядь моих волос мне за ухо.

— Ты о том, как Анафиэль поклялся всеми средствами защищать жизнь Исандры де ла Курсель и ее право на престол? Ох, глупышка, это мне сто лет как известно. Мой второй муж был закадычным другом короля и ужасным сплетником. Правда, недостаточно умным, чтобы понять, что Делоне всерьез намерен сдержать обещание, но, опять же, из горстки осведомленных мало кто в это верил. Нет, я хотела от тебя узнать, что он сейчас задумал. Зачем ему понадобился Квинтилий Русс, и как это связано с Хозяином Проливов?

— Но почему... почему вы использовали меня? — Было сложно держать голову ровно. Что бы Мелисанда не подсыпала в чай Жослену, этот же дурман был и в наливке, только мне досталось поменьше.

— Разве, когда дело касается тебя, мне нужны особые причины? — По-прежнему улыбаясь, Мелисанда провела кончиком пальца по моей левой брови, над глазом с алым пятнышком. Ужас, испытываемый мною, несравнимо возрос в те секунды: ее прикосновение воздействовало на меня с прежней силой. — Что же, в данном случае сыграло роль, что ты ученица Делоне. Видишь ли, добыча информации похожа на фазанью охоту: когда егеря, чтобы вспугнуть птиц, колотят по кустам. Я хотела посмотреть, кто из лордов де Морбана вздрогнет, услышав твое имя. И по этому признаку определила, что именно граф де Брижу приютил гонца с письмом к твоему господину, Федра но Делоне.

Зажженная ее прикосновением, предательская кровь огнем бежала по жилам. Я боролась с тягой к Мелисанде, с ее плачущей удавкой на моей шее и пыталась сложить кусочки мозаики в единую картину. Чьи же люди в таком случае убили Делоне? Мелисанды? Но она не командовала армией — Шахризаи обладали деньгами и могуществом, но не солдатами, за исключением небольшой личной гвардии, а нападавших было много. «Алкуин смог бы разобраться, — подумала я, — смог бы сложить воедино разрозненные части этой кошмарной головоломки». Вскипевшие слезы жгли меня так же, как и неодолимое влечение к мучительнице. Уцепившись за мысль об Алкуине, я сумела проследить нить узора.

— Д'Эгльмор.



В темно-синих глазах Мелисанды зажглась искорка: похоже, она гордилась тем, что я сумела догадаться.

— Анафиэль хорошо тебя обучил, — удовлетворенно кивнула она. — Жаль, что Исидор не присутствовал там лично. У него хватило бы ума не убивать твоего хозяина, не узнав, что и как он собирался сделать. Я бы не стала поручать такую работу солдатам с их примитивным мышлением. Ты сама теперь убедилась, что большинство камаэлитов и вправду думают своими мечами.

— Но не д'Эгльмор.

— О нет. — Встав, она подошла к двери и отдала приказ, который я не услышала. Я уже поняла, что никакого капитана королевской гвардии не предвидится. Мелисанда вернулась и встала позади меня, положив руки мне на плечи. — Нет, Исидор д'Эгльмор не из тех, кто думает только своим клинком. Он три года воспитывался в Кушете, ты знала? В Доме Шахризаев.

— Нет, — прошептала я, — не знала.

— А следовало бы. — Ее руки оглаживали меня, внушая ужас и вожделение. До той минуты я не вполне понимала, почему жертвы Кушиэля предпочитали оставаться подле него в огне преисподней. Жослен неподвижно лежал на столе мертвый или без сознания, но ни его незащитный вид, ни воспоминания о застывшем в луже собственной крови Делоне или об Алкуине, в предсмертной агонии произносящем мое имя, не останавливали захлестывающий меня прилив желаний.

— Не надо, — дрожа, прохныкала я. — Пожалуйста, не надо.

На секунду Мелисанда замерла, а потом я почувствовала ее теплое дыхание, овевающее мое ухо.

— Почему кассилианец сказал «нет», Федра? — прошептала она, и ее голос пробрал меня до костей. — На мой вопрос ты ответила «да», но он сказал «нет». Если вы не искали королевских гвардейцев, то чем же занимались во Дворце?

Комната будто плыла; передо мной маячила красная пелена, из которой появились Делоне и Алкуин — ах, никого я больше так не любила, — за ними показалось лицо Наамах, сочувствующее и смиренное, и жестокие бронзовые черты Кушиэля, которому я была суждена от рождения.

— Не знаю, миледи, — словно откуда-то издалека до меня донесся мой голос. — Спросите Жослена, что он имел в виду под своим «нет», если вы его не убили.

— Хм, но ты ведь предупредила его, дорогая. Кассилианец скорее умрет, чем подведет того, кого охраняет, и тем нарушит свой обет, — прошептала Мелисанда так близко, что я чувствовала, как на моей коже шевелятся ее губы. Я закрыла глаза, и по моему телу снова пробежала дрожь. — Да и в любом случае мне больше нравится спрашивать у тебя, голубка.

Меня разбудили покачивание и толчки.

Сначала я бездумно впитывала впечатления от органов чувств, и ни одно из них не было приятным. Холодно, очень холодно. И темно. Я лежала под грубым шерстяным одеялом. На соломе, которая колола мне щеку. Из непрерывных подпрыгиваний — на ухабах? — и стука копыт я вывела, что еду в повозке, накрытой сверху рогожей. Едва я успела это осознать, как нутро скрутило узлом. До того момента я никогда в жизни не болела и не сразу поняла, чем обернется этот спазм. Позыв заставил меня отползти по соломе в самый дальний угол, где из меня исторглось скудное содержимое желудка.

После этого тошнота почти перестала меня терзать. Голова кружилась, меня трясло от холода, и я поползла обратно к вороху одеял, где недавно очнулась, чтобы устроиться хоть чуточку поудобнее. Только тут я заметила его тело. Светлые волосы сливались с соломой, серые одежды были почти неразличимы в тусклом свете, просачивающемся сквозь драную рогожу над головой.

Жослен.

Меня захлестнули воспоминания.

И я едва успела вновь добраться до угла, чтобы извергнуть из себя желчь.

На этот раз шум его разбудил. Обхватив себя руками, чтобы утишить дрожь, я глядела, как он спросонья хмуро осматривает нашу передвижную тюрьму. Да, настоящий воин: сначала быстро охлопал себя, проверяя оружие, и, конечно же, не нашел ни кинжалов, ни меча, ни стальных наручей на предплечьях. И только потом посмотрел на меня.

— Где... — прохрипел кассилианец. Замолчал, откашлялся, смачивая слюной пересохший от отравы рот, затем сглотнул. — Где мы?

— Не знаю, — прошептала я, не уверенная, верны ли мои догадки. Снаружи доносился стук копыт — упряжка из четырех лошадей? Нет, их там больше, подкованных и повоенному строго соблюдающих аллюр. Нас сопровождал по меньшей мере десяток солдат.

— Мелисанда, — каркнул Жослен. — Мелисанда Шахризай.

— Да, — по-прежнему шепотом отозвалась я.

В голове воронами метались воспоминания, хлопая черными крыльями. До этого кошмарного пробуждения я и не представляла, что можно презирать свою собственную сущность. Даже сейчас, изнывая от холода, боли и отчаяния, я все еще ощущала отголоски блаженства, дарованного предательским телом.

Несмотря на дремучую наивность, Жослен отнюдь не был дураком. Достаточно молодой и любознательный, чтобы легко обучаться, он довольно долго прослужил в доме Делоне, где даже глупец набрался бы крупниц мудрости. Я увидела, как его словно высеченное из камня лицо озарилось пониманием.

— Ты выдала ей послание Русса? — тихо спросил он.

— Нет, — покачала я головой и, не в силах остановиться, продолжила мотать ею туда-сюда. Зубы клацали, я все крепче и крепче обхватывала себя руками. — Нет, нет, нет.

К женским припадкам его не готовили. Встревоженный Жослен затащил меня в теплый ворох одеял, закутал и, когда я не перестала трястись, обнял меня и принялся покачивать, бормоча что-то утешительное. Он так баюкал меня довольно долго, пока я не успокоилась.

Нет, я не солгала.

Все, чего она хотела, все, что могла предоставить моя предательская плоть, Мелисанда получила. Напуганная до смерти, упавшая духом, одинокая и сломленная, я отдала ей все.

Но не это.

В конце концов она мне даже поверила. Помню, как она прекратила меня терзать и подняла за волосы мою повисшую голову, помню ее прекрасное лицо и безжалостную нежную улыбку. Я охрипла от крика — смогла лишь беззвучно пошевелить губами и взмолиться взглядом.

— Пожалуй, я верю тебе, Федра, — погладила меня по щеке Мелисанда. — Да, верю. Раз так, тебе нужно сказать одно-единственное слово, если хочешь, чтобы все закончилось. Давай же, скажи его.

Если бы я тогда подчинилась и произнесла заветное слово, если бы я тогда сказала свой сигнал, думаю, на том бы она и успокоилась. Поэтому я промолчала.

И попытка продолжилась и длилась долго-долго, бесконечно долго. До полной темноты.

Вспомнив все, я перестала дрожать. Память о тех часах холодным камнем легла мне на сердце. Жослен, наверное, заметил мою неподвижность и, неловко потеряв мои плечи, отстранился. Он не стал отодвигаться далеко — здесь у нас не было иной поддержки, кроме друг друга. Я увидела, что он пересиливает озноб, молча стащила с себя одно одеяло и протянула ему. Кассилианец не стал отказываться, а закутался в грубую шерсть и подышал себе на руки.

— Значит, ты не в курсе, что нас может ждать? — наконец спросил он.

Я покачала головой.

— Ну, — решительно произнес Жослен, — посмотрим, что получится выяснить. — Он снова подышал на руки, согревая их, несколько раз стукнул по высокому бортику повозки и крикнул: — Эй! Эй, вы там! Остановитесь! — Доски закричали под его нажимом, снаружи донесся перестук копыт и невнятное бормотание. — Остановите повозку, говорю! Выпустите нас!

Доски дрогнули под сокрушительным ударом. Дубина с железной оковкой или по меньшей мере молот. Жослен отдернул руки, наверное, пронзенные болью через дерево. Еще один мощный удар обрушился уже на рогожу над нашими головами, глухо угодив кассилианцу в плечо. Охнув, он откатился в сторону.

— Помалкивайте там, — донесся до нас по-военному четкий командный мужской голос, — или забьем вас, как барсуков в мешке. Ясно?

Жослен скорчился под рогожей лицом вверх, словно пытаясь разглядеть тень оружия над головой.

— Я Жослен Веррей, сын шевалье Мильярда Веррея из Сьоваля, брат ордена кассилианцев, предупреждаю, что вы удерживаете меня против моей воли, — выкрикнул он. — А это, если не знаете, преступное богохульство, караемое смертью!

Оружие — на сей раз, похоже, посох или копье — рывком опустилось на наш покров.

— Заткнись, кассилианец! В следующий раз стукну девчонку.

Я схватила Жослена за руку и яростно тряхнула, увидев, как он открыл рот, чтобы продолжить перебранку.

— Не надо, — прошептала я. — Не нарывайся. Там десяток, а то и больше закаленных в бою вооруженных всадников. Если хочешь поиграть в героя, хотя бы выбери момент, когда не будешь в таком меньшинстве и запертым как... как барсук в мешке.

— Откуда ты знаешь, сколько их там? — уставился на меня Жослен.

— Слушай, — мотнула головой я. — Слушай, как ступают лошади, как скрипят и звякают доспехи. Четверо впереди, четверо сзади, двое по бокам, и еще по меньшей мере двое ускакали вперед на разведку. А если они подчиняются приказам Мелисанды, то это, скорее всего, люди д'Эгльмора.

— Д'Эгльмора? — Жослен по-прежнему косился вверх на рогожу, но ему хватило ума произнести это имя шепотом. — А он-то здесь каким боком?

— Точно не знаю. — Замерзшая, больная и усталая, я скорчилась под одеялами. — Но какую бы роль он не играл, они с Мелисандой заодно. Сначала вместе низвергли Дом Тревальонов, а теперь убили Делоне и Алкуина. Герцог недавно безуспешно просил руки Исандры. Думаю, он жаждет заполучить трон, не мытьем, так катаньем. И если нас действительно сопровождают его солдаты — у самой-то Мелисанды войска нет, — не сомневайся, драться они умеют.

Тусклый свет озарил его растерянное лицо.

— Я думал, ты обыкновенная служительница Наамах.

— Неужели ты так ничему не научился, живя у Делоне? — горько ответила я. — Лучше бы я осталась при Дворе Ночи и попала в Дом Валерианы, лучше бы стала там игрушкой для битья на забаву неуклюжим торговцам. Тогда Мелисанда Шахризай не использовала бы меня, чтобы выведать имена союзников Делоне.

— Так вот что произошло? — вздохнул он и кивнул каким-то своим мыслям. — Федра, ты же ничего толком не понимала. А Анафиэлю Делоне следовало предвидеть, как опасно втягивать учеников в придворные интриги. Твоей вины в случившемся нет.

— Есть ли, нет ли, — упорствовала я, — уже неважно. Все кончено. Пусть неволью, но я послужила тому причиной. Делоне погиб, и Алкуин тоже погиб, а он и мухи в своей жизни не обидел. И всех слуг перебили... только за их верность... И только я...

— Федра...

— Уже темнеет, — перебила я, вытягивая руку. Рассмотреть пальцы стало труднее, чем чуть раньше. — Скорее всего, на ночь они разобьют лагерь. Думаю, мы едем на север. Здесь холоднее, чем в Городе.

— Камлах, — мрачно предположил Жослен.

— Да, похоже. В Ланьясе камаэлиты вроде пока осторожничают, стараются шевелиться тишком. Боятся себя обнаружить во всей красе. А вот в своей провинции стесняться не будут.

— Делоне хорошо тебя обучил, — прошептал Жослен.

— Увы, недостаточно хорошо.

Измотанная болью и страхом, я задремала и проснулась, лишь когда повозка резко остановилась. Вокруг была кромешная тьма. Послышались мужские голоса и звон цепей. Задний борт опустился. Я прищурилась, ослепленная огнем факела.

— Давайте, вылезьте оттуда, — скомандовал грубый голос, обладатель которого оставался невидимым за языками пламени. — Сначала девчонка. Не спешите.

Придерживая на себе одеяла, я вылезла из повозки и встала, шурясь и моргая в свете факела. Подмороженная и покрытая соломой голубка Наамах. Грубые руки подхватили меня и увлекли к костру. Солдат в шлеме протянул мне мех с водой, и я принялась жадно пить.

— Так, хорошо, спокойно, кассилианец. — С Жосленом конвоиры держались более настороженно, но и он спустился неспешно и послушно, думаю, в первую очередь беспокоясь о моей безопасности. Он был кассилианцем, а я — его подопечной, и, какие бы

испытания не выпали на его долю, следование обету было для него превыше всего. При виде меня на его лице отразилось облегчение.

Привыкнув к свету факела, я убедилась, что угадала почти точно. Нас опекали пятнадцать солдат в доспехах без гербов — все как один бывалые вояки. Один хлопотал у котелка над костром, еще несколько ухаживали за лошадьми, а шестеро с обнаженными мечами окружили Жослена. Лагерь разбили в каменистой долине — сплошной замерзший дерн, припорошенный снегом, и поросшие лесом горы вокруг. Осмотревшись, я не заметила на склонах ни единого костра. Мы здесь были совсем одни.

— Иди, кассилианец. Вот сюда. — Я узнала голос человека, подталкивающего Жослена острием меча: это он в пути всеми командовал. — Дайте ему воды, — добавил он и поймал брошенный кем-то мех. — На, пей.

Жослен подчинился, но я видела в его глазах сдерживаемую ярость. Он вернул мех.

— Именем префекта кассилианского ордена, — тихо начал он, — я требую ответа: кто вы и по какому праву с нами так обращаетесь?!

Солдаты у костра захохотали.

— Именем префекта кассилианского ордена, — передразнил Жослена командир и резко ударил его по голове рукой в железном наруче. — На границе Камлаха силу имеет только орден стали, кассилианец!

С горящими ненавистью глазами Жослен выпрямился и бросил:

— Так верни мне мою сталь и испробуй ее силу!

Солдаты одобрительно заулюлюкали, но командир с сожалением покачал головой:

— Эх, парень, я бы не прочь, раз ты так озлился, что готов меня убить. Забавно было бы тебя искрошить. Но мне приказано сохранить тебе жизнь. — Он кивнул в мою сторону. — Эй, ты как, не хочешь облегчиться?

К несчастью, я хотела. Врагу не пожелаю облегчаться под присмотром вооруженного охранника. Жослена к отхожему месту сопровождали шестеро, но он мужчина и привычен к подобной компании.

Униженная, я под конвоем вернулась к костру, где получила миску тушеного мяса. Я ела молча. Молчание — первый освоенный мною навык. При Дворе Ночи, согласно обычаю, ребенок не смеет без спроса подавать голос, и у Делоне молчание тоже приветствовалось, хотя по другим причинам. Жослен последовал моему примеру и тоже за едой придерживал язык, пока командир не забрал у одного из солдат фляжку.

— Ну-ка, хлебните понемногу, — сказал он, протягивая нам посудину.

Она замерцала в свете огня. Я мигом догадалась, что в ней такой же дурман, каким нас опоила Мелисанда. Сидящий рядом со мной Жослен поднял глаза, и я почувствовала, как он напрягся.

— Нет, — спокойной ответил он, резко вскочив, бросился вперед и сумел заехать командиру по горлу ребром ладони. Тот попятился, пытаясь вдохнуть, и фляжка с тихим звоном упала на камни.

Остальные солдаты запоздало окружили кассилианца, сражавшегося без оружия. Его руки и ноги мельтешили в воздухе превосходно отработанными движениями.

Возможно, с меньшим числом противников он бы и преуспел — будь их шестеро или даже восемь. Он застал солдат врасплох. Но командир быстро восстановил дыхание и с ревом бросился в драку, ногой отбросив свой выпавший клинок, к которому уже тянулся Жослен.

— Следите за своими мечами, идиоты! Не дайте ему вооружиться!

Солдаты взяли Жослена в сжимающееся кольцо, внезапно один из них со спины врезал рукояткой кинжала по голове кассилианца так, что тот осел на колени.

Сыпля проклятиями, другой воин шагнул вперед и замахнулся мечом.

— Стойте! — Я даже не понимала, что подскочила, пока не услышала собственный крик. Солдат замер с поднятым мечом, и все они уставились на меня. Я собрала остатки поруганного достоинства, чтобы холодно произнести: — Если вы убьете кассилианца, то ответите за его смерть перед Мелисандой Шахризай. Рано или поздно, так или иначе, но неизбежно ответите. Хотите рискнуть?

Солдат поразмыслил и покосился на командира, который кивнул. Меч вернулся в ножны. После короткого обмена репликами поднятая фляжка снова оказалась в руках командира.

— Подержите его, — приказал он, и двое мужчин завели руки Жослена ему за спину.

Командир выдернул из фляжки пробку, ухватил пленника за подбородок, сунул горлышко ему в зубы и наклонил, пока другой солдат зажимал ему ноздри.

Жослен кашлял и плевался, прозрачная жидкость вытекала из уголков его рта, но сколько-то он все же проглотил. Снадобье подействовало быстро, и он ничком упал на землю.

— Свяжите ему руки за спиной, — приказал командир. — Так забот с ним будет поменьше. — Потом подошел ко мне и протянул фляжку. — Леди, надеюсь, ты поведешь себя умнее.

— Да, ми-илоррд. — Впервые на моей памяти я вложила в вежливое обращение явственный сарказм. Взяла посудину из его руки и разок глотнула.

Он забрал фляжку с дурманом и смерил меня задумчивым взглядом.

— Знаешь, не след бы тебе передо мною нос задирать. Я тебя пожалел и не отдал своим солдатам, а навряд ли там, куда тебе назначено, с тобою обойдутся так по-доброму. Леди. Если и впрямь задумано сохранить вам с монахом жизни, то способ выбран престранный, вот что я скажу.

Вот и все, что я успела услышать, прежде чем меня поглотила тьма. Уже незрячая я смутно почувствовала, как меня подняли и уложили обратно в повозку на солому, ощутила рядом обмякшее тело Жослена и словно где-то вдалеке услышала, как закручивают цепью задний бортик.

Пока я проваливалась в наркотический сон, меня вновь нагнал нежный и глубокий голос из воспоминаний — прощальные слова Мелисанды.

— Не бойся, дорогая моя, я не убью тебя, равно как не уничтожу бесподобную фреску или вазу, — мурлыкала она, пока я теряла сознание. — Но ты так много знаешь, что было бы слишком рискованно оставить тебя здесь. Думаю, там жизнь медом не покажется, но поверь, я дарю тебе лучшую возможность ее сохранить. Я даже оставлю тебе мальчишку-кассилианца и буду молиться, чтобы он сумел защитить тебя лучше, чем до сих пор. — Ее пальцы запутались в моих волосах, ласковые и жестокие. — А когда все закончится, если ты выживешь, я тебя разыщу. Это я тебе обещаю, Федра.

Элуа да поможет мне, но тогда — даже тогда! — я отчасти надеялась, что она сдержит слово.

Двор Ночи научил меня служить, а Делоне — думать, но именно Мелисанде Шахризай я обязана умением ненавидеть.

Из дальнейшего пути я помню совсем немного. Не желая больше рисковать, камаэлиты держали нас в повозке, опаивая зельем, и позволяли вернуться в сознание лишь затем, чтобы поесть, попить и облегчиться. Из-за усилившейся тряски я поняла, что дорога стала хуже, а по крену повозки и ругательствам солдат догадалась, когда мы въехали в горы. Продвижение на север давало себя знать холодом, пронизывающим до костей и днем, и ночью, даже в моих отравленных, запятнанных кровью снах.

Но я не была уверена, куда мы держим путь, пока шатающихся и подслеповато щурящихся на солнце нас не выпустили на снежную равнину за Камаэльским хребтом.

Восемь мужчин, ошестившиеся сталью и укутанные в шкуры, сидели полукругом на высоких мохнатых лошадях и смотрели на нас. Один из них — с бронзового цвета повязкой на соломенных волосах и роскошными усами — бросил командиру камаэлитов грязный кожаный мешок, звякнувший монетами, и что-то сказал на гортанном языке. Жослен приоткрыл рот и нахмурился, силясь уловить, что происходит.

Я же все поняла: говорили на скальдийском.

Северный варвар только что заплатил цену за двух ангелийских рабов.

Судя по быстроте, с которой свершился обмен товара на деньги, сделка была оговорена заранее. Монеты в мешке пересчитали, после чего командир камаэлитов рассек пути на запястьях Жослена и приказал солдату принести наши вещи. Тот швырнул на землю перевязанный сверток, из которого торчала рукоять меча кассилианца. А потом наши конвоиры разом развернули коней и устремились к горной тропе. Замыкающий бдительно оглядывался на скальдов, которые равнодушно наблюдали за отбытием ангелийцев.

Жослен перенес внимание со скачущих прочь солдат на бесстрастных северных варваров, а затем ошеломленно посмотрел на меня.

— Что происходит? — наконец спросил он. — Ты понимаешь, что это было?

— Да. — Я стояла по щиколотку в снегу, ежась под ярким солнцем. Небо над головой слепило ледяной голубизной. — Камаэлиты только что продали нас скальдам в рабство.

Хоть Жослен был не мастак отгадывать загадки, действовал он всегда стремительно. Слова только сорвались с моих губ, а он уже несся к свертку с мечом, взрывая снег.

Предводитель скальдов разразился хохотом и окрикнул своих людей. Один из них пришпорил мохнатого коня и рванул наперерез Жослену, который шустро увернулся. Другой варвар вытащил короткое копьё и проскакал мимо тючка, нарушив снежную целину, на ходу он наклонился и ловко подцепил сверток на острие. Жослен устремился к нему, но скальд, взмахнув копьём, кинул наши пожитки товарищу.

Смеющиеся варвары, раскрасневшиеся и веселые, окружили кассилианца и принялись перебрасывать друг другу сверток. Жослен безнадежно метался между ними, увязая в снегу. Вожак скальдов сидел поодаль, ощерив в улыбке крепкие белые зубы, и наблюдал за жестокой игрой. Неужели камаэлиты развязали руки Жослену, наперед зная, что за этим последует?

Это издевательство было еще хуже, чем забавы Шиповников в Сенях Ночи, но я терпела до последнего, прежде чем выдать наше единственное преимущество.

— Оставьте его! — крикнула я вожаку на скальдийском, и мой голос разнесся над снежной равниной. — Он не понимает.

Желтые брови скальда приподнялись, но ничем иным он удивления не выказал. Жослен же, со своей стороны, прекратил бесплодные попытки завладеть оружием и устоял на меня так, словно внезапно на моем лбу раскрылся третий глаз. Вожак небрежно махнул своим людям, подъехал ко мне поближе и посмотрел сверху вниз. Его глаза оказались светло-серыми и неожиданно пронизательными.

— Люди Кильберхаара утаили, что ты говоришь на нашем языке, — сказал он.

— Они сами того не знали, — ответила я по-скальдийски, изо всех сил стараясь смотреть твердо, хотя меня била дрожь. «Кильберхаар — среброволосый», — перевела я про себя и вспомнила блестящие изморозные волосы Исидора д'Эгльмора. — Они много чего не знают.

Варвар запрокинул голову и расхохотался.

— Истинная правда, ангелийка! Говоришь, твой товарищ не понимает. А ты? Что ты сумела понять?

По-прежнему не сводя с него глаз, я опустила на колени прямо в снег, так грациозно, насколько позволили замерзшие ноги.



— Я понимаю, что стала вашей рабыней, милорд.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул он и крикнул одному из своих людей: — Харальд! Дай моей рабыне накидку! Эти ангелийцы все задохлики, а я не хочу, чтобы она окоченела насмерть, не успев согреть мою постель!

Варвары снова разразились смехом, но меня это не задело; зато юноша с едва пробивающимися усами, ухмыляясь, подъехал ближе и кинул мне накидку из волчьих шкур. Я закуталась в нее и заледеневшими пальцами застегнула фибулу.

— Водянистая кровь, — заметил мой скальдский хозяин, — хотя, говорят, иногда вскипает. — Он подхватил меня мускулистой рукой и усадил в седло позади себя. — Поедешь со мной, малютка. Я Гюнтер Арнлаугсон. Скажи мальчишке, чтобы не валял дурака.

Гюнтер развернул коня, оказавшись боком ко все еще плящущему на меня кассилианцу.

— Жослен, не сопротивляйся, смирись, — прошелестела я, перестукивая зубами от холода. — Просто так они нас не убьют — слишком дорого заплатили. Скальды ценят своих рабов.

— Нет. — Голубые глаза Жослена полыхнули яростью, ноздри раздулись. — Я подвел тебя с Мелисандой Шахризай, я подвел тебя с людьми д'Эгльмора, но клянусь, Федра, здесь и сейчас я сработаю как надо! Не проси меня предать мои обеты! — Он заговорил тише: — Меч скальда у тебя под рукой. Достань его для меня, и, клянусь, я вытащу нас отсюда.

Я не стала смотреть — и так чувствовала обмотанную кожей рукоять, торчащую из ножен рядом с моим левым локтем. Жослен был прав, достать меч не составило бы мне труда.

Но мы с ним были одни посреди чужой ледяной пустыни. И для начала, даже вооруженному, кассилианцу пришлось бы противостоять восьмерым конным скальдам, закаленным в боях.

— Я всю жизнь провела в служении, — тихо ответила я, — и не хочу умирать ради твоих обетов. — Затем коснулась плеча Гюнтера. Скальд обернулся, и я покачала головой. — Он слишком гордый, — перешла я на скальдский. — Так просто не покорится.

Сощутив пронизательные серые глаза, мой хозяин кивнул и крикнул своим людям:

— Ведите его! — и со смехом добавил: — Только смотрите, чтобы он не поранился о ваши копыта!

Жосленом занялись все семеро, и я заставила себя на это смотреть.

Думаю, тогда кассилианец впервые впал в настоящую бойцовскую ярость. Он сражался как демон, пылающий гневом, и какое-то время я не видела ничего, кроме мелькающих между лошадьми рук и ног. Ему удалось завладеть коротким копьём, и какое-то время он удерживал скальдов на расстоянии, тыча в них острием. Если бы ему досталось более знакомое оружие... даже не знаю. Теперь нет смысла гадать.

— Надо же, выглядит как девчонка, — заметил Гюнтер, и в его глазах зажегся интерес, — а бьется как мужчина. Как двое мужчин!

— Он из ордена кассилианцев. Его с самого детства обучали искусству боя, — сказала я на ухо скальду. — Ангелийцы взяли его обманом и предали по приказу того человека, которого вы зовете Кильберхааром. Подружитесь с кассилианцем, и он, скорее всего, будет сражаться против Кильберхаара на вашей стороне.

Я рисковала. Гюнтер внимательно оглядел меня, обдумывая предложение.

— Кильберхаар наш союзник, — сказал он. — Честно платит нам золотом за набеги на

ваши села.

Горькая правда пронзила меня словно ножом, но я сдержалась и ничем себя не выдала.

— Предавший однажды, предаст не единожды. Лучше враг на пороге, чем предатель под боком, тот коли не предаст, так даром отдаст, — нараспев произнесла я, про себя коротко возблагодарив учителя за бесконечные часы, проведенные за переводом скальдской поэзии.

Варвар не ответил, и я замолчала, давая ему возможность обдумать мои слова. Люди Гюнтера, половина которых уже спешили, наконец сумели подмять под себя брыкающегося Жослена, отобрали у него копье и уложили лицом в снег.

— Что с ним делать? — крикнул кто-то из них.

Гюнтер на секунду задумался, а затем велел:

— Свяжите ему руки, и пусть бежит за твоей лошастью, Вили! Пока доедем до хутора, волчонок слишком устанет, чтобы кусаться.

И совсем скоро мы отправились в путь под безоблачно-голубым небом. Я неуклюже цеплялась за Гюнтера, испытывая жалкую благодарность за меховую накидку и за плотную фигуру, заслоняющую меня от ветра, и старалась лишней раз не оглядываться на Жослена. Его руки связали спереди и длинным поводом прикрепили к седлу, таким образом заставив кассилианца бежать за лошастью. Он увязал в снегу, иногда падал, и его тащило волоком, пока скальд не останавливался, позволяя пленнику встать. Жослен тяжело дышал паром, его лицо покраснелось от мороза, но глаза излучали кристальную ледяную ненависть ко всему и всем вокруг.

Включая меня.

«Ненавидь меня, но живи, кассилианец», — думала я.

Уже в сумерках мы добрались до хутора; наши тени, длинные и черные, лизали снег впереди. Гюнтер по дороге сложил долгую песню о том, как перехитрил Кильберхаара и пленил ангельского принца-воина и его молодую жену. Скальд с таким удовольствием воспевал свой подвиг, что я не решилась упрекнуть его в некотором преувеличении. К тому времени я настолько замерзла, что едва могла думать, не то что говорить.

Поселение представляло собой несколько приземистых домиков и большой чертог, двери которого распахнулись при нашем приближении и выпустили группу мужчин и женщин, которые высыпали на улицу и громко нас приветствовали. Сияющий Гюнтер соскочил с коня, и огни из чертога заиграли на кожаной повязке, стягивающей его волосы. Он стащил меня с седла, поставил на землю и подтолкнул к встречающим.

— Гляньте, вот моя новая наложница! — пророкотал он. — Красотка, а?

В меня мигом вцепились чьи-то руки, ощупывая и исследуя; вокруг я видела слишком много румяных и небритых лиц. Я вырвалась из окружения и искала взглядом Жослена.

Он упал на колени подле лошади, за которой вся дорогу бежал, — усталость сбила его с ног и принудила к покорности, как не трудно это представить. Кстати, кто бы ни приписывал кассилианцам смирение и кротость, он лжет как сивый мерин. Грудь Жослена ходила ходуном, тугой узел волос на затылке рассыпался, пряди заиндевели, но сквозь заслонившие лицо ледяные космы он пронзил меня яростным взглядом.

— Жослен, — прошептала я, беря его холодное лицо в ладони. Он отшатнулся и плюнул в меня. Я почувствовала на плечах руки Гюнтера, оттаскивающие меня прочь, и в следующую секунду оказалась у него под мышкой.

— А гляньте вот на него! — радостно воскликнул он. — Ну прямо настоящий волчонок!

Пусть переночует с собаками, а?

Желающих пособачить кассилианца набралось в избытке. Смеясь и гортанно восклицая, несколько парней потащили его прочь; я лишь надеялась, что поволокли его на псарню. А Гюнтер снова меня развернул и втолкнул в теплый чертог.

— Постыдился бы, Гюнтер Арнлаугсон! — воскликнула статная женщина, в которую я врезалась, как лодка в прибрежную скалу. Она была молодой и по меркам скальдов довольно красивой, с выбеленными солнцем волосами и ясными голубыми глазами. Я неуклюже попятилась, а она уперла руки в боки и прищурилась. — У бедняжки зуб на зуб не попадает от холода и страха, а у тебя только постель на уме! Неудивительно, что ты до сих пор не нашел свободной женщины, которая согласилась бы согреть твое ложе по доброй воле!

Смех эхом прокатился под потолком, мой суровый хозяин-скальд потупился, переступил с ноги на ногу и с нахальной улыбкой ответил:

— Хедвиг, милая, так ты же сама отправила меня разбойничать на ангелийской границе, когда не согласилась стать моей! Уж не знаю, оценит ли мои достоинства эта малышка, но ты еще пожалеешь, что упустила такого молодца как я!

— Только не сегодня, — отрезала женщина. — Миска горячего супа, да место у огня — вот и все, что ты сейчас оценишь, так, детка? — ласково спросила она меня.

— Она из варваров, Хедвиг, и не понимает ни слова, — добродушно сказал кто-то из толпы.

— Нет, я понимаю, — отозвалась я на скальдском, пытаюсь говорить громче. Все еще дрожа под волчьей шкурой, я опустилась на колени, взяла огрубевшую от работы ладонь женщины и поцеловала ее. — Спасибо, госпожа.

Смущенная Хедвиг отдернула руку.

— О боги, тут у нас такого не принято! Мы не изверги какие-нибудь и не заставляем рабов ползать на коленях!

«Гюнтер, однако, об этом умолчал», — подумала я, вставая, и мысленно сделала себе пометку на будущее. Хлопнув в ладоши, скальдйка велела налить мне горячего и дать сесть поближе к очагу. Кто-то заворчал, но приказ был исполнен.

Я слишком ослабла, чтобы возражать, и дальше раболепствуя, даже если бы хотела. Заняла место у огня, и его жар постепенно растопил лед, сковывавший мои кости. Краем глаза я наблюдала за Гюнтером, который на полголовы возвышался над остальными мужчинами. Скальд вдохновенно хвастался перед соплеменниками.

Только позже я узнала объяснение тому, что увидела, хотя могла бы сразу догадаться. Отец Хедвиг был главою хутора, пока не скончался. Гюнтер мечом доказал свое право на его место, но пока что не сумел завоевать сердце Хедвиг, а соплеменники до сих пор подчинялись ей по старой памяти об ее отце.

Я не питаю особой любви к скальдам — да и как такое возможно после всего, что они сотворили с моей родиной, навсегда оставшейся частью меня? — но и ненависти к ним тоже не испытываю. В скальдском плену я повидала истинную доброту. Да, там я на собственной шкуре познала и жестокость, но ровно ту же, что они проявляли по отношению друг к другу, поскольку их культура сурова и воинственна. Но есть в ней и своеобразная красота — рожденная кровью и железом, но, как я сама убедилась, не лишенная сострадания и жертвенности.

Празднуя, скальды много пили, а в ту ночь они определенно что-то отмечали. Медовуха текла рекой, собравшиеся пели, дрались и без умолку хохотали. Никто не следил за мною, и,

захоти я ускользнуть, думаю, это удалось бы без труда. Но куда мне было идти? Я слишком ослабела и намерзлась, чтобы бежать в бескрайнюю снежную пустошь чужой земли. В голову пришло найти Жослена, освободить его и попытаться улизнуть вместе, но при этой мысли меня до костей пробрал холод.

И я осталась сидеть у очага, пока мои новые хозяева-скальды горланили, похвалялись и наливались хмельным. В пламени я видела Жослена, мерзнущего на улице, и вдруг чья-то рука потербила меня за плечо и, открыв глаза, я поняла, что задремала. Добрая Хедвиг отвела меня в свою комнату, угрожающе поглядывая на веселящегося Гюнтера. Рядом со своей постелью она бросила охапку соломы и два одеяла сверху, я по-собачьи свернулась на этой лежанке и мигом провалилась в сон безо всякого дурмана.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)

---

---

notes



**Коттаб** — популярная в Древней Греции (V–IV вв. до н. э.) игра. Соревнование на меткость, которым развлекались древнегреческие мужчины на симпозиях. Играющие в коттаб пытались лёжа попасть остатками вина из своих чаш в цель — металлическую чашу, коттабий. Вино должно было лететь по наиболее крутой траектории, не проливаться мимо коттабия и при попадании издать отчётливый звук.